
СВЯТИТЕЛЬ
ФЕОФАН ЗАТВОРНИК
Толкования
Посланий
апостола Павла
К КОЛОССЯНАМ,
К ФИЛИППИЙЦАМ

Духовное наследие
святителя Феофана Затворника

СВЯТИТЕЛЬ

ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

Толкования Посланий апостола Павла

К КОЛОССЯНАМ, К ФИЛИППИЙЦАМ

Москва 2005

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Данный том составили Толкования святителя Феофана Затворника Посланий святого апостола Павла к Колоссянам и к Филиппийцам.

В Толковании Послания к Колоссянам Святитель изъясняет читателю, что «тело Церкви» есть «совокупность восстановленного человечества», а Господь наш Иисус Христос есть *начаток* восстановленного человечества, и, «силою домостроительства Его», верующие «восстанавливаются, прилепляясь к Нему верою». Святитель поучает и о том, что Сын Божий примирил человека с Богом, *Кровию креста* Своего, «*умиротворив* земное и небесное».

И этих даров: «восстановления» и примирения с Богом — сподобимся и мы, «если» соблюдаем «веру крепкую и упование неподвижное». Ну а «если не все войдут в тело» Церкви, то «не оно виновно», а те, кто не узнал должное о Господе или не захотел жить по Его заповедям.

Святитель специально обращает внимание читателя и на те места Послания, в которых Апостол говорит о лжемудрствованиях, столь, кстати, распространенных и в наши дни. И тогда, и сейчас верующих прельщали и прельщают «преданиями человеческими и философиею». Но *никто да не обольщает самовольным смиренномудрием, безрассудно надмеваясь плотским своим умом* (ср.: Кол. 2, 18)!

В Толковании Послания к Филиппийцам Святитель особо нацеливает читателя на устремление *к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе* (Флп. 3, 14), то есть на стремление к полному преобразованию человека по образу Христа, в надежде на силу Его, ибо все мы граждане «вышнего Иерусалима».

Размышляет Святитель и о должном мировосприятии христианина, последуя словам Апостола: *радуйтесь всегда в Господе* (Флп. 4, 4), радуйтесь «тому, что вы христиане, что грехи ваши прощены» Господней жертвой и верой вашей в Него, радуйтесь, «что имеете благодать Святаго Духа» и что *мир Божий соблюдает сердца ваши* (ср.: Флп. 4, 7).

К словам, затруднительным для понимания, редакцией даны примечания. В угловых скобках текст от редакции.

Впервые публикуется полностью раскрытое и выверенное «Содержание» Толкований.

ПОСЛАНИЕ
К КОЛОССЯНАМ,
ИСТОЛКОВАННОЕ
СВЯТИТЕЛЕМ
ФЕОФАНОМ

ВВЕДЕНИЕ

1) Сведения о христианском в Колоссах обществе

Колоссы — фригийский город (в Малой Азии) на реке Лике, недалеко от впадения ее в Меандр. Древние историки называют его городом большим и богатым. В средние века он стал называться — Хоны; ныне — местечко. В соседстве с ним близком находились города Иераполь и Лаодикия.

Вера колоссян в Господа Спасителя — от апостола Павла; но, вероятно, не непосредственно, а чрез учеников его. Видится, что сначала обращен был святым Павлом Епафрас, за ним Филимон с семейством своим; а они потом распространили святую веру не в Колоссах только, но и в Иераполе с Лаодикиею.

Колоссы находились в постоянных торговых сношениях с Ефесом. Посему можно полагать, что означенные лица обращены святым Павлом в этом городе, если не в какой-либо из двукратных переходов его чрез Фригию. Епафрас, можно полагать, обращен пораньше других и, пребывая при святом Павле, получил от него полное наставление в предметах веры, так что почтен способным и иных научать. Когда потом обращен был Филимон и возвращался восвояси, то Апостол не

усумнился послать с ним в те страны Епафраса и поручить ему там проповедь Евангелия,— что он и исполнил и за что именуется от святого Павла *соработником* (ср.: Кол. 1, 7)*. Филимоново семейство помогало ему в этом. Посему в Послании к Филимону Апостол называет Филимона споспешником своим, а Архиппа, сына его,— *совоинственником* (ср.: Флм. 1, 2).

Распространив веру, они и блюли ее. У Филимона в доме бывали общие собрания верующих, и Архипп управлял ими, ибо Апостол пишет о нем в конце Послания: *рцыте Архиппу: блюди служение, еже приял еси о Господе, да совершиши е* (ср.: Кол. 4, 17). Епафрас же наблюдал за всеми тремя городами, переходя из одного в другой и всех утверждая в вере и жизни по вере. Об этом он имел *многу ревность и болезнь и всегда подвизался в молитвах* (ср.: Кол. 4, 12—13). Бог благословил труды его и сотрудников его, и святой Павел о колоссянах свидетельствует, что у них и вера процветала, и жизнь была свята, и все порядки, по делу веры и благочестия, были

* Во введениях к Толкованиям отсылки к Писанию даются по общепринятому принципу: сокращенное название книги Писания, порядковый номер главы, порядковый номер стиха. В основном тексте Толкований отсылки к комментируемому Посланию даются без указания его названия, отсылки к другим книгам Писания даются по общепринятому принципу. Славянский текст Посланий приводится в редакции Святителя.— *Ред.*

прекрасны (см.: Кол. 2, 5). Вероятно, таковы же были и лаодикийцы с иерапольцами.

Был ли святой Павел сам в тех местах или нет, с решительностию нельзя утверждать ни того ни другого. Которые говорят, что не был и не видел лично тамошних христиан, основываются на том, что святой Павел о вере их сказал: *слышавше веру вашу* (Кол. 1, 4), и на том, что написал: *подвиг имам о вас и о сущих в Лаодикии, и во Иераполи, и елицы не видеша лица моего во плоти* (ср.: Кол. 2, 1). Но ни то ни другое не дает решительного основания утверждать то, что хотят тем утвердить. *Слышавше веру*, и о Филимоне написал святой Павел (см.: Флм. 1, 5); между тем ниже говорит ему: *сам себе ми еси должен* (Флм. 1, 19). Почему надо полагать, что и там и здесь Апостол хотел сказать, что слышал о состоянии их веры, а не о том, что начали веровать. Епафрас рассказал ему, в каком хорошем состоянии находится у колоссян вера и жизнь по вере; Апостол и благодарит за это Бога; а что они веровали, это он мог видеть своими глазами. Равно и из того места, где говорится о не видевших лица Апостола, нельзя прямо заключить, что его не видели и колоссяне с соседями своими. Место сие читается так: *хощу вас ведети, колик подвиг имам о вас и о сущих в Лаодикии, и во Иераполи, и елицы не видеша лица моего во плоти* (ср.: Кол. 2, 1). Его можно и так понимать:

подвиг имею не только о вас, но и о всех, которые не видели лица моего; и так: подвиг имею как о вас, так и о тех, которые не видели лица моего. По первому будет следовать, что и колоссяне с соседями не видели лица Апостола, а по второму, — что видели. И нельзя не сказать, что последнее следствие прямее. Так признает сие блаженный Феодорит*. Место сие, по нему, имеет такой смысл: «не о вас только великое попечение имею, но и о не видевших меня». — Иные хотят доказать небытие святого Павла в Колоссах и соседних городах тем, что в книге Деяний дважды говорится, что Апостол проходил Фригию, во второе и третье свое путешествие; но ни однажды не поминается, что останавливался там с проповедию. Но в Деяниях не замечается и о Галатии, что святой Павел, проходя ее, останавливался там с проповедию; а между тем в Послании к Галатам он прямо говорит, что они от него научены вере. И блаженный Феодорит из того, что в книге Деяний поминается о проходе святого Павла чрез Фригию, выводит заключение, что он и веру насадил в ней, — и именно в тех местах, о коих у нас речь: ибо, говорит, Лаодикия — главный город Фригии, а Колоссы (с Иераполем) — в близком к ней соседстве. Если, направляясь в Ефес в третье свое путешествие, святой

* *Блаженный Феодорит Кирский († ок. 457)* — учитель Церкви. — *Ред.*

Павел посетил Церкви, насажденные в первое его путешествие, то не мог миновать именно этих городов: они на пути из Иконии в Ефес. – Ничто не мешало ему в них остановиться. Но пусть не останавливался; он мог побывать у них из Ефеса. По дороге не останавливался; но, когда в Ефесе обратились Епафрас с Филимоном и насадили потом веру в своем и соседних городах, тогда и святой Павел побывал у них: и недалеко, и сообщение удобно. – Говорится, что веру колоссяне уведали от Епафраса (см.: Кол. 1, 7). Так и предполагается, что Епафрас насадил веру, а святой Павел мог посетить те города, когда вера уже распространилась в них.

Итак, ни одно из предлагаемых оснований не дает решительного заключения о небытии святого Павла в Колоссах и соседних городах. На это может наводить только то, что в Послании никакого на это не делается указания. Если б видел их святой Павел, то как-нибудь намекнул бы об этом в Послании. Можно видеть намек в следующих словах: *ей же* (Церкви) *бых аз служитель по смотрению Божию, данному мне в вас исполнити слово Божие* (ср.: Кол. 1, 25); но этот намек нельзя счесть определенным, потому что под: *в вас* – можно разуметь язычников вообще. – И вообще тон речи всего Послания скорее идет к не видевшему колоссян, чем к видевшему их.

На чем же остановиться? Остановимся на вероятности: кажется, — не был, а может быть, и был. Блаженный Феодорит, утверждающий, что святой Павел был в тех местах и сам насадил там веру, заключает свои о том наведения* так: «впрочем, пусть разумеют это, как кому угодно, потому что говорить так или иначе (о сем) не составляет различия в догматах». Так и нам можно поступить. Впрочем, другие наши толковники полагают, что святой Павел не видел колоссян.

2) Повод к написанию Послания

Вера верующих колоссян и соседей их была в хорошем состоянии; но ей угрожала опасность от каких-то лжеучителей. Епафрас, не надеясь или видя свое бессилие защитить от них свою паству, прибег за помощию к святому Павлу, учителю своему, когда он находился в узах, вероятно в Риме. Узнав о такой опасности тамошних христиан, Апостол пишет Послание к Колоссаем, а чрез них и ко всем соседям их (см.: Кол. 4, 16).

Какие это были лжеучители и какое лжеучение, неясно видно. Прочитаем о сем места Послания и сделаем из них возможные наведения.

Пишет святой Павел: *да никтоже вас прельстит в словопрении*, ἐν πιθανολογίᾳ, — вкрадчивыми словами (см.: Кол. 2, 4). Тут указывается

---

* *Наведения* — здесь: умозаключения, размышления. — *Ред.*

только на общий прием лжеучителей — прикрывать ложь краснословием и хитрословием.

Далее читаем: *блюдитеся, да никтоже вас будет прельщая философиею и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе* (ср.: Кол. 2, 8). Из этого видно, что было какое-то несогласное с верою философствование, которое считало себя идущим из далекой старины по человеческому преданию, как было, например, у тогдашних каббалистов, теософов, теургиков*, и в котором давалось выдающееся значение стихиям мира, может быть, как орудиям к общению с духами, о чем ниже поминается у Апостола, подобно тому, как было это у звездочетов, волхвов и духовызывателей, похожих на нынешних спиритов.

Потом говорится: *да никтоже вас осуждает о ядении или питии, или о части праздника, или о новомесячиих, или о субботах* (ср.: Кол. 2, 16). Видно, что лжеучители были из иудеев, державшихся постановлений своего закона о пище и праздниках, также и об обрезании и о всем прочем, чем дорожил иудей, как можно заключать из предшествовавшей речи Апостола (см.: Кол. 2, 11—15).

---

* *Каббалисты* — приверженцы мистической секты иудаизма; *теософы* — приверженцы мистицизма; *теургики* — приверженцы мнимого искусства входить в общение с духами. — *Ред.*

Затем: *никтоже вас да прельщает изволенным ему смиренномудрием и службою Ангелов... дмяся от ума плоти своея, а не держа главы* (ср.: Кол. 2, 18—19). Здесь можно видеть зародыш учения о посредствующих между сокровенным Божеством и видимыми тварями силах, какое потом развилось в целую систему у гностиков*. С этими силами,— невидимыми духами, думали посредством, может быть, курений или другого чего, подобно нынешним столам**, входить в общение и этим, как каким служением, или совсем ограничивать удовлетворение своих религиозных потребностей, или пользоваться как средством к общению с Богом помимо Христа Господа. Такое мудрование свое они почитали верхом мудрости и, надымаясь им, с презрением относились к христианскому учению, хотя внешно держали смиренный вид.

Наконец, в 20—23-м стихах той же главы, после: *не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи*,— поминается и о непощадении тела вообще. Это какое-то строгое житие, не в должном духе держимое и не как должно направляемое, как, например, у наших духоборцев и хлыстов***, и

* *Гностики* — приверженцы псевдохристианской секты.— *Ред.*

** Здесь речь идет о модном увлечении «просвещенного общества» второй половины XIX века: «общении с духами» посредством столоверчения.— *Ред.*

*** *Духоборцы и хлысты* — приверженцы русских псевдохристианских сект.— *Ред.*

потому укорное, по причине примеси к нему суеверия.

Сводя воедино все показанные черты подкрадывавшегося к колоссянам лжеучения, заключаем, что это была какая-то смесь иудейства с суевериями восточными и с суевериями еллинского язычества, имевшая точки соприкосновения и с христианством и чрез то могшая иметь доступ к христианам, не в пользу, однако ж, веры Христовой, а на разорение ее. Видно, что к тому времени, как писано Послание, лжеучение это еще не сформировалось в систему, но уже ясно обнаружило, что идет совершенно против христианской истины. Оно установляло сближение человека с Богом помимо Христа Господа, каким-то образом чрез Ангелов, с участием стихий и телесных лишений. А это явно испраздняло крест Христов. Так изображают сие лжеучение наши толковники. Феофилакт* пишет: «к колоссянам стало проникать какое-то нечестивое учение, в коем полагалось, что не чрез Сына Божия, а чрез Ангелов имеем мы приведение к Богу». Дополняет сие Амвросиаст**: «лжеучители те покушались развратить простоту веры колоссян философскими какими-то мудрованиями, в коих внушалось,

---

* *Блаженный Феофилакт Болгарский († после 1085)* — учитель Церкви. — *Ред.*

** *Амвросиаст († IV)* — предполагаемый автор латинских Комментариев на Послания апостола Павла. — *Ред.*

между прочим, с уважением смотреть и на стихии мира, так как ими якобы управляется жизнь человеческая. Посему Апостол предостерегает колоссян Посланием, чтоб не допускали себя прельститься, будто можно на ком-либо или на чем-либо, кроме Христа Господа, опираться упованием своим».

3) Содержание и цель Послания

Так как частные пункты лжеучения не были ясны, ясно же было только то, что оно могло отклонять от Христа Господа; то святой Павел и не опровергает подробно этих частностей, хотя поминает о них в общих чертах, а вооружается против одного главного пункта, — того, что хотят к Богу прийти и спастись помимо Христа Господа. Посему, начертав Божеское властвование Христа Господа над всем сущим и образ нашего с Богом воссоединения в Нем единственно (см.: Кол. 1, 12—23), он в опровержение лжеучения обще говорит: что вам обещает это лжеучение и все, что может еще обещать, все то вы имеете уже во Христе Спасителе, — наивернейшим образом и в совершеннейшем виде. Нечего потому вам открывать ушей своих для этого хитрословесия. Стойте твердо в принятом, и будете избыточествовать всяким благом духовным (см.: Кол. 2). Из этого главного положения, — что в Боге живот наш сокровен со Христом Господом, святой

Павел выводит потом и свои уроки о достодолжной жизни.

И самые указания Апостола, и тон речи его ясно показывают, что лжеучение еще не принято верующими, а только слышится ими. Посему Апостол лишь предостерегает: смотрите, не прельститесь хитрословесием этих мудрецов. Можно допустить, что некоторые христиане входили с ними в состязание, как показывает укор: *почто аки живуще в мире стязаетеся?* (Кол. 2, 20). — Что стязаетеся, δογματίζεσθε, — может значить и: что позволяете оглашать себя такими догматами? и: что пускаетесь в рассуждения о таких догматах? Как только услышали нелепое учение, так следовало вам и отвратить слух свой от него. А вы слушаете и еще в спор и рассуждение вступаете. Спорить нечего: дело ясное, что помимо Господа Спасителя ничего не получишь. — Только и видно, а чтобы кто склонился уже на лжеучение, не видно. Тогда у Апостола совсем другая была бы речь. — Цель Послания была лишь предостеречь от уклонения в ложь.

4) Время и место написания

Несомненно только то, что Послание писано в узах. Но в Риме или в Кесарии? Вероятнее в Риме, прежде Послания к Филиппийцам и вместе с Посланием к Филимону. Чтобы в это же время было написано и Послание к Ефесеям, нельзя

думать, по причине разности в приветствиях и поклонах. К Ефесеям Послание писано из Кесарии. Тихик, отнесши его по назначению, мог прибыть в Рим своею дорогою. С ним могли прибыть туда святой Тимофей, Лука, Марк, даже и Епафрас, и другие поминаемые в конце Послания. Сходство Послания к Колоссаем с Посланием к Ефесеям зависит от одинаковости предмета, а не от одновременности написания их. — Итак, писано Послание к Колоссаем из Рима в 61-м или 62 году, в начале пребывания там святого Павла, — «при начале уз в Риме» (святой Златоуст*), и послано с Тихиком, которого сопровождал Онисим, несший другое Послание — к Филимону.

5) Разделение

Послание имеет обычные святому Павлу — *предисловие* (Кол. 1, 1—11) — *и послесловие* (Кол. 4, 7—18), — между которыми помещаются *вероучительная* (Кол. 1, 12—2, 23), — и *нравоучительная* (Кол. 3—4, 6) части. Более подробные подразделения будут идти в ряд с Толкованием.

---

* *Святитель Иоанн Златоуст (†407).* — Отец Церкви. — *Ред.*

ТОЛКОВАНИЕ

ПОСЛАНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

К КОЛОССЯНАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ (1, 1—11)

а) Надписание с приветствием (1, 1—3)

Глава 1, стихи 1 – 2. *Павел Апостол Иисус Христов волею Божиею, и Тимофей брат, сущим в Колоссаех святым и верным братиям о Христе Иисусе.*

Все употребленные здесь Апостолом термины обычны ему. Но в приложении к колоссянам каждый из них получает особый некий оттенок мысли. – *Апостол Иисус Христов волею Божиею.* По воле Бога, я — Апостол Иисуса Христа. Это по единству воли

Предисловие составляют: а) надписание с приветствием (1, 1 – 3) и: б) начало Послания (1, 3 – 11).

Бога Отца и Господа Иисуса Христа; а это единство потому, что *вся, елика имать Отец, Моя суть* (Ин. 16, 15), — говорит Господь. Если такова нераздельность Господа Иисуса Христа и Бога Отца, то какое еще помимо Господа может быть для нас лучшее посредство для доступа ко Отцу? «Так Апостол с первых же слов подсекает мудрование лжеучителей» (блаженный Феофилакт). И другое еще внушает сим святой Павел. Он говорит как бы: я Апостол Иисус-Христов и волею Божиею; а те откуда? Если я *волею Божиею* Апостол; то и учу, открывая прямую волю Божию. Меня и слушайте, а не тех, кои вам толкуют, иное по преданию человеческому, иное по своему мудрованию. И опять, если вы ищете пути к Богу, а его нельзя верно узнать иначе, как по откровению воли Божией; то держитесь того пути, который мною вам возвещен и на который вы вступили. Какой же это путь? Господь Иисус Христос; помимо Его все распутия. Блаженный Феодорит пишет: «святой Павел присовокупил: *волею Божиею*, — научая тем, что возвещаемое им угодно Богу и Отцу». Дополняет сию мысль блаженный Феофилакт: «если я *волею Божиею Апостол*, то явно, что проповедую истину. Что же именно? То, что к Богу Отцу имеем мы доступ чрез Сына, а не чрез Ангелов и что Им освобождены мы от всех обычаев, и иудейских, и языческих».

И Тимофей брат — брат не по христианству только, но паче по сотрудничеству и соапостольству, хотя подначальному и подруководственному; по христианству же он ему сын. «Выходит, и он был Апостол», — говорит святой Златоуст. Если святой Павел ставит его имя, пиша к колоссянам, то «вероятно, что святые в Колоссах знали и его» (святой Златоуст).

Сущим в Колоссаех святым. — Святым — то же, что христианам: ибо, по Апостолу, христиане непременно должны быть святы; и которые не святы, те, должно быть, суть не истинные христиане. Святых на свете только и есть, что истинные христиане. Следовательно, кто чает соделаться святым помимо христианства, тот суетную питает надежду.

И верным братиям о Христе Иисусе. И верным о Христе Иисусе, и братиям о Христе Иисусе. Ибо если они верны, то только силою Иисус-Христовою; и если братия, то только потому, что во единой утробе купели крещения и единым Духом отрождены, и во единого Господа Иисуса Христа облечены. «Как, скажи мне, ты сделался святым? Не потому ли, что освятился смертию Христа (в купели)? Почему ты называешься верным? Не оттого ли, что веруешь во Христа? Как ты стал братом? В силу ли каких-либо дел или добродетелей? Никак нет, но о Христе Иисусе. Так как же вы приписываете Ан-

гелам то, что мы имеем доступ ко Отцу?» (святой Златоуст и блаженный Феодорит).

Святой Златоуст, а за ним и блаженный Феофилакт выставляют на вид особое некое значение слова: *верный*, — которое если приходило на мысль колоссянам при чтении его, то давало очень чувствительное внушение. «Верными мы называемся не потому только, что веруем, но и потому, что Бог вверил нам тайны, которых прежде нас и Ангелы не знали» (святой Златоуст). Они и вам вверены. Чего ради? Того ради, что вы сочтены достойными доверия. «Тот сам есть и виновник того, что вам вверено, кто сделал вас достойными доверия» (святой Златоуст). Окажите же себя и на деле таковыми, соблюдите тайны веры неповрежденными. Ангелов же не следует сюда приводить; ибо то, что вы получили и имеете, выше их силы; разве только вздумаете, оставя большее и надежное, ухватиться за меньшее и ненадежное.

Святой Павел хотя не сказал: Церкви Божией, а просто: *святым и братиям верным*; однако ж это не означает, чтобы в Колоссах верующие не были назданы* в Церковь святую о Господе. Там Епафрас, апостольский соработник (см.: 1, 7); там Архипп, приявший служение о Господе (см.: 4, 17), и благоустроенное братство верующих (см.:

---

* *Назданы* — здесь: утверждены. — *Ред.*

2, 5). В этом тем менее можно сомневаться, что лаодикияне названы Церковию (см.: 4, 11).

Стих 3. *Благодать вам и мир от Бога Отца нашего, и Господа Иисуса Христа.*

Благодать, как источник всех благ духовных, мир, как плод ее. Благодать, нисходя внутрь и все там претворяя и преобразовывая, с Богом примиряет и приискренне* сочетавает, внутри все умиротворяет и всех братским союзом связывает. Все сие от Бога Отца и Господа Иисуса Христа дается, блюдется и избыточествует. И благодать и мир уже имели колоссяне, как верующие. Апостол благожелает им: да пребудут в вас и преизбудут вам (см.: Амвросиаст). Как это бывает только от Бога Отца и Господа Иисуса Христа, то слова сии должны были наводить слышавших об иных к тому путях на мысль: а эти новые пути, конечно, не ведут туда, куда привесть хвалятся.

б) Начало Послания
(1, 3—11)

Здесь Апостол: аа) хвалит веру и любовь колоссян с упованием (1, 3—8) и: бб) удостоверяет, что не перестает молиться об их преуспеянии в познании истины и в делах богоугождения (1, 9—11). Тем и другим свидетельствует теплое свое к ним расположение, а у них вызывает усердное внимание

* *Приискренне* — близко, тесно, родственно. — *Ред.*

к тому, что имеет сказать, по возбужденной в них уверенности, что все, что ни скажет, будет плодом его любви и искреннего им благожелания.

аа)

Наперед хвалит. Ибо «обычно Апостолу умащать наперед слух похвалами, а потом уже предлагать надлежащ ее учение. Посему и здесь сказал, что славословит в молитвах Бога за ту веру, какую имеют во Владыку Христа, и за ту любовь, какую продолжают они оказывать ко всем единоверным» (блаженный Феодорит).

Глава 1, стих 3. *Благодарим Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, всегда о вас молящеся.*

Благодарим — я и Тимофей. Или от себя одного говорит, являя тихую скромность, удобнее проходящую до сердца. Благодарит Апостольское сердце за совершенства верующих. Радуюсь, что у вас все хорошо идет, и благодарю Бога за ваше совершенство в духе. Оно так велико, что вызывает благодарение, по причине утешения, какое доставляете вы познающим вас. Благодаря сам, и их, а с ними и всех, научает и располагает благодарить Бога.

Благодарим Бога и Отца Господа нашего. Все возводит к единству (см.: святой Златоуст), показывая вместе, что единый истинный Бог есть Отец Господа нашего Иисуса Христа и что между Богом Отцом и Господом Иисусом нет посредства, как нет его и между верующими и

Христом Господом. Верующие едино со Христом Господом, а Он едино со Отцом Богом. Се златая цепь, Самим Богом связанная. Отец Господа нашего есть и наш Отец по благодати и сим паче именем благоволит именоватися от чад Своих, рождаемых в Господе Иисусе Духом Святым. *Отче наш!* – взывают верующие; и Дух подвигает сердца их вопиять: *Авва Отче*! Сладостными речами начал Апостол Послание свое, сладостные мысли и чувства порождающими.

Всегда о вас молящеся. Всякий раз, как молюсь, молюсь о вас и, моляся, благодарю за вас Бога. «Он показывает любовь свою к ним не только благодарением, но и непрестанною молитвою» (святой Златоуст). Непрестанно питал благожелательное к ним расположение, от Бога желавшее низвесть на них всякое благо. А такое расположение справедливо признать непрестанною молитвою.

Стих 4. *Слышавше веру вашу, яже о Христе Иисусе, и любовь, юже имате ко всем святым.*

«Апостол засвидетельствовал здесь об их совершенстве, сказав, что они просиявают верою и любовию» (блаженный Феодорит). Ибо во Христе Иисусе верх совершенства есть *вера, любовию поспешествуема* (ср.: Гал. 5, 6). *Слышавше* – от Епафраса. О том, что уверовали, Апостол мог знать и прежде, может быть даже лично; но, какова их вера, об этом услышал он теперь от

Епафраса и, услышав, возблагодарил Бога: после того, как услышал я от Епафраса, какова вера ваша, не престаю благодарить за то Бога. *Веру яже о Христе Иисусе*, πίστιν ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ, — не то же, что вера во Христа Иисуса. Здесь указывается, как она есть у них. Дошла к ним вера, и они услышали о ней, по милости Христа Иисуса; услышав, покорились ей и восприняли ее в сердце воздействием Христа Иисуса; и, приняв, упование спасения полагают в едином Господе Иисусе Христе, на Нем едином покоятся верою. Внушая такие мысли, без особых опровержений, наперед отбивает их от лжеучений. Выше упомянул о *Господе нашем*, а здесь об *Иисусе Христе*. Он, говорит, есть Господь наш, а не рабы Его (то есть не Ангелы). Наименования же эти: *Христос* и *Иисус* — суть знамения великих к нам Божиих благодеяний, по домостроительству спасения, во Христе Иисусе. Он ради нас приял помазание (стал Христом); Он и *спас* (есть Иисус) *люди Своя от грех их* (ср.: Мф. 1, 21) (см.: святой Златоуст и блаженный Феофилакт).

Любовь, юже имате ко всем святым, τὴν ἀγάπην τὴν εἰς πάντας τοὺς ἁγίους, — которая у вас есть ко всем святым, простирается на всех святых, то есть на всех христиан, не сограждан только, но и соседей, и где бы они ни были. Довольно одного имени христианина, чтоб вызвать вашу любовь и согрету быть ею. Указывает на

сердечный союз со всеми, порождаемый сознанием и чувствами родства духовного со всеми верующими в Господе. Любовь хвалит деятельную, — разумеется странноприимство, милостыня и всякого рода общительность, — труд любви, а не одно чувство.

Стих 5. *За упование отложенное вам на небесех, еже прежде слышасте в словеси истины благовествования.*

Под *упованием* разумеется уповаемое, именно будущие блага (см.: святой Златоуст), отложенные, назначенные для них на небесах. Упованием названы они, потому что им усвояются, и с такою уверенностию, как бы были уже имеемы. Выше сказал о труде любви, а труд имеет нужду в поддержке. Самая крепкая поддержка для него есть упование будущих благ. «Вы, говорит, любите святых, не ради чего-либо человеческого, а ради упования будущих благ» (блаженный Феофилакт). «Делаете сие усердно, очами веры взирая на уготованное вам Царство Небесное» (блаженный Феодорит). Но упование влияет не на одну любовь, но и на веру. Вера не бывает без обетований; и обетования привлекают к ней. Когда сердцем восприимутся обетованные блага с несомненностию в получении их, тогда и вера становится непоколебимою. Вера возвещает о благах и уверяет в несомненности их; но возупование рождается особо и, когда родится, дает

покой самой вере. Она тогда стоит, как на камне. Почему — *за упование* надо относить как к любви, так и к вере. Но помнить также надобно, что вера, любовь и упование находятся в неразрывной связи и в непрестанном взаимновлиянии.

Впрочем, — *за упование* пригожее, кажется, относить к: *благодарим*. Благодарим Бога за веру вашу и любовь, потому что за это вам несомненно отложены великие блага на небесах. Почитая ваше благо своим, радуемся за вас сего ради и Бога благодарим. Так разумеет святой Златоуст: «мы радуемся, говорит Апостол, что вы стяжали себе великое на небесах». То же повторяет и Феофилакт: «или (так надо разуметь) *благодарим*, потому что вы несомненно имеете наследовать нетленные блага».

Словами: *отложенное на небесах* — означается и несомненность получения, и безопасность отложенного. Отложенным называются залоги, βραβεῖα, — призы на состязаниях. Ты только достигни цели, возьми верх, а что за это тебе следует, уже готово: вон оно лежит особо, отложено для того, кто достигнет; и, если ты достигнешь, оно твое. А что сказал: *на небесах*, — «указывает на нечто безопасное» (святой Златоуст). «Не на земле отложено, где оно подверглось бы тлению, а *на небесах*, где оно и цело и безопасно. Итак, не колеблитесь в уповании: ибо отложен-

ное вам находится в надежном месте» (блаженный Феофилакт).

Еже прежде слышасте, προηκούσατε, – о коем предслышали, предуведомление получили. Где и когда? *В словеси истины благовествования.* В то же время, как слышали слово истины благовестия, слышали вы и об отложенных верующим благах. Благовестие потому и есть благовестие, что возвещает великие блага приемлющим его. Обетование благ идет впереди, раздражает веру и привлекает сердце. Ибо что говорит благовестие? Вы погибающие; спасение для вас единое есть только в Господе, вам проповедуемом. Уверуйте, и спасетесь и жизнь вечную получите. Это во-первых слышат оглашаемые благовестием. Это слышали и колоссяне. И об этом Апостол напоминает им, заставляя их пройти мыслию, как они склонились к вере, возуповали отложенного и успокоились на том. Для цели Послания очень было важно, чтоб они пояснее восстановили все сие в памяти: ибо тогда между их сердцем и Господом не было бы ничего посредствующего, равно как между ними и Богом Отцом никакого другого посредника, кроме Христа Спасителя.

Самое выражение: *в словеси истины благовествования* – значит: в истиннейшем слове благовестия. «Но если это есть слово истины, то лжи в нем нет. Как же хотите сделать его лживым,

открывая ухо свое слышать речи покушающихся поколебать веру вашу, что спасение только в Господе Иисусе, как первоначально научило вас благовестие?» (блаженный Феофилакт).

Стих 6. *Сущаго в вас, якоже и во всем мире: и есть плодоносно и растимо, якоже и в вас, от негоже дне слышасте и разуместе благодать Божию во истине.*

«*Сущаго в вас*, παρόντος, – сказал метафорически, представляя благовестие живым лицом. Оно не достигло только вас и потом, мимошедши, удалилось, но осталось в вас, пребывает и господствует над вами» (святой Златоуст и блаженный Феофилакт). Что в начале оно возвещало вам, то же возвещает и теперь; и это не только в вас, но и *во всем мире*.

Якоже и во всем мире. Какое огромное общество! И все одинаково веруют, быв научены одним и тем же благовестием. «Это прибавил Апостол для того, что многие паче утверждаются в учении, когда узнают, что имеют многих сообщников в принятии его» (святой Златоуст и блаженный Феофилакт). Тогда оно еще не всюду было, но в главнейших местах было уже прочно засеменено, и требовалось только время, чтоб оно брало силу и росло. Это так и было, как тотчас и говорит Апостол.

И есть плодоносно и растимо, якоже и в вас. Оно в вас, как и во всем мире, и во всем мире

оно плодоносно и растимо, как и в вас. «Оно везде пребывает, везде владычествует, везде стоит. И не просто стоит, но *есть плодоносно и растимо.* Плодоносно оно делами, растимо тем, что многих приемлет. Но ни того ни другого не было бы, если б оно не пребывало неизмененным: ибо и растения тогда бывают густы, когда твердо стоят в земле» (святой Златоуст и блаженный Феофилакт). Апостол так выразился, что дает мысль, что плодоносность и растимость благовестия есть неотъемлемое его свойство. Только внедрись оно хоть в нескольких сердцах где-либо, а там уже само пойдет и плод приносить, и расширяться. Сии качества его можно так очертить. *Плодоносно* — просвещает, освящает, ублажает; *растимо* — вглубь, и ввысь, и вширь разрастается, и внутренно в каждом лице, и внешно в привлечении множайших лиц.

Якоже и в вас. «Похвалами хочет предзанять их и овладеть ими, чтоб потом, хоть бы и захотели, постыдились отступить» (святой Златоуст и блаженный Феофилакт). Но и твердости это придавало: ибо если уже получили плод, то какой смысл, оставя сие, явно плодоносное, броситься на новое нечто безвестное?

От негоже дне слышасте и разуместе благодать Божию во истине. «Плодоносно и растимо в вас благовестие с того дня, как вы услышали его и познали благодать Божию. Как? Не в

призраке, не в обольстительных словах, но *во истине*, то есть по действию знамений и чудес» (блаженный Феофилакт). «А что тотчас в самом начале показало свою силу, тому не трудно ли теперь начать не веровать?» (святой Златоуст). Слышали благовестие и уверовали, а уверовавши, прияли благодать Божию, которая, своим просветительным, освятительным и ублажительным действием в сердцах, дала всякому осязательно уразуметь, что возвещаемая благовестием вера есть несомненно истинная. С этих пор вы непреставали плодоносить и расти, и сами в себе совершенствуясь в духе, и привлекая других к вере. Сначала много ли вас было? Епафрас и Филимон с семейством. А теперь и у вас много верующих, и кроме вас еще в Лаодикии и Иераполе: все от одного семени. И все вы и мудры, и святы, и во всех делах искусны. И все сие растет еще и будет расти. А что так плодоносно и растимо, тому как перестать веровать? Апостол хотел напечатлеть в уме их две картины — повсюдность веры и ее благотворность, — самые сильные показания истинности веры. Святой Златоуст говорит: «Видите, вселенная вся обращается к вере. И нужно ли говорить о происходящем у других? Происходящее у вас и без того удостоверительно; ибо вы *уразуместе благодать Божию во истине*, то есть из самых дел; так что сими двумя утверж-

дается вера, — и тем, что все уверовали, и тем, что вы испытали».

Уразумели благодать Божию во истине — можно так: самым делом опытно познали, сколь велика благодать, приносимая благовестием, приемлющим его с верою.

Стих 7. ***Якоже и уведесте от Епафраса, возлюбленнаго соработника нашего, иже есть верен о вас служитель Христов.***

Хваля колоссян за веру, Апостол имел нужду восхвалить паче самую веру, возвышая ее истинность: что и делает незаметным образом. Помянув пред сим о двух чертах ее — повсюдности и благотворности, теперь возводит ее к источному ее началу, то есть ко Христу Господу. Святой Павел послан самим Господом, а Епафрас послан святым Павлом. Таким образом проповедь Епафраса, чрез святого Павла, возводится к Самому Господу, как началу ее и Подателю, и чрез это освящается Божественным авторитетом и получает силу, обязывающую веровать. С этою именно целию, то есть чтоб восстановить в сознании обязательство веровать неуклонно, как приняли сначала, и поминает здесь святой Павел об Епафрасе, выставляя не личные его достоинства, а его значение по домостроительству спасения на земле; он сораб мой, а для вас верный служитель Христов. От него вы научились, ἐμάθετε; он поруководил вас к тому, что вы делом испытали

благодать Божию. И этого было бы достаточно, чтоб удержать вас в верности вере; но приложу к сему еще то, что он не сам от себя учил вас. Меня послал Сам Господь, а я его, именем Христа Господа. Он сораб, σύνδουλος, — мне Христов. Мы одного Господа рабы и работники. Потому, чему он вас учил, то от Господа есть. Не колеблитесь же верою в то, что от него приняли.

Блаженный Феодорит пишет: «Апостол украсил Епафраса многими похвалами, назвав его возлюбленным, соработником, верным служителем Христовым, чтобы колоссяне удостоили его большего уважения». Блаженный Феофилакт поясняет: «*возлюбленным сорабом* назвал его Апостол, показывая, что он есть муж, достойный всякого вероятия. Ибо не возлюбил бы его святой Павел и не назвал бы своим сорабом, если б он не был истинным проповедником. *Верным же служителем Христовым* о них назвал он его, давая разуметь, что он среди них во благо их служил в делах, Христу подобающих». То есть домостроительство спасения, Христом Господом совершенное, им усвоял так верно, как бы сие совершал Сам Христос. *Служитель о вас Христов* — вместе выражает и то, что он есть молитвенник и ходатай о вас пред Христом.

Стих 8. *Иже и яви нам вашу любовь в Дусе.*

Блаженный Феофилакт полагает, что Епафрас отправился в Рим от лица колоссян, чтоб

служить святому Павлу в узах. Прибыв туда, он дал святому Павлу верное сведение о теплой вере колоссян, о доброй их христианской жизни и особенной любви к самому Апостолу. Тут же он сообщил ему и о лжеучении, с каким подступали к ним какие-то суемудренники (см.: блаженный Феофилакт). Из Послания не видно, чтоб колоссяне (и их соседи) повредились в образе мыслей. Посему Апостол ограничивается легким указанием лживых учений, почитая достаточным к отклонению от них восстановление в памяти колоссян того, как уверовали, каких сподобились благодатных действий по вере и как жили и зрели в вере, — приложив к тому напоминание и о сердечном их к нему расположении. Любовь сильнее доводов. Любимому, чтоб убедить любящего, достаточно только намекнуть, что такой и такой образ мыслей неугоден ему. С этою целию он и поминает здесь об их любви, чтоб взяться за сию любовь, как за поводок, и весть их, куда ему угодно.

Любовь их к себе Апостол назвал любовию в Духе, показывая, что она породилась у них не как обычно порождаются человеческие любви, но под действием благодати Духа Святаго, в порядке духовном и для духовных целей; и притом чиста, верна и крепка. «Это любовь дивная и твердая, тогда как другие носят только имя любви» (святой Златоуст).

бб)

Стих 9. *Сего ради и мы, от негоже дне слышахом, не престаем о вас молящеся и просяще, да исполнитеся в разуме воли Его во всякой премудрости и разуме духовнем.*

«*Сего ради* – чего? Ради того, что мы слышали о вашей вере и любви» (святой Златоуст). Конечно, тут участвовала и любовь их к Апостолу, о коей помянуто пред сим; но главное было это. Апостольское сердце радуется, видя такие прочные начатки дела Божия в них. Но как начатки и хорошие все же суть начатки; то и молится, чтоб Бог провел их далее к совершенству. Он как бы говорит: «благие имеем о вас надежды (по этим добрым начаткам), и это благонадежие побуждает нас молиться и о будущих ваших успехах. Как в состязаниях мы особенно возбуждаем тех, которые близки к победе, так и Павел особенно спешит на помощь к этим, которые показали большие успехи в добродетели, и поощряет их» (святой Златоуст).

От негоже дне слышахом, не престаем молящеся и просяще. Непрестанно, говорит, всеусердно и усиленно в молитвах своих испрашиваем вам у Бога совершенства духовного. «Не день, не два, не три провели мы в молитве, а непрестанно молимся. Этим показывает Апостол и свою к ним любовь и слегка намекает, что они не дошли

еще до конца» (святой Златоуст) и имеют нужду в сильной помощи.

Да исполнитеся. «Ни вполне несовершенными их не обзывает; ни вполне совершенными не называет, а говорит как бы: имеете нечто, но не всё» (блаженный Феофилакт). «Это выражает слово: *да исполнитеся.* И замечай благоразумие Апостола: нигде не говорит, что они лишены всего, но везде,— что им чего-то недостает. Это значит и настоящее выражение: *да исполнитеся,*— и опять: *во всяком угождении и всяком деле блазе* и прочее. Ибо слово: *во всяком* — есть свидетельство, что они нечто совершили, хотя и не все.— И не говорит: да приимите, потому что прияли; но напоминает о недостающем, говоря: *да исполнитеся.* Таким образом и обличение (указание на несовершенство) было не тяжело, и похвала не давала им впасть (в самомнение) и сделаться беспечными, будто бы все исполнено» (святой Златоуст).

В разуме воли Его, τὴν ἐπίγνωσιν,— чтобы вы стали полны и совершенны по познанию, или познанием воли Божией. ’Επίγνωσις — означает познание, и углубленное в предмет, и тем паче углубленное в ум и сердце. Желает познания полного, основательного и столь твердого, чтоб не допускало никаких колебаний и даже возражений. Этого у них недоставало; ибо открывали слух к принятию толков, подрывать могущих

самые основы веры. Блаженный Феофилакт под сим словом разумеет приложение полнейшего знания.

Какой воли Божией познание испрашивается? Надо полагать,— всей воли Божией о спасении людей, чтоб тут совмещалось познание и того, что есть от Бога во спасение наше, и того, что требуется для сего от нас, именно,— что Бог Сына Своего Единородного не пощадил, но за нас предал Его; и Он, пришедши и воплотившись, умер крестною смертию и, сняв с нас клятву, открыл нам в Себе доступ к Отцу Небесному; затем, вознесшись на небеса и седши одесную Бога и Отца, Духу Святому открыл путь низойти на землю, Которого и послал от Отца, *да будет с нами в век* (ср.: Ин. 14, 16); и Он чрез слово благовестия возбуждает веру, уверовавших возрождает к новой жизни в воде крещения и, исполнив их благодатию Своею, делает сильными творить всякую познанную волю Божию, живя свято и богоугодно. Иные полагают, что здесь Апостол разумеет только последнюю часть воли Божией; то есть ту волю, которая определяет, как следует нам жить, как христианам. Но, кроме того, что сей последней воли познание надлежащее требует познания и первой воли или того, как Бог благоволил устроить наше спасение, колоссяне имели нужду в восполнении и укорении познания – именно этого. Посему нельзя думать,

что святой Павел не имел его в виду, моляся, да исполнятся колоссяне познанием воли Божией.

Так понимают сие наши толковники. Экумений* пишет: «Какая это воля Отца? Та, чтоб людям иметь приведение ко Отцу чрез Сына, а не чрез Ангелов». То же и у Феофилакта: «Воля Божия и благоволение Божие есть дану быть за нас Сыну, а не Ангелам. О восполнении познания сей-то воли и молится Апостол». Вот слова святого Златоуста: «что значит: *да исполнитеся в разуме воли Его*? То, что приведение к Нему надлежит нам иметь чрез Сына, а не чрез Ангелов. Что надлежит нам иметь к Нему приведение, это вы познали; теперь остается еще вам узнать, для чего послал Он Сына. Ведь, если бы спастись надлежало чрез Ангелов, Он не послал бы и не предал бы Сына».

Но говоря так, они не устраняют и той мысли, что тут разумеется и воля, определяющая жизнь и дела. Святой Златоуст говорит: «Апостол всегда с верою соединяет и жизнь». Полнее эту сторону разъясняет Амвросиаст: «Апостол, узнав о теплом и готовом на все расположении колоссян к вере Христовой, молится об них, да будет им дано полнейшее познание воли Божией, чтоб они могли более разумным образом удовлетворять

---

* *Экумений (†X?)* – византийский богослов, возможный автор Комментариев на Послания апостола Павла. – *Ред.*

своему благочестию, нежели как научились сему, когда только в первый раз услышали о вере сей: ибо как ни будь велика сила веры, но коль скоро делают что неразумно и неискусно, то чрез это гибнет плод труда. Не ревность только требуется, но ревность благоразумная».

Итак, будем разуметь здесь познание всякой воли Божией, и относительно образа устроения нашего спасения, и относительно содевания нами сего спасения. Лжеучители в той и другой части покушались помутить веру колоссян.

Во всякой премудрости и разуме духовнем, ἐν πάσῃ σοφίᾳ καὶ συνέσει πνευματικῇ. Эти термины трудно определить до точности; но видно, что они означают разные стороны полного ведения воли Божией, или те виды, в каких оно является в действительности. Премудростию, думается, означается более углубление в предмет ведения, а разумом более углубление его в сердце и ум: ибо σύνεσις — собственно сознание. Как под волею Божиею положили мы разуметь и образ устроения Богом нашего спасения (догмат), и образ содевания спасения нами самими (жизнь); то долг имеем указать, какое в том и другом отношении надо придавать значение и премудрости, и разуму (σύνεσις). Премудрость в первом отношении, думается, будет значить присущее полному ведению истины уменье разъяснять, доказывать, защищать, отражать всякую

ложь, а во втором — присущее полному ведению образа христианской жизни уменье устроять свою жизнь по сей норме, применяясь и к себе самому, и к своему внешнему положению, как вообще, так и в частностях, видеть пособствующее и пользоваться тем, видеть препятствия и устранять их, видеть распутия и избегать, идти ровно и прямо к цели, не уклоняясь ни на десно ни на шуе и не останавливаясь. Разум, σύνεσις, — в первом отношении, будет восприятие познанного в сознание и чувство, вкушение его, а во втором — восприятие нормы христианской жизни в совесть и под действием страха Божия установление движения всех сил естества по сей норме, иначе, христианский внутри нравственно-религиозный строй.

И премудрость, и разум названы духовными, как плоды благодати Духа Святаго. Ибо они не могут появиться и водвориться в ком-либо иначе, как по облагодатствовании его. И тут не вдруг они проявляются в силе, а возрастают и крепнут постепенно. Может быть, святой Павел намеренно прибавил сие слово, чтоб наперед указать несостоятельность того мудрования лжеучителей, по коему они учили употреблению некоторых стихий и некоторым телесным приемам как средствам к общению с духовным миром.

Стих 10. *Яко ходити вам достойне Богу во всяком угождении, и во всяком деле благе, плодоносяще и возрастающе в разуме Божии.*

Яко ходити. Молится Апостол о даровании познания всякой воли Божией, так, однако ж, чтоб оно не оставалось голым знанием, но переходило в жизнь. Святой Златоуст говорит: «мы не о том только молимся, чтобы вы знали, но – чтобы показывали это и самыми делами; ибо знающий и неделающий будет наказан. *Ходити вам*, говорит, то есть всегда, не однажды, а во всякое время. Как ходить нам необходимо, так и правильно жительствовать». Это стоит у Апостола или в виде внушения колоссянам: смотрите, не оставайтесь тогда при одном знании, – или в виде только показания: и тогда возможете ходить достойно Бога, или чтоб возмочь вам ходить таким образом. Ибо ходить достойно Бога, или жить по Богу, нельзя иначе, как исполнившись испрашиваемого Апостолом познания воли Божией во всякой премудрости и разуме, – и это под действием благодати Духа Святаго.

Ходить достойно Бога, или, как и наши все толковники читают, достойно Господа, обязательно нам, как чадам Божиим, Богу и Господу присвоившимся. Приняли на себя имя Господа и Бога; потому обязательно для нас так ходить и жить, чтоб не хулилось имя Божие, нареченное на нас, а напротив, прославлялось. *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на Небесех* (Мф. 5, 16). «Кто знает Бога

и удостоился быть рабом Божиим, даже сыном, от того требуется особенная жизнь, гораздо высшая, чем древняя» (святой Златоуст). Как это делать, Апостол определяет вслед за сим.

Как ходить достойно Господа Бога? Ходя *во всяком деле блазе*, ἐν παντὶ ἔργῳ, — и *во всяком угождении*, все их направляя к богоугождению, εἰς πᾶσαν ἀρεσκείαν. Всякое дело благое есть или всякое дело, требуемое заповедию, или преимущественно дела любви, благости, милосердия, как Господь повелел: *будите милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (ср.: Лк. 6, 36). *И ходите в любви, якоже и Христос возлюбил есть нас* (Еф. 5, 2). Тогда *уразумеют вси, яко Мои ученицы есте*, — говорит Господь (ср.: Ин. 13, 35). Направлять же все сие к богоугождению сказано в предотвращение неправых направлений на угождение себе или людям и миру. Ибо и в этом направлении не одно явно худое делается, но делается и доброе; только всю цену свою пред Богом теряет оно тогда. Истинная христианская жизнь, как есть от Бога Отца, во Христе Иисусе, благодатию Святаго Духа, так вся туда — к источнику своему и направляется. Всякий шаг христианина истинного делается с уверенностию, что он угоден Богу. Блаженный Феофилакт пишет: «так, говорит Апостол, живите, чтобы всем угождать Богу. Как же это будет? Не иначе как делая

всякое дело благое. Где всякое дело благое, там и всякое угождение Богу».

Плодоносяще и возрастающе в разуме Божии, εἰς τὴν ἐπίγνωσιν τοῦ Θεοῦ. Куда достигнете, так живя? К познанию Бога. Ходя так достойно Бога, будете плодоносить боговедение и все более и более возрастать в нем. Блаженный Феофилакт пишет: «смотри, выше сказал, что они имеют нужду в познании, чтобы ходить достойно Господа; а теперь внушает, что если будете ходить достойно Бога в делах благих, то вместе с тем возрастете в познании Бога: ибо эти два момента взаимно влияют друг на друга». Познание воли Божией, и относительно домостроительства спасения, и относительно содевания нами спасения, первоначально теоретично, и Бог в то время держится в уме наипаче, как идея. После, когда кто пойдет по познанному пути, то жизнь по Богу вводит его в живое общение с Богом и дает вкусить Бога. Бог по милости Своей дает сердцу богатно* вкушать Себя и чрез то открывает Себя, как Бога живого; открываясь же сердцу, открывает Он Себя и созерцанию ума, или духа. Опыты духовной жизни вводят в настоящее боговедение. *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (ср.: Мф. 5, 8).

У святого Апостола здесь в кратких словах изображена полно цепь проявлений духовной

* *Богатно* — обильно, изобильно. — *Ред.*

жизни, начинающейся познанием откровенной воли Божией и оканчивающейся боговедением, чрез богообщение, или прямо погружением в Бога.

Стих 11. *Всякою силою возмогающе по державе славы Его, во всяком терпении и долготерпении с радостию.*

Благожелания Апостола были бы неполны, если б он остановился на сказанном. И вера Христова, и жизнь о Христе обречены на то, чтоб их сопровождали скорби. *В мире скорбни будете* (Ин. 16, 33), – предсказал Господь. Но нигде в слове Божием не сделано и намека, чтоб позволительно было вступать в противоборство с оскорбляющими; напротив, всюду заповедуется: терпи и терпи. *В терпении вашем стяжите души ваша; претерпевый до конца, той спасен будет* (Лк. 21, 19; ср.: Мф. 10, 22), – говорит Господь. Но на это нужна сила, не меньшая, как и на то, чтоб созидаться внутренно в духе. Как всякая сила от Господа; то этой силы благожелание и прилагает теперь Апостол: *всякою силою возмогающе*, ἐν πάσῃ δυνάμει δυναμούμενοι, – всякою силою усиливаемы бывая; не сами себя возбуждая всячески и приводя в напряжение, хотя и это уместно, но силою, свыше сходящею, сильными являясь. В какой мере? *По державе славы Его*, κατὰ τὸ κράτος, – какова мера державной славы Божией, или мера славного вседержительства Божия, таковою силою да будете

укрепляемы и вы. Тут неуместно прилагать и такое ограничение: сколько может вместить естество ваше: ибо вспомоществующая терпению сила может действовать и помимо сего естества, как бы совне облекая его, не в меру его, а в свою, или в нужную.

И вот такою-то силою усиливаемы бывая, ходите *во всяком терпении и долготерпении с радостию*. Не только в терпении, но и долготерпении, и не только в этом, но и с радостию. Укрепляемый свыше самую тяжелую скорбь побеждает всяким терпением. Если тяжкая скорбь длится и конца ей не видно, он легко поднимает ее благодушным долготерпением. Растет скорбь, растет и сила Божия, ее побеждающая, и наконец совсем испаряет ее в радость. Присутствие силы Божией в скорбях свидетельствуется благодушием; радость же означает, что милостивый Господь, кроме укрепления, дает некако* вкусить и всеблаженства Своего.

Блаженный Феофилакт пишет: «молимся, говорит Апостол, да исполнитеся и *всякою силою возмогающе*. Для чего? Чтоб не расслаблялись и не падали в отчаяние, в искушениях и гонениях. *По державе славы Его*. Такую да подаст вам силу, какую Ему пристойно подавать, то есть неизреченную и беспредельную. Всюду державствует слава Его. Не малодушествуйте же в

* *Некако* — как-то, некоим образом. — *Ред.*

бедах и напастях: будете поддержаны, как подобает тем, кои работают такому державному и всеславному Владыке. *Во всяком терпении и долготерпении*: в терпении того, что находит от внешних, и в долготерпении того, что случается во взаимных отношениях. И еще: долготерпит кто, когда имеет возможность отплатить и не отплачивает; а терпит, когда не может этого сделать. *Во всяком терпении*, не так, чтоб ныне потерпеть, а после нет, но всегда терпеть» (блаженный Феофилакт согласно с святым Златоустом).

ВЕРОУЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

(1, 12—2, 23)

Цель Послания — предостеречь колоссян от подкрадывавшихся к ним лжеучений. Но как для сей цели святому Павлу надлежало сперва, с одной стороны, дать понять, чего ради он с такою заботливостию берется за сие дело, а с другой — предложить такие истины, которые послужили бы ему основанием для предостережений; то он предпосылает предостережению: а) краткое изображение домостроительства нашего спасения в Господе Иисусе Христе (1, 12—23) и: б) показание, какое, в приложении сего домостроительства к людям, и именно к язычникам, Бог благоволил дать участие святому Павлу (1, 24—29); и потом уже пишет: в) самые предостережения (глава 2), имея в последнем, то есть в своем назначении служить устроению спасения язычников, побуждение для себя писать, а в первом, то есть в изображении домостроительства спасения в Господе, почерпая основания для предостережения колоссян. Истины, здесь изложенные, таковы, что достаточно их указать, чтобы поразить всякое лжеучение и отклонить от него.

Заметим наперед, что первый стих вероучительной части, 12-й, начинается словом: *благодаряще* и прочее. Иные сопоставляют сие благодарение с: *ходити* (стих 10) и говорят: Апостол испрашивает колоссянам познания воли Божией, чтоб они ходили: 1) во всяком деле блазе на богоугождение, чтоб достигнуть боговедения, 2) во всяком терпении с радостию, бывая укрепляемы свыше, и: 3) благодаряще Бога и прочее. Но наши толковники сопоставляют это *благодаряще* с: *не престаем* (стих 9). Чем дают мысль, что здесь следует видеть не побуждение колоссян к благодарению, а изъявление Апостолом благодарения Богу и Отцу, что призвал *нас* в причастие наследия святых, то есть в Царство Сына *любве Своея*. И это тем более представляется уместным, что с сего стиха Апостол переменил лица, к коим обращает речь: то говорил: *вам*, — то есть колоссянам, а теперь говорит: *нас*, — давая разуметь, что он начинает говорить об общем христианском деле, как показывает и содержание этого и последующих стихов. Это и заставляет признать, что святой Павел с сим стихом переходит к изображению домостроительства спасения в Господе Иисусе Христе.

а) Краткое изображение домостроительства спасения (1, 12—23)

Изображая сие домостроительство, Апостол сначала: аа) показывает, в чем существенная сила

домостроительства (1, 12–14); потом: бб) живописует Божественный лик Самого Спасителя (1, 15–20) и, наконец: вв) представляет самих колоссян участниками в сем спасении (1, 21–23).

аа)

Глава 1, стих 12. *Благодаряще Бога и Отца, призвавшаго нас в причастие наследия святых во свете.*

Благодаряще. Если соединим это слово с: *не престаем*, – выйдет: *не престаем благодаряще* – непрестанно благодарим. Так святой Златоуст: «последовательность мыслей у Апостола такова: мы не престаем молиться о вас и благодарить Бога за прежнее. Видишь ли, как вступает он в слово о Сыне?» Святой Златоуст полагает, что здесь началось слово о домостроительстве спасения. Так и другие наши толковники. Блаженный Феодорит пишет: «песнословим человеколюбивого Владыку, что нас, недостойных, соделал причастниками света святых. Благодарением Апостол показует неизреченность Божия человеколюбия и величие Божия о нас домостроительства». Так и блаженный Феофилакт: «сказавши: молюсь, да дарует вам Бог такие и такие блага, теперь говорит: благодарю за полученное нами прежде. Этим незаметно он вводит их в слово о Сыне».

Так будем *благодаряще* понимать: *благодарим* – и видеть здесь начало слова о домостроительстве спасения в Господе Иисусе Христе.

Прилично Апостол начинает сие слово благодарением: ибо только помысли о безнадежности нашего положения, и противопоставь ему, в какое благобытие и какую славу возведены мы, ничего не чаявшие и ничего не достойные, и каким дивным притом домостроительством, и прими все это в чувство; то не найти тебе слов для выражения своих благодарных чувств: будешь только взывать: «слава Тебе, Боже! слава Тебе, Боже!» Если б от зол только были мы избавлены, и каким-либо служебным духом; и то было бы величайшее благо. А то Сын Божий нисходит, принимает на Себя бедное естество наше и, проведши чрез искупительные страдания и смерть и воскресивши, посаждает одесную Бога и Отца; за тем последовала благодать Святаго Духа, которая всех верующих делает сынами и дщерями Богу с обетованием, что и они все будут там же, *идеже есть Христос одесную Бога седя* (см.: Ин. 12, 26; ср.: Кол. 3, 1). Кто найдет достаточно слов, чтобы достойно, не в меру блага, а в меру чувства, возблагодарить премилосердого Бога нашего?

Благодарим, говорит, *Бога и Отца*. Домостроительство спасения совершено Отцом чрез Сына во Святом Духе; спасение каждого, по сему домостроительству, совершается Отцом в Сыне чрез Святаго Духа. Чего же ради благодарим только Бога и Отца? Лжеучители, соблазнявшие колоссян, исходным пунктом лжеучения имели, вероятно,

положение, что Бог совершенно отделен от твари. Тварь, говорили, не может сносить действия Бога. Почему от Бога изошло множество посредствующих сил — духов, которые, все ниже и ниже нисходя, явились наконец такими, что и с тварями могли входить в сношение, творить их и поддерживать. В числе сих сил, по-ихнему, был и Сын, и Иисус, и Христос. Чтоб показать, что исходный пункт лжеучителей ложен, Апостол обращается с благодарением к Богу Отцу, внушая тем, что Бог Отец не только не отделен от нас, напротив, Он призвал нас, избавил нас от *власти темныя* и преставил в Царство Сына. О Сыне же вслед за сим скажет, что Он не только не есть из числа сотворенных сил, а напротив, есть Творец всех их, Сам пребывая едино с Отцом.

Благодарит *Бога и Отца, призвавшаго нас.* Заметим о чтении: по-славянски стоит: *вас*; но святой Златоуст, Феодорит, Экумений и почти все другие читают: *нас.* Также все наши, и другие все, читают не: *призвавшаго*, καλέσαντι, — а: ἱκανώσαντι, — удовлившего, <то есть> признавшего нас гожими или сделавшего способными. Весьма немногие читают оба слова. Будем читать: *удовлившаго нас.* Святой Златоуст такое делает наведение при сем слове: «таково, говорит, дарованное, что оно не только дано, но и сделало нас сильными для причастия дарованного (или, как Феофилакт: «что оно не только сделало нас

богатыми, но и дало нам способность и силу явиться достойно получившими его»)». И так слово: *удовлившаго*, ἱκανώσαντι, — сделавшего нас способными, имеет здесь важное значение. Пусть бы, например, царь небольших дарований человеку поручил какое-либо начальствование; но достоинство он дал, а способности вести дело начальствования он не мог дать. Оттого такому человеку честь обращается в посмешище. Но если бы он и достоинство дал ему, и сделал его способным занять почетное место и годным к управлению; тогда это была бы настоящая честь. То же самое говорится и здесь, — что Бог не только даровал нам честь, но и сделал нас сильными к принятию ее; ибо сугубая честь — дать и приготовить в человеке способность для принятия дара.

Сказавши это, Апостол показывает далее, какой чести мы сподобились и чрез что сделались способными к ней, говоря: *в причастие наследия святых во свете*. Причастие наследия святых — честь, а как сделались мы к ней гожими, показывает слово: *во свете*. Что есть *наследие святых*? Царство Христово, Царство благодати, вводящее и в Царство славы. В следующем же стихе говорится, что Бог преставил нас в *Царство Сына любве Своея*. В прощальной речи к ефесеям Апостол говорил: *ныне предаю вас, братие, Богови и слову благодати Его, могущему наздати*

и дати вам наследие во освященных всех (Деян. 20, 32). Здесь будто более видится Царство Небесное. В речи своей к Агриппе, Апостол о том, к чему призвал его Господь, так говорит словами Самого Господа: *отверсти очи их* (языков), *да обратятся от тмы в свет и от области сатанины к Богу, еже прияти им оставление грехов и достояние во святых, верою, яже в Мя* (ср.: Деян. 26, 18). Здесь же видится более Царство благодати. Оба Царства неразделимы: Царство Христово есть единое Царство.

В сем-то Царстве иметь часть сделал способными Бог и Отец. *Удовлившаго нас в причастие*, εἰς τὴν μερίδα,— сделавшего нас гожими иметь часть или вступить в причастие. В отношении к Царству славы приличнее сказать: иметь часть, то есть каждому свою, а в отношении к Царству благодати приличнее сказать: вступить в причастие, ибо хотя и здесь каждый свою имеет часть, противу силы своей, но это не видно; видно же, что всякий вступающий в него имеет все потребное, не менее всех других. В отношении к тому говорится: *обители многи суть* (Ин. 14, 2), а в отношении к этому: *несть иудей, ни еллин, ни мужеский пол, ни женский* (ср.: Гал. 3, 28).

Как сделались мы гожими вступить в Царство Христово, показывает слово: *во свете*,— под коим разумеется свет ведения, чрез благовестие сообщаемый и приемлемый верою и тьму неведения

разгоняющий, — и свет благодати, чрез таинства подаемый и силою возрождения тьму греховную прогоняющий. Истина в слове Божием и благодать в таинствах — две спасительные силы, действующие на земле в Церкви для верующих, а вне ее для неверующих. Некоторые *во свете* относят к наследию будущему, в том значении, что оно будет светло. Но лучше относить к: *удовлившаго*, — как способ; силу же света можно простирать и до будущего Царства: здесь — свет, а там свет светлее; но тот и другой главным образом духовный, состоящий в ведении и святости от преисполнения благодатию Духа. Внешний же свет будет только отражением сего. Блаженный Феофилакт пишет: «*во свете*, и будущем и настоящем: ибо и ныне просветил нас Бог, открыв нам такие таинства, и в будущем подаст нам еще обильнейший и дивнейший свет».

Стих 13. ***Иже избави нас от власти темныя, и престави в Царство Сына любве Своея.***

Иже, — то есть Бог Отец, избавил нас от *власти темныя*. Темная власть кто такая? Диавол и сатана, который есть темная и нечистая сила. «*Властию темною* Апостол назвал владычество диавола» (блаженный Феодорит). «*Избавил*, говорит, *от власти темныя*, то есть от прелести и господства диавола. Не сказал просто: от тьмы, но: от власти; ибо диавол над нами имеет великую власть и господство. Тяжко быть

и просто под диаволом, а под диаволом со властию и того тяжелее. Не сказал: вывел, а: исторг, показывая, с одной стороны, бедственность нашу и крепость плена нашего, с другой – удобство и легкость, с какою совершила сие сила Божия» (святой Златоуст).

Как исторг нас Бог Отец от такой власти? Послав Сына Своего Единородного и чрез Него устроив такое домостроительство спасения, которое разрушило дела диавола. На чем держится власть диавола над нами? На грехе. Господь смертию Своею загладил все грехи наши, и всякий верующий в Него получает отпущение своих грехов. Но внутри остается сила греховная, которая как закон ведет ко грехам. Верующему подается благодать Духа, которая подсекает эту силу греха. *Закон Духа жизни о Христе Иисусе* освобождает его *от закона греховнаго, яко ктому не работати* ему *греху* (ср.: Рим. 8, 2; 6, 6). Таким образом, по домостроительству спасения нашего, бразды власти темной вырываются из рук диавола, не за что ему взять нас, нет орудия для насилования.

И престави в Царство Сына любве Своея. Это совершается в один акт. Таково домостроительство, что, избавляя от темной власти, оно в то же время вводит в светлое Царство Сына, или чрез введение в сие Царство избавляет от той власти. «Избавив нас от тьмы, сподобил царствия

Сына» (блаженный Феодорит). «Итак, Бог явил Свое человеколюбие не в освобождении только нас от тьмы. Великое, конечно, дело и освободить от тьмы: но быть введенным в Царство – еще больше. Смотри же, как многосложен дар! *И престави в Царство Сына любве Своея.* Не просто сказал: в Царство Небесное, но сообщил слову большую важность, назвав Царство Небесное Царством Сына; ибо нет похвалы больше сей, как и в другом месте говорит он: *аще терпим, с Ним и воцаримся* (2 Тим. 2, 12). Того же удостоил нас, говорит, чего и Сына, и не это только, но прибавил еще: возлюбленного: врагов омраченных вдруг переставил туда, где Сын, облек одинаковою с Ним честию. Так, чтобы показать великость дара, не признал достаточным сказать: в Царство, а прибавил еще: Сына; и этого было не довольно, присоединил: возлюбленного» (святой Златоуст).

Сын любве – значит истинный Сын, Сын естества, соестественный. Ибо *Бог любы есть* (1 Ин. 4, 16). Существо Бога – любовь. *Сын любве* есть Сын существа Отчего, сосущественный, единосущный. Сего ради и Сын весь есть любовь и Богу Отцу возлюблен. «*Сыном любве* нарек Апостол Владыку Христа, научая, что возлюблен Он Отцу, не яко тварь и раб, но как Сын. Он есть Сын возлюбленный, то есть истинный. Так Бог наименовал и Исаака, сказав: *пойми сына*

твоего возлюбленнаго (ср.: Быт. 22, 2), то есть настоящего сына, сына естества твоего, который дороже для тебя других» (блаженный Феодорит).

Стих 14. *О Немже имамы избавление кровию Его, и оставление грехов.*

Это есть пояснение, как избавлены мы от *власти темныя*: избавлены чрез отпущение грехов и освобождение от силы греха, живущего в нас, — то и другое — кровию воплотившегося Сына Божия. Этим пресечена всякая над нами власть диавола и все его покушения снова завладеть нами. Апостол пояснил только одну половину сказанного — как избавляемся от *власти темныя*, а вторую, — как преставляемы бываем в Царство Сына, он не счел нужным пояснять, потому что в действительности то и другое совершается вместе и одно без другого не бывает. Блаженный Феофилакт, по руководству святого Златоуста, пишет на сие: «Дабы, слыша, что избавил нас Отец, ты не подумал, что Сын исключается из сего и не показал нам никакого блага, Апостол все дает теперь Сыну, как прежде дал Отцу. Ибо, что мы преставлены в Царство, виновник этого Сын, даровавший нам искупление кровию Своею и оставление грехов. Ибо если б мы не были искуплены и не получили оставления грехов, то не были бы преставлены и в Царство. Так что Он проложил путь дару Отца. То

невозможно, чтобы пребывающим во грехах Он даровал Царство. Избавив от греха, Сын открыл вход в Царство. Таким образом Сын избавил, Сын же и привел в Царство».

Но можно в сем месте видеть не объяснение предыдущего, а его дополнение. Сказано, что мы избавлены от *власти темныя* тем, что прощены нам грехи и дана сила преодолевать их. Но здесь механического ничего нет. Сила на преодоление греха дается; но ею должно пользоваться, прилагая и свое усердие. Вознеради, и сила данная останется в бездействии. Придет грех и одолеет. Как быть, когда это случится? Ответ находим у святого Иоанна Богослова: *чадца моя, сия пишу вам, да не согрешаете: и аще кто согрешит, ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа праведника* (1 Ин. 2, 1). Последнее есть то же, что и святой Павел говорит: *о Нем* всегда *имеем мы избавление кровию Его и оставление грехов*. Цена крови Сына Божия непрестанно действенна, и путь к приобщению силе ее всегда открыт: иди и пользуйся избавлением силою ее, если имеешь нужду.

бб)

Доселе (1, 12—14) показал святой Павел, что имеем мы во Христе Иисусе Господе нашем или в чем существенная сила домостроительства спасения. Теперь приступает к показанию, Кто есть сей устроитель нашего спасения (1, 15—20).

Нужно это было для отражения ложных учений, которыми недобрые мудрователи покушались возмутить чистую веру колоссян. Те ставили Христа Господа в ряд хотя и высших, но тварных сил. Почему святой Павел выставляет ту истину, что Спаситель наш есть Бог истинный, естеством Бог, Коим не перестал быть и воплотившись для совершения домостроительства спасения нашего. Мысль Апостола утверждена на Божеском лике Христа Господа, седящего одесную Бога Отца, поклоняемого всеми силами небесными. К созерцанию сего он востек и нас возвел, сказавши пред сим, что в Господе Иисусе мы всегда имеем избавление и оставление грехов. Ибо причина сему, не здесь, а в других местах им высказанная, есть та, что Он сидит одесную Бога Отца и ходатайствует о нас (см.: Рим. 8, 34). Почему при тех словах мысли нашей естественно возноситься на сию высоту, чтобы вместе с Апостолом, вперив взор ума в Божественный лик Христа Спасителя, внимать словам его о Божестве Иисуса Христа Господа.

Божественное величие Христа Спасителя, ни для какой твари недосязаемое и не вместимое, святой Павел живописует, представляя, что есть Господь Иисус: α) яко Бог, Сам в Себе, отрешенно от воплощения (1, 15—17); и что Он есть: β) яко Богочеловек, по воплощенному домостроительству спасения нашего (1, 18—20). Это

деление, течением мыслей определяемое, видно и внешно в образе речи: *Иже есть* (1, 15); *и Той есть* (1, 18).

α)

Господь Иисус Христос, по Божеству, есть: αα) единосущный Богу Отцу, прежде век рожденный Сын (1, 15); ββ) Творец всего сущего (1, 16) и: γγ) Вседержитель (1, 17).

αα)

Глава 1, стих 15. ***Иже есть образ Бога невидимаго, перворожден всея твари.***

Образ – указывает на единосущие со Отцом; в силу чего? в силу того, что рожден. Поелику рожден, единосущен; единосущен же будучи, есть образ.

Иже есть образ Бога, образ существенный, точь-в-точь сходный, ни в чем не отличный. Что есть Отец, то и Он. Смотри на Отца, смотри на Сына, – никакого отличия, кроме рождения. Святой Златоуст говорит: «слово: *образ* – указывает на ἀπαράλλακτον, на точь-в-точь сходность, на ни в чем неотличность; посему Он (Господь) ἀπαράλλακτος, точь-в-точь сходен (с Отцом), ни в чем не отличен (от Него)». Блаженный Феодорит пишет: «*образ* означает единосущие. Неодушевленные образы не имеют в себе сущности того, чего суть образы, но образ живой и ничем не разнствующий имеет одно естество с первообразом». То же читаем у Экумения: «Апостол

Сына называет образом (Отца), по причине ни в чем неотличности от Него и всесторонней сходности и равенства, как ἐκμαγεῖον (по-нынешнему сказать, как фотографический отпечаток первообразной красоты)». Приложим и Феофилактово слово: «говоря: *Иже есть образ Бога,* – Апостол представляет здесь Божескую славу и величие Единородного. *Образ*, говорит, есть, то есть точь-в-точь сходен, ни в чем не отличен. Нет меры для величия Его, чтоб (смеривши) мог ты сказать, сколько недостает в Нем (против Отца). Если б Он был образ, как человек, то имел бы ты что сказать (в сем отношении), потому что этот образ (человеческий) никогда не доходит до первообраза. Поелику же Он есть образ, как Бог и Сын Божий, то есть образ Бога совершенно сходный».

К более ясному представлению, как Бог Сын есть образ Бога Отца, могут вести следующие места Писания: *Иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу* (ср.: Флп. 2, 6); и: *Иже сый сияние славы и образ ипостаси Его* (Евр. 1, 3). Последнее место дает мысль, что Бог Отец видит в Боге Сыне отображение славы Божества Своего, почему Он и есть *образ ипостаси Его*. Как в зеркале, употребим человеческое сравнение, во всей точности отражается смотрящийся в него весь как есть: так весь как есть, существенно, всем Божеством Своим

отображается Отец в Сыне. Первое же место внушает, что Бог Сын, сый вечно во образе Божии, или будучи существенным образом Бога, есть равен Богу Отцу, стоит на одной линии, если можно так выразиться о Божеских Лицах, на одной линии Божеского величия с Богом Отцом; чему невозможно иначе быть, как по единосущию.

Иже есть образ Бога невидимаго. Выражение это порождает мысль, будто невидимое Божеское естество делается видимым в Сыне, в предвечном Его вынубытии*. Но думать так не следует. Если Сын есть точный образ Бога невидимого, то и Он невидим: иначе Он не был бы точным образом. Он есть образ Бога невидимого, но образ невидимый. Невидим Бог в Троице поклоняемый: невидим Отец, невидим Сын, невидим Дух Святый. Святой Златоуст говорит: «если Он (Бог) невидим, то и (образ Его) также невидим, потому что в противном случае не был бы образом». Блаженный Феофилакт заключает: «итак, то и другое соединяй, полагая, что Единородный есть обое — и образ, и невидимый».

И в воплощении Бога Слова невидимое Божество не сделалось видимым, а только присутствие Его стало как бы осязаемо познаваемым, но все же мысленно, а не видимо. Так святые Апостолы умно узрели в Господе Спасителе невидимое

* *Вынубытии* — вечнобытии.— *Ред.*

Божество и исповедали: *Ты еси Христос Сын Бога живаго* (ср.: Мф. 16, 16); так по воскресении святой Фома, как бы осязая невидимое Божество, в мысленном, однако ж, узрении Его воззвал: *Господь мой и Бог мой!* (Ин. 20, 28); так, когда возносился Господь видимо на небеса, невидимому в Нем Божеству поклонились Ангелы и доселе кланяются Ему в седящем одесную Бога Христе Спасителе (см.: Евр. 1, 6; 1 Пет. 3, 22). И еще узрится невидимое Божество в Видимом, грядущем судить живых и мертвых. Амвросиаст пишет: «Господь сказал Филиппу: *видевый Мя, виде Отца: и како ты глаголеши: покажи нам Отца? Не веруеши ли, яко Аз во Отце, и Отец во Мне есть* (ср.: Ин. 14, 9—10). Единосущие Отца и Сына есть то, что Они едино суть, так что видящий Сына видит Отца. Но каким образом Филипп, видя Сына, мог видеть Отца? Мысленными очами, видя Божеские дела Сына. Что творил Сын, о том сказывал, что оно Отцово, показывая единство Божеской силы. Тем же образом и Иаков видел Бога; почему и назван Израилем, то есть человеком, видящим Бога (см.: Быт. 32, 28). Итак, потому Господь назван образом Бога невидимого, чтобы дать разуметь, что Сам Он есть Бог, Который в Нем мысленно видится. Отец же никогда никоим образом не являлся видимо, как сказано в Евангелии: *Бога никтоже виде нигдеже* (Ин. 1, 18)».

Перворожден всея твари, «то есть рожден прежде всякой твари» (блаженный Феодорит). Если рожден, то от существа и естества Отца; следовательно, есть единосущен Ему; в чем прямое основание и того, что есть образ Его.

Перворожден всея твари. Этими словами определяются два отношения Сына: к Богу Отцу, что Он рожден от Него, и к тварям, что Он прежде всех их не сотворен, а рожден. Этим означается бесконечное отстояние от Него твари. Блаженный Феофилакт пишет: «Апостол показывает, что Сын есть прежде всякой твари. Как есть? Чрез рождение. Смотри, какова мудрость Апостола: не сказал просто, что Он прежде всякой твари, чтоб, слыша это, ты не подумал, что Он есть особо от Бога Отца; но сказал: рожден прежде всякой твари, научая тебя, что Он имеет Отца и от Него рожден есть. И этим вместе показал, что ин* есть Он и ино от Него все прочее: Он Сын из Отца, а прочее все тварь, именно Им сотворенная».

Ариане** думали иметь большую опору для своего лжеучения в сем месте. *Перворожден всея твари*, толковали они, означает, что Он стоит во главе тварей и, как первый из них, Сам тварь. Но в таком случае Апостол не сказал бы: *перво-*

* *Ин* – иной, другой. – *Ред.*

** *Ариане* – приверженцы псевдохристианской секты, основанной ересиархом Арием (256–336). – *Ред.*

рожден, — а: первоздан (см.: святой Златоуст). «А если вы слово: *перворожден* — считаете равнозначительным слову: первоздан; то Апостол сказал бы: перворожден (в смысле первоздан) иных тварей, кроме Него, прежде них рожденного (в смысле созданного)» (святитель Афанасий Великий*). Но Апостол говорит: *перворожден*. Рожден; следовательно, одного есть естества с рождшим Его Богом Отцом и чрез то бесконечно отстоит от твари. Рожден прежде всякой твари, следовательно, вечен: ибо время, как неотъемлемая форма тварного бытия, произошло вместе с тварию. Прежде твари вечность; и Рожденный прежде твари вечен; чем опять полагается бесконечное отстояние Сына Божия от твари. Сверх того перворожденный всякой твари вслед за сим именуется Творцом всяческих. Но когда творится что, из ничего творится. Творить же из ничего может только Тот, Кто Сам есть Сый; кто же сам из ничего есть, как тварь, тот творить не может. Следовательно, если перворожденный всякой твари все сотворил, то Сам Он не может быть тварию.

ββ)

Стих 16. ***Яко Тем создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая, аще престоли, аще господствия, аще начала, аще власти: всяческая Тем и о Нем создашася.***

---

* *Святитель Афанасий Великий († 373)* — Отец Церкви. — *Ред.*

Яко – означает, что тем, что здесь говорится, доказывается предыдущее. Поелику все создано Сыном, то очевидно, что Он прежде всякой твари и что Сам не есть тварь, а есть Сый; иначе не мог бы создавать из ничего; но не есть особо от Отца, а есть от Него и в Нем образом рождения, не отделяясь, однако ж, от Него. *Тем*, ἐν αὐτῷ, – а в конце стиха говорится: δι' αὐτοῦ καὶ εἰς αὐτὸν, – все вместе: в Нем, чрез Него и в Него или для Него. Апостольский ум, богопросвещенный, конечно, определенно видел, какие оттенки или стороны творческого дела обозначаются каждым из сих выражений. А нам можно сознаться, что не можем с уверенностию утверждать, что одним выражением означается именно то-то, другим то-то, третьим то-то. Нам лучше полагать, что так многими оборотами речи выражается лишь: что бы кто ни придумал потребным в деле творения, все то есть в Творце Сыне, проявлено Им и вложено в дело творения. Бог Сын все создал Сам, Своею силою и для Себя. Со стороны ничто пособствующее сюда не привходило.

Создана быша Тем, то есть как пред сим, *Перворожденным*, и, как еще повыше, *Сыном Божиим*. Дело творения есть дело Бога Триипостасного, Отца, Сына и Святаго Духа, нераздельно. Святитель Афанасий Великий многократно выражает сие так: все сотворено Отцом в Сыне чрез Святаго Духа, или Отцом чрез Сына во

Святом Духе. Почему Творец — Отец, Творец — Сын, Творец — Дух Святый, но не три Творца, а един есть Творец. Пророк Давид так исповедует сие: *Словом Господним небеса утвердишася, и Духом уст Его вся сила их* (ср.: Пс. 32, 6). Если в Писаниях Нового Завета более встречаем мест, в коих творение приписывается Сыну; то это потому, что святым Апостолам належала наибольшая потребность доказывать Божество Господа Иисуса Христа, Сына Божия воплотившегося, так как в Нем видимость естества человеческого сокрывала невидимое Его Божество; а наисильнейшим доказательством Божества служит творчество: ибо Кто творит из ничего, Тот есть Сый, Того сущность есть — быть, совмещая в Себе и всю полноту совершенств. Так и в настоящем Послании Апостолу нужно было поставить на вид Божеское величие Христа Спасителя, — он и говорит, что Им, яко Сыном Божиим и Богом, *создана быша всяческая*, не отстраняя, конечно, в уме своем Отца и Духа Святаго.

Заметим при сем, что все покушения определить, что именно принадлежало Сыну в деле творения, не должны быть почитаемы чем-либо достойным полного согласия, уважения и внимания. Считаются, например, много объясняющими такие выражения, что Сын есть в деле творения causa instrumentalis или causa exemplaris: первым означается, что Сын есть орудие творения, а

вторым, что Он, как премудрость, есть содержатель идей всех тварей. То и другое выражение будто объясняет что-то; но оба они устраняют Сына от творчества: ибо если Сын орудие, то не Он творит, а Им Отец; и если Он есть только содержатель идей, то представляется чем-то покоящимся, а не действующим. К тому же разумно ли говорить, что в равных во всем Лицах Бога одно есть орудие другого? И уместно ли думать, что идеи тварей только у Сына, а не и у Отца и Духа Святаго? А если и у Них, то зачем и философствовать: Сын causa exemplaris? Если уместно применять дело творения к деятельности нашей души; то смотри всяк, как она действует. Что бы она ни делала, всегда работает всеми своими силами: и умом, и волею, и чувством. Но стань разбирать и разделять, что какой силе принадлежит в деле, никак не разберешь с точностию. Так если и в своем деле не можем доискаться таких различий; где же нам домыслиться, что в деле Бога Триипостасного принадлежит Какому Лицу? И это тем паче, что и подобие трех сил в единой душе трем ипостасям в едином Боге есть крайне слабое, хотя и может быть принимаемо во внимание при размышлении о Боге: ибо в ней образ Божий есть.

Всяческая — все сущее. Затем перечисляет, *яже на небеси и на земли*, — земля со всеми на ней тварями и небо со всем сущим на нем.

Потом, так как при слове: *яже на небеси* — иной мог ограничиться помышлением лишь о солнце, луне и звездах, а Апостолу нужно было указать не это одно; то он присовокупил: *видимая и невидимая*,— как бы говоря: не это только одно разумею я, но и то, что сокрыто в них, разумею не видимый только мир, но и невидимый, духовный. Наконец, чтобы кто и в этом мире духов не исключил кого-либо из числа сотворенных Богом Сыном, Апостол пересказывает по именам сонмы их, *аще престоли, аще господствия, аще начала, аще власти*, и заключает: *всяческая Тем и о Нем создашася*,— все, все, что бы ты ни придумал и ни признал существующим, все Им создано.

Святому Павлу особенно нужно было остановить внимание на этом невидимом мире небесных сил духовных, потому что соблазнявшие колоссян лжеучители умствовали о них не как должно и в ряд их ставили Христа, Иисуса и Сына. Апостол говорит, что Господь Иисус Христос, Сын Божий, воплотившийся, не только не из числа их, а напротив, есть Творец их и Бог. Перечисляет он лишь четыре сонма их, надо полагать, только для примера. Можно дополнять: эти и все другие их сонмы, какие есть. Перечислять же все чины ангельские не настояло нужды. Не о них речь, а о Божестве Господа Спасителя, которое доказывается наипаче творчеством. Сказав:

всяческая Тем и о Нем создашася, — Апостол дает разуметь, что ничего не остается не созданного Им, кроме, конечно, Духа, иже от Отца исходит (см.: блаженный Феофилакт).

γγ)

Стих 17. *И Той есть прежде всех, и всяческая в Нем состоятся.*

«Часто повторяет одно и то же, чтобы учащением слов, как бы частыми ударами, с корнем иссечь нечестивое учение. И смотри, не сказал: пришел в бытие прежде всех, но: *Той есть прежде всех,* — что свойственно Богу» (святой Златоуст, блаженный Феодорит, блаженный Феофилакт). «Что бы ты ни придумал, найдешь, что Он есть прежде того, предсуществует тому, сопребывая вечно со Отцом и Духом» (Экумений). «Прежде всех Он есть; потому что Он один рожден от Бога Отца, от нерожденного естества Бога. А прочее все есть силою Его, которую Он имеет от Отца чрез рождение; и это не так, чтоб сотворенное имело какое общение с Ним по естеству, но так, что, получив бытие из ничего от Сына, действовавшего по мановению Бога Отца (или смановенно, единомысленно), оно Им и держится в бытии» (Амвросиаст). «Им получило бытие, Им и продолжает быть» (Экумений).

Это и есть цель Апостола в сем месте — показать, что Господь есть и Вседержитель. «*Всяческая в Нем состоятся.* Ибо Он не только есть

Создатель всего, но и промышляет о том, что сотворил, и правит тварию, и Его премудростию и силою стоит она» (блаженный Феодорит).

«Все Им держится. Он не только привел все это из небытия в бытие, но и теперь все это содержит, так что если бы что-либо изъято было из Его промысла, разрушилось бы и погибло. На Нем, говорит, все утверждается, потому что достаточно опереться на Него, а Он уж поддержит и крепко сдержит. Дабы ты не подумал, что здесь Он есть служебное орудие (то есть в промышлении, коему орудием служат Ангелы), Апостол говорит, что Он все это Сам содержит (Своею присносущною силою), что не менее значит, как и самое творение» (святой Златоуст).

β)

Показал Апостол, что есть Господь наш Иисус Христос по Божеству; теперь начинает речь о том, что Он есть по воплощенному домостроительству (1, 18—20). «Сказав о достоинстве, он говорит потом о человеколюбии» (святой Златоуст). «От богословия перешел к домостроительству» (блаженный Феодорит). — Здесь раскрываются два созерцания: αα) высота Богочеловека (1, 18—19) и: ββ) главное дело Его — примирение всяческих с Богом (1, 20).

αα)

Глава 1, стих 18. ***И Той есть Глава телу Церкве, Иже есть начаток, перворожден из мертвых, яко да будет во всех Той первенствуя.***

Той есть Глава – Тот, о Коем доселе возвещалось, Сын Божий, рожденный прежде век, все сотворивший, все содержащий и о всем промышляющий, Тот Самый *есть Глава телу Церкве*. Тело Церкви есть стройно сочетанная совокупность верующих во Христа Спасителя, облеченных в Него, Духом Святым оживотворенных и возрожденных и в живом состоящих союзе с Господом, – совокупность восстановленного человечества. Восстановлено оно первоначально в Нем, в Его Лице, а по Нему и чрез Него Духом Святым восстановляются и все верующие и, восстановляемы бывая, прилепляются к Нему существенно, едино с Ним бывают и Им содержатся: так что Он есть Глава их, и как родоначальник, и как держатель их. Там по порядку естества Он все сотворил, и *всяческая о Нем состоятся*; а здесь по домостроительству благодати все Им претворяется и опять о Нем же состоится, – пребывает и стоит. Так Церковь вся едино с Ним, а чрез Него и с Богом Отцом. Все возводится к единоначалию. «Церковь здесь стоит вместо всего человеческого рода», – говорит святой Златоуст. Это по силе воплощенного домостроительства и назначению его. Если не все войдут в тело ее для союза с спасительною Главою, не оно виновно, а сами те, кои не войдут. «Сказав: Глава, Апостол хочет показать близость к нам Господа и вместе великость человеколюбия Божия, – что

Тот, Кто так высок и есть выше всех, благоволил соединиться так тесно с нашею низостию» (святой Златоуст). О сем непрестанно в благодарных чувствах надлежит помышлять всякому верующему.

Иже есть начаток, ἀρχή, — начало восстановленного человечества. Оно в Нем сначала восстановлено, а потом по Нему и силою домостроительства Его восстановляются и все восстановляемые, прилепляясь к Нему верою. Он — начало, как источник, из коего течет восстановительная сила, и как родоначальник восстановляемых и норма восстановления. «Апостол представляет Его начатком, выражая мысль, что и прочие таковы же, как и Он», — говорит святой Златоуст.

Перворожден из мертвых. «Первый воскрес из мертвых; первый разрешил болезни смерти и вышел из утробы ее, как новорожденный» (блаженный Феодорит, блаженный Феофилакт). «И прежде бывали воскресающие; но опять умирали, показывая, что не имеют в себе силы воскресения. А Он, воскресши, уже не умирает, как содержащий в Себе силу воскресения» (блаженный Феофилакт). Сила сия такова, что служит основанием и источником и общего всех воскресения (см.: блаженный Феодорит). Он начал; после все, подобно Ему, изыдут из недр смерти, как новорожденные (см.: блаженный Феофилакт).

Почему и наименован перворожденным из мертвых. «*Перворожден из мертвых*, как прежде всех воскресший, за которым последуют и все прочие» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт). Амвросиаст пишет: «поелику *вся Тем быша*; то и восстановлену быть всему, после того как пало и повредилось грехом, тоже надлежало чрез Него, дабы, если бы оно чрез другого кого было восстановлено, не пала какая-либо тень на Него. Почему как от века прежде всех Он рожден есть, так опять прежде всех первым является и в воскресении от мертвых, возвратив ему чрез сие первоначальную жизнь. Прежде всех рожденный от Бога, Он создал всяческая из не сущих; и, опять родившись от Девы с воспринятою плотию, истребил грех, чрез деву Еву вошедший в мир, а с грехом и смерть. И так родившись и умерши, Он воскрес, чтобы созданное в начале и подпавшее смерти, чрез грех, опять воссоздать».

Восстановленное человечество, каким ему подобает быть в сем состоянии, явилось в воскресшем Господе. Почему собственно начатком его — такого — Он стал чрез воскресение, или яко перворожденный из мертвых.

Яко да будет во всех Той первенствуя. «Ибо, как Бог, Он *прежде* всех и со Отцом выну, а как человек, *перворожден из мертвых* и глава телу» (блаженный Феодорит). «Он везде первый,

первый в горних, первый в Церкви, как ее Глава, первый и в воскресении» (святой Златоуст). «Ибо Он и прежде всех веков рожден от Отца, и прежде всех человеков воскрес из мертвых, — воскресением, не видевшим уже смерти и дающим нетление всем» (Экумений, блаженный Феофилакт).

Во всех — во всех отношениях; в каких бы отношениях ни стал кто созерцать Его, везде обретет Его первенствующим. Но по течению речи Апостола берется во внимание только, с одной стороны, естественный порядок вещей, с другой — благодатный. Там первый, яко Творец и Промыслитель, а здесь, — яко Искупитель и Восстановитель.

Да будет. Так положено в Предвечном Совете Божием — быть Единому и Тому же и Творцом, и Промыслителем, и Искупителем, и, наконец, еще Судиею. Выставляет же сие Апостол на вид с тою целию, чтоб у верующих ум и сердце на Едином устанавливались и к Единому прилеплялись. Это в противность лжеучителям, которые вводили многие силы (эоны*) и чрез то многовластие. Слушающие их разбегаются в разные стороны вниманием и чаяниями, ничего не дающими. Воистину же Один есть упование наше, — и в Нем все.

---

* *Эоны* — у гностиков: духовные сущности. — *Ред.*

Стих 19. *Яко в Нем благоизволи всему исполнению вселитися.*

Доказывает, что точно от века положено, да будет Спаситель наш во всем первенствуяй: ибо так благоволил Бог, чтоб в Нем едином вселилась всякая полнота, — все сполна, что потребуется, для кого бы то ни было и для чего бы то ни было, и во времени и в вечности. Причина же, почему Он таков есть, та, что Он есть Богочеловек. Почему вселение в Нем всего исполнения означает и то, что *в Нем обитает вся полнота Божества телесне* (Кол. 2, 9). «*Всяким исполнением* назвал Апостол полноту Божества. Как есть Сын и Слово, яко Бог, так и вселился в Нем, — не действие Его вселилось, а Сам Он, существом Своим или Своею полною ипостасию» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт, Экумений). По сей причине и все потребное в Нем совмещено: помимо Него ничего не бывает и не получается и до Бога ничто не доходит. Амвросиаст пишет: «Всякая полнота в Нем есть и пребывает, Он всегда все может: Он создал и воссоздал, падшее восставляет и мертвое оживотворяет. Почему и говорит: *якоже Отец имать живот в Себе, тако даде и Сынови живот имети в Себе*. И еще: *якоже Отец воскрешает мертвыя и живит, тако и Сын ихже хощет, живит* (ср.: Ин. 5, 26, 21). Что столь справедливо, как то, чтобы Бог Ему предал суд над тем, что

создал чрез Него? Что вся полнота Божества в Нем обитает, видно из того, что, как мы сказали, Он имеет всякую власть и силу; а это и значит, что Он есть Бог совершенный, потому что кто этого не имеет, тот не есть Бог».

Бог Отец во время крещения и преображения свыше свидетельствовал о Христе Спасителе: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих* (Мф. 3, 17; 17, 5), — или на Коем почивает все Мое благоволение. Чего ради? Того ради, что Им и в Нем вся Божия воля исполняется, все планы и намерения Божии, всякое Божие изволение в Нем приходят в совершение. Все же положенное к исполнению Им и в Нем исполняется; потому что Он есть Сын Божий и Бог воплотившийся. Поэтому и почил и почивает на Нем Бог Отец благоволением Своим.

ββ)

Стих 20. ***И Тем примирити всяческая к Себе, умиротворив кровию креста Его, чрез Него, аще земная, аще ли небесная.***

И Тем примирити всяческая к Себе — это главное, чему исполнену быть благоволил Бог чрез Сына Своего воплотившегося. *Примирение* подает мысль о вражде (см.: святой Златоуст) и, как видится, между Богом и тварию: ибо говорит: *примирити всяческая к Себе,* — то есть Бог благоизволил всяческая примирить с Собою чрез Сына Своего воплотившегося. Какая же это

вражда? Бог не враждует, ибо бесстрастен; а тварь и подумать не посмеет о том, чтоб враждовать на Творца своего и Бога. Что же есть эта, пресекаемая примирением, вражда? Есть выступление из закона воли Божией. Святой Павел, пиша (к римлянам) о мудровании плотском, сказал, что оно *есть вражда на Бога*; и тотчас приложил объяснение, почему так назвал его: *закону бо Божию не покаряется* (Рим. 8, 7). Таким образом, по нему, вражда на Бога есть непокорность закону воли Божией. Кто выступил из закона воли Божией и пребывает в своем непокорении ему, тот и враждует на Бога. Таков и есть падший человек. Сын Божий воплотился, чтоб примирить его с Богом, то есть ввесть его в порядок жизни по воле Божией.

Но это будет примирение только человека, а Апостол говорит: *примирити всяческая*, — под чем разумеет все, — и земное, и небесное. Как тут применимо слово: *примирити*? Так же, как и в отношении к человеку. Когда выступил человек из воли Божией; то и все пошло не так, как от начала благоизволил Бог, — не по воле Божией: ибо все пришло в разлад. Силы небесные не могли быть мирны к человеку, по причине непокоривости Богу (см.: блаженный Феодорит), и вся тварь вооружилась на человека. Ибо она пребыла в воле Божией, как не имеющая произвола, а он выступил из сей воли, быв, однако ж,

существенно связан с тварию. Она и теснит его, как идущего поперек богоучрежденному порядку. По намерению же Божию всему надлежало пребывать в стройном согласии. Сын Божий пришел и воплотился, чтоб уничтожить и этот разлад всяческих. Почему Апостол, сказав: *примирити всяческая*, — прибавил: *умиротворив* и земное, и небесное. «Одно здесь указывает на вражду, именно: *примирити*, — а другое — на войну и разлад, именно: *умиротворив*» (святой Златоуст). Но и это умиротворение совершено тем же путем, то есть введением человека в порядок жизни по воле Божией. Ибо если разлад чрез выступление из сей воли; то пресечение разлада — чрез вступление в нее и пребывание в ней.

Как же совершено? *Кровию креста*. Ею примирение с Богом, ею умиротворение всяческих, ею восстановление падшего. Все дело воплощенного домостроительства таково: Сын Божий, воплотившись, подъял крестную смерть и тем снял с человека вину греха; за тем воскресши и вознесшись на небеса, открыл Духу Святому Животворящему путь нисхождению в человечество. И Он, нисшедши на Апостолов и чрез них Церковь святую устроивши, — пребывает в ней, чрез святые таинства всех возрождая, животворя, и в воле Божией содержа руководством Своим и благодатною силою Своею, всякого с верою прилепляющегося к Господу Спасителю. Так всякий

вводится в порядок жизни по воле Божией; следовательно, так и примирен бывает, так и умиротворен. Поелику Дух Божий не сошел бы, если б не была снята вина с человека крестною смертию Сына Божия, а без благодати Святаго Духа человек не вошел бы в порядок жизни по воле Божией и, следовательно, не был бы ни примирен, ни умиротворен; то Апостол все благо сие и относит к крови креста, как единственному источнику. Кровь сия и омывает и благодатию Духа Святаго оживотворяет для жизни по Богу.

Апостол пишет: *благоизволи примирити, умиротворив*, — как о деле, окончательно совершившемся. Оно таково и есть по силе своей и пред всевидящим оком Божиим. В действительности же пришествием Сына Божия во плоти, крестною Его смертию, воскресением, вознесением и сошествием Святаго Духа, ему положено только начало, живо и богатно действующее. С момента сошествия Святаго Духа начало действовать, продолжает действовать и будет действовать до скончания века примирительная и умиротворительная сила воплощенного домостроительства, чрез введение верующих в порядки жизни по Богу оживотворением Духа Святаго. Но это зримо только очами веры. В настоящее время все, сподобляющиеся сего блага, собираются окрест седящего одесную Бога Христа Спасителя. Если б отверзлись очи наши и мы узрели сие, то на

деле уразумели бы, что есть примирение всяческих с Богом и умиротворение земных и небесных. В конце веков, когда станет небо ново и земля нова, все сие явно всеми узрится и уразумеется.

Можно, или и должно, полагать, что сила примирения и умиротворения чрез воплощенное домостроительство начала действовать вслед за падением. И силам небесным и всей твари следовало бы вооружиться против человека, как только он вышел из воли Божией. Если тварь после греха не подавила его, если силы небесные не восстали на него, тотчас как согрешил, если гнев Божий не поразил его в самом действии греха, то все сие потому, что наперед уже положено было быть примирению, — был уже и Примиритель, приявший на себя дело примирения, которое тотчас и начало действовать, как только оказалась нужда.

Мы не можем знать, как отнеслись бы к нам Ангелы, если б не примирение; но можем гадать по Ангелу, ставшему с мечом у входа в рай, и по тем случаям, как они потом поражали грешников. Не можем знать также, как отнеслась бы к нам прочая тварь, если б не было примирения; но можем гадать по потопу, по жжению Содома, поглощению морем египтян и подобному. Поелику же положено было быть примирению, то и Ангелы, и тварь начали с самого начала служить

сему делу, — те — помогая более внутренно, а сии — вразумляя более внешно: ибо чрез нее наложена епитимия на согрешившего. Оттого видим Ангелов, воспевающих радость рождения воплощенного Бога Сына, Спасителя, возвещающих светлое воскресение Его, с восклицаниями сопровождающих Его на небо и там Ему поклоняющихся и Его славящих. Чего ради? Конечно, и ради того, что зрели в Нем свое примирение с братиями своими по духу, плоть носящими, имеющее в свое время явиться в силе своей. Видим также, что в час пролития крови на кресте тварь отдала несколько мертвых воскресшими, не потому ли, что восприяла чаяние откровения во славе сынов Божиих, когда и она явится во славе умиротворения своего с своим главою, ради коего подверглась невольно суете и тлению.

Вот как благоизволил Бог примирить всяческая к Себе чрез Сына Своего воплотившегося, умиротворив кровию креста Его и земное, и небесное. Приведем сказанное о сем нашими толковниками. Святой Златоуст говорит: «великое дело — примирить, а что чрез Сына, еще больше, и этого еще больше, что кровию Его, и не только кровию, но, что еще больше, крестом; так что здесь пять вещей, достойных удивления: примирил — с Богом — Сам Собою — смертию — крестом. Как премудро совместил все сие святой Павел в немногих словах! Он хотел особенно

показать, что Сын Божий совершил дело примирения не изречением слова (как в творении: *рече и быша*), но чрез предание Себя Самого (в жертву примирения)».

Блаженный Феодорит пишет: «Он совершил наше примирение, претерпев спасительное страдание, излияв кровь, принесши за нас жертву; и сочетал небесное и земное». Читаем и у Амвросиаста: «чтобы восстановить созданное Сыном чрез Сына же, Бог Отец, когда в среду тварей чрез грех вошло разложение и они вступили в раздор не только между собою, но и с Творцом своим, благоизволил уничижену быти Сыну Своему чрез воплощение, дабы, соделавшись человеком, Он показал и научил, как может быть примирено с Творцом сущее на тверди небесной и на земле. И Сын Божий, чтобы привесть сие в совершение, претерпел за людей кровавую смерть на кресте».

Так изъясняются слова: *благоизволи примирити к Себе, умиротворив кровию креста Его.* О словах же: *аще земная, аще ли небесная* — читаем у святого Златоуста: «что значит: *(умиротворив) небесная*? Что касается до *земнаго*, то это понятно, потому что здесь все было наполнено враждою, каждый из нас был в несогласии сам с собою и с другими многими. Но как Он умиротворил *небесная*? Уже ли и там был раздор и несогласие? Нет; но земля отторглась от

неба, и Ангелы вооружились против людей, видя оскорбляемым от них Владыку своего. И сию-то вражду Господь пресек. Как? Переселив на небо человека. Он не только умиротворил земное, но возвел человека к Ангелам, возвел на небо того, кого там не любили. Вот это — глубокий мир! Ангелы опять стали являться на земле, потому что и человек явился на небе. Бог низвел их к людям, а людей возвел туда. Сначала Ангелов низвел к нам, а потом человека возвел к Ангелам; земля стала небом, потому что небо имело приять еже от земли. Теперь небо уже не заграждено от нас непроходимою преградою; и каждый верующий имеет своего Ангела. Откуда это видно? Выслушай слова Христовы: *блюдите, да не презрите единаго от малых сих, яко Ангели их выну видят лице Отца Моего Небеснаго* (ср.: Мф. 18, 10)».

вв)

Показав как высоту домостроительства, так и образ совершения его, святой Павел наконец напоминает колоссянам, что: α) сего великого дара и они сподобились (1, 21—22); и обнадеживает, что оно пребудет вечным их достоянием, если: β) соблюдут должные к тому условия — веру крепкую и упование неподвижное (1, 23).

α)

Глава 1, стихи 21—22. *И вас иногда сущих отчужденых и врагов помышленьми в делех лукавых,*

ныне же примири в теле плоти Его смертию Его, представити вас святых и непорочных и неповинных пред Собою.

Это или приложение сказанного, или пример в объяснение его. Вот и вас примирил Бог Себе, не лишил сего великого дара. Или так: чтобы вам яснее было, что такое есть примирение и в чем оно состоит, смотрите на себя, что были и чем стали по домостроительству спасения во Христе Господе. Блаженный Феодорит такой делает перифраз* сему месту: «по себе заключайте и о всех. Ибо вы, живя в лукавстве и злочестии и вовсе будучи лишены света боговедения, соделались близкими Богу, потому что Владыка Христос заплатил долг ваш, предав тело на смерть, чтобы вы, удостоившись звания, соделались святыми и свободными от всякого порока».

И вас иногда сущих отчужденых — отчужденных от Бога и от жизни Божией. Не указывается, как это сделалось, потому что это им известно было: чрез падение отпали от Бога, отчуждились от Него и остались в сем отчуждении; понравилась жизнь вне Бога и избрана в постоянный образ жизни, в которой и пребывали они доселе. Святой Златоуст слова: *сущих отчужденых* — понимает: отчуждавшихся. «Дабы, говорит, ты не вообразил себе какой-либо необходимости (в деле такого отчуждения), Апостол

* *Перифраз* — здесь: пересказ. — *Ред.*

говорит: и вас отчуждавшихся. Не одно и то же — избавить от зла человека, который по необходимости потерпел зло, и человека, который добровольно подвергся ему: первый достоин сожаления, а последний отвращения. Однако ж Бог, несмотря на то, примирил вас Себе, отступавших от Него не по неволе, не по принуждению, но добровольно. И Ангелы давно желали примирения, и Бог; только вы не хотели». В слове: отчуждавшихся — и такая подается мысль: вы не только не ожидали (см.: святой Златоуст), не только не желали, даже и думать о том не думали, нарочно отвращались от Бога и бегали от Него.

И врагов помышленьми. Вражество в отношении к Богу, как прежде объяснено, есть выступление из воли Божией и упорное в нем пребывание, наперекор Богу. *Отчуждение* дает мысль только о невнимании и холодности; а *вражество* предполагать заставляет некую неприязненность и раздраженное противление, может быть, не прямо Богу, но жизни по Богу, а чрез нее уже и Богу. Возлюбившему грех все Божеское неприятно, и если он стоит на путях греха, то раздражает и вызывает неприязнь. Когда обращается кто к Богу, такие расположения переиначиваются, неприязнь обращается на грех, к Богу же и Божескому теплиться начинает благорасположение. *Помышленьми*, τῇ διανοίᾳ, — чем означается весь внутренний строй: и мысли, и чувства, и

расположения, и планы, и сочувствия, все лицо человека с сознанием и свободою,— всем этим, говорит, вы были преданы делам лукавым,— злым, беззаконным, и в них ходили, даже помышлением не выходя из круга их. Поелику такой порядок жизни противен воле Божией, то по всему существу своему вы были пропитаны богопротивлением, или вражеством Богу. Святой Златоуст говорит: «Апостол пишет: *и врагов помышленьми в делех*,— показывая тем, что отчуждение их было не только в намерении, а что? *и в делех лукавых*, то есть вы и были врагами, и действовали как враги». Уж что внутри, то и вне: от избытка сердца не уста только говорят, но и ноги ходят, и руки действуют.

Так вот какими вы были некогда, то есть до вашего уверования и прилепления ко Христу Господу. Несмотря, однако ж, на такое ваше отчуждение от Бога и вражество в отношении к Нему, Он ныне примирил вас Себе. Какое благо устроил Он для всего человечества, того сподобил и вас. Как примирил? Так же, как положил и всех примирять: *в теле плоти Его, смертию Его*. Бог благоволил, чтобы Единородный Сын Его, нисшедши на землю, приял на Себя плотяное тело, видимое и осязаемое, и, в нем умерши крестною смертию, снял с людей вину греха и проложил им путь к новой жизни в благодати. Все, верою к Нему прилепляющиеся, получают

ради смерти Его прощение грехов, с Богом примирение и новую — святую жизнь. Кому и как притещи* ко Христу Господу, Бог Сам все устрояет, и, если кто, позван будучи, верует и установляется в вере, того Он примиряет к Себе и сподобляет всех благ примирения. Вот Он и вас сподобил всего этого. До вас дошло благовестие, без вашего искания. Это Бог довел его до вас; и призвание вас к вере как бы из уст Его исходило. Когда вы склонились к вере, Он укрепил вас в сей вере и в купели крещения, сделав вас общниками крестной смерти Сына Своего, снял с вас грехи, примирился с вами и новую вам даровал жизнь. Вот как Бог Отец вас, чуждавшихся Его, врагами себя Ему являвших расположением к неугодной Ему жизни греховной, примирил Себе смертию Сына Своего воплотившегося.

Но примирил Он вас, отчужденных и врагов, не оставляя врагами же и в отчуждении от Себя; а тем и примирил, что из врагов претворил вас в другов и из чуждых — в Своих Себе сынов и дщерей. Это и выражается словами: *представити святых и непорочных и неповинных пред Собою.* — *Представити* — явить и сделать: ибо представляют обычно дело уже сделанное. *Пред Собою* — пред Своим всевидящим оком. Какова же должна быть их святость? Такова, чтоб и пылинки

* *Притещи* — приблизиться, приступить. — *Ред.*

никакой нечистой в них не оставалось. Сам Бог и пред Собою же представляет вас святыми. Если, представляя дело другим, стараются, чтоб оно имело совершенный вид; не тем ли паче когда делают что для себя? Если Бог, желая вас представить пред Собою святыми, Сам и делает вас такими, а Он и знает и может сделать это наисовершеннейшим образом; то кто может измерить вашу святость, а не только найти в ней что несовершенное? Слова: *святых, непорочных, неповинных* — означают в совокупности полнейшую святость, всестороннюю и всестепенную. Если различать их, то, может быть, можно так: неповинный — тот, с кого вина снята; непорочный — тот, кто сам в себе чист; святой — тот, кто сверх того обогащен всякого рода добрыми и богоугодными делами. Святой Златоуст, толкуя сие место, светлое в благодати состояние колоссян объясняет усвоением им того, что для всех сделано Господом Спасителем. «Господь Спаситель не только освободил нас от грехов (оправдал, снял вину греха), но и поставил в числе заслуженных и любимых. Он столько претерпел не для освобождения только от зла, но и для того, чтобы возвести нас к первоначальному состоянию, подобно тому, как если бы кто, освободив осужденного от наказания, возвел его еще в почетное состояние. Он поставил нас в числе не согрешивших ни в чем или, лучше, в числе не

только не согрешивших, а и совершивших величайшие подвиги». Это, для всех сделанное, Бог Отец присвоил и даровал вам, колоссяне, говорил Апостол.

Представити – цель показывает. Бог примирился с вами, врагами и отчужденными, с тем, чтобы представить вас, или сделать столь совершенными. Но как, не указывается. Примирился смертию Сына Своего; но в этом только возможность, начало и исходный пункт к представлению и святыми. Как же самым делом приходит к концу сие освящение? Так: верующий полагает намерение и решимость жить прочее свято и непорочно. Благодать Божия во святом крещении укрепляет сие решение и делает его мощным, *еже ктому не работати греху*. Вышедший из купели уготованным на всякое дело благое и начинает потом богатиться всякими благими делами, борясь со грехом и в себе и вовне. Длится неизменно подвиг сей, зреет и святость. Наконец все и внутри и вне исполняется святостию; и верующий может быть почтен стоящим пред Богом в совершенстве, святым, не как сам собою сделавшийся таким, а как сделанный таким Самим же Богом Отцом, благодатию Духа Святаго, в силу крестной смерти Сына Своего, по благоволению Отца, во святыни Духа, чрез кропление кровию Иисус-Христовою (см.: 1 Пет. 1, 2). Но хотя совершенная святость есть только в цели,

однако ж, ради ревности о том деятельной, Бог имеет тех, кои так ревнуют, совершенно святыми: ибо Ему виден конец пути каждого.

Таким образом представление святыми есть для каждого еще в цели, требует подвига и времени. Почему слову: *представити* – нельзя считать чуждою и ту мысль, что сие окончательно будет явлено на последнем суде. На это между прочим указывает Амвросиаст.

β)

Очевидно после сего, что представление святыми, а далее и примирение не безусловно. Как прежде отчуждение и грех были не против воли; так теперь примирение и святость не без воли. Что же требуется?

Глава 1, стих 23. *Аще убо пребываете в вере основани и тверди, и неподвижими от упования благовествования, еже слышасте, проповеданное всей твари поднебесней, емуже бых аз Павел служитель.*

Аще пребываете. Если поставим эту речь в связь с предыдущим, то получим: Бог примирился с вами, чтобы представить или сделать вас святыми. Он и представит или сделает, если пребудете тверды в вере и неподвижимы от упования. Так требуется, если при слове: *представити* – иметь в мысли то, как совершится сие в конце всего. Похоже на это пишет блаженный Феодорит: «будете же святы, непорочны и неукоризненны, если будете держаться того, чему научились

в начале, и хранить твердым преподанное вам учение». Но если при этом иметь в мысли, как святость под действием Божиим спеется в действительности, то будет: Он и представляет или соделывает вас святыми, если вы твердыми пребываете в вере и неподвижны от упования, — соделывает, хотя вы и не замечаете того. Ваша вера и упование дают Ему простор действовать в вас всею силою благодати Своей. Он и действует, и спешно ведет вас к предопределенному совершенству в святости. То ли или другое взять, очевидно, что святой Павел «этими словами, — как говорит святой Златоуст, — предохраняет их от беспечности».

Святой Павел поминает только о вере и уповании, как условиях преуспеяния в святости. Но где же любовь? Как разлучена она от своих неразлучных содружниц? Любовь уже предуказана действующею в стремлении к святости под действием благодати. Ревнование о преуспеянии в делах благих, созидающих святость, есть любовь в действии. Вера же и упование то же суть для него, что воздух, влажность и тепло для развивающегося семени. Та и другое рождают из себя множество благопомышлений, которые своим влиянием сильны держать ревнование в постоянном напряжении; и пока вера и упование сами пребывают в силе, дотоле ревнование о святости, или деятельная любовь, ослабеть не может. Вот

и причина, почему Апостол о них только помянул, как условиях содевания святости, ясно выражая, что они должны быть содержимы в силе. Силу веры выразил он словами: *основани и тверди*, — а силу упования словом: *неподвижими*. Все эти выражения означают одно — непоколебимость. Святой Златоуст говорит: «и не просто сказал: *пребываете*, — потому что есть пребывание шаткое и колеблющееся и есть стояние и пребывание твердое. Но говорит: *аще пребываете основани, тверди, неподвижими*, — то есть не только не колеблющимися, но и непоколебимыми».

Вера внушает: мы погибающие; но пришел Господь и спас нас. Веруй Ему и ты — и спасешься. Кто содержит это в сердце с таким убеждением, с каким уверен, что существует, у того вера тверда, глубоко пустила корни внутрь сердца и стоит как дерево, прочно укоренившееся. Упование неразлучно с верою. Вера открывает, что Спаситель наш есть Бог, Который есть истинен, премудр, благ и всемогущ. А это суть основы упования. Верующий непременно уже и уповает. Первое движение упования есть упование спасения в Господе Иисусе Христе, удостоверяющее, что помимо Него нет спасения и что Он не оставит верующего Своею помощию и руководством, сохранит на пути спасенном, несомненно спасет и живот вечный дарует. Упование осеняет

настоящую жизнь и простирается на будущую, все под влиянием веры. «Апостол говорит как бы: если вы пребудете в вере, то надежда на получение будущих благ несомненна» (святой Златоуст). Почему Он упование и сочетал с благовествованием. Благовествование веру проповедует. Но чтоб возбудить веру, дает обетования. Уверенность в обетованиях завершает образование веры, а вера крепит упование. Кто тверд в вере благовествуемой, тот неподвижим и от упования, данного благовествованием. Сказав так, Апостол внушил, что ни на чем другом они не должны основывать упования спасения, как на том, на чем основывает его благовествование, то есть на Господе Иисусе Христе, и ничего не примешивать к сему единому основанию. Святой Златоуст говорит: «Кто есть упование благовествования, как не Христос? *Той бо есть мир наш*» (Еф. 2, 14). Почему <тот>, кто на другом ком или чем основывает упование свое, тот сдвигается с истинного основания его; и все губит, потому что не на Христе стоит (перифраз из святого Златоуста). Подобное пишет Амвросиаст: «для того святой Павел выше показал, сколь велико и сколь беспредельно могущество Христа Господа, чтоб научить, что в Нем едином должно полагать упование. Ибо всё — Его, и ничто без Него жить не может, ни на небе, ни на земле. *И Той есть прежде всех и всяческая о Нем состоятся*. Во

всем Он держит первенство: так что, если кто думает, что должен оказывать благоговеинство (Божеское) пред какими-либо стихиями или Ангелами, тот да ведает, что заблуждается. Ибо Он один есть Сын Божий, Глава всякого начальства и власти, благовестие о Коем прошло по всему миру. Итак, Он один должен быть слушаем и почитаем, и наравне с Ним никого не должно ставить. Ибо, кто глава, тот и все тело держит; и отделившийся от главы, которою все тело содержится в жизни, труп есть».

Поелику и вера, и упование как рождены, так и питаются благовествованием; то святой Павел выставляет особенную цену и высокое значение его, останавливая мысль колоссян на его повсюдности, как делает это и в начале. Благовествование это, говорит, не вы одни слышали, но слышала и приняла вся тварь поднебесная, — разумея, конечно, под сею тварию тварь разумную, то есть людей. Прочитав это, всякий не мог не сделать такого наведения: если, как я слышал и уверовал, и всюду так проповедано и уверовано, и это по Божию повелению и распоряжению; то никакого не будет смысла, если я позволю себе сколько-нибудь уклониться от внушений принятой веры или сдвинуться с оснований упования, на коих стою. Святой Златоуст говорит: «святой Павел опять приводит их самих во свидетели, а потом и всю вселенную. Не говорит он: благовествования

проповедуемого, но *проповеданнаго* и уверованного. Так он сделал и в начале, желая свидетельством многих и их утвердить».

Емуже бых аз Павел служитель.

Бых — не был, а сделался, сделан, поставлен. Святой Павел поставлен служить благовестию среди язычников, которые наполняли всю вселенную. Почему, сказав, что благовестие проповедано и уверовано во всей вселенной, он помянул и о себе, употребив такой оборот переходом к изложению того, что имел нужду сказать о своем служении. Святой Златоуст говорит: «и это он делает для удостоверения; ибо имел большую важность, так как был повсюду прославляем и был учителем вселенной». А блаженный Феодорит такое делает при сем наведение: святой Павел не сказал бы сего, если бы никогда не видал их. Ему заметили бы: если ты поставлен проповедником для язычников, то почему пренебрег нас и не преподал нам евангельского учения?

б) Участие Апостола в приложении сего домостроительства к язычникам (1, 24—29)

Перешедши к показанию своего служения благовестию в конце предыдущего стиха, святой Павел продолжает речь о том уже и до конца главы. Прямо: бб) об этом говорится в стихах 25—27, именно: мне назначено служить Церкви чрез

возвещение тайны Божией о призывании язычников и самым их призыванием. К сему: аа) маленьким введением служит стих 24; а: вв) в стихах 28—29 говорится: что я и исполняю усердно.

аа)

Глава 1, стих 24. ***Ныне радуюся во страданиих моих о вас, яко исполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей за тело Его, еже есть Церковь.***

Ныне — может быть признано следственною частицею: почему. Сказал: я служитель благовестия, чрез которое вы сподобились таких благ. Теперь говорит: почему радуюсь, несмотря на страдания, или при всех страданиях, радуюсь успехам благовестия, и радуюсь из-за вас, что сподобились вы евангельских обетований. Или *ныне* — частица времени; ныне, в моем положении, в страданиях моих. В таком случае связь с предыдущим не видна. Речь начинается новая; и если угодно кому поставить ее в связь с предыдущим, то ее надо провести мысленно, — додумать. Святой Златоуст так это делает: «какая здесь связь? Как будто незаметна, но в самом деле большая. Я, говорит, *служитель*, вместо того, чтобы сказать: я ничего не ввожу сам от себя, а возвещаю учение другого. В истине же возвещаемого я так уверен, что и страдаю за него, и не только страдаю, но и радуюсь в страданиях». Так и Экумений с Феофилактом.

Радуюсь не страданиям, а: *во страданиих*. Радости другой источник. Радуюсь, видя, что дело, к коему я приставлен, идет успешно; радуюсь, что вы причастны Евангелия и благ его; радуюсь и по причине несомненности упования в будущем. Вот как наши толковники излагают сие. Радуюсь в страданиях: «радуюсь, взирая на то, чего ожидаем мы в будущем» (святой Златоуст); радуюсь, «зная, что сим приобретается жизнь» (блаженный Феодорит); «дает знать Апостол, что радуется в страданиях, какие претерпевает; потому что в вере верующих видит успех свой. К тому же и не напрасно такое страдание, когда чрез него стяжевается Тот, ради Кого претерпевается, и стяжевается в живот» (Амвросиаст).

В страданиих о вас. Страданиями Апостол называет узы, которые терпел, и терпел за то, что язычникам преподавал Евангелие в чистом его виде, не примешивая ничего из подзаконного и не поблажая ему. Почему, говоря: *во страданиих о вас*, — он, конечно, разумел: о вас, яко верующих из язычников. Если допустить, что Апостол разумел страдание прямо за них, то надо принять, что он видел их и они суть его лично ученики. Так блаженный Феодорит: «какое было бы основание не видавшему их и не преподавшему духовного им учения прямо сказать, что подвергается он за них различным опасностям?»

Экумений и за ним Феофилакт под: *о вас* — разумеют: ради вас, ради вашей пользы: «стражду ради вас, чтоб чрез то пользовать вас, принесть нам пользу». Страдание за благовестие свидетельствует, что проповедующий так уверен в истине благовестия, как в том, что существует; почему не колеблется и жизнию своею жертвовать за него. А это как сильно влияет на твердость веры верующих?!

Но думается, что лучше слово: *о вас* — соединять с: *радуюся*: радуюся о вас, что веруете, стоите в вере и причастны благ веры. Хотя греческое выражение не в пользу такого понимания; но течение речи чрез это приобретает большую ясность и стройность. Я Апостол ваш; почему радуюсь успехам вашим и этою радостию восполняю лишение, которое испытываю в скорбях за Христа Господа.

Яко исполняю лишение скорбей Христовых. Это место трудновато и толкуется разно, смотря по тому, какие кто мысли соединяет со словами: *скорби Христовы, лишение, исполняю*. Течение речи, думается, оправдывает более всего такую мысль: радуюсь о вас в страданиях и тем пополняю то, чего лишают меня скорби Христа ради. Она проста, вводит в течение речи естественность и легкость для представления содержания ее и с намерением Апостола сообразнее. Чем больше можно засвидетельствовать любовь, как сказав:

радость о вас пополняет все лишения, каким подвергаюсь?

В подлиннике стоит не: *яко исполняю*, а: *и исполняю*. Так читают и все наши толковники. Это *и* — обязывает в следующем за ним положении видеть мысль однозначительную с предыдущею, такую, которая служила бы ей или в пояснение, или в приложение. *Исполняю*, ἀνταναπληρῶ. Исполняю, ἀναπληρῶ, — когда недостает чего к полноте целого; а: ἀνταναπληρῶ — значит, что от целого что-либо оторвано и на место того добывается нечто новое, чем и пополняется образовавшийся ущерб. Ущербы свои, или то, что у него отрывалось, Апостол выражает словом: ὑστερήματα — лишения, совмещая под сим все, чего лишали его скорби Христовы. *Лишение скорбей Христовых* означает не недостаток скорбей, а лишения от скорбей Христовых, скорбями сими причиняемые. *Скорби Христовы* — не скорби, кои Сам Христос Господь терпит, а скорби, кои претерпеваются за Христа, — то же, что страдания Христовы в следующем месте: *якоже избыточествуют страдания Христовы в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше* (ср.: 2 Кор. 1, 5). Скорби или страдания Христовы лишали Апостола многого: общения с братиями, удобств проповеди, свободы, чувства безопасности жизни, покойного сна, пищи и пития и другого многого. Они причиняли ему большой

ущерб, производили большое опустошение, большую образовывали пустоту. Но, говорит Апостол, сколько бы ни была велика пустота, как ни многочисленны были ущербы и лишения, все их я пополняю радостию о вашей вере и твердости в ней. Все сказанное вместе дает: радуюсь о вас, о вере вашей и твердости в ней, — в страданиях моих, и этою радостию пополняю все лишения, какие причиняются мне сими страданиями, или скорбями за Христа Господа. Какая сильная выражается радость! И какая крепкая свидетельствуется любовь к колоссянам! Это и желал показать Апостол, чтоб потом иметь основание сказать: *колик подвиг имам о вас* (2, 1).

Слова: *во плоти моей* — указывают на страдания, лишения и скорби внешние, в теле и в внешнем положении причиняемые. А слова: *за тело Его* — надо признать поясняющими, — *скорби Христовы*. Радостию о вас пополняю внешние лишения от скорбей за Христа Господа и за тело Его, которое есть Церковь, чтоб она стояла, расширялась и наслаждалась благосостоянием.

Но, признавая такое толкование за лучшее, не чуждаемся и другого, наиболее приемлемого, по которому *скорби Христовы* признаются скорбями, которые Христос терпит, только не Сам в Себе, а в лице верующих, в настоящем месте — в лице святого Павла, — *во плоти моей*; *лишение скорбей Христовых* понимается как недостаток

сих скорбей, как бы Христос Господь не все еще претерпел, что нужно, и продолжает дотерпливать то, не в том смысле, чтоб страдания и крестная смерть Господа не содержали достаточно искупительной цены, а в том, что приложение дела искупления к людям требует страдания, которое Христос и терпит в теле Церкви по таинственному, но тем не менее живому союзу с нею, как Глава. Смысл слов Апостола посему таков: чего недостает в скорбях Христовых, то я восполняю страданиями во плоти моей за Церковь — тело Его. Вот слова о сем святого Златоуста: «*и исполняю*, говорит, *лишение скорбей Христовых во плоти моей*. Кажется, он сказал нечто великое; но это не следствие забвения своей меры, но плод великой любви, какую питает он ко Христу. Он не хочет признать страданий своими, а признает их Христовыми и говорит как бы: что я стражду, то за Него или ради Него стражду; поэтому не мне воздавайте благодарность, а Ему: ибо это Он сие страждет (во мне). Очевидно, что так выразился Апостол, желая присвоить (привлечь и привязать) колоссян ко Христу. Как если бы кто, будучи к кому-либо послан, попросил другого: прошу тебя, сходи за меня к такому-то; и этот потом говорил бы: я это делаю за такого-то (так и здесь). Почему Апостол не стыдится говорить, что и эти страдания (кои, то есть, терпит Апостол) Его суть: ибо Он

не только умер за нас, но и после смерти готов страдать ради нас. Апостол с настойчивостию старается показать, что Христос собственным Своим телом бедствует за Церковь, и на то наводит колоссян (чтоб они стали держать в мысли): не мы вас приводим к Нему, а Он Сам вас приводит к Себе, хотя (по видимости) мы это делаем: ибо мы не свое дело взяли на себя, а Его. И это все равно, как если бы какой воевода, имея под командою своею особое войско, ввел его в бой и потом вынужден был оставить свой пост; тогда раны, какие следовало бы ему принимать, принимал бы под-воевода до самого конца сражения. А что у Апостола действительно та мысль, что он за Христа это делает (то есть страждет), слушай: *за тело Его*, говорит, желая этим сказать: не вам дарю я это (скорби), а Христу: ибо что следовало Ему страдать, то я стражду за Него. Смотри, как сильно он выражается и какую сильную показывает любовь! Как во Втором Послании к Коринфянам говорил он: *в нас положи служение примирения* (ср.: 2 Кор. 5, 18); и опять: *по Христе посольствуем, яко Богу молящу нами* (ср.: 2 Кор. 5, 20): так и здесь говорит он то же самое: за Него я взялся страдать, чтобы тем более привлечь их ко Христу. То есть: если Он, отошедши (чрез вознесение), и остался чем-либо должен, я за Него отдаю (плательщик). Для того сказал Он и: пополняю *лишение*, чтобы

показать, что, по его мнению, Христос еще не все претерпел. За вас, говорит, и по смерти Он страдает, если осталось в этом что-либо недостающее. В Послании к Римлянам делает он это другим образом, говоря: *Иже и ходатайствует о нас* (Рим. 8, 34) (сказав наперед, что Он умер, но воскрес и седит одесную Отца), показав тем, что Он не удовольствовался смертию только, но и после того делает бесконечно многое. Итак, он говорит так, не вознося себя, но желая показать, что Христос и доселе печется о них». — Вот слова Амвросиаста: «Апостол говорит, что страдания, причиняемые верующим, Самому Христу наносимы бывают; потому что их преследуют за Его учение, — и говорит так для того, чтобы, с одной стороны, утяжелить вину жестокости неверных, с другой — представить верующим избыточество любви Божией к ним в том, что Сын Божий даже доселе терпит за них напраслины».

Блаженный Фотий* у Экумения толкует несколько иным образом, что́ есть восполнение скорбей Христовых. По нему, восполняются скорби Христовы не Христовыми скорбями, а нашими. Христос пострадал за нас; мы должны отплатить Ему за сие нашими страданиями за Него. Но вполне это сделать нет возможности: ибо Христово страдание имеет бесконечную цену, а

* Вероятно, *святитель Фотий Константинопольский (†891)* — византийский богослов. — *Ред.*

наше – что?! При всем том, однако ж, чем больше страдаем, тем ближе подходим к мере страданий Христовых, и всякое новое страдание наше все восполняет и восполняется, чего еще недостает в наших страданиях до меры страданий Христовых. И вот эта-то мысль и есть у святого Павла в настоящем месте. Вот слова его: «Христос, заушения, поругания и бичевания понесший и распеншийся за нас, не только все уплатил за нас, но уплатил в бесконечной мере, паче слова и разума. Чрез это и мы сделались должниками Ему, то есть должны, вместо оных бесконечных и мироспасительных страданий, и сами терпеть и переносить всякие страдания и скорби за Христа и тело Его, чтобы отплатить то, что пострадал Христос за нас. Но вполне отплатить за это, так чтобы и наши страдания были одинаковы и равны Христовым и никакого в них против тех не было недостатка, невозможно. Сколько бы и что бы мы ни пострадали, все еще много будет оставаться недостающего против страданий Христовых. Ибо как можно отплатить то, что владыка пострадал за раба, тем, что раб страждет за владыку? Очевидно, сколь это неодинаково и неравно. Или как можно отплатить безгрешное страдание за грешников и оскорбителей своих тем, что страждут грешники за благодетеля своего безгрешного? Почему сколько бы кто ни страдал, желая заплатить за страдания Христовы, всегда будет только

восполнять лишение скорбей Христовых (то есть недостающее в его страданиях против страданий Христовых)».

бб)

Стих 25. ***Ейже бых аз служитель по смотрению Божию, данному мне в вас исполнити слово Божие.***

Ейже — Церкви Божией, за которую, по любви к Господу и делу Его, столько страдал и такие нес лишения. *Бых* — сделан, поставлен *служителем.* Прежде говорил, что поставлен служителем благовестия, а здесь говорит, что поставлен служителем Церкви. Сначала не было Церкви; были только избраны и снабжены всем нужным соорудители ее; снабжены же словом благовестия и благодатию: *шедше научите — крестяще.* Благовестие собирало материал для построения Церкви, а благодать обделывала сей материал, приспособляла к зданию Церкви и полагала на свое место в самом здании. За тем образовавшуюся уже Церковь благовестие — освежало, оживляло и укрепляло. Таким образом, служение Церкви без служения благовестию не было и не бывает. Почему и здесь говорит святой Павел, что он поставлен служителем Церкви: *исполнити слово Божие,* — в сем исполнении полагая главное дело своего служения. «Мне, говорит, спасение Церкви поручено и вверено служение проповеди, чтобы всех вас исполнить Божественного учения» (блаженный

Феодорит). Другие наши толковники делают при сем такое наведение: я служитель, и сам собою ничего не делаю, но исполняю, что повелено не человеком; а Богом. Почему вы беспрекословно должны слушаться поставленного Богом служителя. Зачем же вводите вы тут Ангелов? об этом я не давал вам заповеди (см.: святой Златоуст, блаженный Феофилакт, Экумений).

По смотрению Божию, данному мне в вас. — *По смотрению*, κατὰ τὴν οἰκονομίαν, — по экономии* Божией, по домостроительству Божию. Дом Божий есть святая Церковь. Дому сего Владыка есть Христос Господь с Богом Отцом и Духом Святым. Домоправители и приставники — святые Апостолы. Каждому из них дано свое дело; дано свое дело и святому Павлу. «Вознесшись на небо, Господь нас оставил преемниками служения в деле домостроительства Церкви» (святой Златоуст, Экумений, блаженный Феофилакт). Об этом распределении служений по домостроительству Церкви и говорит здесь Апостол. Что именно ему поручено, это указывает он вслед за сим: *исполнити слово Божие в вас*, — то есть язычниках. При этом как у Апостола, так и у читающих, знавших его, не могло не воспроизвестись в памяти и то, как это ему поручено: что в настоящем случае было столь важно, что

* *Экономия* — греческое: οἰκονομία — домостроительство. — *Ред.*

нельзя не предположить, что Апостол намеренно помянул об особенном распоряжении Божием относительно его. Я ваш Апостол, по Божию смотрению: зачем же вы допускаете к себе других? Такое напоминание об особом избрании Апостола оживляло убеждение в истине его проповеди и еще более сильным делало это: зачем? Такое наведение при сем делает святой Златоуст, а за ним и другие — наши.

Слово Божие — слово о спасении в Господе Иисусе Христе. — *Исполнити* — исполнить или до конца довесть дело проповеди о сем спасении, или исполнить ею всю вселенную, как Апостолу языков, коими была полна вся вселенная. Соединяя слово: *исполнити* — со словом: *по смотрению*, — получим наведение, что Апостол хотел внушить: если это по смотрению Божию, то ведайте, что, только благодатию Божиею, как я довольным являюсь к тому, чтобы просвещать вас словом, так и вы — способными воспринять сие просвещение. Без сей благодати ни я не мог бы убедить вас, — столь омраченных и в такое неведение погруженных, — ни вы не могли бы принять столь высокие догматы. Не Павловой и не вашей силы это дело, а Божией, — Божия смотрения (см.: святой Златоуст, блаженный Феофилакт). — *В вас* — в таком сочетании поставлено у Апостола, что его можно относить и к данному *в вас* служению, и к: *исполнити слово*

Божие в вас. Мысль одна, куда ни отнесть сие слово: ибо и служение, данное в них, есть исполнение слова Божия, — и исполнение в них слова есть совершение данного служения.

Пространство же слова: *в вас* — такое: или *в вас* — всех языках, или *в вас* — колоссянах, яко единых от язык. Можно не напрягаться установить одно определение; потому что не в этом дело, а мысль и та и другая уместна. Блаженный Феодорит и здесь не пропускает случая сделать наведение, что Апостол сам видел колоссян: «явствует отсюда, что, видев их, написал Послание». Но под словом: *в вас* — блаженный Феодорит разумеет не одних колоссян, а верных в целой вселенной.

Стих 26. *Тайну сокровенную от век и от родов, ныне же явися святым Его.*

Поясняет, что означает слово Божие, которое поручено было ему исполнить, — означает *тайну, сокровенную,* и прочее. Построение речи требует прибавить местоимение: который, или после: *тайну,* — или пред: *ныне.* Лучше первое. Будет: *тайну, которая была сокрыта от век и от родов, ныне же явися святым.* Или, если не прибавлять: который, надо *явися* изменить в: *явльшуюся*; чтоб было: *ныне же явльшуюся.* Тайна сия есть спасение рода человеческого в Господе Иисусе Христе. Тайна сия была сокрыта в Боге предвечно и положена вместе с Советом Божиим

о сотворении мира. Но Апостол говорит не о сей сокровенности, хотя косвенно и ее можно доразумевать, но о сокровенности от века и от родов, то есть как начались века и роды, она все была сокрыта; если пойдешь мыслию назад, то пройдешь все роды и все времена и веки и нигде не найдешь, чтоб она была кому-либо ведома. Один Бог ее знал, из прочих же существ, способных познавать, то есть разумных тварей, никто не знал ее. Но как же никто не знал? Ведение о ней начало быть открываемо с самого падения и потом все более и более она раскрываема была? Была открываема и все же оставалась прикровенною. По намерениям Божиим не следовало открывать ее в такой определенности, в какой она явилась в исполнении. Она оставалась лишь чаянием чего-то великого, без ясновидения. И это лишь в малейшей части рода человеческого, в народе иудейском. Что касается до других народов, то у них и этого не было. Но кажется, святой Павел разумеет здесь ту особенно сторону сей тайны, которою касалась она язычников, как подает о сем мысль последующая речь (*тайны сея во языцех*). Предсказания об Избавителе грядущем как были изрекаемы в уши народа иудейского, так были и им присвояемы лишь себе. Предуказывалось участие в сем избавлении и языков; но не было определенно видно, как сие совершится. Почему могло думаться и думалось,

что им нельзя иначе сподобиться сего блага, как прошедши чрез иудейство. Чтоб языки могли прямо, без всего, даже без обрезания, сделаться участниками его, это было невместимо ни для какого человеческого ума. Эта часть тайны была решительно сокровенна и никому в ум не приходила дотоле, пока не явилась в своей действительности. *Ныне же явися святым Его*. Действительное явление тайны предшествовало ее уразумению. И после того не все уразумели ее, а только святые, и те не сами собою, а по особому откровению: *явися*, ἐφανερώθη, — стало явно, или явно открыто. В Деяниях сказывается, как сие совершилось, в истории об обращении Корнилия. Святой Златоуст говорит: «*явися*; следовательно, и это есть дело домостроительства Божия. *Явися святым*. Если одним только святым, то значит еще и ныне она сокрыта (для многих)».

Стих 27. ***Имже восхоте Бог сказати, кое богатство славы тайны сея во языцех, иже есть Христос в вас, упование славы.***

Имже восхоте Бог сказати. Подается мысль, что и из святых тайна сия не всем открыта, а только тем из них, которым восхотел открыть Бог. Блаженный Феофилакт пишет: «чтоб ты не спрашивал, чего ради святым только открыта тайна, и то не всем, Апостол присказал: *имже восхоте Бог*. Хотение же Божие всегда высочайше премудро. — Мог бы, конечно, Апостол сказать:

достойным, но не сказал, желая научить смирению тех, кои сподобились сего, чтоб они, зная, что получили откровение по благословению Божию или благодати, смиренно о себе мудрствовали и не высоко, будто получившие по достоинству». Святыми у Апостола называются все христиане. Дело показало, что не все христиане, вначале бывшие исключительно из иудеев, понимали тайну сию, даже после того, как Бог Сам особым Своим действием ввел в Церковь чрез апостола Петра целое семейство языческое. После сего уже начали прозревать в нее способные, сначала, конечно, Апостолы, а потом и прочие верующие. Вслед за сим воздвигнут и Апостол языков, — и тайна стала почти общеизвестною. Блаженный Феодорит пишет: «*тайною* назвал Апостол проповедь о домостроительстве, как древле для всех неизвестную и ведомую одному Богу. И вот это, говорит Апостол, что сокрыто было от прежних родов, ныне явил Бог *святым, имже восхоте*, то есть Апостолам, а чрез них и уверовавшим. И сим показывает, что прежде закона и прежде устроения мира Бог всяческих предопределил сие домостроительство, а нам святым, продолжает Апостол, сделал известным».

Кое богатство славы тайны сея во языцех. «Преблаголепно выразил Апостол свою мысль и, желая показать весь вес усвоения домостроительства спасения и язычникам, от преизбытка

чувства приискивает пояснения к пояснениям» (святой Златоуст). Коль богатна и преизобильна слава тайны или домостроительства спасения, когда посмотришь на нее в приложении ее к язычникам! Надобно стать на точку зрения, с какой тогда смотрели на язычников иудеи, — от каковой не отступал и святой Павел, — и потом представить, каковыми становились они, делаясь христианами, — чтоб приблизиться к мысли Апостола. Это делает святой Златоуст: «и в других является великая слава тайны сея (то есть спасения в Господе Иисусе Христе); но в них (язычниках) гораздо более. Ибо людей более бесчувственных, чем камни, вдруг возвести к достоинству Ангелов, единственно посредством безыскусственных слов и одной веры, без всякого труда, — это действительно слава и богатство тайны, подобно тому, как если бы кто-нибудь пса, издыхающего от голода и паршей, гнусного и отвратительного, уже не могущего двигаться и заброшенного, вдруг сделал человеком и показал на царском престоле. Смотри: они поклонялись камням и земле, были пленниками и узниками диавола — и вдруг наступили на главу его, господствовали над ним и бичевали его. Слуги и рабы демонов сделались телом Господа Ангелов и Архангелов. Не знавшие даже, что есть Бог, вдруг стали сопрестольниками Бога. Хочешь видеть бесчисленные ступени, которые они перешагнули?

Нужно было им, во-первых, познать, что камни не боги; во-вторых, что не только они не боги, но что ни земля, ни животные, ни растения, ни человек, ни небо или что выше неба также не есть Бог; в-третьих, что ни камням, ни животным, ни растениям, ни стихиям, ни горнему, ни дольнему, ни человеку, ни демонам, ни Ангелам, ни Архангелам, ни другой какой-либо из тех высших сил не должна поклоняться человеческая природа. Как бы черпая из некоей глубины, им надлежало познать, что Господь всего — Той есть Бог, что Ему одному должно служить, что дивное устройство жизни есть благо, что настоящая смерть не есть смерть, а настоящая жизнь — не жизнь, что тело восстанет, сделается бессмертным — и человек водворится с Ангелами. Человека, стоявшего так низко, после того, как он перескочил все эти ступени, Иисус Христос посадил на небесах, на троне. Того, который был ниже камней, поставил выше Ангелов, Архангелов, Престолов, Господств. Действительно хорошо сказал: *кое богатство тайны сея*? Дело подобно тому, как если бы кто-нибудь глупого вдруг сделал философом. А лучше сказать: что ни говори, не объяснишь как должно мысли Апостола».

Иже есть Христос в вас. — *Иже* — стоит вместо *еже*, — что допускает строй греческой речи. *Еже*, — то есть *богатство славы тайны сея*, — *есть Христос в вас.* Как будто хотел

сказать: нет нужды размножать слов: довольно сказать: *Христос в вас*. Ибо если Он в вас, то с Ним и несчетные блага, в Нем роду человеческому дарованные, все те суть в вас. Одним словом сказать: *Христос в вас*. Или так: все сие богатство славы тайны сея состоит, или видно, в том, что Христос в вас. *Христос в вас* с благами Своими. Это вы испытываете и на деле видите, сколь велико и славно благо сие. Вот это и есть *богатство славы тайны сея*. «Объясняя, что такое — *богатство* и что такое — тайна, говорит: *Христос в вас*, — то есть то, что вы познали Христа и Он есть в вас» (блаженный Феофилакт).

Христос в вас — упование славы. «*Упованием славы* Апостол назвал славу ожидаемую» (блаженный Феодорит). «Ибо чрез Него надеемся мы улучить вечную славу. Упование наше преславное и непостыдное есть Христос Господь» (блаженный Феофилакт). Апостол внушает: слава, явленная на вас чрез то, что вы сделаны причастниками домостроительства спасения в Господе Иисусе Христе, всеконечно есть великая, богатная и преизобильная; но она есть только начаток славы. Настоящая слава в полном ее блеске и великолепии ожидается в будущем. Ручательство же в том, что она действительно откроется и что вы и ее будете причастниками, есть то, что *Христос в вас*.

вв)

Стих 28. *Егоже мы проповедуем, наказующе всякаго человека, и учаще всякой премудрости, да представим всякаго человека совершенна о Христе Иисусе.*

Егоже, — то есть Христа Господа, — «Того, Кто выше всех, Кто господствует над Ангелами и имеет власть над прочими силами, нисшел долу, соделался человеком, претерпел бесчисленные мучения, воскрес и вознесся, — вот Кого *мы проповедуем*, прияв Его свыше» (святой Златоуст). *Проповедуем*, καταγγέλλομεν, — долу возвещаем Седящего горе одесную Отца во славе и над всем властвующего, «как бы низводя Его с высоты» (блаженный Феофилакт, Экумений). Мы, Апостолы, — истинные учители вселенной, Богом и Господом Иисусом Христом поставленные, благодатию Духа Святаго снабженные и посланные во всю землю. Другой истинной проповеди на земле нет, кроме той, которую мы проповедуем. Такое внушение очень нужно было для колоссян.

Наказующе и учаще, νουθετοῦντες καὶ διδάσκοντες. Этим или означаются приемы учительские, по коим сначала разъясняют (διδάσκω) истину, а потом убеждают в ней, в ум и сердце влагают (νουθετέω); не останавливаются на одном указании истины, но склоняют к ней и покоряют ей. Что последнее стоит на первом месте, это можно объяснить или важностью сего дела, или

тем, что показание порядка сих двух занятий учения Апостол считал делом безразличным: ибо ниже (см.: 3, 16) слова сии стоят у него в обратном порядке. – Или, может быть, слова сии показывают порядок приведения ко Христу: сначала посредством вразумления (νουθετέω) приводят в чувство страха Божия и раскаяния пред Богом, и потом посредством научения (διδάσκω) указывают образ примирения с Богом чрез веру в Господа, Искупителя и Спасителя. Или, наконец, «под: *наказующе* – можешь разуметь уроки деятельной жизни, а под: *учаще* – истолкование догматов» (блаженный Феофилакт).

Всякой премудрости, ἐν πάσῃ σοφίᾳ. Так читают все наши толковники и разумеют под сим не предмет наказания и научения, а способ: со всякою премудростию. Святой Златоуст говорит: «во всякой премудрости, то есть со всякою премудростию и разумом, или: все говоря в премудрости. Здесь нужна вся премудрость; ибо познать это не всякий может». Экумений взывает: «не требуется ли крайняя мудрость для того, чтобы убедить звероправные языки?» Блаженный Феофилакт прибавляет к сему и еще нечто: «чтоб с успехом научить сему, нужна всякая премудрость, заимствуя потребное то из Писаний, то из разума, то из еллинских писателей: как сделал святой Павел в Афинах». Апостол о себе засвидетельствовал, что он для всех был всё,

чтобы кого можно спасать проповедию своею. И степень образования, и нрав, и внешние обстоятельства приемлющих учение требуют особого внимания. Уметь всем пользоваться для успеха научения и есть мудрость учащего.

Да представим всякаго человека совершенна о Христе Иисусе. – Всякаго человека – это уже в третий раз говорится: ибо и после: *учаще* – тоже стоит: *всякаго человека*. Так и все наши толковники читают. Верно, Апостол чувствовал нужду на это более направить внимание колоссян, внушая, что ни для кого из людей не назначено ни других, кроме нас, учителей, ни другого учения. Мы одни для всех учители, и одно для всех поручено нам учение, которое и стараемся мы передать всякому, наказующе всякого и учаще всякого, чтоб представить всякого совершенным во Христе Иисусе. Или, может быть, святой Павел хотел выразить широту и стремительность любви своей к людям и спасению их. «Ненасытима была святая душа его и желала всякого человека привести ко Христу» (Экумений). «Что ты говоришь: *всякаго человека*? Да, говорит, мы об этом заботимся. Если это не исполнится, не наша вина. Божественный Павел старался сделать совершенным всякого» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт).

Да представим всякаго человека совершенным – цель наказания и научения со всякою

премудростию. Что значит — *представим*? Учитель имеет в виду представить на экзаменах своих учеников благоуспешными; но прежде того всячески заботится подготовить их к тому. То же и у Апостолов. И они имели в виду представить всякого человека совершенным пред лицем Бога на суде; но прежде того вся забота их была обращена на то, чтобы сделать всякого человека таковым. То дальнейшая цель, а это ближайшая. И более вероятно, что Апостол, говоря: *да представим*, разумел: да соделаем. На эту ближайшую цель обращены были все труды их наказания и научения со всею мудростию; а та — дальнейшая, по достижении сей ближайшей, достигалась уже сама собою.

Что есть совершенство человека во Христе Иисусе? Кто, сознав свою безответную виновность пред Богом, покаялся и, прибегши верою к Господу Иисусу, как единому Спасителю, прилепился к Нему вседушно, положив ходить в заповедях Его неуклонно, потом, освятившись благодатию чрез таинства, действительно течет сим путем, преуспевая во всяком деле благом, всю, однако ж, надежду спасения полагая и при сем в едином Господе; тот стоит на верном и надежном пути к истинному совершенству о Христе Иисусе, и если не сойдет с него, то несомненно достигнет возможной для него степени совершенства. Вот о сем и была вся забота у Апостолов, чтоб,

преподав всякому истинное учение о спасении в Господе Иисусе, отклонить его от греха и страстей, воодушевить на жизнь чистую и святую и, вооружив благодатию Духа Святаго, действительно направить на такую жизнь и потом держать в ней. Таким образом — совершен о Христе Иисусе, кто и верует право, и живет по вере неукоризненно, в Господе полагая все свое спасение и любовию к Нему горя.

Стих 29. *В немже и тружда́юся и подвиза́юся по действу Его, действуемому во мне силою.*

То говорил Апостол о себе наряду с другими Апостолами, а теперь о себе одном, показывая, как относится к общему Апостольскому делу — посредством наказания и научения представлять всякого человека совершенным о Христе Иисусе. — Как же? *В немже и труждаюся*, εἰς ὃ, — на это именно и мои труды направлены, и труды не какие-нибудь, а усиленные, сопровождаемые борьбою и подвигом. «Не просто стараюсь, говорит, не как случилось; но: *труждаюся*, ἀγωνιζόμενος, — *подвизаяся*, — то есть со всяким тщанием, со всякою бдительностию» (святой Златоуст), «со всякого рода подвигами» (блаженный Феофилакт), «борясь со врагами видимыми и невидимыми» (Экумений). Подвиг предполагает и всякое внутреннее усилие — заботы, молитвы, попечения, и всякое внешнее борение и препобеждение препятствий и в приемлющих учение, и в противниках

его. «Словом: *подвизаюся* – Апостол показал, что против него воюют многие» (святой Златоуст). Но, говорит, «вспомоществуемый благодатию Божиею, всякий труд и подвиг приемлю на себя охотно, чтобы учением проповеди всех людей сделать совершенными» (блаженный Феодорит).

По действу Его, действуемому во мне. – Κατὰ τὴν ἐνεργουμένην, – по Его воздействию, действующему во мне. Он возбуждает, Он руководит, Он укрепляет и всякое дело до конца доводит. Он есть действуяй во мне; я только орудие. Он воздействует; я только не упираю ногами и ни от какого труда и подвига не отказываюсь, к которому Он меня возбуждает и наводит. «Показывает Апостол, что все у него есть дело Божие; и это не по смирению только, но по истине» (святой Златоуст). Сказавши: *труждаюся и подвизаюся,* – весь свой труд и подвиг возводит ко Христу, говоря как бы: не мое это дело. Делающий меня сильным и довольным к таким трудам и борьбам с противниками, Христос есть подающий мне действенную силу.

Силою, ἐν δυνάμει, – сильно, – не для Апостола только ощутимо, но и для всех видимо. Если содействие Господне не ограничивалось одним внутренним в Апостоле действием, но обнаруживалось и вовне, так как и подвиги предлежали внешние; то нет основания не допустить, что сло-

вом: ἐν δυνάμει — указывается и на чудодейственную силу, всюду сопровождавшую проповедь Апостольскую и проявлявшуюся в знамениях, как только того требовала нужда. Амвросиаст пишет: «подвиг борьбы с врагами благовестия я вел, говорит, спомоществуемый силою знамений. Ибо кто дерзал противоречить учению словесному, по внушению хитроумного диавола, тот со стыдом должен был уступать силе знамений».

Последний стих о трудах и подвигах Апостола по делу научения и возведения верующих к совершенству служит переходом к вразумлению колоссян.

в) Предостережение колоссян от лжеучений (2, 1—23)

В этом предостережении Апостол сначала делает: аа) подступ к нему (2, 1—7), потом предлагает: бб) общее предостережение от всякого философствования, иного от учения веры (2, 8—15), и, наконец: вв) указывает определенные заблуждения, которых должно чуждаться (2, 16—23).

аа)

Подступая к предостережению колоссян, Апостол, после: α) изъявления заботы своей о них и соседях их (2, 1—3), указывает: β) на доброе состояние их по вере и жизни, которому, однако ж, грозит опасность от словопрителей (2, 4—5); почему внушает: γ) быть твердыми и не изменять принятого (2, 6—7).

α)

Глава 2, стих 1. *Хощу убо вас ведети, колик подвиг имам о вас и о сущих в Лаодикии, и во Иераполи, и елицы не видеша лица моего во плоти.*

Пред сим поминал о трудах и подвигах своих вообще о всяком верующем. Теперь изъявляет, что то же самое имеет и в отношении к ним: чем свидетельствует свою к ним любовь, чтоб расположить с покорностию и вниманием выслушать спасительные, но несколько и укорные внушения и вразумления.

Хощу вас ведети – обычный Апостолу оборот речи, как и другой: *не хощу вас не ведети.* Хощу, чтоб вы знали. Это не то же, что холодное: извещаю; но выражает потребность любящего сердца, чтоб любимый не сомневался, что благо его оно считает собственным и заботится о нем искренно. «Желательно мне уверить вас» (блаженный Феодорит). *Колик подвиг имам* – какую имею заботу, какое попечение и болезнование сердечное, с готовностию подъять ради вас всякого рода труды. «Великую сначала показывает к ним любовь, чтоб благосклоннее была принята последующая речь» (блаженный Феофилакт). Но такое слово могло отозваться горечью в сердце от мысли: если болит о нас сердцем, значит, опасается за нас. Чтобы отвесть этот удар, Апостол присоединяет к ним лаодикийцев, иерапольцев и других. «Чтоб не показалось, что причиною

такого болезнования — их немощи (может быть, их одних), он присовокупил и других» (святой Златоуст). Он хотел сказать: «какая великая у меня забота и о вас, и о лаодикийцах, и не только о вас и лаодикийцах, но и о всех, даже не видевших еще меня» (блаженный Феодорит). *И во Иераполи* — не читают все наши толковники. Словом: *во плоти* — Апостол не имел в мысли показать что-либо особенное, а лишь выразительнее представить, что лично не видели его. Из этого места не следует непременно, что и колоссяне с лаодикийцами не видели лично Апостола, как поминалось во введении.

Стих 2. *Да утешатся сердца их, снемшихся в любви, и во всяком богатстве извещения разума, в познание тайны Бога и Отца и Христа.*

О чем забота? *да утешатся сердца их.* — *Их*, — по ходу речи, надо принимать в смысле: ваши. Говорят, что еврейский язык это допускает. Апостол воспользовался тем, потому что ему нужно было подержать несколько внимание колоссян на неопределенности указания, чему очень способствует здесь: *их*. Но в чем *да утешатся*? Ни о каком горе нет помина в Послании. Но была опасность разойтись в убеждениях, что не могло не нарушить взаимного мира и не лишить сердца спокойствия, подаемого полным во всем согласием. Почему говоря: *да утешатся сердца ваша*, Апостол мог иметь в намерении выразить

желание, чтоб сердца их всегда пребывали в утешительном состоянии, всегда вкушали утешение, — подразумевая то утешение, которое исходит от единомыслия, как показывает следующая за сим речь.

Снемшихся, συμβιβασθέντες. Это слово греческое употребляется, когда разладившие опять улаживают между собой дело и восстановляют согласие. *Снемшихся* — будет: сладившись, или уладивши между собою, в чем разладили, ἐν ἀγάπῃ, — полюбовно. Но это подало бы мысль, будто между ними уже произошел разлад, а об этом и в Послании нет намека, и в начале, где благосклонность снискивается, говорить об этом не мог святой Павел. Почему, оставляя за сим словом то же значение слаживания, мысль с ним, как и с: *да утешатся,* — следует соединять такую: да пребываете в утешении, пребывая в слажении, подразумевая лад единомыслия; ἐν ἀγάπῃ, — в слажении любовном или полюбовном. У Апостола забота не о любви, а о единомыслии. Таким образом Апостол, не укоряя их в разладе, сильный дает намек о возможности его и ясно выражает свое благое для них желание, чтоб сего не случилось, и тем уже дает, в духе отеческой любви, сокровенное предостережение. Блаженный Феофилакт пишет: «вот уже касается и догмата; но ни осуждает их, ни вполне освобождает их от обвинения (эти слова из святого Златоуста).

Подвиг, говорит, *имею*. Чего достигнуть желая? Чтоб они не разно мудрствовали, а слажены были и объединены все в едином веровании. Как? Не по принуждению какому, но полюбовно. Сказал же это Апостол, потому что несогласные с верою мудрования обыкновенно производят и разделения».

В чем слажены, пребывая полюбовно? *Во всяком богатстве извещения разума.* — *Извещения*, πληροφορίας, — убеждения; *разума*, συνέσεως, — сознания, совести. Будет: слажены, пребывая в сознательном, добросовестном, разумном убеждении, и не просто в каком-либо убеждении, а в убеждении богатном, сильном, всеобъемлющем. Желаю, чтоб вас всех преисполняло всякое богатство разумного убеждения, — в едином, — и тем слаживало вас. Святой Златоуст говорит: «Апостол желает, чтоб они ни в чем не сомневались, чтобы во всем были убеждены. Он говорит о том убеждении, которое происходит от веры. Бывает убеждение и вследствие умозаключений; но оно не имеет никакой цены. Я знаю, говорит, что вы веруете; но хочу, чтоб вы были убеждены, и убеждены богатно, убеждены и во всем, и твердо. Вы знаете, как я забочусь о том, чтоб вы были убеждены разумно, а не безотчетно».

Относительно чего же желает он слаженными им быть в убеждениях? Относительно познания

таинства веры. *В познание тайны Бога и Отца и Христа.* Какая тайна Бога Отца и Христа? Тайна спасения нашего в Господе Иисусе Христе, устроенного по благоволению Бога Отца. «Апостол показал сими словами, что тайна домостроительства есть дело общее Отцу и Сыну» (блаженный Феодорит). Существо же домостроительства в том, что «к Богу и Отцу приведение мы имеем только чрез Сына, Господа Иисуса Христа» (Экумений). Отпали мы от Бога и Отца, и приведение к Нему не иначе может иметь, как чрез Единородного Сына Его, воплотившегося, пострадавшего, воскресшего, вознесшегося на небеса и человечеством седящего одесную Отца. Вот как открыт нам снова путь к Богу! И вот в чем тайна домостроительства спасения нашего! В признании сего, εἰς ἐπίγνωσιν, — сойдитесь вы крепкими убеждениями и, сошедшись, пребывайте слаженными в сем, не допуская никакого разлада, чтоб всегда пребывать в отрадном утешительном состоянии. Таков предмет благожелательного попечения святого Павла о колоссянах.

Стих 3. *В Немже — суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна.*

В Немже, — то есть в Иисусе Христе. Как Бог, Он все знает, подобно Отцу, и «ничего нет неведомого Ему из того, что знает Отец» (Экумений).

«Словом: *сокровища* — показывает Апостол множество (великую цену), словом: *вся*, — что Он все знает, а словом: *сокровенна*, — что Он один все знает» (святой Златоуст). «Он один все знает; но эта исключительность только в отношении к тварям разумеется, а не в отношении ко Святой и преблагословенной Троице» (Экумений). «Нечто особенно великое выражает здесь Апостол. *В Нем вся сокровища*. Он есть самопремудрость и самоведение» (блаженный Феофилакт). Так первая мысль при сих словах та, что Господь Иисус Христос, как Сын Божий и Бог, Сам все знает. И это для цели Апостола очень пригодно, ибо внушало: «если так, то у Него должно просить всего; Он дает премудрость и знание» (святой Златоуст).

Но по ходу речи, кажется, у Апостола и та возможна мысль, что в познании Господа Спасителя вся премудрость и все знание. Кто Его познает, как Спасителя, тот в этом самом познании стяжет всю премудрость и все знание. Познание же Господа, как Спасителя, есть познание домостроительства нашего спасения в Нем и чрез Него или, что то же, познание тайны Божией, о коей поминалось пред сим. В таком случае: *в Немже*, ἐν ᾧ, — надо будет признать относящимся к: *тайны*, μυστηρίου, — и: ἐν ᾧ — перевесть: в ней же, — что греческий язык дозволяет. Мысль Апостола будет: в познании тайны спасения в

Господе Иисусе Христе вся премудрость и все знание или вся разумность. Этим внушалось: ничем так не дорожите и ничего так не домогайтесь, как познания сей тайны; когда познаете ее, то, хотя бы вы ничего другого не знали, вы мудры и разумны и всезнающи; потому, если кто подойдет к вам в качестве премудрого и начнет вам предлагать мудрость, несогласную с познанием тайны Божией о Христе Иисусе, не слушайте его: не мудрость он вам предлагает, а нелепое мудрование. В таком смысле разумеет сии слова Амвросиаст: «Апостол желает, чтобы колоссяне познали таинство Божие во Христе, убеждаясь, что в том все богатство мудрости и ведения, чтобы исповедать Христа в полноте Божества достопоклоняемым. Во Христе все сокровенное таинство Божие. Он есть один Спаситель, на Коего, если не возуповает какая плоть человеческая, погибнет. Кто Его познает, тот будет иметь и познание всего верное. Почему достойно говорится, что в Нем сокрыты все сокровища премудрости и ведения; так что, кто Его познает, тому ничего еще не требуется, чтобы признану быть премудрым и разумным, как познавшему Того, в Ком вся премудрость. Какое бы ведение ни думал кто найти где-либо, в Нем найдет ее богатно. Для неверующих непонятно, как во Христе всякая премудрость и всякое знание; потому что они не читают в Евангелии астрологии, ни в Апостоле (книге)

геометрии, ни в Пророках арифметики и музыки, — за которыми наши (верующие) того ради не гонятся, что они не принадлежат к спасению, а скорее вводят в заблуждение и отводят от Бога: ибо, занявшись ими и хитросплетениями их умозаключений, забывают пещись о душе. Какая мудрость вернее и истиннее, как признать, что спасительно, и отвратиться от того, что пагубно? Пагубно же то, что препятствует душе пещись о своем спасении. Почему не неправедно утверждать, что, кто Христа познал, тот обрел сокровище премудрости и ведения: ибо познал то, что для него спасительно».

β)

Изъявив такое благорасположение и доброжелательство, Апостол говорит затем: у вас все хорошо, но боюсь, как бы вас не прельстили хитрословесники.

Глава 2, стих 4. *Сие же глаголю, да никтоже вас прельстит в словопрении.*

Сие же — что сие? Все, что сказал. Я высказал вам мое благожелание, чтобы вы все пребывали слаженными крепким убеждением в единой истине, в познании тайны спасения в Господе Иисусе, потому что в этом вся мудрость; высказал же это для того, чтоб предостеречь вас от хитрословесных прельстителей. Боюсь и болею душою, как бы они вас не прельстили. Как будто умоляет их. Так блаженный Феодорит: «всю эту

речь веду с вами, умоляя вас не увлекаться обольстительными словами».

Но паче, *сие же* относить надо к непосредственно впереди стоящему, к тому, что вся премудрость во Христе Иисусе, или в познании тайны спасения в Нем. Если в этом познании вся мудрость, а вы его имеете; то само собою следует, что нет никакой нужды принимать иное какое учение, каким бы красным именем оно ни называлось и какими бы красными словами ни прикрывалось. С этой целию, то есть чтоб вы не увлеклись хитрословесием, я и представил вам, что во Христе Иисусе вся премудрость, чтоб вы, убеждаясь, что уже обладаете премудростию, отвергали всякое иное мудрование, не прельщаясь им. Так святой Златоуст: «я это, говорит, сказал вам для того, чтобы вы не искали знания у людей». Так блаженный Феофилакт: «сие, то есть что во Христе все ведение, сказал я для того, чтобы кто не прельстил вас. Что до того, что он красно говорит? Наперед знайте, что если он говорит не по Христе, то он говорит одни паралогизмы и софизмы*».

Прельстит, παραλογίζηται, — чтобы кто вас не опаралогизил, не опутал паралогизмами, то есть ложными умозаключениями, такими, ложь которых прикрыта хитрословесием и которые чрез

* *Паралогизмы и софизмы* — ложные умозаключения. — *Ред.*

такой обман вызывают убеждение; *в словопрении*, ἐν πιθανολογίᾳ, – убедительными словами, вкрадчивыми. Амвросиаст пишет: «предостерегает Апостол, чтоб беседами с людьми, не добре мудрствующими, хитро прикрывающими неправость свою, не превратился смысл их: ибо мудрецы мира сего умеют тонкостию суждений искусно опутывать, как сетью, умы простых, чтоб ради вещей мирских отвлечь их от упования, еже о Христе Иисусе».

Стих 5. *Аще бо и плотию отстою, но духом с вами есмь, радуяся, и видя ваш чин, и утверждение вашея веры, яже во Христа.*

Будто хочет отрезвить их ум авторитетом своей апостольской власти: я с вами. Если б я лично был у вас, позволили ли бы вы себе увлекаться пустыми речами других? Так держите всегда в уме, что я с вами, и не увлечетесь. Держать же сие в уме не есть мечта, а истина «Хотя я и отстою плотию, тем не менее знаю обманщиков. Он поставил себя между ними, дабы они боялись его, как бы он при них находился» (святой Златоуст). Амвросиаст пишет: «Апостол говорит, что всегда есть с ними духом, чтоб, всегда держа пред умными очами лик его и благоговеинствуя пред ним, они отвращались от таких людей. Ибо, если дух пророка Елисея видел, как Гиезий погнался вслед Неемана Сирианина, чтоб от его имени взять у него обманом подарок, и как

Нееман поспешно сошел с колесницы и дал ему больше, чем он запросил (см.: 4 Цар. 5, 26); не тем ли паче Апостол мог духом видеть, о чем сказал? В Апостолах была большая благодать, нежели в Пророках. – Далее, чтоб сделать их более усердными ревнителями евангельской истины, он говорит, что радуется, видя, как у них все хорошо: дабы, зная, чем явились так угодными пред Богом, они тверже пребывали в том и все более и более прилагали сердце к преуспеянию в вере».

Я с вами, говорит, *и радуюсь*. Чего ради? *Видя ваш чин*, – то есть благолепные порядки жизни и между собою, и в отношении ко внешним, нехристианам, и в семействах, и в церковных собраниях, и в душевном настроении, и во внешнем поведении, – *и утверждение*, στερέωμα, – твердость *вашея веры, яже во Христа*, – видя, то есть, что и вера ваша тверда и не возмущается ничем от сопротивных. Какая высокая похвала! Ее недаром высказал Апостол. Это второе оружие против прельстителей: себя пожалейте. Так у вас все хорошо теперь. Но уже не будет так хорошо, если увлечетесь прелестию иного мудрования. Ложь, вкравшись, все сие развеет. «Снова к учению примешивает похвалы, умягчая слух и увещанию своему приготовляя свободный доступ» (блаженныйФеодорит). Святой Златоуст говорит: «теперь оканчивает похвалою. *Чином* он

называет благоустройство. Это величайшая похвала. И о вере их не сказал просто: *веру*,— но: *утверждение*, твердость *веры*; как будто говорит воинам, стройно и твердо стоящим. Кто тверд, того не поколеблют ни обольщения, ни искушения. Вы, говорит, не только не пали; но у вас никто не расстроил и чина». «Это сказал он и в виде похвалы, и как внушение, что та и есть собственно вера, которая отличается укорененностию и твердостию непоколебимою» (Экумений). «Вера сама по себе есть твердое утверждение, потому что не позволяет вкрадываться иным помышлениям, которые, вводя раздвоение, колеблют внутренний строй» (блаженный Феофилакт).

γ) Стойте же твердо в принятом
(2, 6—7)

Стих 6. *Якоже убо приясте Христа Иисуса Господа, такожде в Нем ходите.*

Приясте Христа Иисуса Господа в таком же стоит смысле, как у Самого Господа: *иже вас приемлет, Мене приемлет* (Мф. 10, 40). Господа прияли они, когда, услышав благовестие о Нем, уверовали в Него, уверовали то есть, что в Нем едином спасение, и возуповали спастися в Нем. Уверовав так, прияли святое крещение и в нем облеклися во Христа Господа. Это есть уже приятие Христа Господа приискреннейшее, приятие Его не в слове Его, а существенно. Все сие напоминает колоссянам Апостол, когда говорит: *якоже приясте Господа*.

Ходить во Христе Иисусе есть ходить в вере в Него, в уповании спасения в Нем едином, в заповедях Его, под освящением благодатию чрез таинства Его, ходить во всем чине христианском.

Итак, говорит Апостол, как уверовали вы в Господа Иисуса Христа, возуповали спастися в Нем, приняли на себя все обязательства, условливающие сие спасение, так и пребывайте во всем этом, не отступая ни на волос, по сему чину да течет жизнь ваша во всех ее проявлениях, в мыслях, словах и делах. «Сохраните неповрежденным учение, какое приняли, и следуйте евангельским законоположениям, показывая в себе твердую веру» (блаженный Феодорит). «Убеждает и увещевает Апостол, чтоб не допускали в себе умаления своего благочестия и не отступали от веры, в которую сподобились вступить, и, превратившись* в мыслях нелепыми баснями, не стали иначе принимать (понимать) Христа, нежели как научились. Ибо тогда много шаталось вредителей веры к обольщению простых, лукаво и нечисто возвещая Христа. Их-то избегать со всякою осмотрительностию и учит здесь Апостол» (Амвросиаст).

Стих 7. ***Укоренени и наздани в Нем, и извествовани верою, якоже научистеся, избыточествующе в ней благодарением.***

---

* *Превратившись* — здесь: развратившись, соблазнившись, переменившись. — *Ред.*

Указывает определенно, что разумеет, когда говорит: *тако и ходите в Нем*. Не способ и средство указывает, а образ хождения в Господе. Вы как, напоминает он, приняли Христа Господа? Вседушно, и мыслями, и чувствами успокоились в Нем, и никакого в вас не было колебания; все у вас был один Господь Иисус; к Нему и любовь ваша, на Нем и упование ваше. Так вот, как приняли вы Его, так и будьте в Нем во всем житии вашем: *укоренени, наздани, извествовани, избыточествующе*.

Укоренени и наздани — дают два сравнения: *укоренени* — с деревом, *наздани* — с зданием. Древо глубоко пускает корни в землю и стоит твердо, не передвигаясь, теми же корнями извлекая себе из земли и питательные соки. Как, говорит, дерево корнями углубляется в землю; так и вы всеми корнями жизни вашей пребывайте углубленными в Господа Иисуса и сосите из Него соки духовно-благодатной жизни. Не исторгайтесь из Него корнями сими, чтоб пересадиться на другое что. Дерево пересадишь, оно и на другом месте утвердится корнями и будет жить как следует. А если вы, исторгшись из Христа Господа, на чем-либо или на ком-либо другом укоренитесь, то жить уже, как следует, не можете, будете казаться живущими, но не будете действительно живыми, ибо источник духовно-благодатной жизни один Христос Господь. Кто не пребывает в

Господе, тот ни жить, ни плодоприносить не может (см.: Ин. 15, 1—6). Но главное, что хочет внушить Апостол, есть неподвижность в вере и убеждениях. Святой Златоуст говорит: «*укоренени*,— то есть утверждены; не увлекайтесь то на тот, то на другой путь, но будьте *укоренени*; а укорененное никогда не передвигается. Видишь, какие точные выражения употребляет Павел!» «Не делайте так, чтоб то во Христе ходить, то в другом ком» (Экумений). Значит же это: «твердую держите веру во Христа Господа» (блаженный Феодорит).

Наздани, ἐποικοδομούμενοι,— назидаясь, построеваясь. Другое сравнение с зданием, но не с оконченным уже, а еще строящимся. Духовно-благодатная жизнь в Господе не есть недвижимость; она в непрестанном движении, все вперед, и все выше и выше, так что, коль скоро остановится такое движение, останавливается и самая жизнь. Но это движение не есть передвижение или изменение, а рост в себе самой. И рост сей тоже действуется во Христе Иисусе. Святому Павлу можно бы сказать: укоренени и растуще в Нем; но пришло на мысль другое, ему обычное, сравнение верующего с зданием,— он и сказал: наздаваясь,— не возмущая мыслей, а более их обогащая, два восставляя пред очами ума сравнения и предоставляя самим читающим дополнить, что в каждом из них недостает для полноты мысли:

там роста, здесь основания: наздание для первого сравнения дает мысль о возрастании, а укоренение для второго – об основании; ибо что корень для растения, то основание для здания, и что построевание для здания, то возрастание для дерева. – Наздаваясь в Нем, то есть в Господе Иисусе, ибо Он есть основание; Он и здатель*, ибо без Него не можем ничесоже; Он и план здания, ибо *Его образу сообразными* быти подобает (см.: Рим. 8, 29), *в Его образ преобразиться* (ср.: 2 Кор. 3, 18). Он – и необходимые связи здания. Только материал доставляет произволение из естества, но и он не остается в своем естественном (сырцовом) виде, а переделывается благодатию Господа. Так истинно созидаться, как и расти, можно только в Господе. Кто в Господе верою и упованием, тот уже и созидается: ибо как только кто входит в общение с Господом, так и начинает в нем действовать созидательная Господняя сила. Экумений пишет: «ἐποικοδομούμενοι, – то есть возрастая на основании Христовом». А Феодорит: «словом: *наздани* – выражает приобретение добродетели». Святой Златоуст: «внутренним настроением стремясь достигнуть в меру Его».

Этим двум сравнениям в следующих словах дается истолкование или приложение к христианской жизни: *укоренени* – истолковывается в: *извествовани*, – а: *наздани* – в: *избыточествующе*. –

---

* *Здатель* – зодчий. – *Ред.*

Извествовани, βεβαιούμενοι, — сильным, глубоким убеждением непоколебимо стоя в вере, как научились. Вот что значит *укоренени*. — *Избыточествующе* — все больше и больше богатясь в ней, или возрастая и созидаясь. Вот что значит *наздани*! «Имейте веру совершенную, да не будет в ней никакого недостатка, но да источается она обильно и преизбыточествует в вас» (блаженный Феодорит). «*Извествовани*, — то есть не допуская никакого сомнения, никакого колебания. *Якоже научистеся*: научились вы вере, надобно и избыточествовать в ней, возрастая каждодневно и пламенную стяжевая веру» (Экумений). «Говорит: *якоже научистеся*, — чтоб они, если не другого чего, то себя самих поустыдились. В этом положил Апостол как бы основание, а в: *преизбыточествующе* — указывает наздание. Не должно изменять прежде принятое учение, а преуспевать в нем, в честь себе ставя нечто преизбыточествующее показать в своей вере, благодарение воздавая Богу, что сподобил нас толикой благодати, и самим себе такого преуспеяния не приписывая» (блаженный Феофилакт).

Слова: *избыточествующе в ней благодарением* — можно так понимать: избыточествуя в вере с благодарением, что сподобил нас Бог толикой благодати и, столь далеких, приблизил к Себе (см.: Экумений), как видно во всех приведенных пред сим местах. Но можно и так: избыточествуя при

вере благодарением. Греческий текст сие допускает. Святой Златоуст говорит: «*избыточествующе в ней благодарением*: ибо так поступают благомыслящие люди. Я не говорю: просто благодарить, но с великим избытком и с великим соревнованием». Благодарение предполагает вкушение плодов веры и, следовательно, высшее состояние жизни в области веры.

бб) Общее предостережение от всякого рода воззрений, противных вере Христовой
(2, 8—15)

Стих 8. ***Братие, блюдитеся, да никтоже вас будет прельщая философиею и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе.***

К колоссянам подходили какие-то мудрователи, опасные для веры Христовой. Какие были пункты их мудрования, — определенно не видно, но ясно видно, что оно было несообразно с верою. Оно представлялось философиею, умом человеческим и по преданию от мудрых людей сложенною, в состав которой входили, с одной стороны, — значение стихий мира, а с другой — влияние мира духов. Внешно оно прикрывалось наблюдениями иудейскими с приложением к сему и непощадения плоти. Но вообще представлялось обольстительным и обещало последователям

своим что-то великое. Как еще не было разгадано содержание этого мудрования, то Апостол и говорит о нем в общих чертах, особенно стараясь внушить: что́ бы оно ни обещало, все то, в совершеннейшем и истиннейшем виде, вы уже имеете во Христе Иисусе. Нечего, следовательно, вам слушать их и позволять им разглагольствовать среди вас.

Братие — намеренно поставлено и могло особенную иметь силу, давая в предостерегающем слышать голос любви и напоминая об общем союзе братства, которое составилось по единству в определенных воззрениях, верованиях и убеждениях, от которых уклоняться — значит разорять братство, столь любезное и сладостное.

Блюдитеся, βλέπετε, — смотрите, как добрый хозяин смотрит по дому, не подкрадывается ли вор, или волк, или хищная птица. *Смотрите, да никтоже вас будет прельщая. Прельщая*, συλαγωγῶν, — такого слова корень означает: ходить по добычу, водить охоту. Разбойник насилием берет добычу, вор добывает ее хитростию, охотник — искусством. Насилия со стороны мудрователей не могло быть, а без хитростей и лукавств им нельзя было обходиться. Как этого рода обходы и подходы обыкновенно скрываются, то Апостол и говорит: смотрите. А чтобы возбудить к зоркой осмотрительности, он представляет, что к ним подходят какие-то недоброжелатели,

которые хитростями и уловками ищут поживиться около них, добычу себе у них достать, не из имущества, а их самих замышляя добычею своею возыметь. Одно это слово сильно было изострить зрение колоссян; но Апостол еще и оборот речи употребил такой, который тотчас заставлял осмотреться кругом: μή τις ἔσται συλαγωγῶν, — смотрите, не будет ли кто, не появится ли кто там в качестве охотящегося за вами. «Видишь ли, как он показал татя, чуждого и тихо входящего? Как иной, подкапывая снизу (под стеною) насыпь, не дает себя заметить, а насыпь все падает и падает (открывая ему вход внутрь дома из-под стены), так, говорит, поступает и этот тать. Так смотрите» (святой Златоуст).

Но этот тать не за имуществом вашим подкрадается, а «намеревается обокрасть ум ваш» (блаженный Феофилакт). Почему и прибавлено: *философиею*. Апостол «показывает и путь, по которому покушается подойти тать: это есть философия» (Феофилакт). Философия была в большом почете. Она бралась представить и представляла воззрения, объяснявшие все сущее, что Бог, что мир, что человек и прочее. Доискиваться решения таких вопросов не укорно, а похвально (см.: святой Златоуст); но то, какие кто принимает решения, может быть очень укорно. Укорна была та философия, с какою подкрадывались к колоссянам изобретшие ее. Почему у Апостола

стоит пред сим словом член определенный, чтоб показать, что он разумеет ту философию, которую им приходится выслушивать, говоря как бы: эта философия есть для вас то же, что сети у охотника для птиц; опутают они вас вкрадчивыми словами (выше πιϑανολογία), отвлекут от веры к себе и сгубят. А что их философия точно такова, это дает он видеть, назвав ее *тщетною лестию*. Лесть, ἀπάτη, — прельщение, обольщение. Верно, в целом философия та имела привлекательный вид, но в существе была пуста, κενή; содержанием ее служили мечты воображения, как у гностиков после, не отвечавшие никакой действительности; и она походила на мыльный пузырь, прозрачною красивостию привлекающий детей, но пустой и непрочный. «Так как философствование (с первого раза) кажется делом похвальным, то Апостол прибавил: *тщетною лестию*» (святой Златоуст), — давая разуметь, что философия, про которую он говорит, «учит каким-то ни с чем не сообразным новизнам» (Экумений), нелепость и несостоятельность которых сама собою очевидна.

Уже такого недоброго качества этой философии достаточно было, чтоб отвратить от нее, но Апостол для большего успеха указывает еще ее источники, тоже не могущие порождать большое доверие: *по преданию человеческому, по стихиям мира*. Словами: *по преданию человеческому* —

Апостол, может быть, вообще хотел указать на человеческое происхождение той философии, в противоположность ведению, свыше сообщенному чрез откровение, которым уже обладали колоссяне. Внушалось: то — человеческое мудрование; не слушайте его, когда обладаете свыше сошедшею мудростию. А может быть, та философия в самом деле или вся, или в некоторых частях опиралась на предание, с незапамятных времен идущее. Что идет из глубокой древности, то представляется чем-то священным, вызывающим уважение, внимание и веру. Что-нибудь такое приплетали к своему мудрованию и подступавшие к колоссянам прельстители, чтоб придать ему важность и ею привлекать к нему. Между евреями были каббалисты, которые свои мудрености вели от древних чрез устное предание достойным. И у восточных мудрецов уважалось предание.

Что разуметь под *стихиями мира*? Если б это говорилось в наше время, то можно бы ответить: это — материя, совокупность простых элементов, из которых сложился сам собою мир. Но, как видно, та философия признавала существование мира духов, искала общения с ним и служить духам учила. Потому такого нелепого мудрования нельзя ей приписывать. — В те времена была в силе астрология, подчинявшая влиянию звезд судьбы людей. Что такого рода положения могли

содержаться в той философии, сего нельзя отвергать. Были тогда в употреблении и некоторые вещественные приемы для вступления в общение с силами мира духовного, вроде таких, какие употребляются нашими спиритами, и другие, еще погрубее. Возможно и это допустить в той философии. Возможно и то, что тут намекается об иудейском вещественном служении Богу; но, чтоб именно так было, — утверждать нельзя: ибо говорится не о каких-либо стихиях (как, например, см.: Гал. 4, 9—10), но о стихиях мира, — что дает всеобъемлющее представление. Святой Златоуст говорит: «Апостол говорит о всем настоящем мире, чтобы показать ничтожество его. Ибо если весь мир — ничто; то еще более ничтожны стихии его».

Вообще безопаснее не утверждать с решительностию, что в той философии содержалось то и то, а полагать лишь, что она была смесь еллинских мудрований, гаданий восточных народов и иудейских суеверий; как же все это сводилось в одну систему, — оставлять нерешенным. Святой Златоуст говорит, что Апостол здесь «колеблет еллинские суеверия, разрушает и иудейские: у еллинов и иудеев было много суеверий». И еще безопаснее держаться такой мысли, что это было, выражаясь по-нынешнему, мировоззрение, несообразное с истиною, проповеданною о Христе Иисусе, как и внушает Апостол словами: *а не*

по Христе. Это было такое учение, которого христианам принимать не следует. Святой Златоуст учит: «что бы ни говорили они (обольщающие), не должно верить; и ныне должно избегать оных (стихийных мудрований)».

Амвросиаст так истолковывает сии слова Апостола: «Апостол говорит о земной философии, которою обыкновенно прельщаются желающие слыть мудрыми в мире сем. Она слагается силою умозаключений и не чужда мелочных тонкостей; исследует физические причины, примешивая и некоторые уроки о доброй жизни; говорит о мерах, о числах, о качествах и количествах стихий. Кто однажды вдался в эти мудрования, тот редко из них высвобождается, удерживаем будучи вероятностями и обманчивыми доводами и получая навык — ничего не почитать столь истинным, как то, что видится и разумеется в стихиях и посредством стихий. Так как то, что присуще очам и видится ими, кажется приятным и тотчас доставляет удовольствие; то такие мудрователи прельщают иных из тех, которые презирают духовное и не чают будущего, всю силу приписывая звездам плотским умом своим и отвергая Божие всемогущество и провидение, хотя знают, что, как читается в Божественных Книгах еврейских, многое совершено Моисеем такого, чего ум человеческий не постигает, равно как и в Новозаветных Книгах пишется, что

Господом и святыми Апостолами много совершено такого, чему плотской разум верить не хочет. Такого рода мудрование и называет Апостол лживою и пустою философиею, по преданию человеческому; потому что она не от Бога, а от немощного ума человеческого и могущество Божие ограничивает тесными пределами своего знания, не допуская, чтоб Он мог сделать что больше или иначе, как постигает плотской разум. Почему убеждает опасаться такой философии, потому что она есть чтительница мира, а не Бога и не ко Христу ведет, а отводит от Христа».

Стих 9. *Яко в Том живет всяко исполнение Божества телесне.*

Начинает выставлять, почему не следует им слушать прельстителей тех, и тут же намекает на новую черту в их мечтательном учении. Эту новую черту надобно восставить в мысли, чтоб понятно было, как выходит: не слушайте; ибо во Христе Иисусе — вся полнота Божества. Во II веке было в силе учение гностиков, которые придумали между Богом и творением множество посредствующих сил, духов — разных степеней. Между ними была и плирома*, что значит полнота. Надо полагать, что и у колосских мудрователей было что-нибудь вроде плиромы, и они выставляли ее, как победное знамя своего лже-

* *Плирома* — у гностиков: порождение истинного бога (полнота духовности), состоящее из эонов.— *Ред.*

учения, обещая от нее последователям многое и премногое. Апостол и говорит против этого; не слушайте их пусторечия; их плирома — полнота пустая, плод больного воображения, мечта; настоящая полнота, не мечтательно, а существенно — во Христе Иисусе. Почему же? Потому что в Нем обитает вся полнота Божества, — не часть какая Божества, не сила только Божества, а Само Божество всею полнотою своею. А где Божество, там все. Обитает в Нем Божество *телесне*, то есть воплощенно. Ибо Христос Иисус есть Бог во плоти, Бог Слово, Которое плоть бысть. «Сие сказано о Нем, как о человеке, в Себе носящем все Божество. Не частную какую-либо благодать, подобно Моисею, приял Христос. Он Богочеловек, и с сим видимым соединено все Божество Единородного» (блаженный Феодорит). «В Нем, говорит, обитает Бог Слово. Но не думай, что Он заключен в теле — объят, ограничен. Ибо Он и воплотился весь, и со Отцом есть весь, будучи телесно описуем и Божеством неописан. *Телесне*, — то есть существенно, а не образно (οὐ σχετικῶς, — можно: невообразительно); как душа в теле, так и Он обитает в воспринятом человеке. А душа как обитает в теле? Неслиянно и нераздельно. Поелику сказал: *живет*, κατοικεῖ; то, чтоб ты не подумал, что в Нем только действовал Бог, как в Пророках (ибо и в них обитал Бог, по написанному: *вселюся*, ἐνοικήσω, — *в них и*

похожду [2 Кор. 6, 16; Лев. 26, 12]), Апостол прибавил: *телесне,* — то есть существенно, как душа в теле. Так и святой Кирилл* (понимает). Или, может быть, под: *телесне* — он разумеет: воплощенно. Не так, говорит, чтоб, поживши в Нем, опять преселилось Божество, но пребывает в Нем воплощенным, одну со своею плотию имея ипостась, хотя состоит (Он) из двух различных естеств» (Экумений). «Апостол для того говорит, что в Нем вся полнота Божества, чтоб колоссяне убеждены были, что, что бы кто ни придумал о небесных силах, все то полнейшим образом есть во Христе, и никак не склонялись чтить кого-либо другого. Ибо что бы ни придумывалось о другом ком, в Нем найдется несравненно больше того» (Амвросиаст).

Стих 10. *И да будете в Нем исполнени, Иже естъ глава всякому началу и власти.*

И да будете, καὶ ἐστὲ. Славянский наш перевод принял это за повелительное и перевел: *да будете,* — то есть: и будьте в Нем исполнены, как бы: довольствуйтесь, удовлетворяйтесь тем исполнением, которое от Него приемлете, и не ищите его в другом ком. Или: будьте в Нем исполнены, — в таком смысле: и ищите в Нем едином всякого исполнения, а к другому кому не обращайтесь. Но русский перевод принял это за

* *Святитель Кирилл Александрийский († 443)* — Отец Церкви. — *Ред.*

изъявительное и перевел: и вы имеете полноту в Нем, вы уже исполнены в Нем. Последний перевод сильнейшую дает мысль и сообразнее с течением речи. Наши толковники проводят мысль, выражаемую таким переводом. Вы уже исполнены в Нем; вторая причина, почему не следует слушать соблазнителей. Первая, — что в Господе Иисусе Христе — вся полнота Божества. К кому бы вас ни обращали те философы, все они ниже Господа; нечего потому вам и слушать этих пустословов. Но при этом мог иной подумать: пусть в Господе вся полнота Божества: но это в Нем, а нам-то что ж? Эти же доброжелатели нам самим обещают много. Апостол будто в ответ на это и говорит: вы уже исполнены в Нем. Те еще обещают, а в Господе вы уже исполнены. Все ваши духовные нужды, самые большие и тревожливые для сердца, уже удовлетворены в Нем. Что нам потребно? Отпущение грехов? Имеете. Новая жизнь? Дана. Благодатная помощь? Дух Божий живет в вас. Блаженная жизнь в вечности? Уже вы своскрешены, спосаждены на небесных, своцарены и признаны снаследниками. — И все это в Господе Иисусе Христе. И не это только, но мы исполнены в Нем и Самого Божества. Ибо Он едино со Отцом, а мы едино с Ним. Чрез Него, следовательно, и мы не чужды Отцу, вступаем в единение с Ним и приемлем дар всыновления. *Аз во Отце Моем и вы во Мне, и Аз в*

вас (ср.: Ин. 14, 20), — говорит Господь. И святой апостол Петр, перечислив все, чем мы исполняемся в Господе, заключает тем, что мы в Нем делаемся причастниками и Божеского естества. Вот его слова: *вся нам Божественныя силы Его, яже к животу и благочестию, подана разумом Призвавшаго нас славою и добродетелию: имиже честная нам и великая обетования даровашася, да сих ради будете Божественнаго причастницы естества* (ср.: 2 Пет. 1, 3—4). Справедливо после сего воззвать: *и от исполнения Его мы вси прияхом, и благодать возблагодать* (ср.: Ин. 1, 16).

Все, сказанное здесь, есть более пространное изложение того, что сказал на сии слова Апостола святой Златоуст: «что значат слова сии (то есть: и вы исполнены в Нем)? То, что вы имеете столько же, сколько и Он; как в Нем вселилось и обитает (Божество), так и в вас. Святой Павел постоянно старается приблизить нас ко Христу. Например, когда говорит: *с Ним воскреси и спосади* нас (см.: Еф. 2, 6); и: *аще терпим, с Ним и воцаримся* (2 Тим. 2, 12); и: *како не и с Ним вся нам дарствует*? (ср.: Рим. 8, 32). И называет нас *сонаследниками* (ср.: Рим. 8, 17)». Те же мысли и у других наших толковников. Блаженный Феодорит пишет: «*в Нем вы исполнены*. Ибо от Него насладились вы благодатию и прияли оттуда исходящие лучи». А блаженный

Феофилакт поясняет, почему это так есть: «потому что в Нем естество наше соединено с Богом, а чрез это и мы в Нем соделались Божественного причастниками естества».

Уже и такого напоминания достаточно было, чтоб отклонить колоссян от увлечения какою-то философиею, могшею прельстить их обманчивыми обещаниями: вы уже вот что имеете, — великое и преславное; а больше этого и обещать нечего. Так что же вам слушать этих прельстителей? Но он еще усиливает свое внушение. Те прелестники обещали что-то многое во имя сил небесных. Апостол прилагает теперь: а эти силы небесные что суть пред Господом? Они — творение Его и слуги Его. Как бы ни были они доброхотны к вам, не могут они дать вам столько, сколько Господь. Да и как они могут давать вам что-либо без воли Господа? Они слуги: что велит Господь, то и делают. Для внушения таких мыслей и прибавил Апостол: *Иже есть глава всякому началу и власти*. Под: *началом и властию* — Апостол совмещает все чины мира ангельского; а словом: *глава* — означил, что Господь есть их Творец и Владыка, Который держит их в деснице Своей и господствует над ними. Блаженный Феодорит пишет: «Владыка Христос по человечеству есть наша глава, а над Ангелами и Архангелами владычествует по естеству Божескому». «Словом: *глава*, — приложим слова Экумения, —

Апостол означил виновность. Ибо всего сотворенного — и небесного, и земного — виновник есть Христос, как Творец и Устроитель всяческих. *Без Него ничтоже бысть, еже бысть* (Ин. 1, 3). Им сотворены и небесные силы. Таким образом все — от Христа и чрез Христа, по благоволению Отца и с содействием Утешителя Духа». Из сего блаженный Феофилакт выводит такое заключение: «как же вы, оставя Господа, думаете прибегнуть к Ангелам, которых Он есть глава? Всем сказанным Апостол совершенно разбивает ложное учение об Ангелах», которое, как догмат, покушались навязать колоссянам пришлецы-философы.

Стихи 11—12. *О Немже и обрезани бысте обрезанием нерукотворенным, в совлечении тела греховнаго плоти, во обрезании Христове: спогребшеся Ему крещением.*

Сказал Апостол: и вы исполнились в Господе Иисусе всех духовных благ, кои благоволил Бог совместить в Нем для нас. Теперь определенно указывает, каких именно благ сделались они причастными. Самое нужное для нас благо есть избавление от грехов и обновление нашего растленного естества. Оно основа и всех других благ, всыновления, благодатного Боговселения, будущего прославления. Не будь его, ничего другого уже и получить нельзя, хотя бы Сам Бог восхотел подать что: ибо нечем было бы то

принять и не к чему приложить. Об этом-то коренном и источном благе и говорит теперь Апостол: совлекшись, говорит, вы тела греховного, спогребшеся Господу крещением, тут же и совостали в Нем. Это то же, что умерли вы греху и ожили для новой жизни по Богу, обновились. Последнее благодеяние Божие выражает Апостол одним словом: *совостасте* (стих 12); но первое разнообразно выражает: *спогребением* Христу Господу, *совлечением* тела греховного, *обрезанием нерукотворенным*. Надо полагать, что все такие выражения нужны были в противовес мудрованиям философов-прельстителей,– все, а не одно только: *обрезанием нерукотворенным*. Видимо, что они удерживали обрезание; но не им одним прикрывали свою лесть, а и многим другим, против чего надо было поставить и совлечение тела греховного, и спогребение Господу. И об обрезании они трактовали не из уважения к закону (о законе во всем послании нет помина у святого Павла), а по каким-то философским воззрениям. Не дивно, что они приписывали ему какое-либо мистическое значение, помимо того, которое дается ему в законе,– равно как и поминаемым ниже – ястию и питию, праздникам, новомесячиям и субботам.

О Немже и обрезани бысте обрезанием нерукотворенным. В Послании к Римлянам это нерукотворенное обрезание названо *обрезанием*

сердца Духом (ср.: Рим. 2, 29). Те, говорит, предлагают обрезание; но вы уже прияли высшее и совершеннейшее обрезание. Ихнее обрезание есть обрезание плоти, а вами принятое есть обрезание сердца; то рукотворенное, а ваше нерукотворенное; то совершается ножом, а ваше Духом о Христе Иисусе. Блаженный Феодорит пишет: «Апостол указывает на различие обрезания и говорит: ваше обрезание не плотское, но духовное, не рукотворенное, но Божественное, не отъятие малой части тела, но освобождение от всего повреждения». Экумений прилагает: «не рука человека, а Дух Святый обрезал вас от грехов ваших», — что заимствовал он у святого Златоуста, который говорит: «теперь обрезание не от ножа, но от Самого Христа; не рука, как там, совершает это обрезание, но Дух; обрезывается не часть, но весь человек».

В чем же состоит сие нерукотворенное обрезание? *В совлечении тела греховнаго плоти*, τοῦ σώματος τῶν ἁμαρτιῶν τῆς σαρκός, — тела грехов плоти, или — грехов, исходящих от живущего в нас греха, именуемого и плотию. Сброшение тела (корпуса, массы) таких грехов есть покаяние, дающее отпущение грехов или снятие вины за них. Но обрезание нерукотворенное или обрезание сердца означает более, нежели прощение самой похоти греховной. Почему и *в совлечении тела грехов плоти*, как выражении, объясняющем

обрезание сердца, надобно видеть совлечение самой похоти греховной, или живущего в нас греха, который иногда называется просто — плотию. Иные читают лишь: в совлечении тела плоти, что ближе выражает нужный смысл: ибо такое выражение прямо указывает на совлечение плотяности, или плотского мудрования и похотения. Ниже (см.: 3, 9) то же самое Апостол назвал совлечением *ветхаго человека с деяньми его*, то есть не массы только грехов, но и самого производителя их.

Чтобы пояснить сколько-нибудь, в чем духовное обрезание, надо взять во внимание, как идут дела у падшего человека. В нем царствует грех, и царствует сластию греховною. На эту сласть так падок падший, — что, только помани ею, он тотчас бежит вслед. Грех сласть выставляет, а у падшего качествует похотение сей сласти. За это похотение, как за поводок, берет падшего грех, манящий сластию, и ведет его на дела свои. Очевидно, что пока не будет отъято похотение сласти греховной, грех не перестанет царствовать в падшем, и нет ему, бедному, возможности избавиться от тиранства греха иначе, как чрез пресечение в нем падкости на сласть греховную. Спасающая падшего благодать первым делом и имеет это пресечение и совершает это тем, что дает падшему ощутить всю горечь греха и вкусить неизъяснимой сласти жизни по Богу. Когда совершится

сие в сердце падшего, после того грех сколько ни напоминает о своей сласти, в сердце возбуждается не похотение его, а память о горечи его и о сладости жизни по Богу, с соответственными тому чувствами. Вследствие сего произволение естественно отвергает грех и устремляется на противоположное ему. Так всякий раз. Тиранская власть греха очевидно пресечена, и пресечена потому, что отрезан тот поводок, за который он всегда тянул падшего на дела свои. Это настоящий смысл обрезания сердца Духом. Выражая это, Апостол в Послании к Римлянам говорит приявшим благодать: *грех вами не обладает. Помышляйте себе мертвых убо быти греху, живых же Богови* (ср.: Рим. 6, 14, 11). Так о себе думайте, что вы мертвы для греха и живы для Бога. И это не обманчивое помышление, а существо дела спасения о Христе Иисусе. Почему Апостол и назвал такое обрезание обрезанием Христовым, как такое обрезание, которое совершается по домостроительству спасения, совершенного Христом Господом. Можно иначе сказать: вот христианское обрезание, — обрезание сердца Духом по вере в Господа Иисуса Христа, в коем человек сбрасывает с себя тиранство греха.

Где же и как совершается сие христианское обрезание? В купели крещения. Вы обрезались, говорит, обрезанием Христовым, — *спогребшеся*

Ему крещением (стих 12): когда крестились, вы тогда же сбросили с себя тело греховное, тогда же обрезаны были. Все эти действия в один момент совершились. Кровь Господа, обливавшая вас чрез крещальную воду, смыла с вас всю нечистоту греховную и открыла вход в естество ваше благодати Святаго Духа, Который, пришедши, отрезал то, чем держал вас в своей власти грех, и тело греховное спало с вас. Вот в чем сила крещения! Спогребаются в нем Господу; ибо воспринимают таинственно искупительную силу крови и смерти Христовой и в то же время умирают греху. Смерть греху есть водружение в сердце ненависти и отвращения к нему, по причине восчувствования горечи и пагубности его, сопровождаемого восчувствованием неизреченной сладости жизни по Богу. То и другое возрождается в верующем прежде крещения, в то время как он склоняется к вере. Но это бывают только предрасположения и предчувствования. В таинстве крещения нисходит на них благодать и сообщает им Божескую силу неизменности и мощи на все время, как пребывает на их стороне и произволение.

Стих 12. *О Немже и совостасте верою действия Бога, воскресившаго Его из мертвых.*

Совостасте там же, где и спогреблись, то есть во святом крещении. «Крещение есть не гроб только, но смотри, что говорит: *о Немже и*

совостасте» (святой Златоуст). Но как спогребение было духовное, так духовно и совостание. То смерть греху, а это – оживление для жизни по Богу, – чтоб ходить *в обновлении жизни*, как говорит святой Павел в Послании к Римлянам (см.: Рим. 6, 4). *О Немже*, ἐν ᾧ, – может относиться и к крещению, и к Господу Спасителю. Куда ни относить, мысль не изменится; но течение речи требует относить сие к Господу, потому что все о Нем говорится. *Совостасте* блаженный Феодорит и Экумений относят к воскресению из мертвых, а блаженный Феофилакт к тому и другому, то есть и к востанию в духе, и к будущему воскресению. Первый пишет: «Апостол благовествует воскресение, поелику имеем еще естество смертное». То же и Экумений: «уверовав, что Бог силен воскрешать из мертвых, воскресли и вы. Ибо в крещении мы воскрешены, хотя в возможности только, а не в действительности». Вот слова блаженного Феофилакта: «двояко воскресли мы в Господе: и упованием воскресения, столь несомненным, что мы как бы уже улучили его, хотя оно имеет еще быть; и духовно, отбросив мертвость греховную и восприяв оживление духом». По течению речи прямее будет разуметь здесь воскресение духовное, или восприятие силы жить по Богу в обновленной жизни. Ибо вслед за сим (в стихе 13) говорится, что Бог их (колоссян), мертвых грехами, сооживил

со Христом, очевидно потому, что оживил для жизни, противоположной греху.

Верою действия Бога, воскресившаго Его из мертвых. Если в: *совостасте* – видеть будущее славное воскресение, воспринятое упованием несомненным; то будет: *верою в действие Бога,* – во всемогущество Божие, что силен Он воскресить, как показал примером воскрешения Господа Спасителя. Так блаженный Феодорит: «веруя Божией силе, ожидаем воскресения, поручительством для себя имея воскресение Владыки Христа». То же повторяет и блаженный Феофилакт. Если же в: *совостасте* – видеть воскресение духом, или оживление для жизни по Богу, то будет: совостали вы, ради веры вашей, действием Бога, воскресившего Христа Спасителя из мертвых. Вы воскресли духовно Божеским действием, верою воспринятым; и сие действие таково же есть, каково то, коим воскрес Христос Господь из мертвых. Святой Павел сопоставляет их и в Послании к Римлянам: *спогребохомся Ему крещением в смерть: да якоже Христос воста от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни ходити начнем* (ср.: Рим. 6, 4). Так отчасти понимает сие Амвросиаст.

Блаженный Феофилакт делает при сем замечание, что хотя воскресение Христово приписывается здесь Богу Отцу, однако ж тем не менее оно есть действие и Самого Господа Иисуса:

«Христос, говорит Апостол, прияв смерть телесную, оживотворен Отцом; и говорит так не потому, чтоб Христос Господь Сам немощен был оживить Себя, но чтобы все возвесть к единому источнику. А что воскресение Господне есть и собственное Его действие, об этом Он Сам говорит: *треми денми воздвигну ю* — церковь тела Своего (см.: Ин. 2, 19). И в Деяниях говорится, что по страдании Он Сам Себя поставил живым (см.: Деян. 1, 3)». — И наше духовное воскресение не одним действием Бога Отца совершается, но *по благоволению Бога Отца, во святыне Духа, в послушание и кропление крове Иисуса Христа* (ср.: 1 Пет. 1, 2). Экумений, объясняя обрезание духовное, делает наведение о действии в нем Пресвятой Троицы.

Стих 13. ***И вас мертвых сущих в прегрешениих и в необрезании плоти вашея, сооживил есть с Ним, даровав нам вся прегрешения.***

Уже сказано пред сим: *совостасте*; зачем снова говорится: *и вас сооживил есть*? Апостол здесь выставляет на вид обстоятельство, усиливающее предложенное убеждение — не слушать внушающих обрезание. Сказал: никакой нужды нет вам в обрезании плоти, потому что вы имеете уже обрезание сердца Духом, которого плотское обрезание служит только знамением. Это духовное обрезание совершилось в купели крещения, где вы умерли греху и ожили для жизни по

Богу. Погружаясь в купель, вы погружались в смерть Христову, умерли с Ним греху; а восходя из купели, вы облекались в воскресшего Господа, совоскресали с Ним для жизни по Богу. Бог сооживил вас с Ним. Это умертвие и оживление не по имени только вам присвояется, а самым делом в вас качествует, вы их ощущаете и самым делом являете. Теперь спрошу вас: для того, чтоб сподобиться вам такой благодати, предлагалось ли вам, как необходимое условие, обрезание плоти? Бог, чрез крестивших вас, объявлял ли вам, что, если не обрежетесь, не получите благодати, оживотворяющей дух, и даже до крещения не будете допущены? Ничего такого не было. Бог и в необрезании вашем сооживил вас со Христом Господом. Необрезание ваше не помешало низойти в вас животворной благодати Святаго Духа в святом крещении и оживотворить вас, мертвых грехами. Слова: *и в необрезании плоти вашея* — надобно соединять с: *сооживил*, — в таком смысле: и при необрезании вашем, и несмотря на необрезание ваше сооживил. А слово: *в прегрешениих* — надо относить к: *мертвых сущих*, — в обычном смысле, как все люди мертвы грехами, и прародительским, и своими собственными: ибо оброцы греха — смерть; и после этих выражений ставить знак препинания; а между: *в необрезании плоти* — и: *сооживил* — не ставить

знака, чтоб наглядно представить, какое выражение куда относится.

Которые и слова: *в необрезании плоти* — относят к: *мертвых сущих*, — те принуждены давать им переносное значение, потому что необрезание не делает мертвым, а грех, и именно разумеют под ним необрезание сердца, или греховную похоть, источник всех грехов. Иного в таком случае толкования и нельзя допустить.

Наши толковники так говорят о сем месте, что их слова могут подавать мысль о том и другом соотношении сих слов. Блаженный Феодорит под необрезанием плоти разумеет вообще греховность. Но мысль Апостола выражает так: «научает Апостол, что необрезание телесное не вредит имеющим оное, а необрезание душевное вредно и телу и душе; и сим доказывает, что обрезание телесное никакой не приносит пользы обрезанным, отъятие же греховности приносит истинное спасение». Экумений так перелагает мысль Апостола: «вас, которые мертвы грехами, по причине недеятельности или неподвижности на добро, и необрезаны, Бог обрезал в духе и оживотворил, сооживив со Христом».

Даровав нам вся прегрешения. Этим определяется не способ оживления, а путь к нему. Оживляющей благодати Духа нет доступа к тем, на которых лежит вина греха. Когда же снимается вина и грехи прощаются, тогда благодать,

получив доступ, входит в душу и оживляет ее. На это и указывает здесь Апостол. *Даровав прегрешения* — значит: «даровав нам оставление грехов» (блаженный Феодорит). Прежде Апостол говорил: *вас*, — теперь: *нам*. Может быть, это не имело у Апостола особого значения. Он хотел, может быть, сказать только: нам с вами, то есть вообще всем людям. Не для одних вас путь к оживлению духовному лежит чрез прощение грехов, а для всех. Прощение же грехов получается покаянием с верою в Господа, принесшего Себя в жертву за грехи всего мира. Покаяние и предшествует крещению, и ради него с верою в купели омываются грехи. Тут же и оживление дается благодатию. Один акт два дела совершает: грехи снимает и новую жизнь дает.

Стих 14. *Истребив еже на нас рукописание ученми, еже бе сопротивно нам, и то взят от среды, пригвоздив е на кресте.*

Помянув об отпущении грехов, продолжает объяснять, как оно даровано. Как выше (см. стихи 11—12) объяснял он отъятие силы живущего в нас греха, называя его то обрезанием нерукотворенным, то совлечением тела греховного, то спогребением и совостанием Христу в крещении; так здесь объясняет он разнообразно устроение отпущения грехов крестною смертию Христа Спасителя, называя это изглаждением рукописания, взятием его от среды и пригвождением

ко кресту или разодранием. То и другое делает он для того, чтоб, с разных сторон представляя один и тот же предмет, яснее его изобразить и глубже напечатлеть во внимании. Отсюда уразумеваем притом, что устроение отпущения грехов есть особое дело в домостроительстве спасения, равносильное устроению обрезания сердца и благодатного оживления.

Истребив еже на нас рукописание. Истребив, ἐξαλείψας, — изгладив, как изглаждают следы чего-либо на песке, воске и подобном, как изглаждают буквы, написанные каким-либо способом на чем-либо. Есть рукописание на нас. Его изгладил Бог крестною смертию Христовою. Какое это рукописание? Рукописание, собственно, есть собственноручная долговая расписка. Какие у нас долги? Грехи, как и в молитве Господней читаем: *остави нам долги наша.* Итак, крестною смертию Христовою Бог изгладил грехи наши, изгладил первородный грех, изгладил и все грехи каждого человека от начала мира и до конца его. Такова сила смерти Господней. Всякий имеет свое рукописание грехов, и оно на нем лежит и само требует удовлетворения, как содомский вопль отмщения грехов. Правда Божия терпела, терпит и будет терпеть каждому, удовлетворяясь искупительною и ходатайственною смертию Христовою. Но чрез это рукописание каждого не теряет своей силы. Если оно не будет изглажено и разодрано,

то в свое время потребуется за него взыск и уплата. Как же достигается изглаждение и разодрание рукописания сего? Каются с верою в крестную смерть Господа, и, когда за тем погружаются в купель, вода крещальная или паче благодатная сила крещения изглаждает грехи, и рукописание представляет одну чистую хартию, на которой ничего не остается написанным. Вот это и говорит Апостол: Бог даровал нам грехи, изгладив рукописание грехов наших. Святой Златоуст говорит: «и что же? Позволил им остаться? Нет; истребил их; не только даровал, но совсем истребил, чтоб они никогда не показывались». То же и блаженный Феофилакт пишет: «поелику сказал, что Бог *даровал нам прегрешения*; то, чтобы ты не подумал, что Он все же оставил их быть где-либо, и видимыми быть, говорит: нет, не то; Он совсем изгладил их, вычистил». Этого сподобляются все крещаемые; и если б по крещении никто не грешил, то ни на ком бы из них рукописания такого и не было. Но как грешат, то хартия опять исписывается грехами и снова изглажена быть может только слезами покаяния. Сила же, изглаждающая все, одна — крестная смерть Господа. В смерти Господа изглажены рукописания всех людей, которые Апостол объединяет и представляет как единое рукописание всего человечества. В силе так и есть; но в действительности рукописание каждого

изглаждается во святом крещении или покаянии по вере в Господа, за нас умершего крестною смертию.

Почему Апостол и приложил: *ученми*, δόγμασιν. Наши толковники все разумеют под сим словом веру. Святой Златоуст говорит: «*ученми*, говорит. Какими *ученми*? Верою. Следовательно, достаточно уверовать. Павел не делами дела, но верою дела изглаждает». Блаженный Феодорит пишет: «Бог Слово (вместо ветхозаветных способов очищения грехов) дал нам евангельские догматы, за сохранение их обетовав нам спасение». Экумений: «δόγμασιν, — то есть верою или догматами нашего благочестия (веры христианской). И именно изглаждается рукописание в крещении». То же и у Феофилакта. — И очевидно, что *ученми* стоит у Апостола как указание на способ или образ изглаждения рукописания. Потому всякое толкование, по которому *ученми* соединялось бы с *рукописанием*, надобно считать неуместным здесь.

Еже бе сопротивно нам. Рукописание было против нас, осуждало нас, требовало удовлетворения. Где же оно было? Где-то посреде. Где же посреде? Посреде всего сущего. Все творения — и земные, и небесные, и вещественные, и духовные — видели это бывшее против нас рукописание, соглашались, что праведно взыскать с нас долги по сему рукописанию, и, следовательно,

тоже были против нас. И правда Божия требовала того же — еще паче. Между тем мы ничего не могли представить в уплату, — и належала нам крайняя беда. Что же сделал положивший спасти нас многоблагоутробный Бог? *То взят от среды* — принял наше рукописание с глаз долой, так что никто уже более его не видел. *Взят*, ἦρκεν, — от: αἴρω. Значение этого слова точно выражает наша обычная фраза: возьми или прими это отсюда, с глаз долой. Так и рукописание наше принято было от среды и никому уже не бросалось в глаза. «Взят от среды, значит, — сделал, чтоб его не видно было» (блаженный Феофилакт). Куда же девал его милостиво спасающий нас Бог? «От среды взял, но, может быть, где-либо в другом месте спрятал. Потому страх берет, как бы не стал когда-либо взыскивать с нас по сему рукописанию. Теперь простил, а как раскается, что простил, и начнет взыскивать: рукописание цело. Апостол и устраняет этот страх, сказав: *пригвоздив е ко кресту*. Взяв от среды, Бог не отложил его куда-либо в сторону на сохранение, а разодрал его: пригвождением ко кресту означается разодрание» (из Экумения перифраз). «Взяв от среды, ни нам его не отдал, ни Сам у Себя не сохранил, но, пригвоздив ко кресту, разодрал» (блаженный Феофилакт). Это — метафорическое выражение. Значит же оно вот что: «так как все мы были под грехом и

наказанием; то Он, претерпев наказание, свободил нас и от греха, и от наказания. Наказание же претерпел Он на кресте. Туда взял Он и рукописание и пригвоздил его с Собою, а потом, как имеющий власть, и совсем разорвал его» (святой Златоуст). «Этим святой Павел выразил несомненность прощения и безвозвратность (взыскания)» (Экумений). Все, укрывающиеся верою под сень креста, безопасны от взыскания за грехи по правде Божией. Кровь Христова очищает их от всякого греха. Помазуются же они сею очистительною кровию в крещении и покаянии.

Стих 15. *Совлек начала и власти, изведе в позор дерзновением, изобличив их в Себе (победив их на нем).*

Начал святой Павел с 10-го стиха изображать, какая полнота приемлется от Господа Спасителя верующими в Него. Показал сначала, что благодатию Его подсекается грех, живущий в нас (см. стихи 11—12); затем живописал, под образом разодрания рукописания, дарование прощения грехов (см. стихи 13—14). Все ли исчерпано? Нет еще. Есть еще коноводы греха — сатана с полчищами бесов. Если оставить их в силе; то конца греху не будет, и указанные дары из сокровищницы полноты Христовой — ни к чему. И их силу истребил Господь, отняв у них всякую власть над нами: *совлек начала и власти.* «Апостол говорит это о силах диавольских, потому

что природа человеческая была будто одета ими» (святой Златоуст). Посредством греха и страстей бесы льнут к душе, и она, пока во грехе, бывает облеплена ими и является как бы одетою в них. Вот такую одежду, из бесов сшитую, и снял Господь с естества нашего. Как? Уже тем самым, что подсечен грех, живущий в нас, и дарована нам новая жизнь, отняты у бесов точки соприкосновения с нами или прилипания к нам и, напротив, влита сила, отражающая их. Пьявки облипают живое тело и сосут живую кровь из него; но если обдать тело соленою водою, то пьявки тотчас отпадут. Так и Господь осолил естество наше солию благодати Святаго Духа, и бесы все должны были отскочить от него, поражаемые Божественною силою и светом веры с возлюблением святости. И здесь, можно полагать, Апостол говорит о том же. Блаженный Феодорит пишет: «поелику посредством телесных страстей имели над нами владычество демоны, а Христос, облекшись в тело, стал победителем греха; то сокрушил Он владычество сопротивных и показал всем людям очевидную их немощь, собственным телом Своим даровав всем нам победу над ними». У Экумения тоже читаем: «враг много имел узд и уз, поводков и держал, посредством которых властвовал над нами. Началось это с преступления Адамова, а потом усилилось по причине собственных грехов наших. Единородный Сын Божий,

соделавшись человеком, снял с естества нашего все эти узды и держала (разумеются страсти) и освободил нас от таковых уз. Туго-натуго связанные цепями грехов наших, мы работали врагу. Но Господь, оставив нам грехи наши, избавил и от сих уз, и от тиранства лукавого».

Последние слова Экумения наводят и на ту мысль, что метафора: *совлек начала и власти* — означает, что Господь лишил власти над нами нечистые силы, и именно тем, что, пригвоздив ко кресту рукописание грехов наших, разодрал его. Бесы предъявляли свои права па нас, держа в руках наше рукописание грехов, по их же внушению наделанных, и указывая на сие рукописание, где бы оно ни было. Оно означало, что мы сами добровольно признаем над собою власть бесов, потому что всякий грех есть плод послушания им и непослушания Богу. Враги и указывали на рукописание, говоря как бы: смотрите, они — наши, нашу волю творят. Когда же рукописание разодрано и уничтожено, то им не на чем более утверждать власть свою; разодранием рукописания она отнята у них.

Таким образом и отсечением живущего в нас греха с дарованием новой жизни и отпущением грехов или разодранием рукописания, о чем рассуждал Апостол выше, сброшены облегавшие нас темные силы и власть их над нами отнята. Но следующие за сим слова показывают, что они

сами посрамлены и поражены крестом. *Изведе их в позор дерзновением.* — *Изведе в позор*, ἐδειγμάτισεν, — какое слово означает: выставить кого пред всеми на посрамление. Дерзновением, ἐν παρρησίᾳ, — смело, явно, право — властно. Значит, на кресте темные силы были выставлены на позор и посрамление. Они раздражили иудеев против Господа Спасителя и довели до того, что Он предан был позорной смерти. Чаяли, что, подвергши Его такому посрамлению, они оттолкнут от Него всех, дело спасения расстроится и власть их останется в силе по-прежнему. Оказалось же все напротив. На кресте не Господь посрамлен, а они, и не Его дело разорилось, а разрушено их царство.

Что Господь не посрамлен, а прославлен на кресте, это явно было для всех: солнце померкло, завеса церковная раздралась, земля потряслась, камни распались и многие телеса умерших святых востали. Имевшие очи не могли не увидеть из сего, что крест не позор, а престол славы. Но и у не имевших их они открылись, и совершившееся на Голгофе заставило их исповедать: *воистину Божий Сын бе Сей* (ср.: Мф. 27, 54). Уж и это было посрамление: чаяли одного, а вышло совсем другое; крест не отторгает, а привлекает. Это видимо, но значительнее невидимое посрамление, именно то, что они сами устроили крест, а крест разрушил их царство: сами они крестом

подкопали основы царства своего. Ибо крестом примирено небо с землею, низведен Дух благодати в освящение всех и в облачение всех властию наступать на всю силу вражию. Почему бесы не могут с тех пор воззревать на крест; от одного вида его бегут, как пред лицом ветра. Крестное знамение есть ограждение верующих и победное оружие на невидимых врагов.

Это же выражает Апостол и еще сильнее словами: составив торжество победы над ними в нем, то есть в кресте. По-славянски это читается так: *изобличив их в Себе*. Это неточный перевод слов подлинника: ϑριαμβεύσας αὐτοὺς ἐν αὐτῷ. Почему прибавлен подстрочный перевод: *победив их на нем*. Θριαμβεύειν — значит составлять или принимать торжество победы. Отсюда мысль у Апостола будет такая: Спаситель на кресте праздновал торжество победы над духами злобы, или принимал торжественную славу такой победы. — Крест был торжественною колесницею, подобною той, на которой возили победителей, прославляя их за победу. Но он же был и силою победною, и знамением победы. Он был то, чем, как в раю предсказано, семя жены стерло главу змия-искусителя. И Господь, приближаясь к крестной смерти, говорил: *ныне князь мира сего изгнан будет вон* (Ин. 12, 31), то есть свержен с престола и лишен власти. — Господь с креста сошел во ад и разрушил ад, изведши содержавшихся в нем; а

сущим на земле в силу крестной смерти дал власть над духами злобы, не силу только отбиваться от них, но власть господствовать над ними и подчинять себе, как рабов. Святой Златоуст говорит: «диавол надеялся овладеть Христом, а лишился и тех, которых имел. В то время, когда тело Христово было пригвождено ко кресту, мертвые воскресали. Тогда диавол потерпел поражение, получив смертный удар от мертвого тела. Как борец, считающий своего противника пораженным, сам получает от него смертельную рану; так и Христос показал, что умереть с дерзновением, властно — значит посрамить диавола».

Этим оканчивается общее предостережение, которого мысль такая: что бы ни обещали вам соблазняющие вас мудрецы, не слушайте их. Вы уже все имеете — и прощение грехов, и новую жизнь, и власть над нечистою силою. Чего вам еще желать?

вв) Предостережения от определенных уклонений от истины
(2, 16—23)

Их три: α) не соглашаться на некоторые иудейские обычаи (2, 16—17); β) не прельщаться смиренничаньем лжеучителей и службою Ангелам (2, 18—19); γ) не увлекаться каким-то учением человеческим о неразумном воздержании (2, 20—23).

α)

Глава 2, стих 16. *Да никтоже убо вас осуждает о ядении, или о питии, или о части праздника, или о новомесячиих, или о субботах.*

«Сначала говорил в общих терминах: блюдитесь (см.: 2, 4, 8). Теперь определеннее указывает, чего должно остерегаться, после того как предпослал сему изображение благодеяний о Христе Иисусе. Он как бы говорит: если столь великое получили, то зачем вам подчиняться таким маленьким вещам?» (из святого Златоуста и блаженного Феофилакта). «Надежда жизни — во Христе Иисусе, и упование спасения в Нем не позволяет нам примешивать к нему подчинение какому-либо суеверию или подзаконному обычаю. Почему не должно обращать внимания на тех, которые шумят там у вас и нашептывают нечто, несообразное с верою во Христа» (Амвросиаст).

Лжеучение прикрывалось иудейскою законностию, и лжеучители, вероятно, были из рода иудейского. Может быть, они были потомки тех иудеев, которых, по свидетельству Иосифа Флавия*, Антиох** переселил с востока в Южную Фригию, в числе 2000 семейств. Они могли принесть оттуда и восточные мудрования, к которым

* *Иосиф Флавий (37—?)* — иудейский историк. — *Ред.*
** *Антиох III Великий Селевкид (242—187 до Р.Х.)* — сирийский царь. — *Ред.*

здесь подмесив еллинских философствований, из всех трех склеили особую систему лжеучения, подлаживаясь в ней и к христианству. Из иудейских обычаев они удержали, как видно, только правила о ястии и питии и о соблюдении праздников годичных, месячных и недельных и, как очень вероятно, обрезание. О неуместности для христиан обрезания Апостол будто мимоходом говорил выше. Теперь прямо говорит против иудейских обычаев относительно яств и праздников.

Да никтоже вас осуждает. Пусть никто не осуждает вас, что не соблюдаете таких и таких обычаев иудейских. Но что же нам делать, спросил бы кто? Исполнять их, чтоб избежать осуждения? Нет, не исполнять, а не принимать к сердцу таких осуждений и внимания на них не обращать. Пусть их осуждают; вы не смотрите на то. — Вероятно, между приемами убеждения мудрецы те употребляли иронию, или насмешку, которая может сильно действовать и, когда встретит нетвердое убеждение, может совсем испарить его. Апостол и предостерегает: не поддавайтесь впечатлению от осуждения; оно пустое. «Не подчиняйтесь, говорит, тем, которые вас осуждают» (святой Златоуст). «Нимало не увлекайтесь покушающимися посеять у вас подзаконные наблюдения» (блаженный Феодорит). «Он будто хвалит их, как чуждающихся иудейства» (бла-

женный Феофилакт) и тем воодушевляет противостоять тем, которые влекут в него.

О ястии и питии. В законе было определенно прописано, что употреблять в пищу и чего не употреблять. Запрещение основывалось на полезности и не полезности яств, по тамошнему климату; причем имелись в виду и нравственные уроки, вытекавшие наглядно из свойств запрещенных животных и птиц. Но как те мудрователи пошли в ложь, то очень вероятно, что они приплетали к этому какие-нибудь нелепые гадания по духу своего лжеучения. В законе говорится только о яствах; относительно пития правило положено только для назореев*. Потому можно наводить, что мудрецы те выступали в качестве постоянных назореев и правила назорейства делали обязательными для всех. Ессеи** казались постоянно назорействующими. Может быть, из этой секты были и колоссянские мудрецы.

О части праздника — какого-либо из больших годичных праздников: пасхи, пятидесятницы, кущей и других. Этих праздников они не могли соблюдать вполне: по отдаленности не могли ходить в Иерусалим всякий год, а дома, празднуя, не могли исполнять всего, что составляло принадлежность праздника. Почему и сказал Апостол: *о части.* «Не сказал: (в соблюдении

---

* *Назореи* — особый класс посвященных у иудеев. — *Ред.*

** *Ессеи* — иудейская секта. — *Ред.*

праздника) кущей, или опресноков, или пятидесятницы, но: *о части праздника*; ибо они не дерзали сохранять все; а если и сохраняли, то не как праздники. *О части* говорит, показывая, что большая часть уже оставлена, не все прежнее удержали» (святой Златоуст). Но можно наводить и то, что мудрователи те все, сюда относящееся, перестроили на свой лад, так что из прежнего взяли только кое-что.

Это *о части* было взято из порядков празднования и новомесячий с субботами. Не все, и сюда относящееся, могли они соблюдать. Несмотря, однако ж, на то, что такое празднование, усеченное и измененное, не было уже вполне иудейское, Апостол не хочет, чтоб колоссяне касались его. Так оно противно духу христианства. Апостол не вообще отклоняет от праздников, а от празднования в известные дни в духе иудейства или того лжеучения, которое ходило среди колоссян. Иметь праздники и праздновать их есть неотъемлемая часть веры, поколику вера есть, какова бы она ни была. Так мы устроены. Их все веры и имеют, но каждая в своем духе. И христианство имеет свои праздники, но в своем духе.

Стих 17. *Яже суть стень грядущих, тело же Христово.*

Яже — прямо указывает лишь на прежде сказанное, на праздники и яства; но мысль Апостола общее. Он сказал так в том же значении, как мы

говорим: это все, разумея не виды только указанные, но весь род, к которому они относятся, то есть весь закон, все постановления ветхозаветные. *Стень* — тень грядущих вещей или благ, вообще того, что имело быть и что ожидалось. Как видящий тень верно заключает, что есть тело, дающее сию тень, и по очертаниям тени делает заключения о виде самого тела, возгревая всем этим желание увидеть самое тело; так ветхозаветные постановления так были начертаны, что указывали на будущее, предызображали его, сколько можно, и возбуждали желание поскорее увидеть сбытие изображаемого ими. Питать это желание и чаяние и было главною целию всех постановлений. Следовательно, сами в себе они не имели ничего существенного, как не имеет его тень, и значение имели только временное. Но хотя они тень, все же не следует оставлять их, пока не пришло тело. Апостол и прилагает: пришло тело — Христос Господь. Тело, от которого падала тень и дала бытие постановлениям закона, есть Христос Господь. Все там на Него указывало. И следовательно, с пришествием Его должно престать. Он пришел — и тень престала. Кто видит тело, не станет смотреть на тень, и, если б стал это делать, оскорбил бы самое тело и показал явно свое неразумие. Так и здесь. Пришел Господь; на Него и смотрите, а тень да мимоидет, как преходящая. Приведем, что

сказали о сем наши толковники. «*Тению грядущих* Апостол назвал закон, научая, что им прообразована благодать Нового Завета. Евангельское житие представляет собою тело; а закон — *стень*; тень же при появлении света предшествует телу. Закон — тень, благодать — тело, Владыка же Христос — свет» (блаженный Феодорит). «Ветхозаветное было тень; тело же, то есть истина, — Христова есть. Какая же нужда хвататься за тень, когда присуще тело?» (блаженный Феофилакт). «Все, данное чрез Моисея, было тению или образом грядущего, чтоб, когда явится истина, образ престал. Как в отсутствие императора образ его имеет вес, а в присутствии не имеет; так и это (данное чрез Моисея) прежде пришествия Господня должно было соблюдаемо быть, а в присутствии Его оно уже не имеет никакого значения. Ужели кто-либо, заменяющий собою господина в отсутствие его, может и в присутствии его действовать как господин? Если викарные префектов (губернаторов), когда они сами состоят налицо, бывают как частные лица; не тем ли паче раб (заменявший собою господина), в присутствии господина, должен являться и сам наряду с другими состоящими в повиновении ему?» (Амвросиаст).

β)

Стих 18. *Никтоже вас да прельщает изволенным ему смиренномудрием и службою Ангелов,*

яже не уведе уча, без ума дмяся от ума плоти своея.

Прельщает, καταβραβευέτω. — Βραβεῖον — награда за победу на ристалищах, по-нынешнему приз. «Судьи о подвизающихся называются βραβευτάς; ибо они определяют, кто одержал победу. Καταβραβεύειν — значит неправильно βραβεύειν, неправильно определять, кому принадлежит победа» (блаженный Феодорит). «Употребляется это слово в том случае, когда один одержит победу, а другой получит награду, — когда победитель бывает обижен, заделен» (святой Златоуст). — Иначе это можно выразить так: сделать кому, что он не получит награды. Καταβραβεύειν, — по строю, похоже на: καταργεῖν. Это значит: разделать или разорить сделанное, а то: разнаградить, сделать, что не получишь награды. Колоссяне представляются текущими как на ристалище. Апостол предостерегает их: смотрите, как бы кто не сделал, что награды не получите. Тещи, — будете тещи, а когда добежите до конца, награды вам не дадут. Как это возможно им сделать? Научив тещи не так, как следует. Ибо неправо текущий, незаконно подвизающийся не венчается (см.: 2 Тим. 2, 5). А это как они могли сделать? Возмутив веру колоссян, отбивши их от правой веры и научив неправо веровать. Колоссяне текли право, чая получить Царство Небесное; право текли, ибо текли вслед Господа Иисуса

Христа, на Нем едином опираясь верою и упованием своим. Если внушит им кто, и они примут — опираться верою и упованием на ином ком или на ином чем, то начнут тещи неправо. Тещи всё же будут тещи, и труд течения поднимать, и чаяние иметь, что получат венец; но когда дойдут до конца, не получат чаемого; скажут им: на кого вы полагались упованием, к тому и ступайте получать венцы. А венцов этих ни у кого нет, кроме Господа. Его Царство, Его и венцы. Все другие, кого бы кто ни предлагал на место Его, — ничто. И будет горький и прегорький обман. Всю эту картину печатлеет святой Павел в уме колоссян одним словом: *никтоже вас* καταβραβευέτω — *да прельщает*. Как сильно должно было отталкивать их от лжеучителей, когда вообразилось в уме их, какой навет, какая злокозненность для них скрывается в учении их? Святой Златоуст между прочим это слово изъяснил чрез: ἐπηρεαζέτω, — что значит: разорять, вредить, зло вливать; и заключил, что святой Павел имел в намерении этим словом возбудить в колоссянах негодование к лжеучителям. И успех был верен. Он хотел внушить им: не допускайте себя прельщать или обманывать таким горьким и пагубным обманом. Кто же сознательно пойдет на обман и в пагубу?!

Но Апостол не все бы сделал, если б, сказавши: не поддавайтесь обману, не указал, кто и как

подходит к ним с обманом. Кто же? Тот, кто подходит с изволенным ему смиренномудрием и службою Ангелов. *Изволенным ему смиренномудрием*, θέλων ἐν ταπεινοφροσύνῃ, — трудно переводимое выражение. — Экумений пишет: «никтоже вас да прельщает, желая сделать сие, то есть прельстить смиренномудрием». Феофилакт так перефразирует все место: «после того как исполнил их негодования, показав, что с ними хотят поступить злодейски, лишить их награды, — Апостол излагает и самый еретический догмат, говоря: они хотят вас лишить награды, прельстив смиренномудрием». Выходит: никтоже вас да прельщает, желая прельстить смиренномудрием. Θέλων они относят к предыдущим словам, а не к: *смиренномудрием*. Можно θέλων отнести и к: *никтоже*, — в смысле: никто, кто ни захочет; не позволяйте всякому хотящему прельщать вас. Сила речи, впрочем, не в этом слове: θέλων; потому можно не добиваться точного его перевода. Сила речи в смиренномудрии.

Что же это за смиренномудрие? Может быть, эти прельстители и во внешнем виде являлись смиренниками, бедно одетыми, бедно питающимися, бедно живущими, нечесаными, необмытыми, тихо и робко говорящими, с потупленными очами. Все это и подобное можно предполагать в них, зная, что в ряду их убеждений стояло непощадение тела. Такой вид действительно

прельщает, приковывая внимание к речам тех, которые являются в нем, по предположению чего-то высшего в таких лицах.

Но наши толковники все смиренномудрие понимают как часть учения этих прелестников, и часть исходную. Они начинали так: слишком для нас много, чтобы Сын Божий нисшел к нам, чтоб привесть нас к Отцу Небесному. Довольно для нас быть приводимыми к Нему чрез Ангелов. И устрояли, вследствие сего начала, какое-то особое служение Ангелам, ϑρησκεία. Святой Златоуст говорит: «что значит: *смиренномудрием*? Некоторые говорили, что мы должны быть приводимы (к Богу) не чрез Христа, но чрез Ангелов; потому что приведение чрез Христа больше, чем сколько нужно для нас». То же читаем и у блаженного Феофилакта: «недостойно, говорили, величия Единородного (учить), что Единородный приводит нас ко Отцу, ибо это больше, нежели сколько сообразно с человеческою малостию. Почему благословнее (полагать), что нашему приведению (ко Отцу) послужили Ангелы. Исходя из сей мысли, они вводили и особое служение Ангелам и убеждали простосердечнейших к ним обращаться, будто к нашим спасителям». Блаженный Феодорит ту же мысль выражает общее: «водясь смиренномудрием, они говорили, что Бог всяческих невидим, неприступен и непостижим и что чрез Ангелов надлежит приобретать

Божие благоволение. Сие-то разумеет Апостол в словах: *смиренномудрием и службою Ангелов»*.

Это положение, что Бог неприступен и что между Ним и тварями, даже по делу творения, должны быть посредники, было исходным пунктом для гностиков, а потом и для Ария. Если действительно в этом состояло смиренничанье колосских прелестников, то нельзя не видеть в них зачатка гностиков, в силе развившихся во II веке, и из известного учения гностиков о небесных силах объяснять, в чем состояло и неизвестное учение об Ангелах колосских мудрецов. Гностики учили, что Бог бесконечно мощен. Тварь не может снести Его воздействия. Почему, чтоб произойти твари, надлежало произойти наперед целому ряду небесных сил, которые, начиная от самоближайших к Богу, все более и более умалялись в достоинстве и силе и приближались к тварям, какие нам известны на земле. В ряду их встречаются имена: и Христос, и Иисус, и Церковь, и демиурги* — строители мира. Называли они их эонами, но очевидно, что это суть небесные силы, или Ангелы, значение коих в цепи творения неправильно понято. — Если признать сродство гностиков с колосскими мудрователями, то эти положения могут несколько пояснять, как смотрели они на Ангелов и почему к ним паче учили обращаться.

* *Демиург* — у гностиков: неистинный бог. — *Ред.*

В чем бы ни состояло это служение Ангелам, видно по истории, что оно сильно укоренилось в тех местностях и долго велось там. Так что Отцы Поместного Лаодикийского во Фригии Собора (365 год) должны были обратить на него внимание и в 35-м правиле запретили его. Правило это читается так: «не подобает христианам оставляти Церковь Божию, и отходити, и Ангелов именовати, и собрания творити. Сие отвержено есть. Того ради, аще кто обрящется упражняющимся в таковом тайном идолослужении, да будет анафема: понеже оставил Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, и приступил к идолослужению». В нашем издании правил приложено к сему такое замечание: «осуждаются еретики, не молящиеся Богу и Христу, а только Ангелам, аки бы творцам и правителям мира». На сродство этих ангелопоклонников с колосскими указывает блаженный Феодорит в толковании на Послание к ним: «приверженность эта (к ангелопоклонению) долго держалась во Фригии и Писидии. Потому-то Собор, сошедшийся в Лаодикии Фригийской, законом запретил молиться Ангелам». Правило Собора называет бывшее там ангелопоклонение тайным; вероятно, и собрания были тайные же, и в них совершалось что-либо, чрез что чаяли вступать в общение с Ангелами. Не было ли это что-либо похожее на собрания

наших спиритов*, и с какими-нибудь приемами и действиями, похожими на те, которые бывают у последних? Всячески дух один и там и здесь: те отводили от Христа Спасителя, и эти то же делают. Если таким образом наших спиритов поставить в сродство с ангелопоклонниками, осужденными на Соборе Лаодикийском, а этих — с ангелослужителями, коих осуждает святой Павел в Послании к Колоссаем; то вот Апостольский приговор против спиритов.

Яже не уведе уча. — Не уведе, μὴ ἑόρακεν, — чего не видел. *Уча*, ἐμβατεύων, — в то входя. Ἐμβατεύειν — входить: входить во что умом — исследовать, учить; входить во что словом — рассказывать. Колосские мудрецы, если они однородны с гностиками, говорили, что сначала из Бога вышла такая-то сила, из этой потом такая-то, из сочетания их — такая и такая, а из сочетания этих — еще другие и другие. Они будто по небу ходили и рассказывали, что там видели, тогда как в самом деле ничего не видели. Святой Павел и обличает их, что «они, никогда не видавшие Ангелов, утверждают о них то и то, будто видевшие их» (блаженный Феофилакт согласно с святым Златоустом).

Без ума дмяся от ума плоти своея. — Без ума, εἰκῇ, — попусту дмяся, тогда как нечем было

* *Спириты* — приверженцы мистической секты духовызывателей. — *Ред.*

надыматься, «не действительным чем-либо надмеваясь, а своим мнением пустым» (святой Златоуст). — *От ума плоти*, «от плотского, а не духовного ума» (святой Златоуст), от ума, по плотским началам рассуждающего, оплотенелого, огрубелого, не могущего вознестись на высоту созерцания христианских догматов, как Сын Божий и Бог, единосущный Отцу, воплотился и устроил спасение рода нашего. «Не обличает ли огрубелости их ума то, что они не могут вместить и принять ясно сказанных о Господе истин?» *Тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть* (Ин. 3, 16); и опять: *и за них Аз священ Себе* (Ин. 17, 19); еще: *душу Мою полагаю* за овец Моих (см.: Ин. 10, 15—17). Много и других подобных мест (см.: блаженный Феофилакт). Таких истин не вмещают, а дмятся. Изобретения их ума казались им выше богооткровенных истин; они и надымались своим мудрованием, свысока смотря на верующих в простоте сердца, без умовой пытливости. Надмение вело к упорству, и они, вероятно, противились всякому вразумлению. «Надмевались, как упорные догматисты, не допускавшие даже, чтоб им предлагаемо было истинное учение» (блаженный Феофилакт).

Но как же брались прельщать смиренномудрием, а между тем надымались? «Это показывает, что у них все происходило от тщеславия» (святой Златоуст). «Тут нет противоречия; ибо смирен-

номудрием они только прикрывались, в действительности же обладала ими страсть гордыни» (блаженный Феодорит). «Смирение их было кажущееся, а не истинное. Не имели они смирения, а только говорили смиренно: заклану быть за нас Единородному, — это больше чем потребно для людей (не по мере их, не под стать им)» (блаженный Феофилакт).

Стих 19. *А не держа Главы, из неяже все тело, составы и соузы подаемо и снемлемо, растит возращение Божие.*

К Ангелам пошли, а от Господа Спасителя отклонились, между тем как тело Церкви как составляется Господом, так стоит и живет Им, то есть всяк спасающийся только в Господе спасается. Отсюда очевидно, что те мудрецы и сами гибнут, и вас поведут в пагубу. «Как только ты отделился от Главы, ты погиб» (святой Златоуст).

Под Главою очевидно разумеет Апостол Христа Спасителя, Сына Божия и Бога воплощенна, о Коем еще в 1-й главе сказал, что Он есть *Глава телу Церкве* (ср.: 1, 18). Держать Главу сию можно верою в Господа, убеждениями в истине, яже о Нем, любовию, преданностию, упованием спасения в Нем, вообще состоя в живом, сознательном и разумном общении с Ним и в Нем едином полагая свое спасение. Уклонившиеся к Ангелам все это потеряли: чрез то отпали от

Христа Господа, а далее и от Бога Отца, и стоят вне порядка, жизнь зиждущего, — который Самим Спасителем определен так: *Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас* (Ин. 14, 20).

Из неяже все тело. «Апостол снова Владыку Христа наименовал Главою, а состав Церкви — телом. Да и все сказал в смысле переносном» (блаженный Феодорит). Чтобы понять смысл иносказания, надо хорошо уяснить самое иносказание. Что говорится о теле? Что оно *растит возращение Божие.* Как? *Соузы и составы подаемо и снемлемо.* Само собою? Нет; все это идет из главы. Трудно понять слова: *соузы и составы подаемо и снемлемо*; трудно потому уразуметь и то, что они означают. Общая мысль иносказания такая: тело Церкви под действием Главы своей растит в себе возращение Божие, то есть, живя Божескою жизнию, множит, усиливает и укрепляет сию жизнь. Слова: *соузы и составы подаемо и снемлемо* — указывают на способ, как это делается. Что бы это могло означать? Чтоб это уразуметь, надо определить, что бы слова сии могли означать применительно к нашему телу. Распределим слова так: *соузы подаемо, — составы снемлемо*: ибо очевидно, что так требуется их соотносить. *Составы снемлемо*, διὰ συνδέσμων συμβιβαζόμενον, — не так трудно понять. Σύνδεσμοι — связки, коими соединяются разные части тела; а: συμβιβάζειν — значит одно к дру-

гому подлаживать, одно с другим слаживать. Будет: разные части тела, подлаженные и слаженные, связаны связками и держатся в сем сложенном виде. Это прямо указывает на систему костей и мускулов, определяющих строй тела. Но слова: *соузы подаемо*, διὰ τῶν ἁφῶν ἐπιχορηγούμενον, — темноваты. Ἁφή — не одно имеет значение; значит — осязание, прикосновение, действие взятия и связка. Какое взять значение в настоящем месте, зависит от: ἐπιχορηγούμενον. — Ἐπιχορηγεῖν — имеет одно значение: доставлять, при-доставлять, прибавлять к тому, что уже доставлено или дано. Ἐπιχορηγούμενον — будет: будучи снабжаемо. К этому из значений ἁφή может подходить только действие взятия, прием, коим доставляемое берется. Будет: тело доставляемое ему берет и усвояет — и тем живет и растет. Это указывает на систему питания. Но обе эти системы оставались бы без действия, если б не были возбуждаемы нервами: из головы идут нервы, расходятся по всему телу и, возбуждая органы питания с мускулами, заставляют их действовать по своему назначению и тем поддерживают жизнь тела.

Признав такое толкование довлеющим*, не затруднимся уже в иносказательном его понимании. Системе костей с мускулами, определяющими строй тела в Церкви Божией, отвечает види-

---

* *Довлеющим* — достаточным, удовлетворяющим. — *Ред.*

мый строй ее: под Апостолами и Пророками, пастырями и учителями Церкви стоят все христиане, каждый с особым дарованием на пользу Церкви; все связаны взаимоподчинением, любовию и радением об общем благе духовном. «Что в теле сочленения, то в составе Церкви Апостолы, Пророки и учители», — говорит блаженный Феодорит. Системе питания в Церкви соответствуют все способы, коими сообщаются верующим ведение богооткровенных истин и излияние Божественной благодати, преимущественно проповедь слова Божия и Божественные таинства. Ими доставляется то, чем единственно может питаться Церковь и расти возрастанием Божиим, именно: благодать и истина. Нервы же, из главы исходящие и все тело проникающие и возбуждающие, есть Сам Христос Господь, Который и состав тела Церкви держит, и живительною проникает ее силою. Блаженный Феодорит пишет: «как в теле головной мозг есть корень нервов, а посредством нервов тело получает ощущение; так тело Церкви от Владыки Христа приемлет и источники учения, и орудия спасения».

Все иносказание можно так переложить: те мудрецы не держат Главы, то есть Христа Господа, из Которого все тело Церкви, будучи снабжаемо и приемля питательные стихии духовные, — благодать и истину, и будучи содержимо во составе своем тесно сочетанным духом мира и

любви, растет жизнию Божественною, все большее и большее число членов приобретая и всех возводя к высшему совершенству в жизни по Богу.

К приведенным выше словам блаженного Феодорита приложим и то, что другие говорили на сие место. Экумений пишет: «Христос есть Глава и Ангелов, и человеков, как Творец и Устроитель всяческих. Из Него, то есть Христа, — все тело Церкви. Сказав: *тело*, — Апостол прилагает и свойственное телу. Все, говорит, тело Церкви, — будучи, посредством приятий (взятий и приемов) от Христа, снабжаемо всякою благодатию и будучи слаживаемо и сочетаваемо посредством составов и связей, то есть будучи умиротворяемо и в себе самом, и в отношении ко Христу, — растет возрастанием по Богу. Какое же это возрастание по Богу? Возрастание не телом, но жизнию по Богу». Вот слова блаженного Феофилакта: «Глава Церкви есть Сын Божий, Христос Господь; а Церковь есть тело Его. Из Него тело Церкви имеет и просто бытие, и благобытие. Кто отпадет от Него, тот погиб. Как из головного мозга чувствительный дух посредством нервов передается во все тело, — и от головы всякое чувство и всякое движение; так и все тело Церкви от Христа снабжается, то есть получает, чем (или: чтобы) жить и расти духовно. Когда же оно имеет это? Когда состоит в сочетании

(когда хорошо слажено) с Ним (и само в себе). Ибо в таком только случае Дух Святый снабжает тело, чем расти: так что если тело не сочетано живым союзом и с Главою, и само с собою или само в себе, то не бывает ни снабжения Духа, ни возращения Божия, то есть наилучшей жизни по Богу».

γ)

Стих 20. *Аще убо умросте со Христом от стихий мира, почто аки живуще в мире стязаетеся?*

Начинает Апостол предлагать последнее предостережение, — чтоб не увлекались каким-то неразумным воздержанием, к которому обязывали лжеучители своих последователей. В чем состояла их ложь в сем отношении, не видно. Она могла состоять и в чрезмерности воздержания, и в цене воздержания, или в придаваемом ему ложно значении в деле спасения и к Богу приближения. Последний предел воздержания есть — не заходить за ту черту, за которой воздержание начинает расстраивать здоровье тела, и еще — не простирать воздержания до изнеможения, лишающего сил исполнять лежащие на ком обязанности. Соблюдая эту меру, воздержание может являться в очень сильной степени и не быть укорным. Укорным здесь может быть только то, если кто обратит в неотложный закон для всех одну меру воздержания; потому что по разной крепости телесной у людей это определение

может оказаться для иных разрушительным. Почему оно оставлялось и оставляется всегда на свободу. Может быть, колосские мудрователи погрешили в этом отношении, как можно заключать из непощадения тела, укоряемого в них Апостолом ниже. Но больше, кажется, они погрешали тем, что слишком большую цену придавали воздержанию, и не столько ему, сколько веществам, одобряемым к употреблению и неодобряемым, как будто бы в них, в самой природе их и свойствах, заключалось что-либо способствующее или препятствующее успехам духовным, или к общению с Ангелами, которое проповедовали, как единственный путь к ведению истины и к общению с Богом, или получению помощи в деле жизни. Отсюда у них выходило: *не косния, ниже вкуси, ниже осяжи*. И все это было представляемо так, что казалось не знать* какою премудростию.

От всего этого предостерегает теперь святой Павел колоссян. Он не касается подробностей заблуждения, а берет общую, лежащую в основе его мысль, будто вещественное само по себе может давать нечто духовное, и отклоняет от принятия ее не усиленными какими доказательствами, а одним указанием на то, чем стали колоссяне во Христе Иисусе. Умерли, говорит, вы от стихий мира; какая же вам стать пускаться в рассуждения

* *Не знать* — неизвестно, неведомо. — *Ред.*

о них с теми, которые придают им какую-то особую цену? Вам следовало сразу отвратить от них слух и взор; а вы позволили им предлагать такое учение, а себе слушать их, как бы вы в мире жили, от вещественного не отклонялись и в духовную область не прозревали и не вступали.

Умросте со Христом от стихий мира. Под стихиями мира иные разумеют иудейское вещественное служение Богу. Но колоссяне не жили под законами сего служения; потому когда умерли стихиям мира, то не ему умерли, а, надо полагать, другому чему-либо. Чему же? Это указывает главная характеристическая черта жизни во Христе Иисусе. Жизнь в Господе Иисусе есть — преселение и мыслию, и чувством, и желаниями от вещественного к духовному, от земного к небесному, от тленного к нетленному, от временного к вечному, — от тварного к Богу. Умертвие во Христе Иисусе есть прямо умертвие греху; но с сим умертвием пресекаются и все узы с вещественным. Все эти узы умерший во Христе в самом действии умертвия сбрасывает с себя, как теснящую его одежду, и свободно вступает или воспаряет в мир духовный ко благам невещественным, которые тут же и вкушает, — и прилепляется к ним. Вот это и есть, что разумеет святой Павел под: *умросте от стихий мира.* И следовательно, *стихии мира* у него означают все

вещественное, земное, тленное, которому умирает всякий настоящий христианин во Христе Иисусе.

В глазах такого все вещественное теряет всякую цену, — оно становится чуждым ему, выпадает из внимания: другим занят его ум и сердце. Станьте такому говорить о чем-либо вещественном, это не может занять его, нет к сему вкуса у него, и он отвратится от сего; ибо другим полно сердце его. И кто из таковых стал бы внимать речам вашим, поступил бы против духа жизни своей, показывая, что вещественное еще может занимать его. И к такому справедливо отнестись с укором: что слушаешь? Будто душа твоя связана с вещественным, находит в нем вкус, живет в мире. Этот укор и делает святой Павел колоссянам: *почто аки живуще в мире стязаетеся? Стязаетеся*, δογματίζεσθε. — Δογματίζειν — значит догматы излагать; а: δογματίζεσθαι — догматами быть оглашаему, слушать изложение их. Зачем вы, говорит Апостол, ставя себя в чин оглашаемых учеников, позволяете мудрователям этим излагать свое учение о вещественном, как будто что вещественное может иметь для вас какое значение? Они толкуют вам: такое-то вещество то-то значит, а такое-то то-то. То употребляй так и так, в такое-то время, в таком-то месте, а этого не касайся. Если будете слушать, то они набьют вам в голову убеждение, что вещественное не знать какую большую цену имеет для вас, и взгромоздят

в вашем внимании целую гору вещественного, которая закроет от умного взора вашего Бога и Господа Иисуса и все духовное. И опять втянетесь вы в вещественное. А вы умерли ему, и вам следует держать себя мертвыми для него, так, как бы его не было для вас. Ваше внутреннее должно быть чисто от всех вещественных облаков, чтоб в нем ясно зрелось одно солнце — Бог.

Так рассуждает о сем Амвросиаст: «крещающийся во Христа умирает миру; ибо отрицается от всех суеверных заблуждений и начинает жить одною верою во Христа Господа, — жить в таком чине, в коем подобает жить живущим в Боге упованием, еже о Христе Иисусе. В силу этого отречения мертвыми друг другу называются человек и стихии мира. Говоря: мир (в слове: *от стихий мира*), Апостол означает всякое заблуждение (мудрование) плотское; ибо все видимое причисляется к плотскому. Почему и апостол Иоанн говорит: *не любите мира, ни яже в мире* (1 Ин. 2, 15), — то есть ни стихий, из коих сложен мир, ни заблуждений, кои относительно их изобрело человеческое предание; но единого Христа, умершего за нас, чтобы из погибших, какими были мы, сочетать нас в тело Свое — живое. Итак, спогребшиеся Христу умерли стихиям, чтоб никакого уже на них не обращать внимания; ибо научились стремиться к высшему, могущему доставить непрестающую жизнь. А эти

(стихии) и настоящего не дают, и препятствуют улучить будущее. Кто же после крещения колеблется мыслию относительно некоторых вещей, полагая, что они имеют особую некую силу, тот показывает, что жив есть для стихий мира, которые или определяет ценить высоко, или сомневается презреть. Таковой пребывает в кругу или в области мира; так как, в ветхого еще облеченный человека, не может отрешиться от плотского и вещественного».

Стих 21. *Не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи.*

Вот какую высокую премудрость они вам предают! И вы, как дети в школе, сложа смиренно руки, дозволяете им оглашать себя, δογματίζεσθε, — такими ничтожностями, как будто несмыслящие, как о чем судить должно и как жить (см.: Экумений, блаженный Феофилакт). «И смотри, как осмеивает их Апостол: *не коснися* и прочее. Мудрователи те, толкуя это, делали вид, что так поступать есть нечто великое» (святой Златоуст).

Слова эти: *не коснися* и прочее — указывают будто на иудейские постановления о пище; но с собственно иудейскими порядками Апостол уже покончил (в стихах 16—17). Там и о пище и питии поминается. Здесь же разуметь надобно нечто другое, именно: какие-то суеверные мудрования относительно яств и еще чего-то вещественного, — мудрования, выходившие из непра-

вильных воззрений вообще на мир и стихии его. Перед этим Апостол предостерегал от неправых воззрений тех мудрецов на мир духовный, а теперь предостерегает от таких же их воззрений на мир вещественный. Но самых воззрений не касается, а только вывода из них. Из них выходило, что к веществам нельзя относиться безразлично, но что они имеют значение в деле жизни духовной, одни помогают, другие мешают. Отсюда правило: того не касайся, другого не вкушай, иного не осязай. Это отрицательные предписания; но тут же, конечно, само собою подразумевалось: а того-то касайся, это вкушай и осязай. Такие суеверия отвлекали упование от Бога и внушали опираться им на вещественное — тленное и непрочное. Амвросиаст пишет: «Апостол запрещает всякого рода надежду на вещественное; ибо она суетна».

Стих 22. *Яже суть вся во истление употреблением, по заповедем и учением человеческим.*

Представляет основания, почему не следует слушать такие уроки: первое — ничтожество предметов, коих они касаются; второе, — что это не Божия заповедь, а человеческое учение.

Ничтожество предметов: что вещественное твердо и постоянно? Все течет. Возьмите вы пищу: что с нею бывает? «Она превращается в гной» (блаженный Феодорит). *Яже суть во истление употреблением.* «Посрамляя надмение

тамошних догматистов (лжеучителей), Апостол говорит, что все это не великое что есть, но оканчивается истлением в употребляющих; истлевши в чреве, это извергается потом афедроном, так что для души в этом, как оно есть само по себе, нет ни пользы, ни вреда» (блаженный Феофилакт). Мысль здесь у Апостола та же, что у Спасителя, когда Он учил, что не входящее в уста, а исходящее из сердца сквернит человека. И он внушает: не придавайте вы важности этим ничтожностям и не опирайтесь на них; а все внимание обращайте на строй сердца и его расположения. Они прочны и имеют вечную цену, а это все мелочи, суета.

Уж и поэтому следует отвратиться от этих мудрователей; но больше еще потому, что их уроки не от Бога, а человеческие суть измышления. Вы приняли учение от Бога, и вам не следует открывать уши свои этим пришельцам, которых учение сложено *по заповедем и учением человеческим*. Слова эти надобно соединять с: δογματίζεσθε: зачем позволяете себя оглашать такими догматами, кои суть изобретение человеческое? И иудейские постановления, поколику они были обременены разными раввинскими прибавками, превратились уже в человеческие заповеди из Божиих. Но прямее Апостол имел при сем в виду суеверия еллинов или каких-либо теософов.

Стих 23. *Яже суть слово убо имуща премудрости в самовольней службе и смиренномудрии и непощадении тела, не в чести коей, к сытости плоти.*

Яже — ближайшим образом относится к непосредственно предыдущему, к урокам: *не коснися* и прочее, — *по заповедем и учением человеческим*. Но по содержанию текста видно, что Апостол имел при сем в виду все сказанное о заблуждениях лжеучителей со стиха 16. Потому текст этот можно считать заключительным для всего последнего отделения (см. стихи 16—22).

Слово убо имуща премудрости. Мудрователи те так умели представлять свое мудрование, что оно казалось очень премудрым, поддерживая такое о нем мнение и своею смиренною и строгою внешностию. Апостол говорит: все это только на вид премудро. Что же оно в действительности есть, того он не досказывает, потому что после сего слова и само собою ясно, что оно есть. Святой Златоуст говорит: «*слово* (*имуща премудрости*), а не силу, следовательно, не истину. Посему будем отвращаться того, кто имеет только *слово* премудрости. Ибо иной кажется и благочестивым, и скромным, и презирающим тело; а на самом деле он не таков». Берем и из Феодорита некоторые слова: «Апостол указал на имеющих наружность, а не действительность, которые обольщают пышностию слов». Приложим одно и

из Экумения: «только вид премудрости имеют, а не дела или, лучше, имеют одно голое (бессодержательное, пустое), но вкрадчивое слово».

Если действительно эти мудрецы так объясняли все сущее, как потом делали гностики; то призрачная мудрость есть самое подходящее титло* для их мудрования. Представляли они себя ходящими по поднебесью и рассказывали, будто очевидцы, как все происходило, построевая лествицу духовных сил, одни из других вырождающихся и все ближе и ближе подходящих к земным тварям. В воображении слушавших рисовалась привлекательная картина и могла увлекать, если кто не станет допрашивать почему и как. Так и ныне рассказ о самообразовании мира из туманных пятен рисует в воображении очень размашистую картину, представляющую будто нечто величественное, и увлекает; но прочного ничего под собою не имеет, и тотчас лопается сей мыльный пузырь, как только кто станет допрашивать почему и как. Колосские мудрователи из духовного мира исходили, а наши из вещественного. Но дух учения и там и здесь – один, и цена ему одна – мыльный пузырь.

Самовольная служба, смиренномудрие и непощадение тела составляли внешнюю практическую сторону мудрования. Мудрователи, как видится, сами так действовали и тем придавали

* *Титло* – здесь: именование. – *Ред.*

призрачный вид премудрости своему мудрованию, который порождал изумление и привлекал.

В самовольней службе, ἐν ἐθελοθρησκίᾳ, — в вольной службе. Служба — образ внешнего богопочтения. Построили те мудрецы свою веру и для нее придумали особый чин богослужения. Самовольным он назван, может быть, потому, что не сообразовался ни с какими из тогда известных; следовательно, ни с иудейским. Или: не потому ли он назван ἐθελοθρησκία, что они оставляли всякому на свободу внешно чтить Бога, как кому угодно, не установляя одного обязательного для всех чина богослужения. То и другое могло привлекать: то — новостию и какою-нибудь показностию, а это — льготою, до которой есть ли кто неохочий? У наших хлыстов своя бывает служба. Они и в церковь ходят, но своя служба им слаще, хотя она составлена очень уродливо. Нравится потому, что самовольная. То же начинает заводиться и у спиритов. Иные из них свои сеансы и обращают в нечто богослужебное, только не к Богу относятся, а к духам (прямее — к бесам). Подобное могло быть и у тех мудрецов и учеников их.

В смиренномудрии. Выше *изволенное смиренномудрие* (стих 18) можно было объяснять, как исходный пункт всего мудрования: куда нам с Богом иметь общение, — хотя бы с Ангелами. А

здесь очевидно указывается на внешний вид, как держали себя мудрецы и как держать себя обязывали учеников своих. Рубищная одежда, тихая речь, потупленный взор, всклокоченные волосы — вот и смиренномудрие! Дервиши* турецкие таковы. Как это ни малозначительно, но всегда привлекало и привлекает, и не одних простых. Как-то трудно освободиться от мысли, что такого рода люди особого, некоего высшего, суть духа. Отсюда почет им и послушание.

В непощадении тела. Плохое питание тела тоже есть непощадение его; но слово Апостола выражает при сем и нечто большее. Может быть, они и истязали себя как-нибудь. Бичевальщики всегда бывали. И теперь они есть: и в просвещенной Европе, и среди грубых турок, и у нас между хлыстами. Само по себе непощадение тела в благоразумной мере и со святыми целями не укорно, а похвально. И *иже Христовы суть, плоть распяша* (Гал. 5, 24). Если Апостол с укором относится о нем здесь, то, конечно, потому, что оно, кроме уродливого вида, в каком являлось, и по направлению и духу своему было дурно и было смешано с какими-либо суевериями. И манихеи** не благоволили к телу; но

---

* *Дервиши* — приверженцы крайнего аскетизма в исламе, своего рода бродячие мусульманские монахи. — *Ред.*

** *Манихеи* — приверженцы еретической языческой секты, основанной ересиархом Мани (Манесом) (216—274/277). — *Ред.*

потому, что считали его произведением не Божиим и в самой природе его видели зло. Непощадение тела, в этом и подобном этому духе, не может быть щадимо.

Не в чести коей, к сытости плоти. Что значат сии слова в настоящем месте, трудно определить. Думается, что, как Апостол проясняет здесь, чем мудрецы прельщали и порождали мысль о высокой своей мудрости; то и эти слова к тому же надобно отнесть. Привлекали они самовольною службою, смиренничанием и непощадением тела. Апостол прибавляет к сему: и это все тем больше могло прельщать, что они не искали чести, чтоб почет обратить в средство пространно питаться. Ибо *сытость*, πλησμονή, — означает не простое удовлетворение плоти пищею, а пространное — пресыщение. Пиша к коринфянам, Апостол указывал в некоторых учителях подобные виды (см.: 2 Кор. 11, 20). Но у этих, говорит, нет этого; почему они могли тем легче прельщать. *Не в чести* — не являлись они в возбуждающей почет представительности, но выступали смиренниками; так и всегда держали себя, не смущаясь непочетом. В самом деле они походили будто на истинных Апостолов. *К сытости*, πρὸς πλησμονὴν, — указывает на цель тех, кои почета ищут. У них, говорит, этого нет.

Возможна при сем и другая мысль. Они не щадят тела и не отдают ему чести, должной ему

по естеству, не оказывают попечения о его содержании и удовлетворении естественных его потребностей. Бог, создав тело, не врага приставил к душе, а сотрудника и содействователя; а они обходятся с ним, будто с врагом, истязуют, не питают. Эту мысль проводят наши толковники. Святой Златоуст говорит: «Бог дал телу честь; но они пользовались им не в честь. Они, говорит, бесчестят плоть, лишая ее (должного), отнимая у нее силу». То же пишет и Экумений: «Бог, почтив человека, руками Своими создал тело его и даровал ему потребную пищу; а они не смотрели на данные яства, как на честные, а будто на вредные, которых должно избегать». Вот и слова блаженного Феофилакта: «Бог почтил тело и дал яства, чтоб, питаясь ими, плоть могла существовать. А они не в чести держат тело, а лишают его должного». *К сытости плоти* — будет при сем толковании означать: к насыщению плоти, — не имеют должного попечения о теле, чтоб удовлетворить его потребности.

Есть и иное толкование, по коему *не в чести* противополагается словам: *слово имуща премудрости*. Их учение только вид имеет премудрости, молву только порождает, будто они премудры, а в самом деле оно не к чести их служит; не чести, а порицания они достойны за такое учение. А: *к сытости плоти* — при этом дается такой смысл: плоть берется как живущий в нас грех, повреж-

денная природа, похоть, самость. Не служит к чести их учение; оно только удовлетворяет и с избытком насыщает их самость, сию греховную питает немощь. Как далеко и как нескладно такое толкование, очевидно само собою.

НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ
(3—4, 6)

Здесь святой Апостол сначала: А) представляет христианскую жизнь, какою она должна быть сама по себе, без отношения к внешним положениям верующих (3, 1—17); а потом: Б) указывает, каковою она должна быть в христианах, при разных внешних их положениях и состояниях (3, 18—4, 6).

А) ЖИЗНЬ ХРИСТИАНСКАЯ ОТРЕШЕННО ОТ ВНЕШНИХ ПОЛОЖЕНИЙ ХРИСТИАН
(3, 1—17)

Здесь святой Павел указывает: а) существо жизни о Христе Иисусе,— что она должна быть отрешенна от всего земного и погруженна со Христом в Боге (3, 1—4); вследствие того в действительности она является: б) умертвительницею страстей и стяжательницею всякой добродетели: это ее дело, трудясь над коим, она достигает наконец последнего предела деятельного совершенства: любви и мира (3, 5—15); в) средствами к преуспеянию в такой жизни предлагаются обогащение ума ведением слова Божия,

молитва и творение всего во имя Господа Иисуса (3, 16—17).

а) Существо жизни о Христе Иисусе
(3, 1—4)

Существо сие состоит: аа) в искании вышнего, — небесного, вечного, Божеского, с отрешением от земного, временного и тварного (3, 1—2); бб) основание, почему так должно, — в том, что верующие умирают для всего и живот их сокровен в Боге со Христом Господом (3, 3); а: вв) воодушевление к такой отрешенности почерпается в убеждении, что иначе нельзя явиться во славе, когда явится Христос Господь (3, 4).

аа)

Глава 3, стих 1. *Аще убо воскреснусте со Христом, вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога седя.*

Аще — если. Не в вопросе, предполагающем колебание мысли, ставит воскресение со Христом, а несомненно утверждает его и полагает, как основание к выводу правила — вышнего искать, о горнем мудрствовать. *Убо* — итак, частица, на вывод указывающая. Откуда же выводится, что мы воскресли со Христом? Из (2, 12), где говорилось, что во святом крещении мы спогреблись Христу и о Нем совостали. Из сего положения Апостол уже выводил: *аще умросте со Христом* (ср.: 2, 20); а теперь другой делает

вывод: *аще воскреснусте.* Но первый вывод касался знательной стороны: если умерли со Христом для всего вещественного, то зачем ищете опор убеждениям и надеждам своим в чем-либо вещественном. А настоящий второй <вывод> касается стороны деятельной, — христианской жизни: если воскресли со Христом, вышних ищите. Что воскресли со Христом, сие выводится из силы и значения таинства крещения; из того же, что воскресли, делается новый вывод: *вышних ищите.*

Что значит — вышних искать, определяется тем, что значит — воскреснуть со Христом. В Послании к Римлянам воскресение со Христом святой Павел определяет так: *да якоже воста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни ходити начнем* (Рим. 6, 4). Ходить во обновлении жизни и будет значить — вышних искать. Но что значит ходить во обновлении жизни? Ходить противоположно ветхой жизни. Ветхая жизнь началась с падения, когда человек отпал от богообщения, к коему предназначен, и ниспал в самоугодие, чувственность и тварелюбие. Обновление жизни есть опять вступление в живое богообщение чрез отвержение самоугодия, чувственности и тварелюбия. Пребывать в сем порядке жизни будет ходить в обновлении жизни, а далее — искать вышних. Искать вышних потому есть всеусильно стремиться к

тому, чтобы всегда пребывать в живом общении с Богом. Ибо что выше Бога? И взыскавший и обретший Бога чего еще высшего взыскать может? Почему пророк Давид взывает: *Тебе рече сердце мое: Господа взыщу, взыска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, взыщу* (ср.: Пс. 26, 8); и всех приглашает: *взыщите Бога, и жива будет душа ваша* (Пс. 68, 33).

Само слово: вышних искать — значит искать того, что горé есть, искать небесного; что обычнее выражается исканием Царствия Небесного, Царствия Божия. Но и это Царствие что есть? Есть то, когда Бог начинает царствовать в душе. Чрез Господа Иисуса Христа восстановляется прерванное падением общение души с Богом. Вступая снова в общение с душою, Бог вселяется в ней и, оживотворяя ее и всеми движениями ее управляя, возвращает ей потерянное благобытие. И се Царствие Божие. Оно же и вечное блаженство будет составлять. Почему можно положить, что оно совмещает в себе и все, чтó бы ни представил себе кто под именем вышних благ.

Другое, чем определяется у Апостола искомое вышнее, показывают слова: *идеже есть Христос одесную Бога седя*. Амвросиаст пишет, что и «воскресшими со Христом в крещении Апостол называет тех, кои взыскуют пренебесного, где престол Христов, где Бог Отец предал Сыну Своему десная Своя, да царствует и судит».

«Куда он возвел ум наш! какою великою мыслию преисполнил!» – взывает святой Златоуст. Искание вышнего будет посему искание того, на что наводит седение Господа Спасителя одесную Отца! Седение Господа Иисуса Христа одесную Отца есть держание всего во власти Своей или делом явление того, что Сам Он сказал о Себе: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мф. 28, 18). Совместно с сим оно есть пребывание во славе и Божеском вседовольстве, или блаженстве. Вот на что наводит седение Господа одесную Отца! Искание наше может иметь здесь предметом только последние два – славу и блаженство. Что же касается до вседержительства Христова, то искание в отношении к нему может тот только иметь смысл, чтоб Вседержитель Христос державствовал и над нами. Это то же есть, что взыскание быть покорными и преданнейшими рабами Христу Господу или чтобы Он сделал нас таковыми. Записываемся мы в рабы Христу Господу, когда в крещении отрицаемся сатаны со всеми делами его и сочетаваемся Христу. Бываем же в самом деле рабами, когда исполняем со всем усердием заповеди Его и ревнуем ни в чем не отступать от святой воли Его. Это ставит нас на верный путь и к другим двум благам, на кои указует седение Христово одесную Отца, то есть к славе и блаженству Его и с Ним. Ибо Он обетовал: *идеже есмь Аз, ту и слуга*

Мой будет. Слугу же Своего пред сим Он определил так: *аще кто Мне служит, Мне да последует* (ср.: Ин. 12, 26). А последовать Ему – значит ходить в воле Его и заповедях Его до положения живота. Таким образом слава и блаженство Христово уже принадлежат слугам Его, по обетованию Его. Надобно только явить себя истинными Ему слугами, ходя в заповедях Его. А это то же есть, что и взыскание державствования Христа Господа над нами. Выходит, что все три предмета искания, указуемые седением Господа одесную Отца, сходятся в одном – во взыскании ходить неуклонно в заповедях Христовых. Это недалеко и от того, взыскание чего указало нам воскресение со Христом. Воскресение со Христом указало нам искание вышнего во взыскании богообщения; средство же к тому неотложное есть хождение в заповедях Христовых. Ибо Господь так говорит: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам*. И немного ниже: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим* (ср.: Ин. 14, 21, 23).

Таким образом искомое вышнее недалеко от нас. Но как о Царствии Божием сказал Господь: *се Царствие Божие внутрь вас есть* (ср.: Лк. 17, 21); так и вышнее, которого искать заповедует

Апостол, внутрь же нас есть. Когда слышим Апостола, говорящего: *вышних ищите*, — не в неопределенную высь надо устремлять взор ума, а внутрь себя войти и там в сердце своем положить восхождение к Богу живому, чрез Господа Спасителя, во Святом Духе. Словом: *вышних* — не место указуется, а достоинство определяется.

Стих 2. *Горняя мудрствуйте, а не земная.*

Повторяется предыдущая заповедь с малым прибавлением. Возведши колоссян горе, одесную Бога Отца, Апостол «дал понять, что оттуда не должно смотреть на землю. Жизнь настоящая, говорит, не ваша; ваша жизнь иная некая. Он уже спешит перенести их (от земли), старается показать, что они находятся на небе, давая понять, что не должны искать здешнего. Если вы на небе, то не должно искать земного» (святой Златоуст). — *Мудрствовать*, φρονεῖν, — думать, держать в мысли, обдумывать, соображать, как лучше что устроить. Два для сего предмета — небо и земля. Пока человек живет в самоугодии, дотоле только и дум у него, как бы лучше устроить свое земное благобытие, или земное счастие. Когда же благодать Божия пробуждает в нем усыпленные потребности духовные, тогда и думы его переходят на иное, отторгаются от земли и обращаются наипаче на обсуждение, как бы вернее устроить свое вечное благобытие, или

достигнуть вечного блаженства и сподобиться наследия Царства Небесного. Последнее есть горняя мудрствовать, а первое — земная. То занимает христиан истинных, а это — тех, кои не суть в духе христиане, хотя именуются так. Сии мудрствования резкую проводят между ними черту различия.

Если под горним станем разуметь то же, что определили разуметь под вышним, — то есть живое богообщение чрез хождение в заповедях с отвержением самоугодия, чувственности и тварелюбия, то вот и предметы постоянных и заботливых христианских дум: думает христианин, как бы опять не ниспасть в самоугодие и чувственность и не прилепиться к какой твари паче Творца, — как бы точнее выполнить волю Божию во всем течении и во всех соприкосновенностях своей жизни, — наипаче же о том, как бы неотходно пребыть с Господом и мыслию и сердцем и со страхом и трепетом пред Ним содевать свое спасение. Се предметы, достойны мудрствования христианина! Земное же недостойно того, чтоб занимать его. Оно идет у него как вещь сторонняя, — приделок, а не дело.

бб)

Стих 3. *Умросте бо, и живот ваш сокровен естъ со Христом в Бозе.*

Вот основания, почему христиане должны вышних искать и горняя мудрствовать, а не земная!

Первое то, что умерли; второе то, что имеют живот сокровенный со Христом в Боге. «С той и другой стороны побуждает их не искать здешнего, — и из умертвия, и из жизни. Умерли, говорит, вы тому, что есть долу; почему не должны искать того. Опять жизнь ваша, говорит, горе есть; итак горняя и мудрствуйте. Усиливается Апостол показать, что они пребывают горе и иною живут жизнию, которая в Боге и невидима для очей телесных» (блаженный Феофилакт).

Умросте, — разумеется, в крещении. Здесь христиане умирают греху, — самоугодию, страстям, тварелюбию, умирают и всем предметам, их удовлетворяющим, — так что все сие должно быть для них как бы не существующим. Какая же стать заниматься сим?! Святой Златоуст говорит: «настоящая жизнь — не наша жизнь. Мы странники и пришельцы. *Умросте бо,* говорит. А кто будет столько безрассуден, чтобы для мертвого и погребенного тела стал покупать рабов, или строить домы, или приготовлять драгоценные одежды? Никто. Посему и мы не должны поступать так. Мы обыкновенно желаем только одного: не быть обнаженными; и будем искать здесь только этого одного. Наш первый человек умер и погребен; не в земле погребен, но в воде; не смерть победила его, но Победитель смерти погреб его. И ничего нет блаженнее сего погребения. О нем радуются все: и Ангелы, и люди, и

Господь Ангелов. Для этого погребения не нужно ни одежд, ни гроба и ничего подобного». Не воскрешай же, прибавим от себя, сего, так благопотребно погребенного, своими непотребными помышлениями и заботами о чем-либо самоугодливом, страстном и тварелюбивом.

Сокровенным в Боге живот наш двояко может разуметься: и потому что он таков по существу своему, и потому что он бывает до времени невидим для других, нередко даже и для самих причастных его. Предыдущая речь требует первой мысли, а последующая второй.

Сокровенным в Боге быть животу нашему определено в самом творении. Ибо такова цель наша, чтобы пребывать в живом общении с Богом, нам быть в Боге и Богу в нас, — что собственно и означает сокровенность живота в Боге. В такое общение человек поставлен в самый момент творения чрез вдунутие в лицо его духа от Бога. Грех расторг сие общение и стал средостением между человеком и Богом. Пришел Сын Божий чрез воплощение и разорил сию преграду. Верующие в Него получают отпущение грехов и облекаются силою преодолевать грех, — то и другое чрез сочетание с Господом. Верующие в Него облекаются в Него и бывают един дух с Ним. А Он — едино с Богом Отцом. Вследствие чего и они чрез Него и с Ним вступают опять в единение и общение с Богом, от Коего отпали

было,— или, что то же, живот их становится и есть со Христом сокровен в Боге. Такова тайна жизни о Христе Иисусе. Господь изложил сию тайну так: *Аз во Отце Моем, и вы во Мне и Аз в вас* (ср.: Ин. 14, 20). Такова — златая цепь! Господь изъяснил и то, как она связуется: *никтоже приидет ко Отцу токмо Мною* (ср.: Ин. 14, 6), и еще: *никтоже может приити ко Мне, аще не Отец пославый Мя привлечет его. Всяк слышавый от Отца и навык, приидет ко Мне* (ср.: Ин. 6, 44—45). Бог Отец всех влечет к Сыну, а Сын приводит их ко Отцу. И богообщение верующих установляется; живот их делается сокровенным со Христом в Боге.— Святой Павел напоминает о сей тайне христианской жизни в подтверждение того, что христианам следует всегда мудрствовать только о горнем. Умерли, говорит, вы для всего,— и для себя, и для мира, и для всякой твари; нечего вам о всем таком и думать. Ожили вы новою жизнию,— и живот ваш стал сокровен со Христом в Боге; о Боге и помышляйте, о Божеском и мудрствуйте. Где живот ваш, там следует быть и сердцу вашему, и уму вашему.

Но сия жизнь, в Боге чрез Господа Спасителя сокровенная, пребывает сокровенною,— сокрытою, невидимою,— для других. Люди не видят ее: ибо она вся совершается в духе и сердце. *Духовный* хотя, по Апостолу, *востязует вся* (ср.: 1 Кор. 2, 15),

но верно он определяет только, Божий ли кто и, иногда, — на какой кто стоит степени, самого же производства и движения сей жизни, а также значения и силы ее не видит. Не все видит и сам причастившийся сей жизни. Не видит, как она зачалась; ибо Господь говорит: *Дух, идеже хощет, дышет, и глас его слышиши, но не веси, откуду приходит, и камо идет: тако всяк рожденный от Духа* (ср.: Ин. 3, 8). Начавшись, жизнь сия зреет тоже неведомо для него, пока не начнут показываться ощутительные действия благодати Святаго Духа. Но и после сего не все он видит и знает: ибо, по Апостолу, у получивших Духа Святаго Дух сей совершает ходатайство о них пред Богом воздыханиями неизглаголанными, а они того и не знают (см.: Рим. 8, 26). Не знают они и того, чем и как все кончится: ибо *не у явися, что будем* (1 Ин. 3, 2). И для Ангелов многое тут сокрыто; ясно для них только общее состояние душ, а не самое существо жизни по Богу в каждом. Только один Бог знает *сущыя своя* (2 Тим. 2, 19). Для всех других откроется сие во второе пришествие Христово, когда, к великому изумлению и невозвратной горести, многие и из тех, кои сами себя считали Божиими и от других были почитаемы такими, узнают, что они не Божии, — ибо услышат: *николиже знах вас* (Мф. 7, 23).

Сия другая сторона сокровенности, или скрытности и невидимости жизни по Богу, и побудила Апостола прибавить к сказанному.

вв)

Стих 4. *Егда же Христос явится, живот ваш, тогда и вы с Ним явитеся в славе.*

Теперь не видно, как вы в Боге и коль сие славно; а тогда это откроется, и все то увидят. Этим извещением Апостол подложил огня во возревновавших жить в Боге и устранил многое, могшее влиять на умаление силы его. Могли подумать: все оставь, ни о чем земном не думай, а Божий будь; между тем каково наше положение? Апостол уверяет: это только на время; придет и ваше торжество,— явитесь и вы во славе. Благодушествуйте и не переставайте с усердием горняя лишь мудрствовать и сохранять живот свой сокровенным в Боге. Но это же извещение порождало мысль: явимся,— и ничто сокрытым не останется; а ну-ка откроется, что мы не то, чем чаем быть и чем почитают нас другие?! Напряжемся же поистине иметь живот свой сокровенным в Боге со Христом Господом. «Теперь в уповании только имеем обетование благ, а тогда невидимое ныне будет явно» (блаженный Феодорит). «Не является Христос; значит, и жизнь ваша еще не наступила,— она в Боге, на небе. Итак, что же? Когда мы будем жить? Когда явится Христос, жизнь ваша; тогда ищите и

славы, и жизни, и радости. Итак, если мы явимся тогда, то не будем скорбеть, если теперь не наслаждаемся славою. Если настоящая жизнь не жизнь, если жизнь сокровенна, то мы должны проводить настоящую жизнь, как мертвые. *Тогда*, говорит, *и вы явитеся с Ним во славе*. Не без цели сказал: *во славе*; ибо и жемчужина скрыта, пока она в раковине» (святой Златоуст).

Что *явимся во славе*, когда явится Христос Господь, сие святой Павел полагает в прямой зависимости от того, что Христос Господь есть живот наш. Имея живот в Нем, состоим в существенной связи с Ним – нераздельной: так что, где Он и каков, там и мы и таковы же. Явится Он во славе; сие явление Его во славе привлечет и нас всех в славу Его. Как принадлежащее главе переходит на все тело и как состояние лозы есть вместе состояние и всех ветвей; так и сущие на Лозе – Христе, яко ветви, или сущие от плоти Его и от костей Его, явятся во славе при явлении Его во славе. Отсюда выходит: если славно и желательно сие явление во славе Христовой, то надо возревновать и воссподвизаться о том лишь, чтоб иметь живот свой во Христе и от Христа; а слава потом уже сама собою придет. Этим выводом слово Апостола возвращает внимание опять к тому, что внушал впереди – вышних искать, горняя мудрствовать. Очень уместно при сем припомнить: *слышасте Его, и о Нем научистеся*,

якоже есть истина о Иисусе: отложити вам, по первому житию, ветхаго человека тлеющаго в похотех прелестных: обновлятися же духом ума вашего, и облещися в новаго, созданнаго по Богу в правде и преподобии истины (ср.: Еф. 4, 21—24).

То, что здесь Апостол Христа Господа именует животом нашим,— не разно от того, что сказал он пред сим о сокровенности живота нашего в Боге. Ибо потому он и сокровен в Боге, что есть Христов, хотя в нас есть и нам принадлежит. Христов же он есть в нас не по одному происхождению, но и по существенному живому союзу со Христом Господом, Который Сам есть едино со Отцом.

б) Дело жизни о Христе Иисусе (предмет ее усилий и конец)
(3, 5—15)

Уклонися от зла и сотвори благо (Пс. 33, 15) — два предмета, на кои обращаются все внимание и все усилия возжелавших иметь живот свой во Христе Господе. Как, с ноги на ногу перенося центр тяжести, подвигается вперед идущий куда-либо; так идущий ко Христу и со Христом течение свое совершает двумя сими — уклонением от зла и творением блага. Иначе это называется противлением себе в злом и принуждением себя на добро: самопротивление и самопринуждение

суть две ноги. Куда доходят ими? Доходят до того, что зло и страсти совсем изгоняются; доброе же все является в силе и полноте совершенства. Все сие изображает теперь Апостол, научая: аа) как уклоняться от зла (3, 5—11), и: бб) обогатиться добром (3, 12—13), и: вв) указывая последний предел совершенства в любви и мире (3, 14—15).

аа) Апостол учит уклонению от зла

(3, 5—11)

Требуется уклонение от зла столь сильное и столь решительное, что Апостол называет его умерщвлением удов грехотворных и отложением всего недоброго. Две в нас есть вещи грехотворные — похоть и гнев, в разных их видах. Против них и вооружает христиан Апостол, убеждая их: α) умертвить все похотное (3, 5—7), и: β) отложить все гневное и враждебное (3, 8—11), и к каждому из сих подвигов прилагая свои побуждения: там гнев Божий и испытание зловредности жизни похотной (3, 6—7); здесь совлечение ветхого человека и облачение в нового, по образу Создавшего (3, 9—10).

α)

Глава 3, стих 5. *Умертвите убо уды ваша, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание, еже есть идолослужение.*

Умертвите. Ведь уж сказал: *умросте*; что еще умерщвлять в себе умершему? «Что ты

говоришь? Не ты ли сказал: вы погребены, спогребены, обрезаны, совлеклись тела греховного плоти? Как же ты опять говоришь: *умертвите*? Тут нет противоречия. Если бы кто-нибудь, очистив замаранную статую или даже перелив ее и сделав совершенно блестящею, сказал, что ее точит и губит ржавчина, и стал бы советовать снова постараться очистить ее от ржавчины, — он не противоречил бы себе; потому что он советовал бы очистить ее не от той ржавчины, которую уже счистил, но от той, которая показалась после. Так и Павел говорит не о прежнем умерщвлении, не о прежних блуждениях, но о последующих» (святой Златоуст). «Первое умерщвление было даром крещения, отъявшим сущий в нас первородный грех; а теперь предлагаемое умерщвление есть дело и произволения нашего, состоящее в том, чтоб заглаждать грехи, бывающие после крещения, паче же в том, чтоб даже не позволять им оживать в нас, подсекая зарождение их посредством умерщвления плотского мудрования» (блаженный Феофилакт). «Господь оживотворил нас от первой мертвости, в крещении отмыв грехи наши; но для нас потребно еще и другое умерщвление, — не то, чтоб себя самих умерщвлять, но чтоб умерщвлять страсти, не давая им действовать в нас» (Экумений). Умертвие греху в крещении есть только в намерении и решимости, благодатию Божиею укрепленной, а по

крещении должно следовать держание себя в сем умертвии или постоянное себя умерщвление силою первого умертвия, направляемое против снова возникающих страстных и греховных движений и позывов. То — в намерении и решимости, а это — в действительности и в жизни. Ибо и после того, как дух благодатию Божиею оживает, возненавидевает грех и возлюбляет жизнь святую по Богу в правде и преподобии, душа и тело еще полны бывают неправостями от долговременной привычки к греховным делам, исказившим их естественные потребности. От этого душа и тело не перестают и после того влечь на грех или предлагать грешное, напоминая прежнее в страстях самоугодие. Восприявшему решение жить не по страстям надлежит строго смотреть за тем, что предлагают душа и тело, и, встречая что страстное в числе сего, отвергать то. Это отвержение страстных и греховных предложений и есть умерщвление удов, которое заповедует здесь Апостол. Отвергнутое страстное предложение опять придет; и опять его надо отвергнуть. Так всегда. Этим частым и всегдашним отвержением, которое всякий раз есть поражение страсти, страсть наконец замрет. Так — одна, другая, третья; так наконец все. И вот — цель, которой достигнуть желает нам святой Павел, чтоб все страсти наконец оказались умершими и все естество человека явилось бесстрастным,

чистым и светлым. Под таким только условием можно надеяться явиться во славе, когда явится Христос Господь. Почему и сказал святой Павел: *умертвите убо*. Итак, умертвите в себе все страсти и очистьте себя от них, если желаете явиться тогда во славе.

Умертвите убо уды ваша, яже на земли. — *Удами земными* Апостол называет страсти, которые вслед за сим и перечисляет. Страсти же назвал удами нашими потому, что они представляются будто неотъемлемыми частями нашего естества. Тем они и пленяют, что кажутся частями естества и что будто, вооружаясь против них, против естества идем. Отсекая страсти, будто члены свои отсекаем. На деле же страсти не естественные наши члены, а пришлые, привившиеся к естественным некоторым частям и их исказившие. И это можно счесть второю причиною, почему святой Павел назвал их удами нашими. По причине сей сцепленности иных страстей с членами нашими, действуя против страстей, нельзя, в то же время, не действовать против членов, к коим они прицепились. И тут-то привходит или врагом привводится саможаление, которое подсекает подвижническую энергию, а далее пропускает возникновение и страсти. Чтоб этого не случилось, Апостол и пишет: руби свои члены, не жалей; иначе не можешь явиться во славе со Христом Господом. Чтоб не подпасть этому

искушению саможаления, подвизающемуся надлежит содержать в мысли и убеждении, что, умерщвляя некие члены свои, не их убивает, а привившуюся к ним страсть. Страсть, привившись, мертвит члены; ты же, умерщвляя страсть чрез некое умерщвление членов, освободишь их от мертвящей силы страсти и оживотворишь.

Удами, яже на земли, – страсти названы потому, что все страсти упираются в землю и одним земным питаются. Они действуют по земному мудрованию и на земле находят себе удовлетворение. Земляность – отличительная черта живущих по страстям (см.: святой Златоуст). И пока страсти сии в силе, не дадут горняя мудрствовать и вышних искать.

Это вообще ко всем страстям идет, следственно, и к тем, кои порождает гнев. Но перечисляет страсти святой Павел сначала похотные, а после и гневные. Из похотных выставляет разные виды плотской нечистоты и любоимание. Пропустил утешную жизнь, в удовольствиях чувственных проводимую: есть, пить, веселиться, вообще жить в помпе мирской; потому, что это не общее достояние, а может быть, и потому, что такая жизнь разумеется под лихоиманием. Ибо имеющие много обыкновенно и живут *веселяся по вся дни светло.*

Плотская похоть порождает *блуд, нечистоту, страсть, похоть злую.* На определенные грешные

дела указывает только слово: *блуд*; прочие же что значат, определять оставляется на произвол каждому рассуждающему. Наши толковники полагают, что первым словом означаются дела страсти похотной, а другими — свойства сей страсти, — что она делает человека нечистым паче других страстей или паче других расстраивает его и есть воистину πάθος — болезнь, подобная огневице (см.: блаженный Феофилакт), почему достойна именоваться злою похотию. — Но может быть, можно и так положить: *блуд* — означает известные преступные связи с женщинами; *нечистота* — неестественные дела в удовлетворение похоти; *страсть* — блудную манию; *похоть злая* — влюбления с ревностию иссушающею и смерти ищущею и другим и себе. Но что бы под ними ни разуметь, видимо, что святой Павел заповедует умертвить плотскую страсть во всех ее проявлениях, так чтоб она и дела ее даже не именовались среди христиан. Она паче всего противна духу христианства; почему везде у Апостола, в числе вещей отвергаемых, она стоит на первом месте.

Лихоимание — желание, непрестающее иметь все более и более, ненасытимая страсть к богатству. Не против имения вооружает нас Апостол, а против лихоимания. Имеем нужду в пище, одежде и крове, не можем не иметь и того, чем удовлетворять ее. Но мерою имения должно

поставить удовлетворение нужде, которая и пусть указывает границы стяжанию и усилиям по нему. Кто же, минуя потребность, полюбит самое стяжание или имение, тот болит страстию любоимания, которая, завладев его сердцем, делается госпожою и всех его дел, мыслей, планов и предприятий. Тогда все бывает забыто, и в себе, и в других, и земля, и небо; одно только имеется в цели — иметь и иметь. При таком настроении, имение бывает богом уже потому, что завладевает всем человеком. Но особенно оно — бог для любостяжателя потому, что он все упование свое на него возлагает. И жизнь, и свое положение, и течение дел — все у него стоит прочно, потому что у него всего много. Почивает он упованием на мамоне и то, что от единого Бога следует ожидать, ожидает от богатства. Оно для него — идол, коему служит и работает и на коего надеется. Почему лихоимание и назвал святой Павел идолослужением. Блаженный Феодорит пишет: «*Лихоимство* назвал *идолослужением*, потому что Спаситель нарек господином мамону (см.: Мф. 6, 24), научая, что поработившийся страсти любостяжания чтит богатство как бога». Плененный сею страстию «служит и поклоняется сребру и злату. И *идоли язык сребро и злато* (Пс. 113, 12)» (блаженный Феофилакт).

Надо иметь при сем в мысли, что Апостол имеет в виду не количество имения, а страсть

иметь и стяжевать. Иов, Авраам, Давид и другие многие были очень богаты, но не болели любоиманием или лихоиманием. То, что умертвить в себе в сем отношении заповедует Апостол, есть пристрастие к имению и возложение на него упования, — чему возможно быть подвержену и при небольшом стяжании, как и свободным от сего возможно быть при большом.

Стих 6. *Ихже ради — грядет гнев Божий на сыны противления.*

Ихже ради — чего ради? Ради сказанных страстей и дел, — ради похотной и лихоимательной жизни. Гнев Божий уже не раз обрушивался на повинных в сих страстях и делах. Потоп наведен потому, что все люди тогда стали *плоть* (Быт. 6, 3). За то же огнь пожрал Содом и Гоморру. Езекия пострадал нечто — за то, что слишком много силы себе придавал по причине больших сокровищ своих. И в притче тот, кому *угобзися нива*, слышит: *душу твою истяжут от тебе*, — в эту ночь, потому что думал, будто *живот его есть от имения его* (Лк. 12, 15, 20). Но все такие проявления гнева Божия суть только провозвестники грядущего гнева, о коем напоминает здесь святой Павел, именно гнева, имеющего открыться на страшном суде. Апостол держит мысль нашу на том решительном моменте, как выше словами: *явитеся во славе*, — так здесь словами: *грядет гнев Божий* — внушая, что, кто

не будет умерщвлять свои страсти, тот не только не явится во славе, а напротив, сретит гнев Божий. Тогда окончательный расчет. И теперь находит гнев Божий; но это временный, исправительный, а тот будет решительный, безвозвратный. Тут та же мысль у Апостола, что в Послании к Римлянам в словах: *открывается гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду человеков, содержащих истину в неправде* (ср.: Рим. 1, 18).

Сынами противления называет Апостол неверующих, как из иудеев, так и из язычников, кои видяще не видят и слышаще не слышат. Что им ни говори и чем ни убеждай, ничто их не берет. Предлагается основательная проповедь: не внемлют. К слову прилагаются знамения, — и это не убеждает. Они как камень, которого не берет никакое орудие. Почему и названы сынами противления, ἀπειθείας, — неубежденности, будто природа их есть — ничем не убеждаться, не хотеть убедиться. Блаженный Феофилакт пишет: «сынами противления называет их, лишая всякого снисхождения и показывая, что они пребывают в страстях не по неведению, но по упорству, ἐξ ἀπειθείας, — которому так предались, что будто всыновили себя ему, от него прияв отличительные и характеристические себе черты». И страшное нечто наводится на таковых из слов Спасителя, — именно: не слушают, потому что не суть

от истины; ибо *всяк, иже есть от истины, послушает гласа Моего* (Ин. 18, 37), — говорит Господь. Не суть от истины, и нет в них истины, как и в том, кто *человекоубийца есть искони* (Ин. 8, 44). Нет в них истины, — и не приемлется ими истина, не вмещается в них, не находя ничего себе сродного в них. Истина Божия ходит на земле и имеет верные о себе свидетельства. Желающий искренно всегда найдет ее. Если есть ненаходящие, то потому, что не ищут; а не ищут потому, что не хотят истины; не хотят потому, что не суть от истины. Но в этом ничего нет рокового: все есть дело свободного произволения.

Напоминая колоссянам о гневе грядущем, Апостол побуждение предлагает к умерщвлению страстей. И напоминание о благодеяниях Божиих достаточно к тому, чтоб удерживать от страстей и грехов; но представление гнева Божия сильнее к тому всего (см.: святой Златоуст). «Счел нужным Апостол к убеждениям присовокупить и угрозу наказанием» (блаженный Феодорит). Почему так? Может быть, по свойству страстей, от коих удаляться предписывал и кои умерщвлять заповедывал. Страсть похотная и любоимание плохо поддаются действию от воспоминания о благодеяниях Божиих. Пока не в движении сии страсти, действует и это воспоминание; но, когда зашевелились они, ничто так не сильно

отрезвит, как живое представление грядущего гнева Божия. И вообще стоять вниманием на суде — самое лучшее место для подвизающегося; но это — исключительно пригодное место, когда страсть похотная в движении.

Стих 7. *В нихже и вы иногда ходисте, егда живясте в них.*

В нихже — в сказанных страстях и грехах — и вы ходили и действовали по побуждениям страстей и по навыкам в грехах и пороках, когда жили *в них*, — среди язычников, по их духу, правилам и обычаям. Напоминает о предшествовавшем обращению к вере во Христа Господа времени, вместе с тем приводит на мысль — сравнить, как они себя теперь чувствуют и каким представляется им прежнее состояние, — как прежде было в них все мрачно, нечисто, немирно и как теперь все светло, чисто, мирно. «Так и в Послании к Коринфянам сказал: *и сими нецыи бесте: но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся* (ср.: 1 Кор. 6, 11)» (блаженный Феодорит). И то давали чувствовать сии слова, какой крайней беды они избавились, отрекшись от страстных дел и отособившись от язычников, — именно, гнева, грядущего на сынов противления. Гнев сей вот-вот ниспадет; но их не коснется, потому что они вышли из той среды, на которую направлен будет гнев сей. То и другое, — то есть и напоминание о прежнем мрачном и теперешнем

светлом состоянии, и чувство избавления от грозной беды, представляют сильное побуждение к удалению от страстей, которые и теперь расстраивают предающегося им и грозят неотвратимою бедою в будущем. Амвросиаст пишет: «не умалчивает Апостол о том, сколь великое благодеяние доставила им благодать Божия о Христе Иисусе, чтоб, благодарно воспоминая об избежании гнева, имеющего внезапно найти на неверных всей земли, они всегда являли себя усердными исполнителями заповедей Того, чрез Кого так несомненно избавлены от смерти второй».

β)

Стих 8. *Нынe же отложите и вы та вся, гнев, яростъ, злобу, хуление, срамословие от уст ваших.*

Ныне же — по приятии веры во Христа Спасителя и оставлении язычества. — *Отложите*. Уже отложили: ибо, приступая к купели, — бане пакибытия и нового рождения, — говорили: *отрицаюсь сатаны и всех дел его и всего служения его*; чем сделано то самое, что теперь заповедует сделать святой Павел словом: *отложите*. Почему это *отложите* надобно принимать в смысле: *отлагайте*, как прежнее *умертвите* — в смысле: *умерщвляйте*. В намерении хотя решительно отложено уже все, что требуется здесь отложить, и сила благодати на то получена, чтобы держать в силе сие отложение; но случаи к отложению на деле этим не отстранены, равно как и то, что

когда встретится такой случай, то он потребует и всего внимания и соответственного напряжения сил. Блаженный Феофилакт пишет: «как же это? Только что сказал: *егда живясте,* – показав тем, что теперь уже не живут так, и вдруг опять говорит: *отложите вся*? Как им отлагать то, чего уже не имеют? На это можно ответить, что сказанное: *егда живясте* – служит к уразумению того, что теперь говорится. Ибо этим внушается, что *иногда*, то есть прежде крещения, властвовал в вас грех, обладал всею жизнию вашею и тиранствовал над вами и свобода от страстей для вас была невозможна; ныне же, когда чрез крещение грех в вас умерщвлен, для вас стало удобным отлагать страсти, как одежду. И нельзя вам выставлять в предлог (неотложения), что живете под тиранством греха и страстей: ибо вы им умерли».

Чего ради, вооружая нас против похоти, сказал: *умертвите*, а готовя к борьбе с раздражительностию, говорит: *отложите*? Сила заповеди одна и та же как там, так и здесь, именно — сделать естество свое совершенно чистым от страстей, чтоб и следа их не было внутри и они стали вне его, как отсеченный член или как сброшенная одежда. Но борьба с ними неодинакова: с похотию труднее бороться; ибо она представляется имеющею корни в природе нашей; а с раздражительностию легче управляться, ибо она совсем

чужда природе нашей, в глубине коей лежит братолюбивая общительность. Борясь с тою, будто себя насилуешь, мучишь, умерщвляешь; а борясь со второю, только чуждое отвергаешь. Стоит только вызвать сознание и чувство общего братства, — и она отпадет.

И вы. Как все христиане, так и вы. Христианин — не христианин, если не держит себя не оскверняемым страстями. Вступив в среду христиан, держите себя и вы далекими от страстей, как прежде, вращаясь среди язычников, жили по одним страстям. Но это само собою разумеется. Не особое ли что хотел внушить святой Павел, сказав: *и вы*? Не то ли этим внушается, что в обращении, когда созидался новый человек и когда образовывались святые решения произволения, действовала преимущественно благодать, а произволение шло вслед его, хотя не насильно, а самоохотно, но ощутительно быв влекомо? После же обращения, когда новый человек с новыми началами жизни совсем создался, жизнь начинает тещи так, что вперед идет паче произволение, благодать же, хотя неотлучно присуща и небезучастна в самых зарождениях движений произволения, идет вслед его, вспомоществуя и укрепляя? По крайней мере нельзя отрицать, что в сем смысле можно сказать: *и вы*. Не все благодать; трудитесь, напрягайте свои силы и вы сами, чтоб отлагать все страстное.

Та вся — будто указывает на отвергнутые уже страсти похоти; но вслед за сим, — в объяснение, что такое *та вся*, — перечисляются страсти раздражительности. Как же это? Может быть, у святого Апостола такая мысль: отложите все, — и то, о чем сказано уже, и то, что прискажется вслед за сим, — все, как вы жили и чем водились, когда были в язычестве, по обычаю всех язычников. Греческое: τὰ πάντα, — всё, — дает мысль об определенном предмете отложения, который есть страсти, все вообще, как похоти, так и раздражительности. Как первые уже означены, то оставалось указать лишь на последние.

Гнев, ярость, злобу — указывают степени возрастания раздражительности: *гнев* — первое движение раздражения, неудовольствие, негодование, огорчение, зарождение серчания, — что все держится в пределах кажущегося благоразумия и скрывается, хотя не всегда удачно. *Ярость* — вспышка гнева, не удержанного в пределах и обнаруживаемого словом и делом. Но оба эти — гнев и ярость — проходчивы. Бывает, однако ж, что огорчение глубоко засядет в сердце и, оставаясь там, строит ковы и всякие способы к отмщению, замышляет сделать зло — злится.

Экумений так различает *гнев и ярость*. «*Гнев* есть вспышка или огорчительное возгорение страсти раздражительной; а *ярость* есть вследствие глубокого огорчения неудержимое стремление

отплатить сейчас обидевшим, — душа жаждет отмщения. Надобно знать, что обоими этими движениями многократно грешат люди, или неудержимо тотчас устремляясь на оскорбивших, или с терпением выжидая случая отмстить и строя на то ковы (последнее есть злоба). Всего этого нам, наученным смиренномудрию, надлежит избегать». Злобу же так отличает блаженный Феофилакт: «*злобою* называет Апостол злопамятство, когда кто держит в себе злобу на другого, как бы отмстить».

Хуление и срамословие обнаруживают в слове сердечное раздражение. Хуление, βλασφημία, — в отношении к Богу — богохульство, а в отношении к людям — злоречие, всякая укорная речь, брань, осрамление кого словом, и бывалое обнаруживая с прикрасою и кривотолкованием, и небывалое взводя по кажущимся случайностям. Здесь разумеется последнее. «Это о бранчивых речах говорит Апостол» (блаженный Феофилакт). *Срамословие* — срамные слова, брань непристойными словами, от которых вышедший из себя не удерживается.

От уст ваших отложите хуление и срамословие. То и другое «оскверняет уста, созданные для того, чтобы славословить Бога» (Экумений). Уста ваши «освящены приобщением тела Господня. Потому крайне неуместно вам осквернять

злоречием и сквернословием сии уста, приемлющие Христа Господа».

Стих 9. *Не лжите друг на друга, совлекшеся ветхаго человека с деяньми его.*

Первое: *не лжите* — есть продолжение указания того, что должно отложить; а второе: *совлекшеся* — вместе с тем, что говорится в следующем стихе, представляет побуждение к исполнению предложенных заповедей.

Не лжите друг на друга, εἰς ἀλλήλους,— понимать можно: друг перед другом, не говорите лжи друг другу; подобно тому, как в Послании к Ефесеям: *отложше лжу, глаголите истину кийждо ко искреннему своему* (Еф. 4, 25), где сия заповедь выводится, как и здесь, из совлечения ветхого и облечения в нового человека. Блаженный Феофилакт пишет: «вы облеклись во Христа, рекшего: *Аз есмь истина* (Ин. 14, 6). Как же теперь облачать вам себя другою формою (одежды), формою лжи? Тогда явно будет, что вы скидаете ту форму (как бы форменную одежду), которая характеризует вас чертою истины».— Но можно и так: не говорите лжи друг на друга, не возводите ложных обвинений, не клевещите друг на друга, как у апостола Иакова: *не оклеветайте друг друга* (Иак. 4, 11). Последнее ближе к течению речи; потому что Апостол здесь запрещает чувства и дела, порождаемые раздражительностию

и взаимною неприязнию, в числе которых клевета не последнее занимает место.

Перечислив, что следует отложить, Апостол предлагает теперь побуждения к тому. Первое есть: *совлекшеся ветхаго человека с деяньми его.* Все это дела ветхого человека, которого вы совлеклись. Потому вам не следует касаться ничего такого. «Ветхим человеком называет развращенное произволение, выражающееся и в соответственных ему делах» (блаженный Феофилакт). «Ветхим же называет его, желая показать его срамоту, безобразие и немощность» (святой Златоуст). «Это жизнь во грехах, одряхлевшая, растлившаяся, истощенная, прежде возрождения и обновления в крещении верою во Христа Господа» (Экумений). Человек, каким он стал по падении, есть ветхий человек. В нем качествует самоугодие, заставляющее его все усилия употреблять на устроение земного благобытия, в чувственных удовольствиях полагаемого, все прочее обращая в средства к сему. Вследствие сего прямые страсти его суть страсти похоти, о коих выше поминал Апостол. Страсти же раздражительности привходят будто совне или условливаются внешними случайностями. Живут вместе люди с характером ветхого человека, и каждый свое только благобытие устроить желает и ищет. Почему неизбежны столкновения, от коих раздражение и все порождаемые им страсти и дела неприязни

между людьми. Основа их лежит в самости; но пробуждение, обнаружение, и разноображение, и устарение зависит от внешних столкновений. Не будь этого, ветхий человек только бы самоугодничал, валяясь в похотях и живя по своей воле без всяких раздражений.

Но как же Апостол совлечение ветхого человека, то есть отвержение самоугодия, выставляет в побуждение к отложению не прямых страстей самоугодия, а случайных? Тут нет ничего несообразного. Ибо после того, как самость и самоугодие с обращением ко Христу отвергнуты и отвержение сие закреплено и облечено силою в таинствах, отвергнуты вместе с тем все страсти, как те, кои прямо порождаются самоугодием, то есть страсти похоти, так и те, кои порождаются из самости вследствие случайных столкновений и сопротивлений, то есть страсти раздражительности. Почему из совлечения ветхого человека прямо следует, что для христиан обязательно отлагать и эти страсти, и с делами, в каких они выражаются.

Принимая, однако ж, это в соображение, можем признать, что Апостол продолжает здесь изложение побуждений к удалению от страстей, начатое выше (см. стихи 6—7) и будто не конченное. Там сказал: *в нихже и вы ходисте иногда*, то есть в делах и страстях похоти, когда жили по духу ветхого человека. Здесь, по перечислении

дел и страстей раздражения, прилагает: *совлекшеся ветхаго человека*. Ходили в тех страстях похоти, но теперь перестали ходить. Почему? Потому что совлеклись ветхого человека, из которого они прямо рождались. Таким образом, это побуждение — *совлекшеся*, как и следующее — *облекшеся*, направленное прямо против страстей раздражения, состоя в связи с прежними, направленными против страстей похоти, направляется и против сих последних, как и само существо дела совлечения ветхого человека того требует. Отсюда следует заключить, что, наоборот, и прежде указанные побуждения против страстей похоти (см. стихи 6—7) идут так же против страстей раздражения, кои здесь прямо имеются в виду. Что же есть в сих побуждениях преимущественно направляемое против тех или других страстей? Против страстей похоти преимущественно идет: *грядет гнев Божий*, — как уже замечено в своем месте; а против страстей раздражения: *по образу Создавшаго*, — как объяснено будет сейчас.

Стих 10. ***И облекшеся в новаго, обновляемаго в разум, по образу Создавшаго его.***

Это — второе действие, неразлучное с первым: одно отбрасывается, другое приемлется. Отбрасывается самоугодливая самость со всеми страстями, из них разродившимися, а приемлется решимость жить самоотверженно для одного угождения Богу. Эта решимость, обнимающая

все существо приступившего к Господу с верою и крестившегося, и есть новый человек. «Новый человек, — говорит блаженный Феофилакт, — есть произволение, еже к Богу», то есть произволение, решившееся жить по Богу и Ему единому угождать. Но хотя это облечение в нового нераздельно с совлечением ветхого, при всем том оно представляет новое побуждение не поддаваться страстям, не облекаться в эти ветоши. Облекшись в новое, светлое, благоуханное, кто, кроме потерявшего смысл, согласится опять надевать рубища ветхие, безобразные и смрадные? Если б, совлекшись одного, остался кто раздетым; может быть, потянуло бы опять надеть сброшенное, несмотря на признание его никуда негожим. Но как в то же время, как происходит совлечение, бывает и облечение; то такое действие для находящихся в здравом уме, в полном сознании себя и всего окружающего, немыслимо. Бывает оно, но всегда вследствие омрачения ума. Светлость состояния в благодати, сознаваемая и чувствуемая, всегда была, есть и будет сильнейшим побуждением к отложению страстей, лишающих сего состояния. Почему и дается сие не сознать только, но и ощутить всем прибегающим к Господу, как в таинстве крещения, так и в таинстве покаяния.

Обновляемаго в разум. Облекся в нового — какое еще обновление? Новый — как есть все

еще обновляемый? Облечение в нового не есть дело законченное. Оно есть только начало, семя, зародыш, корень. С сего момента облечения в нового начинается самое обновление и идет непрерывно, раскрываясь полнее и полнее и стремясь достигнуть своего первообраза, сокрытого в Создавшем. Это дает разуметь, что обновлению нет конца. «Новый человек не стареется, но все больше и больше расцветает и разрастается познанием Бога и вещей Божественных, всегда и всегда являясь юнеющим и, однако ж, тем более крепнущим, чем полнейшее стяжевает ведение и чем большего сподобляется» (блаженный Феофилакт). «Совлеклись вы ветхого и облеклись в нового вместо него. Не ожидайте, чтобы и с этим случилось то же (то есть чтоб обветшал). Напротив, чем более он живет, тем более приближается не к старости, а к юности, которая лучше прежней. Ибо, чем более он приобретает знания, тем большего удостоивается, и более цветет, и более имеет силы, не от юности только, но и от образа, к которому приближается» (святой Златоуст). «Таково свойство добродетельной жизни по Богу, что она присно юнеет; хотя кажется телесно стареющеюся, но духовно всегда цветет» (Экумений).

Обновляемаго в разум, по образу Создавшаго его. Обновление идет собственно по образу Создавшего, как это очевидно само собою. Что же

есть *в разум*, εἰς ἐπίγνωσιν? Это есть указание или цели обновления, или следствия, его сопровождающего; то есть обновляется верующий, воссозданный в крещении, по образу вновь создавшего его здесь Господа, с тою целию, чтобы познать, обогатиться ведением, или обновляется таким образом и чрез это обогащается ведением. Знания ни Господь, устрояющий наше спасение, ни человек, взыскавший в Нем спасения, не имеют в цели. Знание – одна часть, спасение же обнимает все естество, во всех его проявлениях, и обновление тоже идет всеобъемлюще. Но то несомненно верно, что знание, разумеется, духовное, имеющее предметом порядки духовной жизни в Боге, всегда идет по следам обновления духовного. И такое только знание истинно, прочно и благонадежно. Но оно приемлется, а не ищется. Сретающий его дух радуется, как обретающий корысть многу; но не как торговец, получающий прибыль, на которую наперед рассчитывал. Оно является всегда внезапу. Вот как оно идет: обновляющийся, обновляясь, сретает нечто новое. Это новое не минует сознания, а дает ему о себе знать. Действующее лицо, принимая его в свое сознание, спознается с ним и начинает знать его. Глаз чувственный увидел вещь и знает ее. Так и сознание сознает, что в себе, и знает то. Всякое духовное ведение только таким путем достается. Оно есть признание,

ἐπίγνωσις, — в коем познающий говорит в себе: ну, теперь знаю. Вижу, испытываю, ощущаю и знаю.

Обновляется новый человек *по образу Создавшаго его.* Спрашивают: какой здесь образ разумеется, тот ли, по коему создан человек или по коему воссоздается? Не все ли одно? Создавший и Воссоздающий — не Один ли и Тот же? И образ, там и здесь, — не один ли и тот же? Создан человек по образу Божию; но потерял его. Теперь воссоздается в тот же образ и непрестанно обновляется, чтоб прийти в меру образа того. Блаженный Феодорит пишет: «в начале Бог всяческих сотворил нас и напечатлел в нас точные черты Божия образа, которые повредил грех (ныне во Христе Иисусе они снова воссоздаются). Сие говорил Апостол и в Послании к Римлянам: *ихже предуведе, и предустави сообразных быти образу Сына Своего*» (Рим. 8, 29). К сему приложил свое слово и Экумений: «таковый (то есть обновляемый благодатию) хранит в себе образ создавшего его Бога всегда чистым, не допуская примешиваться к нему чертам, заимствуемым из низшей области, лживым и прелестным (то есть приемлемым вследствие прельщения)». Во святом крещении во Христа облекаемся. Это облечение есть таинственно благодатное, восприятие в духе первообраза. Затем следует перенесение всех черт Христа Господа на

соответствующие члены естества нашего. В сем труд произволения, подвиг целой жизни, производство обновления, или, как в Послании к Ефесеям, создание *по Богу в правде и преподобии истины* (ср.: Еф. 4, 24). Блаженный Феофилакт пишет: «*по образу Создавшаго его*, то есть Христа. Христос не приходил в старость; но всегда был так прекрасен, что и сказать нельзя, *красен добротою паче сынов человеческих* (Пс. 44, 3). Ибо не сотворил греха, который старит и растлевает. И мы, созданные Им по образу Его, должны отсекать от себя всякое греховное растление и старение. Создание разумеет Апостол и то, которое бывает в крещении, и то, которое бывает чрез прекрасный образ жизни».

Чего ради об *образе* помянул здесь святой Павел? Течение речи потребовало. Пред сим он дал заповедь об отложении страстей раздражения. Сильнейшим побуждением к подавлению самого возникновения таких движений служит приведение на память, что мы есмы по образу всеблагого и всепрощающего Господа. Такое же сопоставление болезни и врачевства против него видим и в словах Господа в Евангелии: *любите враги ваша, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас, и молитеся за творящих вам напасть и изгонящия вы: яко да будете сынове Отца вашего, Иже есть на Небесех, яко солнце Свое сияет на злыя и благия, и*

дождит на праведныя и на неправедныя. Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть (Мф. 5, 44—45, 48). То есть: *будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6, 36).

Стих 11. ***Идеже несть Еллин, ни Иудей, обрезание и необрезание, варвар и Скиф, раб и свободь, но всяческая и во всех Христос.***

Идеже — где? «У Христа, у веры» (Экумений), — в новых порядках, началах и правилах жизни, заводимых верою Христовою, в царстве благодати Его. Здесь никакие разности не берутся в расчет, ни национальные, — еллин кто или иудей, ни религиозные, — обрезан ли кто или не обрезан, ни по образованию, — варвар кто или скиф, ни по гражданскому состоянию, — раб ли кто или свободь. Чем бы кто ни был, но принес веру — и принят; прилепился ко Христу Господу — и спасен. Благодать Божия о Христе Иисусе всех объединяет и из всех составляет единое тело. И здесь всяческая и во всех Христос. Не то или другое — Христос, но — всё, и не в том или другом, а во всех. Оттого все и суть едино. Как это? Во Христа облекаемся в крещении, черты образа Христова переносятся потом в нас, в действии непрестающего и все глубже и глубже проникающего обновления, на соответственные части естества. Все же сие совершает Христос. Он — начало и источник, из коего, Он — образ, по

коему, Он и производитель, коим делается все во всех. Он как совершил воплощенное домостроительство спасения, так устрояет и спасение каждого по сему домостроительству. Это все христиане должны носить в сознании и чувстве. И в области всего сущего все предано Христу Господу; ибо Сам говорит: *вся Мне предана суть. Дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мф. 11, 27; 28, 18). Мысль у Апостола та, что во Христе Иисусе все естественные разности исчезают. Значение и силу имеет только то, что каждый приемлет от Христа Господа и усвояет себе. Блаженный Феофилакт пишет сокращенно из святого Златоуста: «вот и еще похвальное отличие нового во Христе человека, что в нем не берется во внимание ничто внешнее: ни род, ни достоинство, ни предки, но что Христос есть черта отличия его, характер его. Во всех, по духу истинно добродетельной жизни образовавшихся, все есть Христос, то есть и род, и достоинство. Или иначе можно сказать: все вы один Христос, будучи телом Его». Продолжает сие Экумений. «*Всяческая во всех Христос*, поелику все мы едино тело есмы, Христа имеющие главою. Почему праведно для нас все Христос, — и Спаситель, и Господь, и глава, и Архиерей, и жертва. *Во всех*, — это или во всех делах, или во всех соприкосновенностях жизни нашей, или во всех нас. Ибо, говорит, у Бога нет лицеприятия».

Зачем помянул здесь Апостол о разностях между людьми вне Христа Господа и об объединении всех в Нем? Новое представляя побуждение к отложению страстей раздражения. Эти страсти производят разделение. Апостол, показав, как все и всё объединяется во Христе благодатию, говорит как бы: пристало ли вам, так всеобъемлюще и так глубоко объединенным в Христе, допускать в себе движение страстей, производящих среди вас разделение и нарушающих взаимное единение ваше, производимое в вас тем, что в вас все — Христос. Раздирая союз, Христа раздираешь.

бб) Апостол учит обогащению добром

(3, 12—13)

Раздел он христианина от страстей, теперь облекает его в добродетели. И как пред этим учил отлагать страсти похотения и раздражения, то теперь по противоположности внушает благорасположения, из коих одни идут против страстей похотения, а другие — против страстей раздражительности.

Глава 3, стих 12. *Облецытеся убо, якоже избраннии Божии святи и возлюбленни, во утробы щедрот, благость, смиренномудрие, кротость и долготерпение.*

Облецытеся. Сказал: отложите срамную одежду страстей. Что же? Голыми оставаться? Нет; голыми быть также срамно: *облецытеся*. «Этим

словом показывает легкость добродетели: ибо дает мысль, что как легко надеваем одежду, так удобно можем восприять и добродетель. И то также внушается сим, что добродетель должно иметь непрестанно и пользоваться ею, как величайшим украшением: не имеющий ее срамен и безобразен» (блаженный Феофилакт из святого Златоуста). «Как голый срамом себя покрывает, так и обнаженный от добродетели; почему всегда должно иметь неотлучную от себя добродетель, как имеем одежду» (Экумений). Прибавим к сему: как одежда, покрывая отвсюду тело, греет и защищает его от внешних болезненных приражений; так добродетель душу согревает духовною теплотою и делает ее крепкою и неуязвимою от искушений вражеских. Святой Антоний Великий союз добродетелей назвал воинством, защищающим и врагов прогоняющим.

Убо — дает разуметь, что следующие наставления выводятся из предыдущего; впереди же говорилось, что совлекшемуся ветхого и облекшемуся в нового человека не пристало поддаваться страстям. Что же прилично ему? Облекаться во всякую добродетель. В сем главное побуждение — возревновать о таком облечении. Нов и есть, кто, восприяв силу в возрождении, непрестанно потом обновляет себя, отсекая страсти и на место их водворяя противоположные им добродетели, или облекая себя ими. Но Апостол

не ограничился сим, но приложил: *якоже избраннии Божии святи и возлюбленни.* «Увещание соединяет с похвалою; ибо от этого оно получает больше силы» (святой Златоуст). Похвала побуждает проявлять то, чего ради хвалят, удерживать то и возводить к большему и большему совершенству. Вы — избранники, вы — святые, вы — возлюбленные. Сколько огня ревности придастся, если такие титла восприять в чувство! Вы — избранники. Только и есть разве людей, что вы? Но из многих Бог вас избрал, предпочетши другим. Он надеется, что вы будете держать себя достойно Избравшего. Вы — святые. Бог освятил вас, простив вам грехи и дав силу не грешить более, а напротив, преуспевать во всякой добродетели. К сему призваны вы: и будьте таковы. Вы — возлюбленные. Не чуждыми вас имеет Бог, а Своими и любит вас, как чад Своих. Явите же себя достойными сей любви и водворяйте в себе то, что любит Бог. Бог возлюбил вас и избрал; избравши, освятил; и поколику вы пребудете святы, паче и паче будет любить вас. Эти титла обязывают ко всякой добродетели; но Апостол ими побуждает преимущественно быть благорасположенными к ближним. Будьте милосерды, как Отец ваш Небесный, избравший вас, освятивший и возлюбивший, милосерд есть.

Облецытеся во утробы щедрот. — *Утробы щедрот* — вседушное милосердие с болезнованием

о всяком ближнем, как о своем кровном. Выражается сим родительская к детям любовь. Как родители болеют о детях своих, так болейте и вы о всех братиях во Христе. «Не сказал: вы должны иметь радение (друг о друге), как братья; но так радеть друг о друге, как отцы радеют о детях» (святой Златоуст). «Облекитесь, говорит, не просто в любовь (какая ни есть), но в такую, какая по естеству живет в сердцах родителей к детям» (Экумений).

Благость, χρηστότης, – благостыня, готовность при всяком случае и делом явить наполняющее душу болезнование о благе других, самым делом делание для других всего, что им потребно и полезно.

Смиренномудрие. Кто благосерд и благостынен, тот себя забывает. Не имеющий себя в цели естественно смиренномудр. Мать, о детях болезнующая и всякий трудный за ними уход переносящая, смиренномудра: ибо только о детях у ней забота; себя же она забыла. Это смирение не рассуждением набивается, а естественно недрится в сердце. Таков и благосердый. Все – другим, ничего – себе. Обязанным себя считает он служить другим и, послуживши, не высится, а только долг свой исполнившим себя считает, – каковой долг, однако ж, не пресекается сделанным послужением, а все остается на нем во всей силе. Несмиренный, напротив, делая что-либо для другого,

чувствует, что одолжает его, и, сделавши одно, полагает, что уже все сделано для этого лица, а чрез несколько одолжений и для всех. Вот, скажет, все для других, и о себе надо подумать, — и сжимает руки, потому что и самость сжала утробу. Вообще, где есть самость, там деятельная благостынность является неохотно, если только является.

Кротость. Многообъятная добродетель, ничем противным не возмущающаяся и никого ничем не возмущающая. Это — не бессердость и равнодушие, а крепкое сердце, которое разумнее всякого разума видит и понимает, что возмущением, в себе ли или в других, никакое добро не достигается, а только множится и растет зло. Она — прямая дщерь смиренномудрия, всегда его сопровождающая и им сильная, — так что, маломальски отдалится от него, тотчас изнемогает и испаряется.

Долготерпение — постоянное и неизменное терпение неприятностей, напраслин, нападков, оскорблений, угнетений, гонений, биений и убиений, бывающих от людей, по наущениям врага. Это внешняя сторона, или видимое проявление кротости. Как утробы щедрот — внутренние — вовне проявляются благостынностию, так кротость, в сердце внедренная, видимо обнаруживается в долготерпении.

Блаженный Феофилакт все сии добрые расположения выводит одно из другого, поставляя во главу *утробы щедрот*. «Кто облекся, говорит он, во утробы щедрот, у того сами собою проявляются и все прочие добродетели. Ибо какой отец не благостынствует к сыну и не смиренномудрствует, без споров доставляя ему все? Какой не долготерпит? И заметь, какой прекрасный во всем этом порядок! Благость (порожденная утробами щедрот) рождает смиренномудрие, ибо, кто благостынен, тот и смиренномудр. От смиренномудрия – кротость, ибо гордый и гневлив. От кротости – долготерпение, которое есть великодушие».

Но можно все сии пять поставить и в таком соотношении: корень всех смиренномудрие. Оно подсекает и изгоняет самость, которая и есть источник всех страстей: ибо из ней разрождаются, с одной стороны, страсти похотения, с другой – страсти раздражения. Когда самость поражается во главу смиренномудрием, поражаются и все порождения ее, то есть как страсти похотения, так и страсти раздражения. От поражения страстей похотения вступают в силу утробы щедрот и благость. Похотение хочет жить в собственное лишь свое удовольствие; почему, когда его не стает, в душе остается расположение не жить в собственное свое удовольствие, или в нее возвращается естественное ее настроение доброхотства,

которое было доселе подавляемо самостию. С другой стороны, когда поражается раздражение, душе возвращается по естеству свойственное ей мирное устроение, которое доселе было нарушаемо пришлою раздражительностию. Доброхотство проявляется в утробах щедрот и благости, а мирное устроение — в кротости и долготерпении. Таким образом в немногих словах Апостол отразил и поразил все полчище страстей.

Стих 13. *Приемлюще друг друга, и прощающе себе, аще кто на кого имать поречение: якоже и Христос простил есть вам, тако и вы.*

Как кротость и долготерпение имеют большую нужду в поддержке, то Апостол для них прилагает и указание образа их выражения, и сильнейшее к тому побуждение. Как будто слышит Апостол вопрос: живя друг с другом, непрестанные имеем столкновения, возбуждающие раздражение; научи же нас, как нам выдержать себя в кротком терпении? И отвечает: приемлите друг друга и прощайте себя взаимно. Принимай любовно всякого, как он есть, со всеми его немощами и недостатками и со всем, что тебе не нравится в нем в его словах и начинаниях. Это то же, что друг друга тяготы носить. Тебе в нем, а ему в тебе иное не нравится; переносите друг друга. «Приемлюще, ἀνεχόμενοι, — то же, что носяще, βαστάζοντες, — друг друга, ты — его, а он — тебя. Не судите с строгостию о недостатках

и падениях друг друга; но, считая их малостями, пропускайте их без внимания» (блаженный Феофилакт).

Приемлюще – относится более к тому, что не нравится нам друг в друге и досаждает, без отношения к нам. А: *прощающе* – к тому, что нас касается, на что можно жаловаться, что неукорно только само по себе, но обидно и оскорбительно для нас; что выразил Апостол словом: μομφή – поречение. Ныне он сделал нечто, за что ты праведно имеешь на него поречение; а завтра ты можешь так же поступить в отношении к нему. Встречая такие случаи, прощайте себе взаимно, χαριζόμενοι ἑαυτοῖς, – дарите друг другу взаимно такие случайности, не заводя из-за них споров, ссор и разладов. Сносить и терпеть друг друга есть несение более внешней тяготы; а прощение имеет предметом то, что в сердце входит; почему оно и обнаруживает сердце милующее и дарит другому то, что можно бы взыскать.

Как ни просто все это кажется, в мысли и слове, но на деле бывает трудно снесть и простить и малость какую, а не только большое что. Апостол и подкрепляет свою заповедь побуждением самым сильным, – прощением, какое всякий получает от Господа. Отчего не прощают? Приходит на сердце самостное движение: из-за чего я прощу ему? и прощение, нередко уже готовое, отгоняется. Это главный источник непрощения.

Апостол и заграждает его крепким и тяжелым камнем. Как только заговорит в тебе самость: из-за чего я прощу? — приведи поскорее на память всепрощение, полученное тобою от Христа Господа, и самость замолкнет. Ибо, как она посмеет еще хоть слабейший подать голос, когда ты представишь себе, коль безмерно оскорбление, тобою Богу беспредельному нанесенное, коль безмерной жертвы требовало удовлетворение его и как прощение его тебе, недостойнейшему и презреннейшему, даровано ни за что? Если примешь это в чувство — а как не принять? — то после сего у тебя на душе будет уже не то: из-за чего я прощу ту или ту малость, — а то: больше и больше давайте мне того, что я мог бы прощать.

Апостол говорит: *якоже Христос простил есть*. Приводит на память большее прощение во святом крещении. Следовательно, предполагает тех, к коим пишет, не согрешающими по крещении. К тем же, которые грешат по крещении, надлежит сказать: иначе и вам не простит Христос Бог. Спаситель в ярком свете представил и прямым словом, и притчею, что прощение грехов каждого находится в полной зависимости от его прощений ближнему того, что имеет на него. Не простишь, — и сам не будешь прощен. И вот ответ самости: из-за чего я прощу? Из-за того, что иначе сам не будешь прощен. Но если ты не

будешь прощен, то потерпишь то, в сравнении с чем ничто из того, что терпишь ты от другого и что требует твоего прощения, идти и на волос не может.

Святой Златоуст говорит: «и смотри, как святой Павел показал ничтожность этого (того, что приходится прощать другому), назвав то *поречением*. Затем прибавляет: *якоже и Христос простил есть вам*. Великий пример! Павел всегда так делает,— убеждает примером Христа. *Поречение*, говорит; чем показал, что это (терпимое от других) ничтожно; но, когда привел пример, утверждает, что если бы мы имели и важные обвинения, должны прощать. Слова: *якоже и Христос* — означают это, и не это только, но и то, что должно прощать от всего сердца; и не это только, но и то, что должно любить (оскорбляющих). Ибо Христос, представленный в пример, научает всему этому и еще тому, что должно прощать обиды, хотя бы они были велики, хотя бы мы сами ничем наперед не оскорбили обидевших нас, хотя бы мы были люди великие, обидевшие нас — незначительны, хотя бы они и после прощения намеревались оскорбить нас, и, наконец,— что должно душу свою полагать за них. Слово: *якоже* — требует сего. Оно (показывает) еще, что должно стоять (за обидевших нас) не только до смерти, но, если возможно, и после смерти».

Итак, «взирайте на человеколюбие Владыки, — сколь многих грехов оставление даровал Он вам? Посему подражайте Владыке, и каждый да прощает согрешения, соделываемые против него братом» (блаженный Феодорит).

вв) Последний предел нравственного совершенства (3, 14—15)

Предел сей есть любовь и мир. Чрез отвержение себя поразив самость, идут после того, с одной стороны, путем благоутробия и благостыни, с другой — путем кротости и долготерпения. Тем путем доходят до любви, этим — до мира Божия. Сопоставляя их со страстями, видим, что любовь водворяется вместо всех страстей похотения, а мир — вместо всех страстей раздражения. Помнится, что таким образом где-то распределяет бывающее внутрь нас святой Максим Исповедник*.

Глава 3, стих 14. *Над всеми же сими стяжите любовь, яже есть соуз совершенства.*

Стяжите — нет в греческом; а стоит только: *над всеми же сими в любовь*; подразумевается: *облецытеся*. То были одеяния исподние, а это — самая верхняя, всю красу составляющая. Поверх всего, говорит, наденьте любовь. Это — форменная одежда христиан, по которой их отличать должно от нехристиан. Не надень генерал своей форменной одежды, никто и не подумает, что он

---

* *Преподобный Максим Исповедник († 662)* — учитель Церкви. — *Ред.*

генерал. Так и в нас, — не имей кто любви, никто, умеющий различать, не признает его христианином: ни Бог, ни Ангелы, ни святые. Люди хотя и будут звать его так, но в этом не будет истины. *О сем разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 35), — сказал Господь.

Но как, говорит, *над всеми — любовь*? Прежде помянул уже утробы щедрот и благость. Не любовь ли это? И что лишнего против этого имеет любовь? Любовь есть некое Божественное свойство; а щедрость и благостыня суть человеческие расположения, в естество наше вложенные, только самостию подавляемые. Посему их являть — значит показывать себя человеком; а любовию дышать — значит Бога в себе являть. Ибо *Бог — любы есть* (ср.: 1 Ин. 4, 16). Щедрость и благостыня хотя и доброту сердца обнаруживают, но все же более в деятельной стороне силу имеют, а любовь самую глубь сердца обнимает, откуда исходища живота, и самые те добрые расположения оживляет, равно как и все доброе, бывающее в нас. Любовь настоящая есть дар Божий. *Любы от Бога есть и всяк любяй от Бога рожден есть* (ср.: 1 Ин. 4, 7). Понимает ее только тот, кто ее возымел; но изъяснить словом едва ли и он может. Посему она есть достойный искания предмет для всех и паче всего.

Святой Павел потому над всеми полагает любовь, что она есть союз совершенства. Кто стяжал любовь, тот все уже имеет; нечего ему более искать: ибо, имея любовь, Бога имеет. Как она есть союз совершенства, это святой Павел изложил в Послании к Коринфянам (см.: 1 Кор. 13). Читай, и уразумеешь. Из сказанного там видно, что любовь изгоняет из сердца все страсти и, напротив, с собою вселяет там все доброты. Святой Златоуст так объясняет сие: «*над всеми же сими — любовь*, говорит Апостол. Видишь, что говорит? Поелику прощающий и щедрствующий может при всем том не любить; то говорит: нет, и любить надобно, показывая в сем путь к истинной щедрости и прощению. Иной бывает и благ, и кроток, и смиренномудр, и долготерпелив; но не дышит любовию. Посему он и сказал: *над всеми же сими любовь*. Что хочет он сказать, вот что есть: от тех (добродетелей) никакой пользы нет (пока они одни): ибо все они распадаются, если не бывает при них любви. Все их она тесно связывает. И какое бы ни назвал ты добро, при отсутствии любви оно ничто,— растекается (и исчезает). Как в корабле, будь составные части велики, но, если скрепы их не прочны, нет от тех пользы, равно как и в доме (нет пользы от толстых бревен), если не бывает надежных перекладин и сцеплений, и в теле нет пользы от больших костей, если нет связей: так, какие бы кто ни имел

исправности, все они непрочны, если нет при них любви. — Не сказал Апостол, что она верх, но, что гораздо важнее: *соуз*. Это более необходимо, чем то. Ибо вершина есть предел совершенства; а: *соуз* — есть совмещение и содержание всего, что составляет совершенство, как бы корень».

Стих 15. ***И мир Божий да водворяется в сердцах ваших, в оньже и звани бысте во едином теле: и благодарни бывайте.***

Мир Божий есть или мир от Бога даруемый и в сердце водворяемый, или мир Божественный, подобный тому, коим Бог мирствует в Себе. Как Бог в Себе мирствует, так и вы мирствуйте в себе. То и другое надо совместить. Мир сей есть воистину богоподобный; но такой мир ниоткуда не может прийти, как только от Бога, или потому он и богоподобен, что есть от Бога, как и предшествующая любовь.

Любовь, по ходу речи, водворяется вместо всех страстей похотения; но так, что она бывает плодом препобеждения и всех страстей раздражения. Мир водворяется вместо страстей раздражения; но так, что он бывает плодом препобеждения и всех страстей похотения. Как любовь, так и мир водворяются в сердце после преодоления и изгнания всех страстей. Пока не изгнаны они, не жди покоя и мира: ибо всякая страсть привносит смятение в душу; такова природа страстей, что они всюду вносят смятение.

Пространство мира, водворяемого наконец в сердце, всеобъемлюще: он есть и мир с Богом не по чувству только всепрощения, но паче по чувству богообщения; есть и мир в себе, в совести и во всех движениях и действиях, но беспорядочно начинаемых и кончаемых, мирно раскрывающихся, как мирно развивается цвет и плод на дереве; есть мир и с братиями, по чувству и требованию единения с ними живого и сердечного, не допускающего никакого разлада. В существе же он единичен, есть покой в Боге, поглощающий все могущее внести смятение в сердце. Хотя в настоящем месте, по-видимому, разуметь надо более мир с братиями, как показывают слова: *в оньже и звани бысте во едином теле*; но как сей мир не бывает прочен без других видов или сторон мира и как он здесь же назван Божиим; то не чуждо будет мысли Апостола разуметь здесь мир как покой в Боге, умиротворяющий все внутри сердец и вносящий полное согласие и мир во все тело Церкви.

Да водворяется, βραβευέτω. — Βραβεύειν — значит раздавать награды победителям на ристалищах. Святой Павел олицетворяет мир, представляя его внутри нас некиим лицом, награждающим нас же за победу над страстьми, наипаче раздражения, и награждающим собою, то есть миром. Победишь раздражение, — получишь в награду мир; не победишь, — не получишь, а останешься

со своим нарушающим мир раздражением, все более и более теряя мир. Но хотя так сказал Апостол, что мир у него представляется утвердившимся внутри и владычественным; при всем том, однако ж, мысль у него и здесь та же, что и относительно любви. Как там, сказав: *стяжите любовь*, — призывал к собственным нашим усилиям водворить в сердце любовь; так и здесь, говоря: *мир да водворяется*, — к таким же призывает усилиям стяжать и хранить мир. «Если кто испытает от кого-либо что-нибудь скорбное, да содержит в сердце мир, который и определяет и раздает награды за подвиги и приводит в угодное Богу единомыслие» (блаженный Феодорит).

Святой Златоуст говорит: «мир Божий есть мир глубоко водруженный и прочный. Если ты имеешь мир человека ради, то он скоро разорится. Если же ради Бога имеешь его, — никогда. Но зачем Апостол, сказав *о любви* (которая совмещает и мир [см.: блаженный Феофилакт]), опять на то же находит (с словом)? Ибо бывает любовь, меры не соблюдающая, именно когда кто по большой любви напрасно обличает, спорит и разлады заводит. Нет, говорит, не этого я хочу; но как Бог сотворил к нам мир, так и вы творите. А Он как сотворил? Сам восхотев, не от нас что прияв. — Что значит — βραβευέτω? Когда борются в тебе два помысла, не поставляй гнева, не поставляй мщения держащими в своих руках

награду, но мир. Например, — пусть кто-либо неправедно оскорблен. От этого оскорбления родились в нем два помысла, из коих один повелевает отмстить, а другой — перенесть; и они борются между собою. Если в тебе (твоих убеждениях) мир Божий стоит раздаятелем наград, то он даст награду тому помыслу, который повелевает перенесть, и посрамит другой (помысл, повелевавший отмстить). Как? Убеждая, что Бог мир есть, что Он примирился с нами, Апостол показывает чрез это, что дело мира требует большого подвига. Да не будут, говорит, у вас решителями состязания и раздаятелями наград ни гнев, ни любопрение, ни человеческий мир: ибо человеческий мир бывает или вследствие того, что вытребовано и воздано, что считалось праведным, или вследствие того, что не потерпело ничего важного. Но я, говорит, не такого желаю мира, а такого, который оставил нам Сам Христос. Так Апостол внутрь нас, в помыслах наших, устроил и ристалище, и подвиг, и победу, и раздаятеля наград».

В оньже и звани бысте. В какой мир званы мы? В мир с Богом: ибо Апостолы посланы в мир всех звать: *примиритеся с Богом* (2 Кор. 5, 20). Но к сему миру званы не каждый поодиночке, но все вместе, — целым телом, и не затем званы, чтоб каждый оставался и жил особняком, но чтоб все составляли одно тело, в живом между собою состоя союзе и общении. Почему и

прибавил Апостол: *звани — во едином теле*. Нельзя быть в мире с Богом, не имея мира между собою. Видно, что в сих словах Апостол представляет побуждение к миру, как в отношении к любви пред сим поставил в побуждение то, что она *соуз совершенства*. Вы, говорит, члены одного тела. Как члены тела мирны между собою и одно тело потому составляют, что мирны; так будьте мирны и вы все между собою; ибо иначе как будете тело? «Посредством мира мы — едино тело, и для того мы — едино тело, чтобы быть в мире» (святой Златоуст). И в Послании к Ефесеям внушал святой Павел: тщитесь, говорит, *блюсти единение духа в союзе мира*. Почему? Потому что вы *едино тело, един дух* (Еф. 4, 3—4). То же и здесь. «Из всех вас призвавший вас Бог составил одно тело; посему не раздробляйте его» (блаженный Феодорит). «В мир призывая нас, Христос соделал нас единым телом, Сам став главою. Ибо для чего другого мы — одно тело, как не для того, чтоб, будучи *друг другу удове*, хранили мир между собою и не разделялись?» (блаженный Феофилакт).

И благодарни бывайте. Благодарение здесь у Апостола стоит или наряду с любовию и миром, как третье высшее духовное совершенство и состояние, сопровождающее, завершающее и покрывающее их, или в отношении только к миру, как опора и охрана его. В первом смысле

благодарение Бога есть состояние непрестающее. Когда страсти прогнаны и на место их водворены добрые расположения; тогда душа бывает в мирном устроении и чрез любовь приемлет успокоение в Боге. Когда же душа упокоевается в Боге, тогда и Бог упокоевается в ней. А где Бог, там и блаженство, — там радость о Дусе Святе, неотъемлемая принадлежность сподобившихся возыметь Царствие Божие внутрь себя. Сознание и чувство такой блаженной радости, как ни бывает сильно, не поглощает сознания и чувства, что она есть дар Божией благодати и Божия к нам благоволения, и не только не поглощает, а напротив, углубляет и собою покрывает. Отсюда при нем источается из сердца непрестанное Богу благодарение о неисповедимом Его даре. Это состояние Ангелов, непрестанно славящих Бога в Троице поклоняемого: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! О нем и наводит здесь мысль святой Павел. А что он выразил это в виде заповеди, тогда как тому, кто взошел в такое состояние, не нужна уже заповедь, потому что благодарение у него само собою источается из сердца; то сделал это или в подтверждение, как бы говоря: так-так; бывайте-бывайте благодарны; чувство, вас исполняющее, есть должное, доброе и Богу угодное чувство, — или в поощрение — возгревать сие чувство паче и паче: ибо по изменчивости естества нашего оно может бывать то сильно, то

слабо, то совсем скрываться. Апостол и воодушевляет, чтоб, когда скроется такое чувство, вызывать его и, когда ослабеет, восстановлять в силе.

Во втором смысле благодарение Бога есть делание духовное, которое надлежит совершать в духе для того, чтоб охранять мир душевный и мирность с братиями. Мир душевный нарушается прискорбными случайностями жизни, а мирность с братиями — оскорблениями со стороны их. Апостол говорит: будьте благодарны Богу, и ни прискорбности жизни, ни оскорбления со стороны братий не нарушат вашего мира. Прискорбности жизни не нарушат мира — так: взойди к убеждению и приими в чувство, что всё от Бога и всё к существенному для тебя благу. То же старайся увидеть и во всякой прискорбной случайности. Когда увидишь это в настоящей, томящей тебя, прискорбности, тотчас горечь прискорбности начнет умаляться и, если не ослабишь того убеждения, что она послана во благо тебе, совсем исчезнет, а на место ее водворится благодарение Богу, обрадовающее. Но если частым восстановлением такого чувства успеешь ты стяжать навык за все благодарить Бога; то чувство горечи от прискорбностей и не появится в тебе: ибо ему не даст места качествующее в сердце чувство за все благодарения Богу. Так *благодарни бывайте*, — и мир от прискорбностей жизни

не нарушится в вас.— Не нарушится при сем и мирность с братиями в случаях оскорбления со стороны их. Это так, как в притче о должниках изобразил Господь. Сколь многократно и сколь сильно оскорблял ты Бога грехами своими?! И все Он простил тебе, даром, Сам по Себе, по единой благости Своей. Но вот и пред тобою задолжал брат твой незначительною некоею малостию,— оскорбив тебя. Прости же и ты ему, вспомнив, сколь великий и неуплатимый долг простил тебе милосердый Бог. Из благодарности к Богу, премногое и превеликое тебе простившему, прости брату ничтожную малость. И это не в ущерб тебе; а напротив, за прощение ничтожного опять получишь несравненно большее — сохранение и утверждение мира душевного чрез сохранение мирности с братом.

Первую сторону выясняет святой Златоуст: «*и благодарни*, говорит, *бывайте*. Этого он везде требует больше всего; ибо это — верх добрых дел. Итак, будем благодарить Бога во всех случаях; ибо в этом и состоит благодарение. Благодарить в счастии — легко, здесь сущность дела побуждает к тому; достойно удивления то, если мы благодарим, находясь в крайних обстоятельствах. Если мы за то благодарим, за что другие богохульствуют, от чего приходят в отчаяние,— смотри, какое здесь любомудрие: во-первых, ты возвеселил Бога, во-вторых, посрамил диавола,

в-третьих, показал, что случившееся с тобою ничто. В то самое время, когда ты благодаришь, и Бог отъемлет печаль, и диавол отступает. Если ты приходишь в отчаяние, то диавол, как достигший того, чего хотел, стал возле тебя; а Бог, как оскорбленный хулою, оставляет тебя и увеличивает твое бедствие. Если же ты благодаришь, то диавол, как не получивший никакого успеха, отступает; а Бог, как приявший честь, в воздаяние награждает тебя большею честию. И не может быть, чтобы человек, благодарящий в несчастии, страдал. Душа его радуется, делая благое; в то же время совесть веселится, — она услаждается своими похвалами, а душе веселящейся нельзя быть печальною. Там (в отчаянии), вместе с бедствием, еще наказывает совесть; а здесь она венчает и провозглашает. Нет ничего святее того языка, который в несчастиях благодарит Бога. Он поистине ничем не отличается от языка мучеников и получает такой же венец, как и тот. Ибо и у него стоит палач, понуждающий отринуться Бога богохульством, стоит диавол, терзающий мучительными мыслями, помрачающий душу скорбию. Итак, кто перенес скорбь и благодарил Бога, тот получил венец мученический».

Вторую сторону выясняет блаженный Феофилакт: «благодарным бывает тот, кто таким же образом поступает в отношении к сорабам, как Бог — в отношении к нему. Исповедующий

благодать Божию и Бога благодарящий за то, что отпущены ему грехи, не станет отмщать тому, кто онеправдовал его самого; как, наоборот, отмщающий, очевидно, не помнит, какое сам великое получил благодеяние (в отпущении ему грехов), подобно оному, получившему отпущение тмы талантов и не хотевшему отпустить ста динариев».

в) Средства к преуспеянию в жизни, пред сим изображенной
(3, 16—17)

Средствами такими поставляются: аа) обогащение ума ведением Божественных истин (3, 16); бб) молитва (3, 16) и: вв) делание всего во славу Божию (3, 17). Это суть духовные делания аскетического характера, обнимающие всю область внутренней нашей жизни, дающие должное ей направление и воспитывающие ее.

Глава 3, стих 16. *Слово Христово да вселяется в вас богатно, во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самех, во псалмех и пениих и песнех духовных, во благодати поюще в сердцах ваших Господеви.*

аа)

Слово Христово есть или слово, от Христа Господа исшедшее, Им Самим изреченное и чрез Апостолов распространенное, или слово о Христе Господе, Спасителе нашем. В первом смысле оно обнимает все Новозаветные Писания, — Евангелие и Апостол, во втором — указывает содержание

сих Писаний: ибо все они суть слово о Христе Господе и о спасении в Нем. Вселение слова в первом смысле есть его разумное изучение, — знание, понимание и памятование; а во втором — есть самое получение спасения в Господе Спасителе и усвоение его. В первом — оно умудряет во спасение, во втором — возбуждает, поддерживает и пламенит ревность о содевании спасения с несомненною надеждою получения оного. В том и другом оно есть сильнейшее средство к преуспеянию в жизни христианской.

Впрочем, оба сии дела вселения слова, поелику сходятся в одном и том же лице, бывают неразлучны, когда само дело содевания спасения идет надлежащим образом. Содевание спасения есть деятельное усвоение слова о Христе Спасителе. Оно кратко: я погибающий, и нет мне спасения, как во Христе Спасителе, пришедшем спасти погибшее. К Нему и прилепляюсь верою, упованием и любовию, в уверенности спасенным быть чрез Него. Бывает момент в жизни, когда образуется такое решение в сознании. Но как только оно образовалось, тотчас зарождается жажда ведения слова Христова и о Христе Спасителе: начинается ревностное чтение Евангелия и Писаний Апостольских, и все глаголы о Спасителе и спасении слагаются в сердце. Сердце бывает тогда землею жаждущею, а слово Христово — росою и дождем. Земля жаждущая

ни одной росинки не оставит вне, все в себя впивает: так и сердце, возжаждавшее спасения, впивает в себя все слово о спасении. Оно и вселяется в него богатно. Но потому самому, что вселяется вследствие потребности духовной и удовлетворяет ее, оно питает жизнь духовную во Христе Господе, вводя сознание в возвышенные созерцания и пленяя ими сердце. Сердце тогда уже не бывает на земле, а горе, где и живот наш сокровен есть со Христом в Боге; и, следовательно, в нас совершается то, в чем Апостол, в начале главы, положил существо христианской жизни.

Да вселяется, ἐνοικείτω,— да обитает, да живет в вас. Как это сделать? Заучивай на память слова Господа Спасителя и святых Апостолов Его и часто проходи их мысленно, чтоб не пришел тайком враг и не украл его, оставя на место его зловредное забвение. Будешь так делать,— будешь показывать, что слово Христово обитает в тебе. Слово же о Спасителе и спасении будет жить в тебе, если более и более будешь углублять в себе чувство погибельности своей и спасения Христом Господом. Сделай, чтоб это не отходило от сознания твоего и чувства и составляло их основу. Тогда дух сокрушенный и смиренный не отступит от тебя, и ты будешь в спасительном настроении.

Во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самех. Слова: *учаще и вразумляюще* —

указывают способ вселения слова Христова, а: *во всякой премудрости* – определяют, каким образом это надлежит делать.

Себе самех. Всякий сам себя учи и вразумляй словом Христовым, или учите и вразумляйте себя взаимно, – друг друга. *Учить* – растолковать, дать понять и уразуметь истину – умственную или деятельную; а вразумлять – *внушать*, вселять внутрь, убеждать, проводить до чувства и соответственные вызывать благорасположения. Итак, учи себя всякий и внушай себе истины слова Христова, и оно вселится в тебя. Для сего читай, размышляй, заучивай, сочувствуй, возлюбляй и далее проводи в жизнь. Это последнее есть предел обучения себя. Пока этого нет, нельзя сказать о ком-либо, что он научил себя, хоть и знает слово Христово на память и хорошо рассуждает. В таком недостатке святой Павел укорял иудеев в Послании к Римлянам: *научая инаго, себе ли не учиши?* (ср.: Рим. 2, 21). – Кто таков, в того не вселилось слово Христово и не живет в нем. – Или учите друг друга истинам слова Христова и внушайте их себе взаимно, и оно вселится в вас и будет жить в целом обществе вашем, заправляя всеми делами вашими и начинаниями. Это взаимнообучение в христианском обществе идет само собою: пастыри учат паству, старшие – младших, родители – детей, учители – учеников, власти – подвластных. Намеренно

же с этою целию учреждаются братские собеседования с чтением. Тут, и не уча прямо друг друга, учатся и вразумляются взаимно, принимая из рассматриваемого и читаемого, что кому пригоже. Но очевидно, что всякого рода взаимнообучение плод приносит только тогда, когда при этом всякий и сам себя учит и вразумляет,– то есть, выслушав сказанное или прочитанное, уговаривает себя не думать только так именно, но и чувствовать и поступать. Почему, думается, это себяуговаривание и имел в виду святой Павел в настоящем месте. Ибо, тогда только и вселяется в кого слово Христово, когда он успеет уговорить себя и веровать, и жить по нему.

Во всякой премудрости — со всякою премудростию, или премудро. Этими словами указывается не предмет обучения,— он уже указан,— а образ его (метод). Премудро надо обогащать себя словом Христовым, премудро обучать себя по нему и вразумлять себя им. Не мудро делает сие тот, кто усердно читает слово Божие, но не обсуждает его, не доводит до чувства и не проводит в жизнь. Оно и течет у него, как вода по желобу, и протекает чрез него, не осаждаясь в нем и не вселяясь в него. Можно все Евангелие и весь Апостол знать на память и все же не иметь слова Христова вселенным в себе, по причине неразумного изучения его. Неразумно делает сие и тот, кто только ум обогащает словом Христовым, а о

сообразовании с ним сердца и жизни нерадит. Оно у него и остается, как песок, насыпанным в голове и памяти и лежит там мертвым, а не живет. Живет оно — только когда проходит в чувства и жизнь; а тут этого нет. И нельзя потому сказать, что оно обитает в таковом. Не мудро богатится ведением слова Божия наипаче тот, кто, при обсуждении смысла его, одному своему уму верит, а не поверяет своих соображений общностию верования всех верующих. Отсюда у нас хлысты, скопцы, молокане* и духоборцы, и повсюду — все ереси. Уразумевание слова Христова с доверием только к своему уму хотя и не приведет иного к ереси, но всяко не всегда созидает и назидает, а паче надымает и кичению научает. Это же состояние таково, что лучше ничего не знать, чем попасть в него.

Приводим слова святого Златоуста на сей предмет: «*слово Христово да вселяется в вас богатно*, то есть да вселяются — учение, догматы, убеждения, по силе которых, говорит, настоящая жизнь и ее блага суть ничто. Если бы мы видели это, то никакие затруднения не показались бы нам непреодолимыми. *Да вселяется*, говорит, *в вас*, не просто, а *богатно*, с великим изобилием. Послушайте все вы, люди мирские и пекущиеся о жене и детях, как и вам внушает Апостол

* *Скопцы, молокане* — приверженцы русских псевдохристианских сект. — *Ред.*

больше читать Писание, – и не просто как случится, а с великим старанием! И не ожидай другого учителя; есть у тебя слово Божие, – никто не научит тебя так, как оно. Послушайте, прошу вас, все привязанные к сей жизни, приобретайте книги – врачевство души. Если не хотите ничего другого, приобретите по крайней мере Новый Завет, Деяния Апостолов, Евангелие, – постоянных наших наставников. Постигнет ли тебя скорбь, приникай к ним, как к сосуду, наполненному целебным веществом. Случается ли утрата, смерть, потеря ближних, – оттуда почерпай утешение в своем несчастии. Или лучше не приникай только к ним, но принимай их внутрь и храни в своем уме. От незнания Писания – всякое зло. Мы выходим на войну без оружия, – и как нам спастись? Легко спасаться с Писаниями, а без них невозможно. – *Во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самех*. Мудростию называет добродетель. И справедливо: ибо и смиренномудрие, и милостыня, и все подобное есть мудрость. Следовательно, противное будет глупость. Отсюда часто всякий грех называется (в Писании) безумием. *Рече*, говорит, *безумен в сердце своем* (ср.: Пс. 13, 1). И опять: *возсмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего* (Пс. 37, 6). Ибо, скажи мне, что несмысленнее того человека, который возлагает на себя дорогие одежды, а братий своих, не имеющих одеяния,

презирает; кормит собак, а на образ Божий в алчущем ближнем смотрит с презрением; совершенно убежден в ничтожестве земных вещей, а привязан к ним, будто к нетленным? Но как нет ничего несмысленнее этого человека, так нет ничего мудрее подвижника добродетели. Посмотри, как он мудр! Он уделяет из своего имущества, является милосердым, человеколюбивым. Значит, он уразумел общность естества, уразумел значение денег, то есть что они ничего не стоят, что более должно беречь свои тела (члены, братий), чем деньги. Равно любомудр и тот, кто презирает почести; ибо, очевидно, он знает дела человеческие, а в знании-то дел Божеских и человеческих и состоит любомудрие. Итак, зная, какие дела Божии и какие – человеческие, он от одних воздерживается, а другие совершает. Знает он это и за все благодарит Бога; настоящую жизнь он вменяет ни во что и потому как не радуется в счастии, так не скорбит и в несчастии».

бб)

Второе средство к преуспеянию в жизни по Богу о Христе Иисусе есть молитва. О ней у Апостола речь в том же 16-м стихе и составляет вторую его половину: *во псалмех и пениих и песнех духовных, во благодати поюще в сердцах ваших Господеви*. Слова: *во псалмех и пениих и песнех духовных*, – кажется, будто относятся к: *учаще и вразумляюще себе самех*, – учите и

вразумляйте себя самих псалмами и пениями и песнями духовными. Но в существе дела псалмы, пения и песни духовные суть принадлежности молитвы. То истинно, что и псалмы, и песни духовные учат и назидают, но это есть соприкосновенное их действие, а не прямое. Прямое их дело есть производство молитвы. И изучение слова Божия приводит к молитве и нередко сопровождается ею; но прямо слово Божие учит и вразумляет, а молитва есть соприкосновенность, плод, действие изучения его. Так и здесь псалмы и песни прямо суть производство молитвы, а обучение и вразумление есть благое следствие и плод его. Что здесь говорит Апостол, то в Послании к Ефесеям он изложил так: *исполняйтеся Духом, глаголюще себе во псалмех и пениих и песнех духовных, воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви* (Еф. 5, 18—19). Тут нельзя слова: *во псалмех и пениих и песнех духовных* — относить к чему-либо другому, кроме производства молитвы. По сему примеру и настоящее место надо понимать, относя его к молитве. Слова: *во псалмех и пениих и песнех духовных* — определяют молитву словесную, молитвословие; а слова: *во благодати поюще в сердцах ваших Господеви* — молитву внутреннюю, умносердечную.

Псалмы, пения, песни — псалмы, гимны, оды — суть разные наименования духовных песнопений.

Указать отличия их очень трудно; потому что и по содержанию, и по форме они бывают очень сходны. Все они суть выражения духа молитвенного. К молитве подвигшись, дух славословит Бога, благодарит и возносит к Нему свои прошения. Все сии проявления духа молитвенного в духе неразлучны и одно без других не бывает. Молитва, когда приходит в движение, переходит от одного из них к другому, и нередко не один раз. Вырази это словом, выйдет молитва словесная, назови ее псалмом, гимном или одою — все одно. Потому не будем напрягаться определять отличие сих наименований. Апостол хотел ими обнять всякого рода молитвы, словом выраженные. Под них подойдут и все молитвы, находящиеся теперь у нас в употреблении. У нас в употреблении, кроме Псалтири, песнопения церковные — стихиры, тропари, каноны, акафисты и молитвы, в молитвенниках содержащиеся. Не погрешишь, если, читая слова Апостола о словесной молитве, будешь разуметь эти, употребляющиеся у нас, словесные молитвы. Сила не в таких или таких словесных молитвах, а в том, как их совершать.

Как совершать словесные молитвы, Апостол указывает словом: *духовных*. Слово: *духовных* — хотя грамматически связано с песнями только, но по силе речи оно относится и ко всем другим наименованиям выражений молитвы. Какое бы

ты из них ни употреблял, оно должно быть у тебя духовно. Духовны молитвы, потому что первоначально в духе зарождаются и созревают и из духа изливаются. Паче же духовны потому, что зарождаются и созревают благодатию Духа Святаго. И Псалтирь и все другие словесные молитвы не с самого начала были словесны. Но пришедшее слово не устранило их духовности. Они и теперь словесны только по виду, в силе же они духовны.

В словах Апостола прямо можно видеть и такую мысль: пойте из сердец ваших Господу duходвижные молитвенные песни. В первенствующей Церкви и бывало так, что, у кого зарождалась и созревала в сердце благодатию Духа Божия подвигнутая молитва; тот просил позволения излить сию молитву пред всеми и, получив его, словесно возносил к Господу движущуюся в сердце молитву. Эта сердечная молитва, может быть, иногда находила на кого тут же в собрании верующих в Церкви; но обычнее она образовывалась дома, во время домашней уединенной молитвы и богомыслия. Образовавшись, она переполняла всю душу верующего и просилась выразиться. Чреватый ею, приходя в собрание, не удерживался и просил позволения высказать, чем полна душа его. Получив его, высказывал. И вот словесная молитва, или псалом duходвижный, из сердца исходящий! Апостол именно такие лица

разумел, когда писал коринфянам: «когда сходитесь на молитву, иной из вас псалом имеет, иной другое что. Все же да будет к созиданию» (см.: 1 Кор. 14, 26). Говоря, что входящий в собрание псалом имеет, дает разуметь, что псалом сей созрел у него внутри и просится наружу.

Но этот один, у кого созрела песнь Богу, произносил молитву; все же другие внимали ему. У него песнь была собственно духодвижная. Для всех других она была словесная – внешняя. Но, принимая ее слухом, и они входили в дух ее, приходили в подобонастроение, подвигались в духе к тем же созерцаниям и чувствам, – и молитва обобщалась. Песнь, зародившаяся Духом и созревшая в сердце одного, исшедши из уст его в слове и чрез слух вошедши в сердца всех, у всех зарождала там такую же песнь, – и все пели духодвижно.

Применим это к нам. Все в Церкви употребляющиеся молитвы и песни суть духодвижного происхождения. Когда собираемся в храмы, их произносят то священник, то диакон, то чтец, то певец. Мы же приемлем их слухом. Если мы все не остановимся на одном этом приятии песней церковных слухом, но проведем их до сердца, напряжемся войти в подобонастроение с ними и умом, и чувством так, чтобы они, воспроизведшись в сердце нашем, оттуда уже, как бы из первоначального источника, восходили к Богу: то и в

нашем собрании исполнится то, что заповедывал Апостол колоссянам, — и мы будем петь Господу из сердца духодвижные песни и молитвы. Если за тем и в домашней молитве будем делать то же, то есть входить в дух совершаемых молитвословий и, воспроизвед их в сердце, оттуда уже возносить к Богу, как бы они там только и зарождались и созревали; то станем во всех уже отношениях безукоризненными песнопевцами Богу, — песнопевцами духовными, духодвижно поющими.

Из таких пояснений выходит, что если мы захотим слово Апостола о словесной молитве обратить себе в урок; то получим вот что: входи в дух слушаемых и читаемых тобою молитв и, воспроизведши их в сердце, возноси оттуда к Богу, как бы они были порождение твоего сердца под действием благодати Святаго Духа. Это закон, определяющий существо богоугодного молитвословия. Как дойти до этого? Обсуди, обчувствуй, даже заучи на память молитвы, какие имеешь читать в твоем молитвословии. Тогда, становясь на молитву, будешь не чужое что произносить, а то, что и в твоем лежит сердце, как им прочувствованное.

Слова: *во псалмех и пениих и песнех духовных*, — как замечено, прямо относятся к производству молитвы; но все эти виды молитвословий, вместе с приведением в движение духа молитвенного,

могут и назидать. Потому слова сии можно соединять с предыдущими: *учаще и вразумляюще себе самех*. Так делает святой Златоуст: «*учаще*, говорит, *и вразумляюще себе самех, во псалмех и пениих и песнех духовных*. Смотри, как снисходителен Павел. Так как чтение утомительно и может наскучить; он располагает не к повествованиям, а к псалмам, чтобы ты вместе (с научением) увеселял душу пением и не замечал трудов. *В пениих*, говорит, *и песнех духовных*. А ныне ваши дети любят песни сатанинские и пляски, подражая поварам, пекарям и танцовщикам; псалма же никто ни одного не знает. Ныне такое знание кажется неприличным, унизительным и смешным. В этом-то и все зло; ибо на какой земле стоит растение, такой приносит и плод: на песчаной и сланцевой — такой, на доброй и тучной — другой. И такое научение есть как бы какой благотворный источник. Научи сына петь те преисполненные любомудрием псалмы, например: сначала о воздержании, или прежде всего о несообщении с нечестивыми, то есть псалом в самом начале книги; ибо с сею-то целию Пророк начал с этого, говоря: *блажен муж, иже не иде на совет нечестивых* (Пс. 1, 1), — и опять: *не седох с сонмом суетных* (ср.: Пс. 25, 4), и еще: *уничижен есть пред ним лукавнуяй, боящияжеся Господа славит* (Пс. 14, 4). Найдешь там и об обращении с добрыми, и многое другое; найдешь

правила о воздержании чрева, об удержании рук, о нестяжательности и о том, что и деньги, и слава, и все подобное ничто. Если научишь его этому с детства, то постепенно возведешь его и выше. Псалмы заключают в себе все; и песни опять не суть что-либо человеческое. Когда он будет сведущ в псалмах, тогда узнает и песни; так как песни дело более святое, ибо вышние силы песнословят, а не псалмословят. — *Не красна*, говорит, *похвала во устех грешника* (Сир. 15, 9); и опять: *очи мои на верныя земли, посаждати я со Мною* (ср.: Пс. 100, 6); и опять: *не живяше посреде дому моего творяй гордыню* (Пс. 100, 7); и опять: *ходяй по пути непорочну, сей ми служаше* (Пс. 100, 6). Итак, станем заботиться об этом (об удалении детей от нечестивых) более всего другого. — *Возлюбих*, говорит, *возлюбившия закон Твой* (ср.: Пс. 118, 163, 165); будем же, подражая ему, и мы любить их. А чтобы дети были воздержны, пусть послушают, что говорит Пророк: *яко лядвия моя наполнишася поруганий* (Пс. 37, 8); и опять: *потребил еси всякаго любодеющаго от Тебе* (Пс. 72, 27). Также, чтоб они не были сластолюбивы, пусть опять послушают: *и уби*, говорит, *множайшая их, еще брашну сущу во устех их* (Пс. 77, 30, 31). Равным образом, чтоб они не были побеждаемы дарами, пусть научатся из следующего: *богатство аще течет, не прилагайте* к нему *сердца* (Пс. 61, 11);

найдут они и то, что надо стоять выше славы: *ниже снидет с ним слава его* (Пс. 48, 18); что не должно завидовать лукавым: *не ревнуй лукавнующим* (Пс. 36, 1); что властвование надобно вменять ни во что: *видех превозносящася и высящася, яко кедры ливанския, и мимоидох, и се не бе* (ср.: Пс. 36, 35—36); что настоящее должно почитать ничтожным: *ублажиша люди, имже сия суть: блажени людие, имже Господь Бог их* (Пс. 143, 15); что не безнаказанно грешим мы, но будет воздаяние: *Ты воздаси комуждо по делом его* (Пс. 61, 13); почему же не воздает ежедневно? потому, говорит, что *Бог судитель праведен, и крепок, и долготерпелив* (Пс. 7, 12); что смиренномудрие есть благо: *Господи*, говорит, *не вознесеся сердце мое* (Пс. 130, 1); а высокомерие — зло: *сего ради*, говорит, *удержа я гордыня их до конца* (Пс. 72, 6); и опять: *Господь гордым противится* (Иак. 4, 6); и опять; *изыдет, яко из тука неправда их* (ср.: Пс. 72, 7); что милостыня есть благо: *расточи, даде убогим: правда его пребывает в век века* (Пс. 111, 9); что милосердие похвально: *благ муж щедря и дая* (Пс. 111, 5); что не должно оклеветывать: *оклеветающаго тай искренняго своего сего изгонях* (ср.: Пс. 100, 5). Верные знают, какая песнь вышних сил, что изрекают Херувимы, что пели Ангелы на земле: *слава в вышних Богу*. Посему, после псалмопения, песни суть дело более совершенное».

Второй вид молитвы есть молитва умно-сердечная. И первая должна быть такою же. Но та зарождается под действием словесной — готовой молитвы; а эта прямо в сердце зарождается и оттуда к Богу восходит. Таковою была молитва Моисея пред Чермным морем. Апостол учит ей словами: *во благодати поюще в сердцах ваших Господеви*. «От благодати Духа, пойте, говорит, не просто устами, но со вниманием (стоя мысленно пред Богом в сердце). Ибо это значит петь Богу, а то — на ветер; так как голос разливается в воздухе. Не для того, чтобы выказать себя, говорит. Будь ты хоть на торговой площади, можешь в себе (извнутрь) обратиться к Богу и петь, не будучи никем слышим. Так молился Моисей, и был услышан. Что взываешь ко Мне, говорит ему Бог? А он ничего не говорил словом, но взывал мысленно, сокрушенным сердцем. Посему и слышал его один Бог. Не мешает и во время пути молиться сердцем и быть горе» (святой Златоуст). Такая молитва и есть только молитва. И словесная молитва потолику бывает молитва, поколику при ней молятся ум и сердце.

Она созидается в сердце благодатию Святаго Духа. Обращающийся к Господу и освящаемый таинствами, тотчас принимает в себя чувство к Богу, которое с того раза и начинает полагать в сердце его восхождения горе. Кто не заглушит сего чувства чем-либо недолжным, в том время,

постоянство и труд обращают его в пламень. Но кто заглушает его недолжным, тому хотя не закрыт путь приближения к Богу и примирения с Ним; но чувство то не дается уже вдруг и даром. Предлежит пот и труд искания и вымоления его. На это назначены подвиги покаяния по обращении грешника к Богу. Их дело — оттереть замершее чувство. Кто положит в основу сему труду сокрушение и смирение и без поблажки себе начнет без перерыва нести целесообразные труды, тому Бог скоро возвращает потерянное чувство к Нему. Кто отпадал от Бога не раз, тому это труднее дается и не так скоро. Но никому в нем не отказывается. Ибо у всех — благодать, предлежит только дать простор ее действию. Благодать получает простор по мере сотрения самости и искоренения страстей. Мера очищения сердца есть мера оживления чувства к Богу. Когда сердце станет чисто, тогда чувство к Богу делается пламенным. Чувство к Богу и в этих оживает далеко прежде полного очищения от страстей, но бывает еще, как семя или искра. Возродившись, оно растет и разгорается; но не бывает постоянно, а оживает и замирает; и, оживая, не в одинаковой бывает силе. Но в какой бы мере ни оживало, всегда восходит к Господу и поет Ему песнь. Все строит благодать: ибо благодать всегда присуща в верующих. Предавшие себя ей безвозвратно руководимы бывают ею; и

она, как знает сама, созидает их. И вот о сем-то слово у Апостола. Он хочет, чтоб верующие, состоя под действием благодати, ожили чувством к Господу и, восходя к Нему мысленно, из сердца пели Ему молитвенные песни. По слову его, это должно быть постоянным состоянием христиан; но как опыт показывает, что не все таковы даже из тех, кои оставили пути греха и страстей, то в сем слове Апостола надо видеть указание нормы молитвенного состояния христиан, как обязательный для них предмет искания. Предметом искания оно должно быть и потому, что высоко, и потому, что есть неотложное условие преуспеяния в духовной жизни и приближения к Богу, — и есть мера сего и верный указатель.

вв)

Стих 17. *И все еже аще что творите словом или делом, вся во имя Господа Иисуса Христа, благодаряще Бога и Отца Тем.*

Третий прием, какой следует употреблять, чтоб являть живот свой сокровенным в Боге, есть — все творить во имя Господа. Из первых двух — чтение Писания и усвоение откровенных истин — изгоняет суетные и нечистые мысли и исполняет ум благопомышлениями все о Божественном; а молитва водворяет навык всегда памятовать о Боге или ходить в присутствии Божием. То и другое держит внимание и чувство сокровенным в Боге. Кажется бы и довольно.

Кажется, но не есть. Если оставить в действии только два эти приема, то они не приведут к цели предуказанной. Человек — не мысль только и чувство, но паче дело. Он есть — приснодвижное, непрестанно действующее существо. Но всякое дело привлекает внимание и чувство. Действующий весь в деле бывает. Почему и ищущий Бога, по причине дел, без коих быть не может, неизбежно уклоняется от Бога мыслию, а за мыслию и чувством. Дела сводят его с неба на землю, или изводят из сокровенности в Боге в видимые соотношения: ибо дела наши все почти видимы, текут в ряду тварном, среди вещей чувственных. Отсюда следует, что если и дела человека не направить так, чтоб и они служили средством к удержанию жизни сокровенною в Боге; то и первые два приема будут оставаться бесплодными, или даже и сами в себе не могут быть совершаемы как должно. Дела непрестанно будут расстраивать — и дело изучения Писаний, и дело молитвы. Вот Апостол и учит в предложенных словах, как и дела обратить в средство к сокровению живота в Боге, — именно всё твори во имя Господа. Если так настроишься, то и от Господа не отойдешь ни мыслию, ни чувством. Ибо все творить во имя Господа — значит творить все во славу Его, в желании благоугодить Ему, верно исполнивши познанную волю Его даже в малом чем. А при этом члены тела, как

орудия, будут дело делать, а мысль и чувство будет обращено ко Господу с озабочением, как бы делаемое сделать благоугодно Господу, и так, чтоб оно послужило во славу Его.

И этот прием сильнее для предполагаемой цели, нежели два первые, и успех в этих зависит от успеха в том. Ибо они суть мысленного свойства. Мысленное же входит в сок и кровь чрез дело. Дело осаждает мыслимое внутрь естества человеческого. Когда делаемое дело освящается направлением его к Богу, то в делании его Божественный некий элемент входит во все силы и органы, участвующие в совершении его. Чем более таких дел, тем более Божественных элементов входит в естество человека. А потом они и все его наполняют; и становится таким образом все естество погруженным в Божественное, или сокровенным в Боге. По мере установления такого рода направления дел установляются прочнее и молитва с богомыслием и благопомышлениями. Они влияют на установление направления дел во славу Божию, а это направление, в воздаяние им, их самих упрочивает и успособляет.

Все делаемое нами Апостол обнял двумя терминами: *словом и делом*. Слова произносятся устами, дела творятся прочими членами. С пробуждения до заснутия то и другое в непрестанном употреблении. Речь у нас течет без умолку почти; и другие движения тела тоже не прекращаются.

Какая богатая Богу жертва, если все это направить во славу Божию?! Обращением слова во славу Божию изгоняется не худоречие только, но и пусторечие, и оставляется одно — что служит к созиданию братий, или, — крайний предел, — не служит на разорение их. К сему присовокупить следует и молитвословие. Равно обращением дел во славу Божию не худые только дела, по похоти и раздражению делаемые, устраняются: об этих и помина не должно быть между христианами; но указывается дух, в каком должны быть делаемы дела должные, позволительные и полезные. Этим изгоняется из круга деятельности всякое самоугодие и служение миру и злым обычаям его.

Творить все во имя Господа — значит все обращать во славу Его, стараться все делать так, чтоб оно угодно было Ему, с сознанием воли Его на то, и еще — всякое дело окружать молитвою к Нему, с молитвою начинать, молитвенно совершать и молитвою оканчивать, в начале прося благословения, в продолжении ища помощи, а в конце вознося благодарение, яко Совершителю в нас и чрез нас дела Своего. Святой Златоуст говорит: «если мы будем так поступать, то там, где призывается Христос, не найдется ничего мерзкого, ничего нечистого. Ешь ли, пьешь ли, женишься ли, отправляешься ли в путь, — все делай во имя Божие, то есть призывая Бога в помощь. Берись за дело, прежде всего помолившись

Богу. Хочешь ли что произнесть (словом)? предпоставь это. Ешь? благодари Бога с решимостию то же делать и после. Спишь? благодари Бога с решимостию то же делать и после. Идешь на площадь? то же делай. Да не будет ничего мирского, ничего житейского: все совершай во имя Господне, и все у тебя будет благоуспешно. Что ни запечатлеешь именем Божиим, все выйдет счастливо. Если оно изгоняет демонов, устраняет болезни; то тем паче облегчит совершение дел. Послушай, как Авраам во имя Божие посылал раба, Давид во имя Божие умертвил Голиафа. Дивно и велико имя Его! Потом опять Иаков, посылая детей (в Египет), говорит: *Бог же мой да даст вам благодать пред мужем* (тем, то есть Иосифом [см.: Быт. 43, 14]); ибо, кто делает это, тот помощником имеет Бога, без Которого не дерзает ничего делать, так как чествуемый призыванием Бог воздает честь дарованием благополучного хода делам. Призывай Сына, благодари Отца; ибо, призывая Сына, ты призываешь и Отца и, благодаря Отца, благодаришь Сына. Будем учиться исполнять это не одними словами, но и делами. Сему имени нет ничего равного: оно всегда дивно. *Миро излиянное*, говорит, *имя Твое* (ср.: Песн. 1, 2). И кто произнес оное, тот вдруг исполнился благоухания. *Никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Свя-*

тым (1 Кор. 12, 3). Столь многое совершается этим именем! Сим именем превращена вселенная, разрушено тиранство, попран диавол, отверзлись небеса. Но что я говорю — небеса? Сим именем возрождены мы, и если не оставляем его, то просияваем. Оно рождает и мучеников, и исповедников. Его должны мы держать, как великий дар, чтобы жить во славу (Богу), благоугождать Богу и сподобиться благ, обетованных любящим Его».

Здесь заповедует Апостол все творить *во имя Господа Иисуса Христа*, а в другом месте повелевает все творить *во славу Божию* (1 Кор. 10, 31). Это одно и то же: ибо Господь Иисус Христос есть Бог. Бог един есть. Воплощением Бога Сына никакого изменения не привнесено в тайну Триипостасного Бога, единого естеством. И воссоединение нас с Богом чрез воплощенное домостроительство совершается Богом триипостасно. Бог Отец благодатию Духа привлекает к Сыну; привлеченные же к Нему чрез Него, — и только чрез Него, — приходят ко Отцу. Так все в нас во имя Господа Иисуса, но нераздельно с Отцом и Духом. В молитве обращайся ко Господу Иисусу Христу, ибо Он — Спаситель наш, — но в помышлении не разлучая Его с Отцом и Духом. И дела все твори во имя Господа Иисуса, ибо без Него не можешь творити ничесоже; но не исключай при сем из мысли Отца и Духа. Равно, обраща-

ясь к Отцу и Духу, не умаляй при сем и не выводи из сознания и убеждения исключительной необходимости посредства воплощенного домостроительства.

На такое неразлучение в мысли Лиц Пресвятой Троицы и указал святой Павел, когда приложил: *благодаряще Бога и Отца Тем*. Творите все во имя Господа Иисуса, но ликом Его не заслоняйте лика Бога Отца; напротив, чрез Него возносите благодарение Богу Отцу, благоволившему устроить нам в Нем верное и несомненное спасение. Выше Апостол благодарение поставил в заповедь: *и благодарни бывайте*; а здесь поминание о нем делает он не с другою целию, как для того, чтобы предостеречь нас от погрешности — в помышлениях ликом Сына закрывать лик Бога Отца (и вместе Бога Духа Святаго). Бог Отец чрез воплощенного Сына простирает к нам объятия Отеческого благоволения Своего и тех, кои повергаются в сии объятия, приемлет чрез Сына. Все в нас от воплощенного Сына, но для того, чтоб чрез Него восходили мы ко Отцу. К Богу Отцу не смеем мы предстать, ни с прошением, ни с благодарением, одни сами по себе, помимо Сына Божия воплощенного; но и в Сыне суще, вместе с Ним сыновне должны возноситься ко Отцу. То и будет значить, что мы в Сыне, если сыновне благодарное сердце имеем ко Отцу.

Б) ЖИЗНЬ ХРИСТИАН В РАЗНЫХ ИХ ПОЛОЖЕНИЯХ
(3, 18—4, 6)

Положения, на кои обращает здесь внимание святой Павел, суть: а) семейное (3, 18—4, 1); б) церковное (4, 2—4); и: в) гражданское (4, 5—6); Не всего в сих положениях касается Апостол, а только главнейшего, или того, чего коснуться считал нужным по состоянию колоссян.

а) Жизнь христиан в семействе
(3, 18—4, 1)

На семейной жизни больше останавливается вниманием Апостол; потому что всякому приходится проводить жизнь преимущественно в семействе. Апостол входит в положение всех лиц, обычно входящих в состав семейства, и определяет правилами, как должны относиться друг к другу: аа) жена и муж (3, 18—19); бб) дети и родители (3, 20—21); вв) рабы и господа (3, 22—4, 1).

аа) Каковы должны быть отношения жены и мужа
(3, 18—19)

Глава 3, стихи 18—19. *Жены, повинуйтеся своим мужем, якоже подобает, о Господе. Мужие, любите жены ваша, и не огорчайтеся к ним.*

Женам повиновение, мужьям любовь предписывает. Цель слова — установить прочный мир и порядок в семье. Когда муж и жена согласны

в семье, все мирно и все течет наилучшим образом. Коль же скоро они разладят, в семье все пойдет вверх дном. Согласие же и мир между мужем и женою нарушаются, и разлад зарождается наипаче: со стороны жены — вследствие неповиновения, оказанного ею мужу, а со стороны мужа — вследствие нелюбия, проявленного им к жене. Муж не сомневается, что жена его есть его, ему предана и он обладает ею, пока не заметит со стороны ее какого-либо неповиновения, невнимания и непочтительности. Жена не сомневается, что муж ее есть ее, ей предан и она им обладает, пока последний не обнаружит как-нибудь холодности к ней и нелюбия. Что ни приказывай муж, она охотно все исполнит из любви к нему и из уверенности в его любви к себе; но, коль скоро проглянула в муже какая-либо черта нелюбия к ней, руки опустились и дела уже не так пойдут, как шли обычно. Предотвращая эти существенные причины разлада между мужем и женою, Апостол и внушает наипаче жене повиновение, а мужу любовь. Жена, любя мужа и уверенная в его любви, может иногда забыться и позволить себе нечто паче должного в отношении к мужу,— такое, что покажется неповиновением; а муж, в сознании своего преимущества и власти своей, может иногда так себя держать к жене, что это естественно покажется ей нелюбием. Чувства жены к мужу и мужа к жене очень нежны. Апостол

и предостерегает: смотрите, не расстройте мира; ты — жена, — не забывай повиновения и в его паче духе старайся действовать, а ты — муж, — не забывай любви и ее паче старайся держать и проявлять к жене. Мир и согласие никогда и не отыдут от вас, а с ними и благоденствие семейное.

Повиновение предписывает Апостол женам такое, какое подобает иметь им, яко христианкам; а таким оно будет, когда будет *о Господе*, то есть или для Господа, или в духе Его, или по заповеди Его. Повинуйтесь, жены, мужьям, чтоб Господу угодное делать, исполняя заповедь Его, и послужить во славу имени Его. Святой Златоуст говорит: «*повинуйтеся — о Господе*: вместо: повинуйтеся для Бога, так как это украшает, говорит, вас, а не их. Повиновение же я разумею не рабское, будто к господам, и не то, которое зависит от природы, но которое бывает для Бога». Жена естественно чувствует себя слабейшею пред мужем и по сему чувству повинуется ему. Так повсюду; в древности мужья это естественное подчинение обратили даже в закон, и жены были у них будто рабыни. Апостол говорит как бы: так прежде бывало, а теперь вы делайте то же уже *о Господе*, — «то есть как повелевает закон Господень» (блаженный Феодорит). «Не по человекоугодию и не с притворством, а в страхе Господнем» (Экумений). Может быть, и потому

прибавил Апостол: *о Господе*,— что как тогда многим женам приходилось оставаться в брачном союзе с неверующими, то, чтоб не пришло женам на мысль, что они по причине своего преимущества пред мужьями, какое давала им святая вера, могут отказываться от повиновения им, Апостол напоминает им: нет; вы все же должны повиноваться мужьям, и повиноваться вполне, как должно, переменив только дух повиновения,— повинуйтесь о Господе (см.: блаженный Феодорит).

Предписывая мужьям любовь, Апостол не прибавил: *о Господе*; ибо это само собою разумелось. В христианском браке ничего не должно быть чувственного, а все чисто, свято, трезвенно. Но счел нужным прибавить лишь: *не огорчайтеся к ним*, μὴ πικραίνεσθε πρὸς αὐτάς,— не будьте горьки для них, не проявляйте своей власти и своего главенства так, чтоб это горько было для жены, как ярмо и иго неудобоносимое, но самые повеления и распоряжения делайте так, чтоб они свидетельствовали о вашей любви и дышали ею. Не то, что приказывается, бывает иногда горько для жены, а то, в каком тоне это произносится, с какою миною или движением. Когда все это любовно, тогда любовь вызывает любовь и повиновение идет со всею охотою и благорасположением,— не по натиску совне, а по своему внутреннему хотению. Тогда незаметно исполняется

самая тяжелая на вид воля мужа; а когда нет любви, тогда и легкое желание мужа горько бывает и тяжело. – Или этим внушает Апостол мужьям быть снисходительными к женам, когда тем случается в чем-либо не угодить им. Ежели жена всегда старается делать, как желает муж, то мужу, когда заметит какое упущение или недосмотр, умнее не обратить на это внимание, как бы ничего не случилось, и, если необходимо бывает заметить, делать это так, чтоб жена и не заметила, что делается замечание, а что только идет рассуждение о лучшем порядке дел, в которое и она входит и свои суждения предлагает. – Не имел ли в виду святой Павел также и естественных некоторых недостатков в женах, кои, оказавшись, раздражают иногда мужей в минуты забвения и дают им повод нападать из-за них на жен и огорчать их тем. Если и произвольная ошибка достойна снисхождения, тем более достойно снисхождения то, что не зависит от произвола.

Святой Златоуст такое выводит из слов Апостола наставление: «итак, любить есть дело мужей, а уступать – дело жен. Посему, если всякий будет исполнять свой долг, то все будет твердо; ибо, видя себя любимою, жена бывает дружелюбна, а встречая повиновение, муж бывает кроток. Смотри, так устроено это и в природе, чтобы муж любил, а жена была послушна; ибо, когда начальствующий любит подначального, тогда все

ладно. Любовь не столько требуется от подначального, сколько от начальствующего к подначальному; ибо от подначального требуется послушание. Да и то, что красота — в жене, а пожелание — в муже, показывает не иное что, как устроение для любви. Посему, когда подчиняется жена, не величайся; и ты, жена, когда тебя любит муж, не надмевайся: ни любление мужево да не возбуждает превозношения в жене, ни подчинение жены да не надмевает мужа. Бог подчинил ее тебе для того, чтобы она была более любима; а любить тебя, жена, внушил Он мужу для того, чтобы лучше было тебе подчиняться. Не бойся подчинения; ибо подчиняться любящему нисколько не трудно. Не охладевай в любви (ты — муж); ибо жена твоя уступчива пред тобою. Союз не иначе возможен. Ты имеешь нужную власть по природе; имей же и союз по любви. Сей союз позволяет терпеть слабейшую».

бб) Каковы должны быть отношения детей и родителей
(3, 20—21)

Стихи 20—21. *Чада, послушайте родителей своих во всем: сие бо угодно есть Господеви. Отцы, не раздражайте чад ваших, да не унывают.*

Детям — послушание родителям; родителям — нераздражение чад. Очевидно, что Апостол не все и здесь определяет, как и в предыдущем, а устраняет только то, чем наиболее расстраиваются

добрые отношения родителей и детей. Родители естественно всею душою радеют о детях, и дети всею душою преданы бывают родителям. На сих чувствах опираясь, взаимные отношения их текут мирно и не нарушаются, пока те чувства в силе. Пока дети во всем послушны, родители мирны к ним и бывают покойны насчет них; но, коль скоро оказываться начнет непослушание, родительские очи уже нелюбовно смотрят на детей и сердце их немирно к ним. Это не замедлит отразиться и в сердце детей, — и разлад зародился. Равно, пока родители ведут детей в духе любви, дети почивают на их любви, и, что бы ни приказывали, что бы ни запрещали родители, все то принимается к исполнению с теплою готовностию, по уверенности, что распоряжения родителей делаются исключительно для их блага. Пока в силе эта уверенность, — ни укоры, ни меры исправления, ни другое что не колеблет теплой преданности родителям. Но коль скоро дети увидят, что родители приказывают и запрещают, только чтоб показать власть свою, то это тотчас поселяет в них неприятное чувство, огорчает, раздражает, хотя бы запрещенное или приказанное не нарушало прямо их собственного блага. Вследствие сего мирное, сердечное отношение к родителям у детей расстраивается, и между ними воздвигается средостение: детям становится тяжело жить под родителями, они унывают. Мира семейного и

нет. — Апостол и предотвращает это, предписывая детям всегдашнее послушание, а родителям нераздражение чад.

К каждой из сих заповедей прилагает он и особые побуждения. Для удержания детей в полном всегдашнем послушании поставляет побуждением то, что это *благоугодно есть Господеви*. Дети предполагаются состоящими в страхе Божием и ревнующими паче всего благоугождать Господу, как и подобает детям христианских родителей. Апостол уверен, что благоугождать Господу дороже для них всяких естественных побуждений. Повиновение, основанное на естественном чувстве, не так прочно, как то, которое основано на желании благоугождать Господу. Там — приди какое-либо противочувствие, тоже на естестве основанное (как, например, раздражение по чувству самосохранения и ревности о своем благобытии), и повиновение теряет уже основу. А здесь — что ни привзойди, повиновение никогда не потеряет своей основы; ибо основано на том, что выше естества. Святой Златоуст и говорит: «смотри, как хочет, чтобы мы все делали не по одной природе, но, сверх того, и по воле Божией, да получим награду (от Бога)». Кто из благоугождения Господу повинуется родителям, того не отклонит от сего повиновения самый неправый образ действования родителей в отношении к нему: ибо он, повинуясь, не им угождать

старается, а Господу. Отсюда само собою следует, что только то и может поставить такого в необходимость не послушаться, когда родителями требуется что неблагоугодное Господу. Блаженный Феофилакт и пишет: «обращая речь к детям благочестивых родителей (то есть верующих в Господа), Апостол сказал: *во всем*, так как отцам нечестивым (не верующим в Господа) не во всем должно повиноваться; не должно их слушаться, когда они начнут насильно влечь в свое нечестие».

Обращаясь к родителям, Апостол «не сказал: любите детей; ибо это было бы излишнее слово; к этому влечет сама природа» (святой Златоуст). Слово Божие так высоко ставит любовь родительскую, что везде ею объясняет любовь к нам Божию. «Нигде не предлагает оно (в пояснение сего) примера (любви) мужа и жены, но что? Послушай, что говорит Пророк: *якоже щедрит отец сыны, ущедри Господь боящихся Его* (Пс. 102, 13). Посмотри опять, что говорит и Христос Господь: *кто есть от вас человек, егоже аще воспросит сын его хлеба, еда камень подаст ему? Или аще рыбы просит, еда змию подаст ему?* (Мф. 7, 9—10)» (святой Златоуст). Почему, когда повелевает: *не раздражайте*, — не предполагает отсутствия любви, а устраняет неблагоразумное действование в отношении к детям, при любви и даже по самой любви. Он

говорит как бы: образом ваших действий на детей опасайтесь возбуждать в них неприятные к вам чувства, могущие отдалить сердца их от вас. Или: образом ваших действий не поставляйте детей в состояние вступать с вами в спор, пререкание и даже неповиновение. «Не делайте их пререкателями. Есть случаи, в которых вы должны уступать им» (святой Златоуст). «Не все, что они делают, преследуйте с горечью. Иное надо пропускать без внимания, чтоб не сделать их противоречивыми» (блаженный Феофилакт). И не это только, но, «что прилично, делать и в их угождение» (блаженный Феодорит). Не поблажку советует, а благоразумное снисхождение, умеряющее, однако ж, необходимую строгость, а не устраняющее.

Чтоб расположить родителей к таком образу действования, Апостол ставит побуждением к нему: *да не унывают*, ἵνα μὴ ἀθυμῶσιν, — чтоб дети не падали духом, не ходили повеся голову. «Что особенно чувствительно для отцов, то и полагает. Этим возбуждает он родительское чувство и смягчает сердце их» (святой Златоуст). «Смотри, какая мудрость; как преклоняет он сердце родителей и как влечет утробы их! Ибо вся забота у отцов о том, чтоб дети не унывали» (блаженный Феофилакт). Детей оградил от непослушания страхом Божиим и их ревностию о благоугождении Господу; а «родителям преподает повеление

дружелюбно сам, не приводя им на память Бога» (святой Златоуст). Почему бы так? Потому что и видя, что раздражают чад, они могут думать, что не идут против воли Божией. Но, видя, что дети унывают и ходят повеся голову, не могут не подвигнуться родительским сердцем построже вникнуть в дело и, рассмотрев свой образ действования, так его потом наладить, чтоб дети перестали унывать.

вв) Каковы должны быть отношения слуг и господ (3, 22—4, 1)

Как должны держать себя и как действовать рабы, об этом святой Павел говорит более, чем о должном действовании других членов семейства. Это потому, что их положение было тяжелее и мрачнее всех других; почему следовало осветить его христианскими воззрениями на дело их работы и их укрепить утешительными обетованиями.

Глава 3, стих 22. *Раби, послушайте по всему плотских господий ваших, не пред очима точию работающе аки человекоугодницы, но в простоте сердца, боящеся Бога.*

Рабы тогда были купленные и состояли в полной власти господ, не обладая никакими правами. Ими распоряжались, как вещами. Забитые, они несли молча иго, не гадая о положении более светлом. Но христианство открывало им очи и давало не только познать, но и ощутить нечто

лучшее. От этого их положение могло сделаться более несносным, особенно когда господа оставались в языческом нечестии и не были причастны ни той светлой и все освещающей веры, ни тех освятительных действий благодати, ни тех обетований, каких стали причастны рабы. Естественно было прийти им к вопросу, не освобождает ли их это духовное их преимущество пред господами, — а если и господа были верующие, то равенство с ними — от власти их и от повиновения им. Апостол и пишет им: нет; *повинуйтеся*. Вы приняли нечто лучшее в духе; тело же ваше осталось во власти господ. И *повинуйтеся плотским господам вашим*. Причем не только не облегчает, но как будто отяжеляет иго рабства, говоря: *не пред очами точию работающе*.

Рабы-язычники, исправные на глазах господ, не считали грехом за глазами их действовать не по воле их и даже не в пользу их. Апостол говорит: каковы вы на глазах, таковы будьте и за глазами. Ибо так действуют человекоугодники. А о человекоугодниках «послушайте, что говорит Пророк: *разсыпа кости человекоугодников* (Пс. 52, 6). Почему, если будете пред очами только работать, будете действовать во вред себе» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт). Работайте *в простоте сердца*, — держа на сердце, что вы рабы, не раздвоенною мыслию и не раздвоенным чувством работайте господам, всюду и во всем

пользы их соблюдая. «Ибо иметь одно в сердце, а другое делать, иным казаться в присутствии господина, и иным в отсутствии, — это не простота, а притворство» (святой Златоуст). Оттого и тяжело рабство, что сердце не вложено в дела работные. Дела сии при таком настроении бывают как чуждое нечто, игом, совне належащим. А если вложить в них сердце, то они будут твоими делами, из твоего сердца исходящими. Чтоб тебе оградить свое сердце от всяких колебаний и уклонений от такого строя, восприими страх Божий, работай, *Бога бояся*. «Сделай, чтоб работа, обязательная для тебя по закону, шла у тебя по страху Божию. Тогда, — пусть не видит тебя господин твой, ты будешь делать должное и относящееся к чести и пользе его, ради недремлющего ока Божия» (святой Златоуст). Сие недремлющее око, тобою сознаваемое, будет стражем твоей сердечной исполнительности по долгу рабства и будет освещать твою работу некиим светом, свыше сходящим, и освящать ее посвящением ее Богу; так что работа твоя перестанет быть работою человекам, но будет воистину работою Богу. Ты сам будешь сознавать ее такою и усердствовать станешь в ней, как, имея страх Божий, усердствуешь угождать Богу. Это само собою следовало из: *боящеся Бога*. Но Апостол счел нужным и особым словом осенить рабскую работу этим Божественным освещением, говоря:

Стих 23. *И всяко, еже аще что творите, от души делайте, якоже Господу, а не человеком.*

Что могло особенно смущать рабов-христиан, это — что они дали обязательство работать Господу, а тут на руках неизбежная работа человекам, и опять — они все цели свои перенесли с Господом от временного к вечному, а тут работа вся обращена на временное, преходящее и тленное. Апостол устраняет эти оба, естественно возможные, смутительные помышления: первое — в настоящем стихе, а второе — в следующем. Работая господам, не думайте, что работаете человекам, а Господу, и это — какого бы предмета ни касалась ваша работа. Почему все, что ни приходится вам делать, делайте от души, как Господу, Коему посвящена вся жизнь ваша. Апостол не объясняет, как дойти до убеждения, что даже исполнение, например, такого приказания: сбегай туда-то, принеси то-то — есть делание для Господа; но прописывает закон: так делай, как для Господа. Подразумевается не только то, что тогда делаемое тобою будет и принято таким от Господа, но что оно и в существе таково. До убеждения в том и другом можно дойти, в первом — тем, что цена, сила и значение такого рода дел определяется чрез то, с какою душою и в каком смысле они творятся, а во втором — возношением ума к промыслительным Божиим определениям участи каждого, по коим все существенное в сей

участи запечатлевается волею Божиею, та̂к что верность тому есть верность Богу и служение в том — служение Ему. Но Апостол не входит в сии разъяснения, а пишет закон: все делай от души, как Господу, а не человекам. И будешь верно исполнять данный тобою в крещении обет: Господу вседушно быть предану и Ему единому угождать.

Можно подумать, что сила мысли Апостола лежит на: *от души*, — а не на: *яко Господу*. Но в духе христианина оба эти момента дела неразлучны. Не может он действовать от души иначе, как действуя для Господа: ибо душа его Ему предана. Впрочем, и то вероятно, что Апостол хотел поруководить их к тому, как им, оставаясь рабами и в рабской работе, быть свободно-действующими. В таком случае сила мысли будет в: *от души*, — а: *яко Господу* — ее основа и опора. Работая от души, вы будете работать не как рабы, по необходимости и принуждению, а как свободные по своей воле. Святой Златоуст говорит: «чрез это Апостол делает их, вместо рабов, свободными. Ибо *от души* — значит: с благорасположением, не с рабскою необходимостию, а с свободою и самоохотным произволением».

Стих 24. *Ведяще, яко от Господа приимете воздаяние достояния: Господу бо Христу работаете.*

И вообще рабов купленных естественно смущает и подсекает у них всякую энергию мысль:

из-за чего мне себя изнурять работою: все им, мне ничего. А в христианине не это эгоистическое, напротив, существенно христианское, отрешенное от всякой самости, помышление могло наводить смущение: мне следует вышних искать, горняя мудрствовать; а тут заставляют работать суете и тлению. Апостол утешает его: не смущайся; работая, как ты говоришь, суете и тлению, ты ничего не теряешь в небесном и нетленном; напротив, его именно и стяжеваешь. Только не отступай от того строя сердца, чтоб, работая господам, Господу работать. Будешь так Господу работать, — от Господа приимешь и воздаяние, именно то вышнее и горнее, которого искать считаешь себя обязанным. И это вернее всяких других воздаяний, какие можешь ты ожидать, по течению земных вещей, не говоря уже о том, что это высоко и не сравнимо ни с чем земным. Ибо Господь неложен в словах и обетованиях Своих. Таким образом твоя рабская работа будет не отдалять тебя от твоих высших духовных целей, а напротив, служить прямою к ним дорогою. Господу бо Христу работаешь. А Он сказал: где Я, там и слуга Мой будет.

Ведяще — быв убеждены. На чем держится такое убеждение? На том, что Господу Христу работаете. Почему несправедливо стали переводить: Христу Господу работайте? Это уже сказано. Теперь сказанное пред сим в слове: *яко*

Господу – полагается в основание неложности упования, что приимется воздаяние. Слова: *приимете воздаяние достояния*, τῆς κληρονομίας, – наследия, – шли прямо на рану горького рабства. Работают-работают; а ни им, ни их семье и потомству ничего не достается. Апостол и говорит им: если будете работать, как заповедую вам, *яко Господу*, то Господь даст вам в наследие блага высшие тех, каких наследниками могли бы вас сделать господа. У Господа уж вы наследники, уже часть наследия вашего отложена для вас и за вами зачислена: ибо вы Господу работаете, а Он не оставляет рабов Своих тщими*. Блаженный Феофилакт пишет: «господа не часто делают рабов наследниками, хотя бы они безмерно хорошо служили им. Но Господь несомненно даст вам в воздаяние наследие на небесах, если будете хранить благорасположение к господам».

Но хорошо хранить благорасположение к господам, когда они справедливы; а если несправедливы, как тут удержаться в пределах душевного им работания? Да не смущает вас, говорит Апостол далее, эта несправедливость. Есть Судия, Который в свое время всем воздаст должное. У Него нет лицеприятия; не поблажит и господам, как бы они велики ни были.

Стих 25. *А обидяй восприимет, еже обиде: и несть лица обиновения.*

---

* *Тщими* – здесь: без вознаграждения. – *Ред.*

«Достаточное предложил Апостол для рабов утешение, дав знать, что они служат не людям, а Господу. Поелику же господами бывают и люди несправедливые, то Апостол по необходимости присовокупил: *а обидяй восприимет* и прочее. Если господа, говорит, и не воздают вам за служение добром; то есть праведный Судия, Который не различает ни раба, ни господина, но произносит справедливое определение» (блаженный Феодорит). Это общее утешение для всех, терпящих напраслину. Есть Око, видящее неправую сторону, которой и воздано будет в свое время по мере неправды ее. Цель же жизни нашей не здешнее благобытие, а вечное блаженство, в стяжании которого не малую имеет часть и терпение напраслин и несправедливостей. Итак, не смотри на неправды людские; делай свое дело, всем стараясь благоугождать Господу и благодушно все перенося. Такое внушение совершенно сообразно с течением речи Апостола и в большое должно было послужить утешение рабам, которых участь была тогда очень горька и бесправность всестороння.

Но можно слова Апостола понимать и так, что в них дается не утешение рабам, на случай несправедливости к ним господ, а угроза рабам на случай неправого их действования в отношении к господам. Сказал Апостол впереди, что приимете воздаяние наследия, если усердно будете

работать господам, как Господу. Теперь то же берет с противоположности: а если будете вы худо работать господам, нарушать права их на вас и допускать в отношении к ним неправость, то вам воздано будет по вашей неправде. Господь не посмотрит, что вы верные, а те неверные или что вы — слабая сторона, а те — сильная. Но воздаст все по правде: ибо нет у Него на лица зрения. Так все другие наши толковники, кроме блаженного Феодорита. Впрочем, изложив такую мысль, они в конце прилагают дополнение, что слова сии одинаково внушительны и для господ. Приводим за всех слова блаженного Феофилакта: «раб, неправо действующий в отношении к господину своему (ὁ δὲ ἀδικῶν), или тем, что нерадиво работает, или тем, что ущербляет и похищает господское добро, должное от Бога получит воздаяние (наказанием). Ибо нелицеприятлив Бог, чтоб помиловать раба, как слабейшую часть, когда и в законе Он повелел не миловать бедного на суде (см.: Лев. 19, 15). Или так: раб-христианин, онеправдывающий господина-еллина, пусть не думает, что избежит осуждения. Ибо нелицеприятлив Христос, чтоб грех его против господина-еллина оставить ему потому только, что он христианин. — Впрочем, хотя, как кажется, к рабам говорит Апостол: нет на лица зрения у Бога; но господа должны принимать сии слова, как очень подходящие к ним».

Глава 4, стих 1. *Господие, правду и уравнение рабом подавайте, ведяще, яко и вы имате Господа на небесех.*

Образ действования господ в отношении к рабам определяет Апостол словами: *правду и уравнение подавайте.* – *Уравнение* не означает того, чтоб господа нисходили до уровня рабов или их поднимали до уровня с собою; не означает и того, чтоб одинаково относиться ко всем рабам; но обязывает господ действовать в отношении к рабам в уровень с их состоянием, яко рабов, и с их работою и трудами. Слово это однозначительно с справедливостию. «*Уравнением* назвал Апостол, пишет блаженный Феодорит, не равночестность, но надлежащее попечение, каким и слугам надлежит пользоваться от господ». «Что есть правда? Что — уравнение?» — спрашивает святой Златоуст и отвечает: одно и то же, именно: «доставлять рабам все в достаточном количестве и не допускать, чтоб они с нуждами своими обращались к другим, но вознаграждать их за труды. Не следует тебе, поелику я сказал, что они от Бога имеют награду, думать, что тебе позволительно лишать их того, что должно идти на них от тебя» (то же и блаженный Феофилакт).

В поощрение к такому действованию для господ Апостол выставляет то, что и они имеют Господа на небесах, – подразумевается, – и пра-

ведного мздовоздаятеля. Позволяют себе неправости господа в отношении к рабам наиболее по ложному чувству полной своей независимости: кто мне указ? и действуют безуказно. Апостол подсекает их смелость, уверяя, что они не независимы, имеют и сами Господа, пред Коим ответны и Который потребует от них отчета в делах (как они требуют его от слуг, — в их делах), между прочим, и в отношении к рабам. Так вы с рабами, по отчетности и зависимости, равны. «И вы, говорит, то есть и вы с ними. Здесь рабство Апостол делает общим» (святой Златоуст). «Почему вам следует относиться к ним, как к сорабам. Как они вас, так и вы имеете Господа. Итак, *в нюже меру мерите, возмерится вам* (Мф. 7, 2)» (блаженный Феофилакт).

б) Жизнь христиан церковная
(4, 2—4)

Не всего, сюда относящегося, касается святой Павел, а только главнейшего, — именно молитвы. Церковь — символ молитвы. Собираются христиане преимущественно, чтоб вместе помолиться. Сами они составляют тело Церкви; а душа их есть молитва. О ней одной и поминает Апостол, когда помянуть о другом чем не требовалось.

Глава 4, стих 2. *В молитве терпите, бодрствующе в ней со благодарением.*

О молитве частной каждого лица особо уже говорилось (см.: 3, 16). Здесь разуметь надобно

общественную молитву, хотя то, что говорится здесь, может быть применено и к частной каждого молитве, равно как и сказанное в прежнем месте о частной молитве может быть применено к общей.

Когда заповедует терпеть в молитве, вместе внушает, что молитва должна быть не коротка. *В молитве терпите* — то же есть, что: молитесь много и долго. Короткая молитва не дает места упражнению и проявлению терпения. Долгая же рождает утомление и по причине утомления желание, чтоб она поскорее кончилась, или желание выйти из собрания церковного. Апостол пишет: терпи до конца и не поблажай разленению.

Когда терпение слабеет, нападает, с одной стороны, разленение и дремота или сонливость, с другой — бодренность духа отходит, рассеивается внимание, мысли разбредаются. Апостол пишет: *бодры будьте,* — держите и дух бодрым, и тело не дремлющим, и тело, и дух да пребывают в постоянном напряжении во все время молитвы. Распусти члены тела, распусти мысли, — молитвы уже нет, будешь стоять как столп и кивать головою, как кукла. Бодренность указывает на живодвижность молитвы — сильное и теплое устремление ума и сердца к Богу. Очень недивно, что этим словом указывает Апостол на всенощные бдения, которые в Церкви начались с апостольских времен; чему пример показал сам святой

Павел, всю ночь проведший с верными в поучении и молитве в Троаде.

С благодарением, ἐν εὐχαριστίᾳ. — Εὐχαριστία означает удовольствие и приятность, — означает и благодарение. Первоначальное значение его есть первое. Потому можно полагать, что Апостол в настоящем месте его имел во внимании. И по ходу речи оно очень пригодно здесь. Чувство утомления прогнал Апостол терпением, позыв на послабление и разленение — бодренностию и напряжением. Но можно и терпеть, и в напряжении себя держать, — и в то же время быть недовольну таким трудом, выдерживать его с некоторою ропотливостию. Такого рода помысел или чувство отнимает всю цену пред Богом терпения и бодрствования в молитве. Как в милостыне доброхотна дателя любит Бог; так в молитве любит того только, кто терпеливо бодрствует в ней с удовольствием сердечным, рад бывает стоять на молитве, сколько бы она ни длилась.

Предлагается такое понимание, как мнение; ибо толковники все, и наши и чужие, разумеют под: εὐχαριστία — благодарение. Благодарение должно украшать всякую молитву. Без него и приступать не следует к Господу: ибо нечувствительность к благодеяниям полученным преграждает путь к получению новых, сокращая благодеющую десницу Господню. Почему в составе

наших молитв неотложно занимает свое место и благодарение. Святитель Василий Великий учит им начинать всякую молитву. По сему значению благодарения в молитве уместно полагать, что и в настоящем месте Апостол, говоря о молитве, его разумеет под: εὐχαριστία.

Приведем, что сказали наши толковники. Блаженный Феофилакт пишет: «знает диавол, сколь великое благо есть молитва, и всячески покушается сделать, чтоб мы от нее отскакивали. Почему говорит святой Павел: *в молитве терпите* (προσκαρτερεῖτε — приседите ей, корпите над нею). Поелику же приседящий (молитве) часто подвергается нападению со стороны разленения и расслабления, то прибавил: *бодрствуйте в ней*, — то есть трезвенствуя, всегда напряженными пребывая в деле молитвы. Но и в благодарении, то есть с благодарением творить ее учит. Ибо та молитва и бывает истинною, которая содержит благодарение за все благодеяния, ведомые нам и неведомые, и за то, что приносило нам благобытие и радость, и за то, что сопровождалось скорбию, — о всех вообще благодеяниях». Святой Златоуст говорит: «так как терпение в молитвах часто наводит скуку и разленение, то говорит: *бодрствующе*, — то есть трезвенствуя, не влаясь* (мыслями туда и сюда). Ибо знает диавол, знает,

* *Не влаясь* — не волнуясь, не обуреваясь, не колеблясь. — *Ред.*

сколь великое благо — молитва, и потому тяжело налегает на молящегося. Знает и Павел, как соскучиваются и разлениваются многие во время молитвы, и потому говорит: *терпите в молитве*, как в чем-то притрудном*. *Бодрствующе в ней со благодарением*. Да будет, говорит, вашим делом благодарить — за явные и неявные благодеяния, за то, что во благо нам сотворил Он и согласно желанию нашему, и несогласно с оным, и за Царство, и за геенну, и за скорбь, и за утешение. Так обычно молиться святым, благодаря (в молитве Бога) за все всем благодеяния. Знаю я одного святого мужа, который так молился. Ничего не сказавши прежде, он прямо начинал: "благодарим за все Твои благодеяния, оказанные нам, недостойным, с первого дня до настоящего, ведомые и неведомые, явные и неявные, делом бывшие и словом, согласно воле нашей и в противность ей, — за все, бывшие к нам, недостойным, за скорби, за утешения, за геенну, за муки, за Царство Небесное. Умоляем Тебя, сохрани душу нашу святою, имеющею чистую совесть, и конец (нам даруй), достойный Твоего человеколюбия. Возлюбивший нас, яко и Сына Своего Единородного дати за нас, сподоби нас быть достойными любви Твоей. Даждь нам в слове Твоем мудрость, и в страхе Твоем, Единородный Христе, вдохни в нас силу Твою. Давший за нас Единородного

* *Притрудном* — утомительном. — *Ред.*

Сына Твоего и Духа Твоего Святаго ниспославший во оставление грехов наших, если в чем вольно или невольно согрешили мы, прости и не вмени. Помяни всех призывающих имя Твое во истине. Помяни всех хотящих нам добра и недобра; ибо все мы человеки". Потом, приложив молитву верных, так оканчивал, сотворив молитву за всех, как корону некую и сокращение всего. Многое Бог делает во благо нам, хотя мы и не ищем того; многое такое, о чем и не знаем (что оно благо для нас), и такого гораздо более. Ибо когда мы просим одного, а Он делает противное тому (и это бывает благо для нас), то явно, что Он благодеет нам, не ведающим (что благо для нас)».

Стих 3. *Молящеся и о нас вкупе, да Бог отверзет нам двери слова, проглаголати тайну Христову, еяже ради и связан есмь.*

Молящеся и о нас – вместе с другими предметами молитвы, как-то: о духовном просвещении, о преумножении благодати, о постоянстве в добре, о мире, благоденствии и прочем, молитесь *и о нас*. О ком – о нас? Полагают, что Апостол разумел при сем не себя только, но и Тимофея и даже Епафраса; но как тотчас же он начинает говорить о своем только лице, то лучше положить, что, говоря: *нас* и *нам*, – Апостол разумел себя одного. Говоря: *и о нас вкупе*, – не то внушает, что молитва о нем, устроителе просвещения

их верою, есть придаток к молитве, оставляемый на произвол, который потому можно и пропускать; но напоминает им о долге всегда молиться о породившем их словом истины для жизни по Богу. Мысль его такая: смотрите, не забывайте молиться и о нас. Этим он утверждает долг духовных чад молиться о духовных отцах своих.

Но, приглашая их молиться о себе, Апостол не слово приличия употребляет и не одно смирение свое обнаруживает, а выражает уверенность, что их молитва сильна пред Богом и яко верующих, и тем паче яко молящихся общею молитвою. Такие обетования Сам Господь дал молитве верующих: *вся елика аще воспросите в молитве, верующе, приимете* (ср.: Мф. 21, 22). *Аще будете во Мне, и глаголы Мои в вас пребудут, егоже аще хощете, просите, и будет вам* (ср.: Ин. 15, 7). *Вся елика аще молящеся просите, веруйте, яко приемлете: и будет вам* (Мк. 11, 24). *Аминь глаголю вам: яко аще два от вас совещаета на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, иже на Небесех. Идеже бо еста два, или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (ср.: Мф. 18, 19—20). Таким преимуществом наделяется всякий верующий, и тем паче облекается им общество верующих, к коему обращается здесь святой Павел. Этим словом он утверждает силу общецерковной молитвы, доставляя вместе с тем и немалое утешение колоссянам,

приводя им на мысль, что они не заделены* и этим преимуществом верующих в Господа. Блаженный Феофилакт пишет: «просит их молиться о себе, не только смиренномудрствуя, но и показывая силу братской молитвы. И Он имел нужду в помощи свыше, каковую в большей мере имела ему доставить молитва братий. Этим же словом Апостол хотел ввести их в труд молитвенный. Ибо, ежели о нем нужна молитва, тем паче — о них самих».

Прибавим, что, если он чувствовал нужду прибегнуть к общебратской молитве верных, кто осмелится быть столько самонадеян, чтоб мечтал обойтись без помощи братской молитвы, оставаясь с одною своею? Апостол делом выразил здесь долг христиан и молиться друг о друге, и просить друг у друга молитвы. Блаженный Феодорит пишет: «Апостол показал обычное смиренномудрие; но учит и нас не полагаться на себя самих, а искать взаимной друг у друга помощи».

Да Бог отверзет нам двери слова. Отверстие двери для слова означает беспрепятственность проповеди, чтоб никто не мешал и не заграждал уст проповедника. Апостол желает, чтоб они вымолили ему у Господа свободный всюду вход и свободное проповедание слова (см.: святой Златоуст: εἴσοδον καὶ παρρησίαν). Но может быть,

* *Не заделены* — здесь: не обделены. — *Ред.*

этим выразил он желание и того, чтоб слово его всюду получало свободный вход в сердца: да отверзается всюду ухо для слышания и сердце для приятия слова. На такое отверзение двери для слова указывает Апостол, когда говорит об успехе своей проповеди в Троаде. Там он предлагал благовестие *двери отверзене бывшей* (ср.: 2 Кор. 2, 12), — что означает: стекалось множество народа и все охотно слушали слово. Неверие слышащих вяжет язык проповедающего. Об устранении этой неприятности и просит помолиться Апостол. Иначе как проглаголати тайну Христову? Не потому ли и в Церкви об обращаемых к вере молятся верующие: да огласит их Господь словом истины и откроет Евангелие правды? Открытие здесь разумеется для очей ума и сердца.

Проглаголати тайну Христову. Не о свободе от уз молиться просит (см.: святой Златоуст и другие), но о том, чтоб слово о тайне Христовой шло и шло от него, все гласнее и гласнее, привлекая все большее и большее число слышащих и усердно принимающих слово сие; а в узах ли быть ему при сем или на свободе, об этом он не заботится. Одна у него, не отходящая от сердца забота, — чтоб слово о тайне Христовой распространялось; все прочее не занимает его. Как Послание писано в начале уз в Риме, то можно с

уверенностию полагать, что речь его здесь об успехах благовестия среди римлян.

Какую *тайну Христову* имеет в мысли Апостол? Не тайну только вообще спасения в воплотившемся Сыне Божием и Боге, но паче тайну призвания языков в духовное наследие великих праотцев и составления из иудеев и язычников единой Церкви Божией,назданной на Господе Спасителе. Он уже поминал об ней выше (см.: 1, 26), называя ее *тайною, сокровенною от век и от родов*. За сию тайну преимущественно и связан святой Павел. В Иерусалиме связали его за то, что разоряет отеческие законы, то есть проповедует свободу от подзаконных уставов и с иудеями на одной линии ставит и язычников. Не будь этого, не было бы и такого яростного ожесточения против него иудеев, не было бы, может быть, и уз сих. Почему, говоря: *еяже ради связан есть*, конечно, он разумел ту тайну, о коей всюду говорит, что она ему вверена, именно: *яко быти языком снаследником и стелесником и спричастником обетования Божия о Христе Иисусе* (ср.: Еф. 3, 6).

Стих 4. *Да явлю ю, якоже подобает ми глаголати.*

Можно так: *связан, да явлю ю*. Слово о тайне той стало громче, когда связали за нее святого Павла. На вопросы: за что это, за что связали его? — всюду расходился и слышался ответ: за

то, что язычникам спасение возвещает наравне с иудеями. Тайна таким образом являема была самыми узами. Апостол «указал на причину своих уз; ибо говорит: они делают проповедь более явною» (блаженный Феодорит). Святой Златоуст говорит: «видишь ли, узы проявляют, а не скрывают. К нему, связанному, относились от всех Церквей, и он, связанный, назидал тысячи христиан. Тогда скорее был он разрешен от уз (чем связан). Он был в узах; но тогда течение его было тем быстрее».

Или так: молитесь, чтоб Бог отверз мне дверь проглаголать тайну Христову, да явлю ю, якоже подобает ми глаголати. Просит молиться об устранении всех препятствий являть тайну Христову, как ему подобает. А ему подобает говорить о ней так, как ему повелено, то есть все направляя к тому, чтобы разорить средостение, разделяющее иудеев и язычников, и из тех и других составить Церковь, свободную от внешней подзаконности, но чистую и непорочную, духом Господу служащую. Вот с какой преимущественно стороны подобает ему являть тайну Христову, тайну спасения в Нем всего человечества. Под: *якоже подобает* — можно разуметь и качество проповедания,— то есть «с великим дерзновением, ничего не утаивая» (святой Златоуст), «без притворства и уверток» (блаженный Феофилакт), открыто,

гласно, ничего не боясь говорить о спасении язычников наравне с иудеями.

в) Жизнь христиан гражданская
(4, 5—6)

Гражданская жизнь тогда была языческая. Выходя из церкви или дома, христианин неизбежно вступал в сношения с неверными, которых Апостол называет внешними, — такими, кои вне общества верных. Эту встречу и имеет в мысли святой Павел, определяя общественные отношения тогдашних христиан. В других Посланиях он полнее входит в этот предмет, а здесь только на один показанный пункт обращает внимание.

Глава 4, стих 5. *В премудрости ходите ко внешним, время искупующе.*

Ко внешним, — то есть «к не уверовавшим еще» (блаженный Феодорит). «Ибо таковые вне суть, то есть не свои нам, не одного с нами двора; хотя в том же с нами мире живут, однако ж вне суть, как сущие далеко и от Церкви, и от Царствия Божия» (блаженный Феофилакт). И в том смысле можно почитать их внешними, что, как ни мудры бывают сущие вне общения со Христом Господом, жизнь их существенно есть внешняя; тогда как жизнь к Господу прилепившихся вся существенно есть внутренняя, в сердце созидающаяся и растущая. Она образует потаенного в сердце человека.

Премудрость хождения к таковым есть благоразумное с ними сообращение, когда, по порядкам общественной и гражданской жизни, необходимо бывает входить с ними в сношения. «Премудростию называет здесь Апостол благоразумие и заповедует благоразумно держать себя в отношении к внешним» (блаженный Феофилакт).

В чем должно состоять такое благоразумие, указывается словами: *время искупующе*. Искупать время — значит действовать благоразумно, соображаясь с обстоятельствами и требованиями времени. Прямее можно это выразить так: действуй всяк так, чтоб, с одной стороны, образом своего действования не раздражить против себя язычников, а чрез себя и против всего общества христианского; а с другой — не пропустить случая привлечь к вере показывающих предрасположение к ней, могущих уверовать. «Не давайте им, говорит Апостол, никакого повода ко вреду (себе и Церкви), но употребляйте все меры к их спасению» (блаженный Феодорит).

Святой Златоуст говорит: «то, что Христос говорил ученикам, внушает теперь и апостол Павел. Что же говорит Христос? *Се Аз посылаю вас яко овцы посреде волков: будите убо мудри яко змия, и цели, яко голубие* (ср.: Мф. 10, 16); то есть бывайте осторожны, не подавая им никакого повода уловить вас. Для того и прибавлено: *ко внешним*, — дабы мы знали, что по отношению

к своим членам нам не столько нужно осторожности, как по отношению к чужим; ибо между братьями бывает больше снисходительности и любви. Но и здесь нужна осторожность, а тем более она нужна между чужими, потому что жить между неприятелями и врагами не то, что между друзьями. *Время*, говорит, *искупующе*. Это он сказал не того желая, чтоб они были переменчивы и лицемерны; ибо эти качества свойственны не мудрости, а безумию. Но что? Вы не давайте, говорит, уловлять себя в таких делах, которые вы можете исполнять без вреда для себя. Это он говорит и в Послании к Римлянам: *воздадите всем должная: емуже урок, урок: емуже дань, дань: емуже честь, честь* (ср.: Рим. 13, 7). Пусть только из-за проповеди будет у вас борьба с ними: ни от какой другой причины она не должна происходить; ибо если у нас будет с ними вражда и из-за чего-нибудь еще другого, — например если не станем платить податей, если не будем воздавать приличных почестей, если не будем смиренны, то и нам не будет награды, и они сами (то есть враги наши) сделаются хуже, и их обвинения против нас будут иметь вид справедливых. Не видишь ли ты, как был уступчив сам Павел, когда это нисколько не вредило проповеди? Послушай его слов, сказанных Агриппе: *непщую себе блаженна быти, яко пред тобою отвещати днесь имам, паче же ведца тя*

суща сведый всех иудейских обычаев и взысканий (Деян. 26, 2–3). Но если бы он считал необходимым говорить начальнику оскорбительные слова, то испортил бы все дело. Послушай также, с какою умеренностию отвечают иудеям те, которые были с блаженным Петром: *повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком* (Деян. 5, 29). Хотя люди, решившиеся положить свою душу, могли бы говорить и посмелее; но как они решились жертвовать жизнию не по тщеславию, то и говорили скромно, сохраняя всю силу дерзновения только для проповеди».

Стих 6. *Слово ваше да бывает во благодати, солию растворено, ведети, како подобает вам единому комуждо отвещавати.*

Исключительное почти средство сношения с другими – слово. Для него и пишет правила святой Павел. Да будет, говорит, слово ваше всегда *во благодати*, да будет оно задушевно, да исходит всегда из сердца и дышит благорасположением и любовию, как слово друга, искренно желающего добра. При всем том, однако ж, да будет оно *солию растворено*, не смешливо и шутливо, но разумно и назидательно, содержа или разъяснение требуемой истины, или указание нужного правила благоразумия житейского, или истолкование законов высшей и совершеннейшей жизни, если она желается. «Ваша любезность пусть не доходит до того, чтобы она употреблялась без

разбора: можно говорить любезно, но нужно делать это и с должным приличием» (святой Златоуст). «Украшайтесь духовным благоразумием. Так и Господь повелел Апостолам иметь *соль в себе* (Мк. 9, 50) и их самих назвал *солию* (ср.: Мф. 5, 13)» (блаженный Феодорит). «Да будет слово ваше приятно, имея обрадовающий и обвеселяющий тон; однако ж да не впадет оно в безразборчивость и необузданность, но да будет и сдержано. Ибо это означает *соль*. Да не будет оно сверх меры весело, ни сверх меры сурово. Как пища, если не посолена, бывает неприятна, а если пересолена, то и в рот ее взять нельзя,— и в том и другом случае — не съедома: так и слово. Не видишь ли, как Даниил врачует словом человека нечестивого? Не видишь ли, как и три отрока, показывая такое мужество и дерзновение, не произнесли ни одного слова жесткого и оскорбительного? Ибо такого рода слово не дерзновенное (в уповании на Бога) мужество означает, а тщеславную дерзость (самонадеянную)».

Ведети, како подобает вам единому комуждо отвещавати. Указывает, где имеют приложение указанные пред сим качества слова, именно при встрече с кем-либо. Встречаясь, первое, что делаем, есть — речь одного к другому. Смотри, говорит Апостол, заводя речь и держа ее, как показано, от души и мудрую по содержанию, не забывай соображать ее и с тем лицом, с коим беседовать

начинаешь. *Отвещавати* – значит не на вопрос только отвечать, а вообще держать речь с кем-либо и к кому-либо. «Не со всеми должно говорить одинаковым образом, то есть и с еллинами, и с братиями; нет — это было бы большим безрассудством» (святой Златоуст). «Ибо предлагать учение надлежит иначе неверному, а иначе верному, иначе совершенному, а иначе несовершенному, иным образом немощному, а иным — здоровому» (блаженный Феодорит). «Иначе богатому, иначе бедному. У того душа, как немощная, имеет нужду в большем снисхождении; а у бедного она крепче, потому может снести, если отнесешься к нему и несколько суровее. Когда также нет никакой необходимости, не зови еллина нечистым и не укоряй его. Если будешь приведен пред начальственное лицо, воздай ему должную честь. Когда же спросят тебя о верованиях еллинских, не боясь говори, что они нечисты и нечестивы. Но и это судя по обстоятельствам. Святой Павел в Афинах беседует благосклонно (о язычестве, выставляя, что есть доброго в нем), а Елиму прямо укорил, потому что он стоил того (см.: Деян. 13, 10)» (блаженный Феофилакт).

На оба эти текста вот что пишет Амвросиаст: «Поелику необходимо нам вращаться среди неверных и вести с ними беседы по причине мирских дел, то вот что заповедует на такие случаи Апостол, — чтоб с мудростию была наша беседа,

дабы не соблазнялись язычники и не находили в ней повода злословить веру нашу и возбуждаться к преследованию верных. Какая нужда говорить с тем, о ком знаешь, что он несговорчив, ума упорного и готов делать неприятности? Почему и внушает Апостол, чтоб речь о вере была заводима в приличном месте и в благоприятное время; и, если есть в среде (слушающих) человек спорливый, лучше молчать. Иначе также надобно себя держать с сильными мира, иначе с людьми среднего состояния, иначе с низшим классом. Если в то время, когда восстают против слова Божия, ты удержишь на время свое дерзновение, то искупишь время. Но когда царь благосклонствует, тогда время говорить слово Божие, с кротостию, привлекая на добрый путь. Пред теми, кои с яростию восстают, лучше уступать (на время удерживать дерзновение). В таком случае уступая побеждаешь».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(4, 7—18)

а) Извещения

(4, 7—9)

Глава 4, стих 7. *Яже о мне, вся скажет вам Тихик, возлюбленный брат и верен служитель и соработник о Господе.*

Послание кончено. Но как оно все было о догматах и правилах жизни, а колоссянам, конечно,

было желательно знать и о том, в каком положении сам святой Павел, — особенно после того, как он, помянув об узах, ничего не сказал, каково ему в них, а по тогдашним порядкам ему могло быть очень тяжело; то Апостол в удовлетворение этого столь естественного желания извещает их, что все до него касающееся расскажет им Тихик. А чтоб они приняли его поласковее и верили слову его, указывает похвальные черты его характера. «Смотри, каково благоразумие Павлово! Он помещает в Посланиях своих не все, а что необходимо, в чем есть настоятельная нужда, — и это потому, во-первых, что не хотел слишком распространять оные; во-вторых, чтобы предоставить больше чести лицу, отходящему (с посланием), дабы ему было что рассказывать; в-третьих, дабы показать, как сам он к нему расположен, потому что в противном случае не сделать бы ему такого доверия; наконец — было (вероятно) что-нибудь такое, чего не нужно было выставлять в писмени» (святой Златоуст).

Возлюбленный брат — верующий, такой, однако ж, который успел заслужить особенную любовь святого Павла — преданностию ему и готовностию делать все ему угодное и покоить дух его; за что и сам пользовался полным доверием святого Павла, ничего от него не скрывавшего. *Верен служитель*, διάκονος, — не простой верующий, а имеющий часть и в благоустроении Церквей, не

самостоятельную, однако ж, а исполнительную, в каковой главное, что требуется, есть верность, то есть действование точь-в-точь, как повелено; чем и отличался Тихик. *Соработник*, σύνδουλος, — сораб, — вместе со мною работающий, потому соучастник не только трудов и искушений, но и намерений апостольских. *О Господе*. Не мне он работает, как человекоугодник, а вместе со мною Господу; потому верен не на глазах только, но и за глазами, как видящий обращенное на себя всевидящее око Господне. — Святой Златоуст говорит о нем: «если возлюбленный, то он все знал, и Павел ничего не скрывал от него; если он верен, то ни в чем не будет лгать (но во всем будет истинствовать [см.: Экумений]); если сотрудник, то участвовал в искушениях. Таким образом Апостол выставил все такое, что делало его достойным доверия».

Стих 8. *Егоже послах к вам на се истое, да разумеет, яже о вас, и утешит сердца ваша.*

Извещать другого о себе и желать знать, что с ним, — есть знак живого общения искренней любви и доверия. «Здесь Апостол показывает сильную любовь, по таким именно побуждениям послав к ним Тихика. То же говорит он, когда писал и к солунянам: *темже уже не терпяще, благоволихом остатися во Афинех едини и послахом Тимофея, брата нашего* (ср.: 1 Сол. 3, 1—2)» (святой Златоуст). Посредник общения

таковаго — Тихик. Он о мне скажет и, что у вас, разузнает, чтобы сказать потом мне о вас. Надобно, однако ж, думать, что: *да разумеет яже о вас* — имеет в устах Апостола ближайшее отношение к содержанию Послания. Апостол предостерегал от лжеучителей и уговаривал не слушать их. *Да разумеет* — указывает на заботу Апостола, не успели ль посеять плевел те лжеучители и, вместе, послушают ли и в какой мере послушают его увещания колоссяне. Не внешний быт у Апостола главное, а то, как идет дело спасения. Он хотел напрячь их внимание и ревность именно на сей предмет, — чтоб зорко осмотрелись, все ли исправно, и требующее исправления исправили. Всяко плодом послания должно было быть именно это. Амбросиаст пишет: «хотя выше сказал он, что присущ у них духом, но необходимы и не духовные посредники и извещатели. Всякий более заботливым о себе становится, когда видит, что кто-либо пришел к нему именно затем, чтоб посмотреть, как он себя держит; и, сознавая, что есть око, блюдущее дела его, осторожнее бывает. Бог все видит, и мы знаем, что Ему ведомо все наше; но как мы не видим, что Он видит нас, то и делаем противное Ему».

И утешит сердца ваша. В Послании не видно, чтоб колоссяне терпели что-либо неприятное. Потому утешение, которое имел доставить им

Тихик, надо полагать, обещается здесь от верного известия о святом Павле и Епафрасе. Святой Павел не чужд им. Не могло не быть для них прискорбно, что он, истинный их Апостол, обложен узами, и еще более, что в узах отослан так далеко и ничего о нем не известно. Послали они к нему, чтоб быть при нем и служить ему (так блаженный Феодорит), ближайшего своего просветителя Епафраса, — и о нем ничего не известно. С какою радостию должны были они встретить верного о них вестника, не только видевшего их, но и разделявшего с ними участь их! В лице его они принимали самих дорогих отцов своих и не могли не преисполниться великим утешением. И это тем более, что вести принесенные не содержали ничего крайне прискорбного. Узы, сами по себе ужас наводящие, облегчены были для Апостола некоторыми снисхождениями, по коим он мог принимать, кого хотел, и писать, к кому хотел. Впрочем, может быть, и дома у колоссян были, как мог передать Епафрас, какие-либо неприятности, требовавшие утешения, но не так большие, чтоб стоило поминать о них особо в Послании; довольно было наказать о них Тихику. Наши толковники полагают, что колоссяне были под искушением и имели нужду в утешении.

Стих 9. *Со Онисимом верным и возлюбленным братом нашим, иже есть от вас: вся вам скажут, яже зде.*

Онисим, слуга Филимонов, бежавший от него, обращенный святым Павлом в узах и обратно теперь посылаемый к своему господину. О нем более говорится в Послании к Филимону, теперь же посланном. Здесь поминается только, во известие всему христианскому обществу, что он посылается, но уже не таким, каким они знали его прежде. Теперь уже он *верный и возлюбленный брат*. Тихик не брат только, но и диакон и сораб; а этот только брат, то есть верующий, достойный, однако ж, любви и любимый, и не как прежде — раб лукавый, а брат верный. *Верный*, — надо полагать, имеет здесь отношение и к характеру его, яко раба, а не только как верующего. *Иже от вас* — не укор; напротив, Апостол «присовокупил это в похвалу городу, дабы они не только не стыдились, но и ставили себе это в честь» (святой Златоуст). В каком же смысле? Вы, колоссяне, так хороши, что даже слуги ваши охотно принимают благовестие, способными являясь уразуметь силу его, каковым оказался сей, от вас сущий Онисим.

Вся скажут вам, яже зде; то есть «об узах моих и о всем прочем, удерживающем меня здесь. Если б не это было, я прибыл бы к вам сам» (блаженный Феофилакт). «Нельзя не видеть мудрости Апостола в том, что известить о нем поручил обоим, а утешать предоставил одному Тихику. Поелику знали, что Онисим раб, и,

вероятно, огорчились бы тем, что вчера и за день бывший рабом вдруг признан способным утешать и учить целую Церковь; то Апостол сказал, что послан на это один Тихик. А возвестить об Апостоле нашел приличным для обоих, и Онисиму оказывая сим честь, и колоссян не оскорбляя» (блаженный Феодорит).

б) Целования или поклоны
(4, 10—15)

Стих 10. *Целует вы Аристарх спленник мой, и Марко анепсий Варнавин, о немже приясте заповеди: аще приидет к вам, приимите его.*

Аристарх Македонянин из Солуня, как видится, прилепился к святому Павлу и не хотел разлучаться с ним. Видим его при святом Павле в Ефесе, где он во время народного возбуждения против святого Павла подвергся нападению вместе с Гаием и, вероятно, что-нибудь потерпел, хотя об этом не поминается (см.: Деян. 19, 29). Когда святой Павел совершал свое путешествие из Ефеса в Македонию и Елладу и оттуда в Иерусалим, святой Аристарх не оставлял его. Ибо видим его в числе лиц, сопровождавших святого Павла при возвращении его из Еллады (см.: Деян. 20, 4). Очень вероятно, что он не оставлял святого Павла во всю дорогу до Иерусалима, и в самом Иерусалиме, и во время уз в Кесарии; ибо, когда пришло святому Павлу время быть отправлену в Рим и он сел на корабль,

тут с ним был и Аристарх (см.: Деян. 27, 2). Но вот он и в Риме при святом Павле, в начале уз, когда писано Послание к Колоссаем. Надо полагать, что он был известен последним, когда от него пишется целование им. «Апостол назвал его *спленником* своим, как сообщника в перенесении страданий» (блаженный Феодорит). В Риме святому Павлу позволено было *пребывати о себе, с соблюдающим его воином* (Деян. 28, 16), и он целых два года жил там на своем иждивении, принимая приходящих к нему и проповедуя Евангелие невозбранно (см.: Деян. 28, 30—31). Так и он не сидел взаперти, тем паче Аристарх. Почему если назван спленником, то потому, что не оставлял святого Павла в узах и служил ему во всех потребах, пребывая при нем неотлучно, как произвольный пленник. И по всему видно, что Аристарх был и по нраву, и по образу жизни достоин всякого одобрения, предан и делу благовестия, разделяя охотно труды по нему со святым Павлом (см.: Амвросиаст). Почему сей последний в Послании к Филимону назвал его сотрудником своим (см.: Флм. 1, 23). Святой Аристарх состоит в числе 70 Апостолов, и предание полагает его епископом Апамеи Сирской. Память его апреля 15-го и сентября 27-го, кроме января 4-го.

Назвав святого Аристарха спленником, очевидно себя самого святой Павел почитал пленником. Святой Златоуст делает отсюда такое

наведение: «Апостол сказал более, чем Пророки; потому что сии называли себя странниками и пришельцами, а он называет себя даже пленником; ибо и его, так же как пленника, гнали и влачили, и всякий мог ему делать оскорбления. А лучше сказать, ему было даже хуже, чем пленникам; потому что, когда враги возьмут их, то прилагают свое попечение, заботясь о них, как о своей собственности; а его, как врага, все гнали и преследовали — побоями, мучениями, оскорблениями, клеветами».

Марко анепсий Варнавин. В Деяниях не раз поминается о сем Марке, Иоанне тоже. Из сего надо заключить, что он был очень известен во время апостольское и христианам, и трудившимся в благовестии. Дом матери его, Марии, был местом собрания христиан и странноприемницею. Святой Петр, по чудном избавлении из темницы, ночью пришел в дом Марии, матери Иоанна, нарицаемого Марка, где было большое собрание молящихся (см.: Деян. 12, 12). В это время в Иерусалиме находились святые Варнава и Савл, приносившие милостыню от веровавших антиохиан. Возвращаясь в Антиохию, они взяли с собою и Иоанна, нарицаемого Марка (см.: Деян. 12, 25). Когда вслед за возвращением в Антиохию святые Павел и Варнава, по указанию свыше, отправились в разные места с евангельскою проповедию, то взяли с собою и сего Иоанна,

чтоб прислуживал им (см.: Деян. 13, 5). Но он скоро оставил их, возвратившись в Иерусалим (см.: Деян. 13, 13), или из Кипра, или по переплытии в Пергию Памфилийскую. Апостолы дальнейшее путешествие совершили одни и, возвратясь из него, скоро отправились в Иерусалим за решением недоумений относительно способа принятия язычников, по какому случаю был там Собор Апостольский. Из Иерусалима с ними прибыли в Антиохию, по распоряжению старших в Церкви, Иуда и Сила. О Иоанне-Марке не поминается. Но когда, спустя немного, по предложению святого Павла посетить прежде основанные Церкви стали собираться в путь, Иоанн-Марк был там, вероятно вместе с ними пришедши из Иерусалима. Ибо Варнава предлагал снова взять его с собою. От этого времени до настоящего помянутия в Послании к Колоссаем о сем Марке ничего не говорится в Деяниях. Надо полагать, что он оказался в Риме со святым Павлом, в начале его там уз, не случайно, а от лица святого Варнавы. Можно расширить предположение, полагая, что он от лица матери, по указанию Варнавы, служил Павлу в Иерусалиме и в Кесарии и, когда святой Павел отправлен был в Рим, мать и святой Варнава отправили его своею дорогою в Рим, где он встретил святого Павла, передал приветствия от своих и, исполнив нужное относительно своего поручения, собирался

обратно домой. Путь его мог лежать на Ефес, Колоссы, Лаодикию и далее к морю в Миры Ликийские, а оттуда в Кипр и в Иерусалим, если требовалось. Видно, что мать его была сестра святого Варнавы. Родом были они из Кипра и там имели родовое достояние.

Сей святой Марк причтен к 70 Апостолам. По преданию, он потом епископствовал в Вивле Финикийском. Память его, кроме 4 января, 27 сентября, вместе с Аристархом. По преданию нашему, выходит, что не он писал Евангелие.

Святой Павел поминает, что колоссяне прияли относительно него заповеди. Прияли заповеди, хоть не говорится от кого, само собою видно, что от святого Павла. Но как прияли, об этом трудно установить вероятную догадку. Если неудобно признать, что тут разумеются словесные повеления святого Апостола, которые имели передать колоссянам Тихик с Онисимом, то надо полагать, что прежде сего как-нибудь передано им не письменно желание святого Павла. Не тогда ли это сделано, когда святой Павел, отплыв от Кипра, стоял в Мирах Ликийских, на пути следования в Рим (см.: Деян. 27, 5). Здесь могли случиться намеренно или ненамеренно колоссяне и получить заповеди от Апостола; и Апостол мог иметь основания дать такие заповеди, получив повод к тому, может быть, в Кипре, от святого Варнавы или сестры его, матери Марка, тогда же,

может быть, снаряженного в Рим другою дорогою.

Аще приидет к вам, приимите его. Это не истолкование заповедей. Заповеди касались иных предметов. Примите братски, примите с доверием, может быть, разумелось при сем и: послушайте, что будет говорить, как мужа искусного в вере. «Что же? Ужели без этого они и не приняли бы его? Конечно, приняли бы; но Апостол выражает желание, чтобы они сделали это с большим усердием, и тем показывает, что и сей человек был великий муж» (святой Златоуст). «Повелевает, когда придет, удостоить его чести, какая принадлежит учителю» (блаженный Феодорит).

Стих 11. ***И Иисус нареченный Иуст, сущии от обрезания, сии едини споспешницы во Царство Божие, иже быша ми утешение.***

Иисус, нареченный Иуст. Святой Златоуст говорит: «может быть, это был коринфянин», — тот, в дом которого святой Павел перешел, после того, как иудеи не хотели слушать его проповеди в синагогах, в Коринфе (см.: Деян. 18, 7). Но этот назван *чтущим Бога*, то есть прозелитом* иудейским; а здесь поминаемый, вместе с Марком и Аристархом, именуется сущим от обрезания. Святитель Димитрий Ростовский (под 4 января), отождествляет его с Иосием или Иосифом Варсавою, *иже наречен бысть Иуст* (Деян. 1, 23),

---

* *Прозелит* — язычник, обращенный в иудейство. — *Ред.*

который вместе с Матфеем избран был на место испадшего из числа дванадесятих Иуды, и прилагает, что впоследствии он был епископом в Елевферополе. Память его 30 октября, кроме 4 января, вместе со всеми, кои причитаются к 70 Апостолам.

Перечислив этих трех, вероятно особенно почему-либо известных колоссянам, святой Павел в похвалу им вменяет то, что они служили ему утешением. «Вот самая великая похвала – соделаться виновником радости и утешения для Апостола» (блаженный Феодорит и Экумений). «Отсюда видно, что это были великие люди, коль скоро они служили утешением для Павла» (святой Златоуст).

Слова: *сии едини* – надо понимать: преимущественно пред другими. Они так много и с такою любовию заботились об утешении святого Павла, что затемняли всех других. Святой Павел, находясь в узах, пользовался многими льготами, как видно; но узы, как узы, не могли не требовать утешения, которое и готовы были доставлять ему все бывшие при нем и знавшие его из сторонних лиц; но помянутые трое больше всех утешали его.

Сии едини споспешницы во Царство Божие. Не они одни были споспешниками, а из числа споспешников они одни паче других были ему в утешение. *Споспешницы во Царство* – содей-

ственники по делу устроения Царства Божия, или святой Церкви. Что они содейственники в сем деле, поминается придаточно; главное — что они в утешение были. Приложено же и сие, чтоб не думали, что достойны похвалы только за облегчение лишений Апостола, неизбежных в узах. Нет, говорит, — они и по делу устроения Церкви — мои сотрудники. Но не они одни были таковы; у Апостола было много сотрудников. Он умел выбирать способных и, употребляя их в дело Божие, доставлять им венцы.

Зачем помянуто: *сущии от обрезания*? Блаженный Феофилакт полагает, что это — в похвалу им: «тогда великим казалось делом — быть из иудеев». Святой же Златоуст говорит: «он укрощает гордость иудеев, а их (колоссян — христиан из язычников) ободряет тем, что сущих от обрезания не много, а большая часть верных — из язычников». А Амвросиаст так рассуждает: «этим одним дает свидетельство; потому что они из обрезанных были ему помощниками, соглашаясь всегда с его мнением и разделяя его убеждения и проповедуя, что обрезываться более не должно; почему называет их соучастниками своими в Царстве Божием (то есть что с ним одинаковую получат награду). Проповедывать, что должно обрезываться и соблюдать субботы и новомесячия, — не духовно, а земляно». Можно и незнанием отозваться, — не сомневаясь, что нужно было

святому Павлу помянуть это по тогдашним обстоятельствам, не зная только, почему именно.

Стих 12. *Целует вы Епафрас, иже от вас, раб Иисуса Христа, всегда подвизаяйся о вас в молитвах, да будете совершени и исполнени во всякой воли Божией.*

Святой Златоуст говорит: «и в начале Послания Апостол рекомендовал сего мужа со стороны любви к колоссянам, которую он показал, отнесшись о них с похвалою, *иже и яви*, говорит, *нам вашу любовь в дусе* (1, 8)». Любовь также показывает и делает самого достойным любви и то, что он молится о них. Выставляет же его таким пред колоссянами Апостол с целию отверзть пространнейшую дверь его учению («чтоб усерднее внимали его учению» [блаженный Феодорит]); потому что когда учитель внимателен и с честию относится к ученикам, то от этого большая польза ученикам («охотнее будут верить словам его» [блаженный Феофилакт]). И опять словами: *иже от вас* – внушается им, что они должны поставлять себе за честь, что имеют такого человека, и утешаться, что из них выходят такие мужи. («Великою для него служит похвалою и то, что он *раб Христов*» [блаженный Феофилакт].) *Всегда подвизаяйся о вас в молитвах*. Не просто сказал: молящийся, но: *подвизаяйся в молитвах*, – молящийся со страхом и трепетом («с трудом и болезнию сердца»

[Экумений], «не в иной только день, но всегда» [блаженный Феофилакт]).

О чем молитва? *Да будете совершени и исполнени во всякой воли Божией.* «Здесь он в одно и то же время и обличает их, и слегка увещевает, и подает совет» (святой Златоуст).

Да будете, ἵνα στῆτε,— да стоите. Припоминая побуждение к написанию Послания и цель его,— опасность от лжеучителей и желание предотвратить уклонение вслед их,— надо полагать, что в: *да стоите* — главный предмет молитвы. Епафрас, говорит, указавший мне опасность, в коей находитесь, и побудивший меня в отвращение ее написать вам Послание, подвизается теперь в молитвах о том, чтоб вы стояли,— пребыли твердыми в принятом учении и в усвоенных правилах жизни, не поддаваясь внушениям лжеучителей. *Да стоите* — то же есть, что в других местах: *бодрствуйте, стойте в вере, мужайтеся, утверждайтеся* (1 Кор. 16, 13); *стойте и держите предания* (2 Сол. 2, 15); *тверди бывайте, непоступни* (1 Кор. 15, 58); не бывайте *младенцы, влающеся и скитающеся всяким ветром учения, во лжи человечестей, в коварстве козней льщения* (Еф. 4, 14).

Слова: *совершени и исполнени во всякой воли Божией* — показывают способ, как устоять не колеблясь. Как же? Пребывая совершенными и исполненными во всякой воле Божией. И это

предмет молитвы, но как о способе стояния. Да даст вам Бог и хранить полное убеждение в истине всякой открытой вам воли Божией, и неопустительно исполнять ее, или жить по ней, по ней настроивая свои мысли, желания и чувства. Слово: *совершени* — указывает на деятельное хождение в воле Божией, а: *исполнени* — на убеждение, что принятое учение несомненно есть истинное выражение воли Божией. Ныне иные стали читать, вместо: πεπληρωμένοι — исполнени, πεπληροφορημένοι — вполне убеждены. Святой Златоуст совмещает в сем слове: *исполнени* — то и другое: и исполнение, и убеждение. «Не довольно, говорит, творить волю Божию просто, какую-нибудь, или только некую. *Исполненный* волею Божиею не попускает, чтоб в нем была другая какая воля, кроме сей; иначе он обличил бы себя, что не убежден в истине ее».

Если *совершени* и *исполнени* не различать, как указания на деятельную и созерцательную сторону в христианстве; то указание на стороны сии можно видеть в слове: *во всякой воли Божией*; ибо воля Божия обнимает и догмат и заповедь, коим со стороны человека отвечает убеждение и жизнь. Так или иначе, но в словах Апостола надо видеть указание на обе сии стороны. Слова его более указывают на деятельную сторону, а нужды колоссян были паче созерцательного свойства. Почему и надо положить, что

он имел в виду сию сторону, говоря так; выразился же так, что будто разумел первую, — потому что деятельная сторона влиянием своим на стояние превышает знательную и даже условливает полное убеждение, долженствующее составлять душу последней. Кто делом пройдет путь, указываемый воплощенным домостроительством, тот в самом сем течении получит живое удостоверение в истине самого сего домостроительства и уже не может быть поколеблен в своем убеждении, как тот, кто оздоровел от известного лекарства, в целительности сего лекарства. Колеблются в истине христианства и потом оставляют его только те, которые не принимались идти путем его и смотрят на него, как на теорию некую, — а оно есть жизнь и дарованием жизни убеждает, что оно — истина. Кто вкусит от него жизни, тот непоколебим в вере, для того и убеждений никаких других не нужно, кроме сей вкушенной жизни. Все они ниже сего.

Стих 13. *Свидетельствую бо о нем, яко имать ревность многу (и болезнь) о вас и о сущих в Лаодикии и во Иераполи.*

Свидетельствую. «Свидетель достоин всякой веры» (святой Златоуст). Но зачем прибавлено такое удостоверение? Затем, что прописанные пред сим предостережения от лжеучителей, об опасности от которых Апостолу не от кого было узнать, кроме Епафраса, могли породить между

ним и его паствою разделение, по предположению, что он представил ее такою немощною и столь имеющею нужду в предостережениях, по охлаждению или нерасположению к ней. Апостол предотвращает это предположение, уверяя, что если Епафрас разъяснил Апостолу положение дел в Колоссах и соседних городах, то сделал это по ревности об их благе духовном, чтоб они пребывали неуклонно в однажды принятых догматах и правилах жизни,— в чем спасение. Он действует все в том же духе, в каком трудился над обращением вас к Господу Спасителю. Имать *ревность многу и болезнь*. Слово: *болезнь* — нигде не читается. Оно прибавлено славянскими переводчиками, чтоб точнее выразить, что разумел святой Павел, когда говорил: имать ζῆλον,— именно, что он имеет ревность глубокосердечную. Такова всюду любовь. Ее и указывает в Епафрасе Апостол сим словом. Он как бы говорит: «Епафрас вас пламенно любит, имеет к вам сильную привязанность. *Имать*, говорит, *ревность*, да еще *многу*; тут каждое слово имеет вес. Так и о себе в Послании к Коринфянам он говорит: *ревную бо по вас Божиею ревностию* (2 Кор. 11, 2)» (святой Златоуст). Можно и другое к такому свидетельству допустить побуждение, именно — желание сделать имеющих читать сие более ревностными о своем спасении: ибо если другие такую имеют о них

заботу, то им самим пребывать в беспечности уже крайне непростительно. Так Амвросиаст: «чтоб сделать их более заботливыми о своем спасении, Апостол показывает, сколь велика забота о них других. Ибо заботливее о себе делается всякий от стыда, когда видит, что другой более заботится о нем, чем он сам».

О вас и о сущих в Лаодикии и во Иераполи. Для Епафраса это была одна паства. Он основал во всех этих городах Церкви и епископствовал над ними. Оставался он при апостоле Павле потому, может быть, что еще имелась в нем нужда. Он был послан теми Церквами послужить святому Павлу в узах, как предполагает блаженный Феодорит. Или хотел дождать, что узнает Тихик о ходе дел там, не окажется ли нужным вследствие того получить от святого Павла еще какие-либо наставления и распоряжения.

Стих 14. *Целует вы Лука врачь возлюбленный, и Димас.*

Лука. «Это — евангелист Лука («написавший и Божественное Евангелие, и историю Деяний» [блаженный Феодорит]). Он ставит его после Епафраса, не унижая его, но хотел возвысить и почтить Епафраса пред лицом его паствы (по нуждам ее). Прибавил: *возлюбленный*, — что есть немалая похвала: ибо быть возлюбленным Павла есть очень большая честь» (святой Златоуст). «Возлюблен же был святому Павлу Лука, потому

что, все оставя, всегда последовал за Апостолом сим» (Амвросиаст). Во время переплытия в Рим святой Лука был неразлучно с ним. — Святой Лука потом основал Церковь в Фивах Виотийских, где и преставился, имея более 80 лет. При Констанции (360 год) мощи его перенесены в Константинополь. Память его октября 18-го. «Димас, как видно, еще не оставлял учителя» (блаженный Феофилакт). Ибо впоследствии он не устоял и оставил Апостола, как говорится о нем в Послании к Тимофею: *Димас мене остави, возлюбив нынешний век* (ср.: 2 Тим. 4, 10).

Стих 15. *Целуйте братию сущую в Лаодикии, и Нимфана и домашнюю его Церковь.*

Апостол, передавая целование лаодикийцам, как братиям, чрез колоссян, братскою их соединяет любовию. «Смотри, как он их сближает и как привязывает их друг к другу; и не целованием только сим, но паче тем, что потом велит передать им для прочтения и самое Послание» (святой Златоуст). Выражаемое сими словами отношение святого Павла к лаодикийцам показывает, что они лично были ему известны, равно как и Нимфан. Об иерапольцах не поминает или потому, что не знал их лично, или потому, что они не требовали особенной поддержки ни в деле жизни, ни в деле веры.

Нимфан, надо полагать, был блюститель той Церкви, — пресвитер, заступавший место Епафраса,

в его отсутствие. Вся семья его состояла из верных, кои все тоже были ведомы святому Павлу. У него, конечно, бывали и собрания церковные. «Святой Павел особое показывает расположение к Нимфану тем, что поминает его особо; и делает это не без намерения, но чтобы и в других пробудить соревнование. Ибо не мало значит, что он ставится не в ряду с другими. Смотри, сколь великим показывает он сего мужа, если дом его был церковию» (святой Златоуст). «Он, как вероятно, и дом свой, украсив оный благочестием, обратил в церковь» (блаженный Феодорит).— Предание ничего более не сохранило о сем Нимфане. Вероятно, он там священствовал и почил.

в) Поручения и распоряжения
(4, 16—17)

Стих 16. *И егда прочтется послание сие у вас, сотворите, да и в Лаодикийстей Церкви прочтено будет, и написанное от Лаодикии да и вы прочтете.*

«Мне кажется, что здесь (в Послании к Колоссаем) было написано что-нибудь такое, что нужно было слышать и этим (лаодикийцам); и для них отсюда проистекала тем большая польза, когда из обличения, направленного против других, они узнавали свои собственные недостатки» (святой Златоуст). Обеих Церквей потребности, опасности и немощи были одинаковы; почему велит и тем и другим читать сие Послание, как

обеим пригодное. Апостольские писания были принадлежностию всех Церквей, или единой Христовой Церкви. Они все и расходились по всей Церкви, чрез переписывание. И распоряжений о том особых не требовалось. Если Апостол делает особое распоряжение, то в таком смысле: не ждите, пока они вздумают переписать для себя сие Послание; поскорее перешлите им подлинное, чтоб поскорее прочитали, потому что написанное вам крайне нужно и для них. Об иерапольцах не поминает, потому что они были вне опасности и могли достать себе копию с Послания обычным путем.

Написанное от Лаодикии да и вы прочтете. Не насилуя текста, нельзя полагать, что здесь разумеется Послание святого Павла к Лаодикийцам; но или Послание лаодикийцев к святому Павлу, или Послание святого Павла из Лаодикии, писанное им к кому-либо или куда-либо, как предполагает Феофилакт, думая, что здесь имеется в виду Первое Послание к Тимофею. Первого мнения держатся все другие наши толковники. Святой Златоуст говорит: «некоторые справедливо утверждают, что здесь разумеется не Послание Павла к Лаодикийцам, а их Послание к Павлу; ибо не сказал он: написанное к лаодикийцам, а говорит: *написанное от Лаодикии*». В том же смысле пишет и блаженный Феодорит: «иные предполагали, что Павел писал и к

лаодикийцам, посему и представляют подложное Послание. Но Божественный Апостол сказал: написанное не к Лаодикии, а от Лаодикии. Ибо лаодикиане писали к Апостолу о чем-то, вероятно же, или обвиняли колоссян за то, что произошло у них, или страдали одною с ними болезнию. Потому и велел Апостол прочитать Послание и им». Так Амвросиаст, Экумений и Фотий у Экумения.

Апостол неопределенно пишет: τὴν ἐκ Λαοδικείας, — а то (Послание), что из Лаодикии, прочтите и вы. Говоря о прочтении Послания своего в Церкви Лаодикийской, он выразился: ἐν τῇ Λαοδικέων, — то есть Церкви, имея в мысли верующих; а здесь говорит только: τὴν ἐκ Λαοδικείας, — что из Лаодикии, не указывая определенно лиц или лица. Можно предположить, что кто-нибудь из Лаодикии безыменно писал к святому Павлу, изображая беду, угрожавшую Церкви Лаодикийской и Колосской от лжеучителей. Епафрас, посланный тамошними Церквами на помощь святому Павлу, подтвердил то. Апостол и пишет Послание, направляя его к колоссянам, но имея в виду и лаодикийцев. Письмо, писанное святому Павлу из Лаодикии, было им вручено Тихику, чтоб он дал его прочесть колоссянам, для пояснения содержания своего Послания, почему оно того и того предмета касалось.

Стих 17. *И рцыте Архиппу: блюди служение, еже приял еси о Господе, да совершиши е.*

Архипп, сын Филимона, вероятно, священствовал в Колоссах. Желая сделать колоссян более к нему внимательными, он чрез них же передает ему свое внушение: блюди служение, то есть смотри повнимательнее за колоссянами, не поблажай, но, что требует взыскания и исправления, взыскивай и исправляй: ибо Божие дело делаешь, а не свое. От Господа приял ты служение и исполняй его как пред Господом, все направляя по воле Его и во славу Его. *Рцыте Архиппу.* «Зачем он не пишет к нему? Вероятно, в этом не было нужды, а достаточно было такого легкого напоминания, чтоб его сделать более усердным к служению, а их более послушными ему» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт). «Предстоятелю их чрез них же самих внушает, чтоб более заботился о спасении их. Поелику Послание писано по потребностям паствы, то Апостол направил его к Церкви, а не к пастырю ее» (Амвросиаст). «Всеконечно Апостол того ради пишет им: *рцыте Архиппу,* – чтоб, когда он станет укорять их в чем, они не имели основания роптать на него, как на тяжелого, горечью их исполняющего человека, зная, что такова ему дана заповедь от святого Павла и что их собственные уста передали Архиппу, что требует от него Павел в отношении к ним. Итак, чтоб заградить их

уста, Павел очень премудро сделал, сказав: *рцыте Архиппу*; хотя и помимо сего всем ведомо, что ученикам неуместно разговаривать о делах учителя» (блаженный Феофилакт из святого Златоуста).

Блюди, βλέπε, — смотри. «Это всюду есть голос устрашающего и предостерегающего, как, например, когда говорит: *блюдитеся от псов* (Флп. 3, 2); *блюдитеся, да никтоже вас будет прельщая* (2, 8); *блюдите, да не како власть ваша сия претккновение будет немощным* (ср.: 1 Кор. 8, 9). И вообще Апостол всегда так выражается, когда хочет предостеречь или устрашить. Так и здесь» (святой Златоуст, блаженный Феофилакт).

Блюди служение, διακονίαν. «После Епафраса, напоившего колоссян истинами веры, управление Церковию возложено было на Архиппа, и он принял его» (Амвросиаст). «Может быть, он был епископом у них или другое какое нес служение по делу спасения душ» (Фотий у Экумения).

Еже приял еси о Господе. «*О Господе* — то же значит, что чрез Господа. Он, то есть, возложил на тебя эту обязанность, а не мы. *Да совершиши е*, — день и ночь ревностное держа о том старание» (святой Златоуст). «Смотри, исполни как следует дело, принятое тобою от Господа. Какое же это дело? Смотреть за колоссянами и пещись о них. Два внушения делает Апостол одним словом: *о Господе*: его делает

более заботливым о том, чтоб совершать свое служение, как дело Господнее; и их склоняет охотнее подчиняться ему, показывая, что они от Бога отданы ему на руки» (блаженный Феофилакт).

По преданию, Архипп был епископом в Колоссах после Епафраса. Пострадал тут же от ефесского градоначальника в царствование Нерона. Память его 19 февраля и 22 ноября.

г) Заключительная приписка рукою самого Апостола
(4, 18)

Стих 18. *Целование моею рукою Павлею. Поминайте моя узы. Благодать со всеми вами. Аминь.*

Целование моею рукою Павлею — обычная приписка, которую святой Павел употреблял для предотвращения покушений составлять подложные под его именем Послания. При всем том она для колоссян могла иметь и значение особой некоей расположенности к ним святого Павла. «Это знак особенной близости и искреннего содружества. Видя его письмена, они ощущали веяние особой расположенности к себе святого Павла и сами особенно располагались к нему и к написанному в Послании» (перифраз святого Златоуста).

Поминайте моя узы. Не стыдится уз. Они — его украшение и торжество истины. Поминайте, говорит, мои узы и воодушевляйте мужеством и

себя таким же образом стоять за истину. «Этого достаточно было, чтоб сделать их готовыми на все и воодушевить к подвигам» (святой Златоуст). «Знать, что Апостол в узах, и непрестанно о том помнить было для колоссян очень возбудительно к перенесению всяких искушений за истину и очень сближало их с Апостолом» (Фотий у Экумения).

Благодать со всеми вами. Апостол в узах, но благодать не вяжется, а еще обильнее разливается чрез узы. «Посылает им благодать, с помощию коей могли бы они исполнить все, заповеданное в Послании. И для спасения, и для совершения всего спасительного нужна благодать: ибо без благодати что может сделать человек сам?» (Фотий у Экумения). Он как бы обещает им: «когда присуща будет вам благодать, то скорби ли будете иметь или узы терпеть, ничто такое не преодолеет вас» (блаженный Феофилакт). «И то есть дело благодати,— быть связанным и находиться в узах за истину. Послушай, как говорит Лука, что Апостолы возвратились *от лица собора, радующеся, яко за имя Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти* (ср.: Деян. 5, 41). Чтоб приять за Христа узы и бесчестие, этого еще надобно сподобиться» (святой Златоуст).

«И нам надлежит памятовать всегда сии узы, и от сего памятования приобретать пользу, и молиться о том, чтобы не впасть в искушение; а

если будет это с нами, любить Божие домостроительство, и показывать собственное свое мужество, и призывать на помощь благодать Божию. Ибо таким образом возможно будет и подвизаться, и победить, и сподобиться похвал о Христе. С Ним подобает слава и великолепие Отцу, со Всесвятым Духом, ныне и всегда и во веки веков! Аминь» (блаженный Феодорит).

ПОСЛАНИЕ
К ФИЛИППИЙЦАМ,
ИСТОЛКОВАННОЕ
СВЯТИТЕЛЕМ
ФЕОФАНОМ

1) Сведение о городе Филиппах

Филиппы – город Македонии, на границе фракийской, недалеко от моря, с двумя реками. Местность его обиловала ключами; отчего первое имя его было – *Криниды*. Филипп Македонский, в 358 году до Рождества Христова, распространил его, и укрепил, и дал ему свое имя. При море против него стоял Неаполь с гаванью. Около Филипп были золотые рудокопни. Когда, пред самым почти началом христианства, войско триумвиров римских, под предводительством одного из них, Антония, одержало победу над республиканцами Брутом и Кассием, – чем положен конец республиканским стремлениям; тогда, вследствие того, и, может быть, по особому распоряжению, в Филиппы переселилось множество италианцев; и Октавиан даровал сему городу jus italicum. – Такие особенности держали город в большем почете у народа, чем даже Амфиполь, главный город той области. Посему-то святой Лука и назвал его первым городом в этой части Македонии (см.: Деян. 16, 12). – В числе жителей, кроме местных греков (может быть, и славян) и переселенцев римлян, были и евреи, не в большем, однако ж, количестве; отчего у них не

было синагоги, а была только молельня за городом, при реке. Несмотря, впрочем, на то, они успели привлечь некоторых язычниц и, вероятно, язычников, ко исповеданию единого истинного Бога. Из числа их Лидия Порфиропродательница — первая — уверовала в Господа и крестилась со всем домом.

2) Церковь Филиппийская
(Деян. 16)

Церковь Христова в Филиппах основана святым Павлом, во второе его веропроповедническое путешествие. Когда святой Павел с своими спутниками и сотрудниками Силою, Тимофеем и Лукою в это путешествие прошли Галатию и Фригию, то Дух Святый не допустил их идти ни к югу, в Асию, ни к северу, в Вифинию, а направил чрез Мисию в Троаду. Здесь ночью было видение святому Павлу: предстал некий муж македонянин и просил его: «приииди в Македонию и помоги нам». Это Ангел Хранитель имевших быть там христиан. Получив такое указание, святой Павел немедля отправился морем в Македонию и чрез Неаполь прибыл в Филиппы.

Здесь несколько дней пробыли они, ничего не предпринимая. Но, когда настала суббота, вышли и они за город, в иудейскую молельню, и, седши, вели разговор с собравшимися там женщинами. Это было не празднречие, а слово о вере. Между слушавшими была и сказанная Лидия,

Фиатирка, торговавшая багряницею, чтущая Бога истинного. Семя слова пало в сердце ее, которое Господь отверз внимать тому, что говорил святой Павел. Она искренно уверовала в Господа; за нею уверовали и все домашние ее. И крестился весь дом. Она убедила святого Павла поместиться в ее доме со спутниками своими. Они поместились и отсюда стали действовать на других. Дом сей стал и местом собрания веровавших, и местом оглашения желавших веровать.

Но святые проповедники истины не переставали посещать и молельни, в надежде, что в той среде немало еще осталось лиц, готовых отверстым сердцем принять слово Евангелия. — Надо полагать, что дело проповеди шло очень успешно; к чему, хотя косвенно, помогал и сам враг спасения нашего. Была там одна служанка, обладаемая духом пытливым, прорицательница, которая, встречая святого Павла и бывших с ним, ходила вслед их и кричала: «сии человеки, рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения». Так продолжалось много дней. Пока не мешало это делу Апостольскому, святой Павел терпел; а когда оказалось, что эта проповедь от духа лести может повредить проповеди от Духа истины, то он, обратясь, запретил духу тому и именем Господа изгнал его из служанки. — Из-за этого враг поднял бурю; но Господь обратил ее к славе имени Своего.

Господа той служанки, лишившись таким образом дохода, который доставляла им служанка прорицанием своим, восстали на Апостолов и, схватив Павла и Силу, повлекли их к начальникам на площадь. Но, представши пред ними, не ту речь держали, как было у них на сердце, а выставили себя ревнителями безопасности города и римской чести. Это, говорили они, какие-то пришлые иудеи, которые возмущают город наш и проповедуют обычаи, которых нам, римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять. — Собрался народ, — и все повторяли то же. Надо полагать, что обращения к вере стали очень заметны. Всеми неверовавшими овладел дух отмщения. Воеводы, сорвав с Апостолов одежды, велели бить их палками. Много пострадали святые — до ран. Но разгневанным и этого было мало. Что-то замышляли они еще сделать Апостолам. Почему отослали их в темницу, приказав темничному стражу крепко стеречь их. Ночь, однако ж, рассеяла эти замыслы; и страдание Апостолов увенчано большим успехом Евангелия.

Страж темничный, получив приказание, вверг Апостолов во внутреннюю темницу и забил ноги их в колоду. Но сила Божия не вяжется. Святые Апостолы, души которых не изнемогли, а окрылились еще более страданиями, не от болей тела, а от внутреннего огня Божия, в сердцах их горевшего, не имели сна. Было уже около полуночи,

и они, молясь, воспевали Бога. Их слушали и другие узники. И Бог в развеяние дурного впечатления, которое могли произвести на слабых верующих побои и такое публичное обесчещение Апостолов, благоволил явить, сколь они велики пред Ним и в каком состоят благоволении у Него. — Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы: в то же мгновение отворились все двери темничные, и узы со всех узников спали. Темничный страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя, думая, что узники убежали. Но святой Павел остановил его, громко возгласив: не делай себе никакого зла; ибо мы все здесь. Он потребовал огня и вбежал в темницу; одного взгляда на все достаточно было, чтобы удостовериться, что тут была рука Божия. И страж, пораженный тем, в трепете припал к стопам Апостолов и, выведши их вон, молил: «государи мои! Что мне делать, чтобы спастися?» Они сказали ему: веруй в Господа Иисуса Христа и спасешься ты и весь дом твой. И проповедали слово Господне ему и всем бывшим в доме его. — Все уверовали и крестились в тот же час. Сон забыт; остальное время ночи проведено в радости духовной всем домом.

Между тем Дух Божий, проходящий сквозь все разумичные духи, изменил и намерения властей. Они положили выслать только святых

Апостолов из города, не делая им более никакого зла. Почему утром прислали стражу приказ отпустить их. Но когда страж сказал об этом Апостолам, то святой Павел с тою одною целию, чтобы и это обстоятельство обратить на изглаждение невыгодного от их обесчещения впечатления, потребовал, чтобы сами власти пришли и вывели их с честию, так как он гражданин Рима. Это предъявление имело свое действие. Власти пришли и извинились пред Апостолами, прося их удалиться только из города; это должно было восстановить честь их пред лицом всего города.

Но Апостолы не тотчас бросились бежать, получив свободу, для них в городе было нечто дороже свободы и самой жизни. Это юная Церковь верующих. Почему от стража они поспешили в дом Лидии, где уже ожидали их собравшиеся братия. Апостолы поучили их в последний раз и, вероятно, устроили их религиозный быт, поставив им руководителей и блюстителей веры и жизни по вере, как это делал святой Павел в Писидии, и Ликаонии, и повсюду.— Устроив все, они отправились далее.

Но сношения святого Павла с филиппийцами и филиппийцев с святым Павлом этим не кончились. Филиппийцы не раз посылали пособие святому Павлу в Солунь (см.: Флп. 4, 16); они же, вероятно, посылали его и в Коринф (см.: 2 Кор. 11, 8—9). Всякий раз послы, конечно, не

возвращались от Апостолов без нужного слова назидания и подкрепления, которые, слагаясь в общую сумму словес Апостольских в сердцах филиппийцев усокровиществованных, вместе с ними пособствовали возращению в них Церкви Божией о Господе. — Но святой Павел не пропускал случая и лично побывать у них, когда открывалась возможность. После полуторагодичного пребывания в Коринфе, он возвращался в Иерусалим на корабле, прямо на Ефес, и должен был миновать Филиппы. Но когда, после сего, в третье свое проповедническое путешествие, пробыв три года в Ефесе, Апостол положил побывать в Ахаии, то направил путь свой чрез Македонию. Тут не мог уже он миновать Филиппов и, как в других местах, так и здесь, преподал, конечно, верующим обильные наставления (см.: Деян. 20, 2). На возвратном же пути из Еллады он, отправив вперед своих спутников, нарочно на несколько долее оставался в Филиппах (см.: Деян. 20, 6). — Все это указывает на сердечный союз филиппийцев со святым Павлом, и его с ними, и представляет верное свидетельство о совершенстве христиан Филиппийской Церкви. Такими их изображает и Послание.

3) Повод к написанию Послания, цель, содержание и отличительные черты его

В этот путь из Еллады, чрез Филиппы, Троаду, мимо Ефеса и далее по приморским городам,

святой Павел спешил в Иерусалим, не неведая, что там ожидают его узы, которые и сретили его вскоре по прибытии туда. Пробыв в них в Кесарии года с два, он потребовал суда кесарева; почему и был препровожден в Рим, где тоже пробыл два года. Во все это время филиппийцы порывались помочь святому Павлу, как сам он на то намекал, но им не благоприятствовали обстоятельства (см.: Флп. 4, 10). Уже к концу его уз в Рим успели они послать к нему Епафродита с пособием, которое принял он как благовонное курение и жертву, благоугодную Богу (см.: Флп. 4, 18). Этот присыл крайне обрадовал Апостола не потому, чтобы он нуждался, а потому, что это представляло удостоверение, что филиппийцы все те же простосердечные и искренно верующие христиане. Но эта радость скоро омрачена была печалию. Епафродит заболел, и так тяжко, что был близ смерти: о чем слышали и филиппийцы. Наконец Бог помиловал его; и не его только, замечает Апостол, но *и меня, да не скорбь на скорбь прииму* (ср.: Флп. 2, 27). Когда оздоровевший настолько оправился, что мог сносить трудности пути, Апостол спешил отправить его к своим.— И по этому случаю писал к ним.

По этому поводу можно ожидать только, что Послание будет содержать изъявление благодарности к филиппийцам, как к пособникам,— любви, как к детям любящим,— похвалы, как верным

вере искренно и нелицемерно. Содержание Послания точно таково преимущественно и есть. Но как писал Апостол, то не мог он не вложить в то же время в свое писание и того, что касалось веры и доброй нравственности, если не для того, чтобы научить чему новому, то чтоб утвердить в преподанном уже; если не для того, чтобы изгнать заблуждение вкравшееся, то для того, чтобы предотвратить от могшего вкрасться; если не для того, чтобы исправить неисправности в жизни, то для того, чтобы очертить совершеннейший образ жизни, в возбуждение ревности и указание цели, могущей всегда удерживать силы их в неослабном напряжении. Все подобное и вложено Апостолом в Послание; только не так, чтобы можно было всему писанному дать, как мы привыкли, какой-либо придуманный и преднамеренный план; святой Павел писал, как внушало сердце, имея одно в мысли, чтоб, с одной стороны, засвидетельствовать филиппийцам свою благодарность и любовь, с другой — не лишить их своего Апостольского назидания в вере и жизни по вере.

Может быть, некоторые напоминания святого Павла имели отношение и к текущим обстоятельствам, в коих находились филиппийцы, как мог он узнать от Епафродита, другие — к слабым сторонам их нрава. Например, воодушевление не бояться сопротивных предложено, верно, потому, что они действительно были и причиняли

неприятности (см.: Флп. 1, 28), равно убеждение к единодушию и смирению приложено тоже, верно, потому, что между ними были поводы напомнить о сем (см.: Флп. 2, 1—5). Но о том и другом говорится будто мимоходом. То же, что Апостол предостерегает их от иудействующих, не значит, что они были среди них; но что могли и к ним пробраться. Почему и говорит только: берегитесь, — и вместо всех доводов против них выставляет только свой пример, говоря как бы: на меня смотрите (см.: Флп. 3, 2). Приходит, впрочем, на мысль, что иудействующие или подходили, или были у них — и что Еводия и Синтихия, коим особенно от других внушается единомудрствовать (см.: Флп. 4, 2), если не склонились к сему образу мыслей, то как-нибудь были соприкосновенны к нему.

Не подумал бы кто, что, стало быть, это Послание не так значительно. — Напротив, оно все, — с начала до конца, полно жизни и силы неземных. Уста Апостола говорили от избытка сердца; а всем известно, чем полно было Апостольское сердце. На самые простые предметы он смотрит оком веры, как бы при свете лица Божия. Коль же скоро касается догмата, то речь его становится не менее возвышенною, как и в Послании к Ефесеям. Ради нас смирился Спаситель; но *Бог Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Его всяко колено покло-*

нится небесных и земных и преисподних (ср.: Флп. 2, 9—10). Когда касается он последних надежд наших, говорит: желаю разрешиться и со Христом быть (см.: Флп. 1, 23); стремлюсь к почести вышнего звания о Христе Иисусе (см.: Флп. 3, 14); Он преобразит тело смирения нашего, чтоб было оно сообразно с славным телом Его Самого (см.: Флп. 3, 21). Когда предлагает образцы для жизни, говорит: *сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе* (ср.: Флп. 2, 5); или: подражайте мне (см.: Флп. 3, 17); о себе же говорит: не достигох, гоню же и стремлюсь. К чему же? Чтобы познать Господа, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его (см.: Флп. 3, 10). И еще: *елика истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика достохвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала, сия помышляйте* (ср.: Флп. 4, 8). И вообще, если собрать изречения святого Апостола в сем Послании воедино, то получим сжатое, но возвышенное и сильное изображение христианства в вере и жизни.— Пишется же это не тоном рассуждения, а так, как, например, следующая речь: если есть какое утешение во Христе, если есть какая отрада любви, если есть какое общение духа, если есть какое милосердие и сострадательность, то исполните мою радость, имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единодушны и единомыс-

ленны (см.: Флп. 2, 1—2); или еще: умоляю Еводию, умоляю Синтихию мыслить то же о Господе. Ей, молю и тебя, искренний сотрудник, помогай им,— и прочее (см.: Флп. 4, 2—3).

Так, если смотреть на внешнюю форму сего Послания, то ни одно Послание святого Павла так не близко к форме обычного письма, как это; если взять во внимание тон и дух его, то ни в одном своем Послании не выразил Апостол столько сердечности и интимности, как в этом; если остановиться на содержании, то оно при всей простоте Божественно, возвышенно и всеобъемлюще.

4) Разделение

Послание, как сказано уже, писано не по предначертанному плану, а как внушало сердце. Святой Павел имел в виду только сказать все, что нужным считал по тогдашним обстоятельствам, не заботясь об отчетливом порядке в изложении.— Отправляет он Епафродита, посланца филиппийцев, с пособием ему от них. Как в этом был главный повод к написанию Послания, то нельзя было не помянуть в нем о том и другом. И поминается: об отправлении Епафродита — в конце второй главы, с присовокуплением предуведомления, что скоро будет послан к ним и святой Тимофей; о получении посланного — в конце четвертой.— Но Апостолу нужно же было

сказать любимым филиппийцам что-нибудь утешительное о себе и успехе своей проповеди; и говорится. Сверх того, нужным сочтено дать им предостережение от повсюдной почти тогда опасности со стороны иудействующих; и дается. Нужным также оказалось сделать должное внушение некоторым лицам; и делается. Первое помещается впереди речи о будущем послании святого Тимофея и настоящем отправлении Епафродита; второе и третье — впереди речи о получении посланного. — После каждого из этих трех предметов прилагаются у Апостола нравственные уроки, которые хотя по содержанию не существенно вытекают из поминаемых обстоятельств, но в изложении связуются с ними прямо. — Вот и все расположение Послания, которое, полагаем, не затруднительно представить.

После обычного *предисловия* (1, 1—11),
в которое входят:
1) надпись с приветствием (1, 1—2) и
2) начало Послания (1, 3—11), — святой Павел
А) извещает о себе (1, 12—2, 18),
именно:
1) об успехах благовестия и своих относительно его расположениях и надеждах (1, 12—26), сводя сказанное к такому внушению: только вы достойно благовествования жительствуйте, — вслед за чем и

2) преподает наставление о таковом жительствовании (1, 27–2, 18).

Б) После сего у Апостола идет речь о предполагаемом послании святого Тимофея и о настоящем отослании обратно Епафродита (2, 19–30).

В) Далее (3, 1–4, 1)

святой Павел дает:

1) предостережение от соблазна со стороны иудействующих, воодушевляя противостоять ему собственным примером. Иудеи обычно выставляют свои преимущества. Все их, говорит, я ни во что вменил пред неизреченно величайшими обетованиями Христовыми (3, 1–9).

И теперь

2) одно имею в виду – достигнуть сих обетований. Теките и вы вслед за мною, отрешаясь от всего земного и чувственного (3, 10–4, 1).

Г) Потом (4, 2–9)

Апостол

1) делает внушение некоторым лицам (4, 2–3) –

2) и всем дает урок – проявлять в своей жизни характеристические черты жизни христианской (4, 4–9).

Д) Наконец, он благодарно воспоминает о присланном пособии, указывая особенно на то, в каком духе оно принято (4, 10–20).

Кончается Послание обычным *послесловием* (4, 21–23).

5) Место написания и время

Из сказанного о поводе, по какому написано Послание, видно, что оно писано из Рима. На это есть прямые указания в самом Послании. То, что Апостол поминает вообще об узах (см.: Флп. 1, 7), можно еще относить и к Кесарии; но когда он говорит, что узы его стали известны всей претории с указанием, как многие из братии, воодушевясь сими узами, стали с большим дерзновением проповедывать слово Божие (см.: Флп. 2, 13–14); этого уже никак нельзя относить к Кесарии, а как Апостол, кроме Кесарии, был в узах только в Риме, – к Риму.

Если приложить к сему, что Апостол в Послании пишет приветствия от лиц дома кесарева, то никакого далее не может быть сомнения, что оно писано из Рима. Именно, из первых его там уз: ибо Послание указывает при Апостоле святого Тимофея (см.: Флп. 1, 1; 2, 19), которого во вторые узы Апостола в Риме не было там (см.: святой Златоуст).

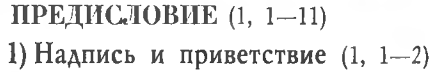
Из того, – что святой Павел обещает филиппийцам тотчас послать к ним Тимофея-святого, как только узнает, что будет с ним самим (см.: Флп. 2, 23), и потом надеется и сам скоро прийти

к ним (см.: Флп. 2, 24), – нельзя не заключить, что первые двухгодичные узы Апостола в Риме приходили уже к концу. Основываясь на этом, время написания послания надо отнести к 63-му или 64 году.

ТОЛКОВАНИЕ

ПОСЛАНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

К ФИЛИППИЙЦАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ (1, 1—11)

1) Надпись и приветствие (1, 1—2)

Глава 1, стих 1. *Павел и Тимофей раби Иисус Христовы, всем святым о Христе Иисусе сущим в Филиппех, с епископы и диаконы.*

При святом Павле были тогда в Риме и другие его сотрудники, как видно из приветствий в Послании к Колоссаем. Но он об них не поминает, а поставляет с собою одного святого Тимофея, может быть, потому, что тех не было при нем в эту пору, а куда-нибудь были посланы; или, может быть, по той причине, что Тимофей имел ближайшее отношение к филиппийцам, как трудившийся с

святым Павлом в первом их обращении. К солунянам пиша, ставил он при себе Силу и Тимофея, потому что с ними он проповедал среди них; а здесь ставит только Тимофея, потому что Силы при нем не было. Если б был, вероятно, он и его поставил бы с собою. И потому еще, можно полагать, сделал он так, что, как ниже пишет, намерен был скоро послать его к ним (см.: святой Дамаскин*). Святой Тимофей очень был расположен к филиппийцам; конечно и они — к нему. Они рады были бы принять его; но им дорого знать, в таком же ли он отношении к святому Павлу. Поставив его с собою, святой Павел дал знать, что он все так же любит и ценит святого Тимофея, как это было, когда они вместе были у них и когда посылал его пред собою из Ефеса в Македонию (см.: Деян. 19, 22).

Раби Иисус Христовы. К колоссянам пиша, святой Апостол говорил: *Павел — Апостол... и Тимофей — брат*; а здесь себя и Тимофея ставит на одну линию, именуя рабами Иисус-Христовыми. Рабы Иисус-Христовы все христиане; ибо куплены ценою крови Его и дали обязательство работать Ему неуклонно, ходя в воле Его, до положения живота, и притом так, чтоб и когда все повеленное исполнять, считать себя неключимыми рабами. Не в другом смысле здесь приложил

---

* *Преподобный Иоанн Дамаскин († ок. 780)* — учитель Церкви. — *Ред.*

и к себе титло сие святой Павел. Он чрез это ставит себя в ряд с филиппийцами и со всеми христианами, чем показал, что «пишет к ним, как бы к равночестным себе, не выставляя своего учительского достоинства» (святой Златоуст). В самом наименовании сем ничего нет умалительного; напротив, «быть рабом Христовым; быть, а не называться только, действительно великое достоинство и верх совершенств. Ибо, кто раб Христов, тот, без сомнения, свободен от греха; а истинный раб не согласится быть рабом ни у кого другого: иначе он был бы рабом Христовым только вполовину» (святой Златоуст). Так можно полагать, что святой Павел потому не Апостолом именовал себя, а приложил к себе равночестное с филиппийцами титло, «чтоб выразить свое особое к ним уважение, как и в самом Послании он свидетельствует о великой их добродетели» (святой Златоуст). — Но не потому ли он так назвал себя и ничем не отличил себя ни от святого Тимофея, ни от них, чтоб показать в себе пример смирения. Он предлагает им в Послании очень впечатлительное побуждение к смирению (см.: 2, 3). Вероятно, в том настояла нужда. Если настояла нужда, то ничего не было приличнее, как с самого начала и самую речь так сложить, чтоб видно было, как должно *друг друга честию больша себе творить* (ср.: 2, 3). Сделав так, он потом смелее мог писать: мне

подражайте и смотрите на тех, которые поступают подобно мне (см.: 3, 17).

Всем святым. Святой – не добродетельный только, но, главное, – освященный благодатію Святаго Духа и соделавшийся жилищем Его. И между язычниками были добродетельные, но не святые; ибо Духа не имели. Это есть преимущество христиан, которые и называются так, поелику имеют помазание от Святаго. Таковыми можно сделаться только о Христе Иисусе. Верующие в Господа приступают к таинствам Его и в них возрождаются (крещение) и дар Святаго Духа приемлют (миропомазание). Сила же таинств – вся от сочетания с Господом Иисусом Христом. Крещающиеся во Христа облекаются; и как на Нем почил Дух Божий всею полнотою, то чрез Него и в миропомазании нисходит в верующих дар Святаго Духа. Они – жилище Духа; ибо един дух суть с Господом. Вот на каких основаниях христиане святы, – и святы только они одни. «Прилично было и иудеям называть себя *святыми* на основании древнего пророчества, в котором они назывались *народом святым избранным* (ср.: Втор. 7, 6; 14, 2). Почему Апостол присовокупил: *святым о Христе Иисусе*, – чтобы показать, что теперь одни эти суть святые, а те уже сделались нечистыми» (святой Златоуст).

С епископы и диаконы. Неужели в одном городе было много епископов? Нет, епископ в

каждом городе, — если был, — был один. И у них епископ, верно, был один — Епафродит, как полагает Феодорит. А пресвитеров при одном епископе могло быть много; не один был, верно, и в Филиппах. Их-то и называет здесь святой Павел епископами. Так разумеют все наши толковники вслед за святым Златоустом. Ибо первоначально епископы, хотя отличались явно от пресвитеров, но именовались иногда епископами, иногда пресвитерами; и обратно, пресвитеры именуемы бывали то пресвитерами, то епископами. Так в настоящем месте явно пресвитеры названы епископами. А в других местах епископы называются пресвитерами. Так святой Тимофей был епископ; ибо святой Павел пишет к нему: *руки скоро не возлагай ни на когоже* (1 Тим. 5, 22), что свойственно делать только епископу. А как он стал епископом? *Возложением рук священничества* (1 Тим. 4, 14). Священники же как могли рукоположить епископа? Очевидно потому, что здесь слово: *священничество* — употреблено вместо: *епископство* (см.: святой Златоуст). Равно, пиша к Титу, Апостол заповедует ему поставить по всем городам пресвитеров, разумея под сим епископов: ибо, сказав это, тотчас присовокупляет: *...подобает епископу быти* (ср.: Тит. 1, 5—7) (см.: святой Златоуст). Таким образом очевидно, что епископы и пресвитеры в первое время, при Апостолах, достоинством разнились, а именовались

те и другие безразлично иногда пресвитерами, иногда епископами. В настоящем месте пресвитеры названы епископами; потому что и на них лежало — смотреть за верующими, назидать их в вере, исправлять нравы, освящать таинствами, защищать от врагов веры.

Слово: *диаконы* — употреблено здесь в обычном значении и указывает на лица, помогавшие пресвитерам и епископам в их трудах и делах по пасению паствы.

Но для чего Апостол помянул здесь особо о клире? В других Посланиях пишет он обычно вообще — святым, или верным, или возлюбленным, Богу званным; а здесь, помянув о всех верующих в слове: *всем святым*, — особо выделил из них клир, прибавив: *с епископы и диаконы*. «Потому так сделал Апостол, что клир писал, благотворил и посылал к нему Епафродита» (святой Златоуст и Экумений с блаженным Феофилактом). Такие дела, конечно, не могли обойтись без участия клира; и если он был особенным к тому возбудителем и руководителем, то справедливость требовала показать к нему и особое внимание. Но не было ли и в отношениях верующих к клиру в Филиппах основания к тому, чтобы особенным Апостольским вниманием приподнять их вес или побудить к большей к ним почтительности и покорности, нежели какие были на деле?! Внушения Апостола в Послании о

единодушии, смирении и мирности делают это предположение вероятным.

Стих 2. *Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа* — обычное приветствие. Сказать: *благодать вам и мир* — есть то же, что сказать: всех вам благ от Господа желаю. *Мир* — значит мир в совести с Богом, умирение сердца от страстей и нападков вражеских и согласие взаимное в семье и в сношениях с другими. *Благодать* означает силу, поданную свыше на просвещение ума, на руководство и укрепление в богоугодной жизни, на приискреннейшее общение с Богом. Кто имеет все сие, тот имеет все, что только может желать себе жаждущий спасения.

Как здесь, так всюду Апостол источником благ представляет Господа Иисуса Христа, ставя Его ближе к нам, а за Ним указывает и Бога Отца, или Бога в Троице поклоняемого. Так благоволил Бог, чтобы и мы к Нему приближались, и от Него всякое благо к нам нисходило не иначе как чрез Господа Иисуса Христа. Он единственный посредник. Помимо Него ни с неба на землю никакое не приходит благословение, ни с земли нет другого восхода на небо.

2) Начало Послания

(1, 3—11)

Здесь святой Павел: а) благодарит Бога за память и общение в благовестии филиппийцев,

питая надежду, что Бог до конца сохранит в них начатое благо (1, 3—6); б) свидетельствует, что и сам всегда помнит о них по крепкой любви к ним (1, 7—8), и: в) изъявляет молитвенное благожелание, чтоб они избыточествовали в делах любви и богатились плодами правды (1, 9—11).

а)

Глава 1, стих 3. *Благодарю Бога моего о всей памяти вашей.*

Начиная свое Послание, воздает Апостол должную цену тому добру, какое оказывали ему филиппийцы. Но не к ним прямо относит это, а к Богу, источнику всякого добра и первому учредителю и блюстителю благовестия, — с первых слов научая и их добро свое не себе приписывать, а Богу, без Коего не спеется ничто истинно доброе. *Благодарю*, говорит, *Бога моего.* Бог — всех есть Бог; Апостол же себе присвояет Его по причине ближайшего и искреннейшего общения с Ним и того, не отходящего от внимания и чувства, удостоверения, что Бог особенно хранит его и блюдет, покрывает и руководит. Сознание Бога своим Богом принадлежит усовершившимся в духовной жизни.

О всей памяти вашей. Слова сии стоят в одинаковом грамматическом сочетании с нижеследующими: *о общении вашем*, — как по-славянски, так и по-гречески, где говорится: ἐπὶ... μνεία... ἐπὶ... κοινωνία, — то есть благодарю Бога

о памяти вашей, — благодарю о общении вашем. Судя по сему, слова сии должно признать поясняющими друг друга. Почему, если слова: *о общении вашем* — указывают на дело филиппийцев, то и слова: *о памяти вашей* — должно признать указывающими на их же дело, — признать, то есть, что память здесь Апостол разумеет не свою о филиппийцах, а филиппийцев о нем. О своей памяти о них он говорит ниже (в стихе 7), а здесь их о себе память прославляет. Память свою свидетельствовали филиппийцы пособиями Апостолу. Эти пособия были поминки с их стороны, располагавшие и Апостола помнить о них. Как этим они пособствовали делу Божию, да и возбуждаемы к тому были Богом; то Апостол за их дело Бога благодарит. Ибо без Него они не стали бы делать такого дела.

Стих 4. ***Всегда во всякой молитве моей, за всех вас с радостию молитву мою творя.***

Благодарю, говорит, Бога за память вашу *всегда во всякой молитве моей*. То есть всегда, как молюся Богу, благодарю Его и за это. Ни одной молитвы своей не пропускаю без того, чтобы не поблагодарить Бога за вашу память. — У Апостола много было лиц, много обществ, много дел, о которых он молился. Всякий предмет молитвы требовал особенного молитвенного слова, соответственно не только своей важности, но и тому отношению, в каком он находился к

Апостолу. В последнем случае иные предметы вызывали обрадование пред Богом, а другие печаль и болезнование. Филиппийцы радовали Апостола своею преданностию вере и готовностию всячески содействовать успехам Евангелия. Потому, когда в молитве своей он доходил до них, то молился о всех них с радостию. Всякий раз, говорит, как молюсь, Бога благодарю за вашу память и о всех вас молюся с радостию. Молитва о вас составляет для меня утешение и отраду. Столько любви и искреннего сердечного общения с филиппийцами!

Стих 5. ***О общении вашем в благовествование, от перваго дне даже и до ныне.***

Слова: *о общении вашем в благовествование* — объясняют слова: *о памяти вашей*. Благодарю Бога, говорит, за память вашу, то есть за общение ваше в благовестии. Общением в благовестии назвал он пособие, какое ему присылали. Это же назвал и памятию. Ваша память о мне, дает понять Апостол, выразившаяся в пособии мне, есть общение ваше в благовестии. Я тружусь в благовестии; но как вы, помогая мне, даете больший простор благовестию; то и вы участвуете в благовестии. Плод благовестия, мною приобретаемый, есть вместе и ваш плод. Пособие Апостолу филиппийцы стали посылать тотчас, как только он удалился из Филипп; а это было в самом начале их обращения к вере

Христовой. Это и разумеет он, говоря: *от перваго дне*. Посылали они в Солунь, посылали в Коринф; а теперь, как только открылась возможность, послали и в Рим. И вышло, что точно они все помогали Апостолу до того часа, как он писал Послание. Он и говорит об этом: *до ныне*.

Замечательны слова святого Златоуста на это место. «Здесь Апостол говорит в похвалу филиппийцев много, даже весьма много, сколько иной сказал бы об Апостолах и Евангелистах. Ибо вы, говорит, не об одном вверенном вам городе имеете попечение, но всемерно стараетесь разделять со мною мои труды, везде со мною содействуете и соучаствуете в моей проповеди. И в течение не одного, или двух, или трех лет, но всегда с того времени, как вы приняли веру, даже доныне сохраняете ревность Апостольскую.— Они и в отдалении от него участвовали в его скорбях, посылали к нему мужей, служили ему по силам, вообще ни в чем не оставляли его. А помогать Апостолу — значит участвовать в благовествовании. Ибо когда он проповедует, а ты служишь проповедующему, то участвуешь и в наградах его.— Услуги, оказываемые святым,— дело не маловажное, а великое. Ибо сие делает нас участниками наград, им уготованных. Например, иной оставил для Бога великие стяжания, всегда полагается на Бога, много подвизается в добродетели, наблюдая великую строгость во всем,

даже в словах и мыслях. А ты и без такой строгости можешь участвовать в наградах, уготованных ему за такие подвиги. Каким образом? Если послужишь ему — доставлением нужного для него. Ибо таким образом трудный путь ты сделаешь для него легче. Посему, если вы удивляетесь живущим в пустынях, — избравшим ангельскую жизнь, и тем, кои среди обществ подвизаются подобно им; если удивляетесь и жалеете, что вы очень отстаете от них, то вам можно сделаться их участниками другим образом — чрез услуги, чрез усердие. И это дело человеколюбия Божия, что Он даже тех, кои менее ревностны и не в состоянии проводить жизнь суровую, трудную, строгую, иным путем возводит на ту же степень. Вот что Павел называет общением! Они, говорит, сообщают нам плотское, а мы сообщаем им духовное (см.: Рим. 15, 27). Ибо если Бог за малое и ничтожное дарует Царство, то и рабы Его за малое и чувственное воздают духовное; или, лучше, чрез них Сам Бог дает и то и другое. Ты не можешь поститься, жить уединенно, спать на земле, проводить в бдении целые ночи? Можешь ты получить за все сие награду иным образом: если будешь усердствовать подвизающемуся в сем; если будешь успокоивать его и облегчать труд его. Он стоит на сражении, он и раны получает: а ты послужи ему, когда он возвратится с поля брани, прими его с распростертыми

объятиями, отри пот его, успокой, утешь, ободри утружденную душу. Если мы с таким усердием послужим святым, то будем участниками наград их. Сие и Христос говорит: *сотворите себе други от мамоны неправды, да приимут вы в вечныя кровы* (ср.: Лк. 16, 9)».

Стих 6. ***Надеявся на сие истое, яко начный дело благо в вас, совершит е, даже до дне Иисус Христова.***

Надеявся, πεποιϑὼς, — будучи убежден, уверен. Апостол говорит как бы: «верую же, что Даровавший вам сие доброе усердие соблюдет оное невредимым до пришествия Спасителя нашего» (блаженный Феодорит). — *Начный* есть Бог, от Коего всякое добро. *Дело благо* — есть или вообще спасение в Господе Иисусе Христе, вера и жизнь по вере, или то доброе дело, которым особенно отличались филиппийцы — содействие распространению Евангелия. Мысль Апостола в сказанном доселе держится все на сем последнем. Естественно разуметь то и здесь. Но как это усердие исходило из веры и любви к вере; то под делом благим, может быть, Апостол доразумевал и дело спасения верою в Господа, только не исключительно, а поколику оно выражалось в благотворении, отличавшем филиппийцев, и одушевляло сие последнее. Исключительное желание им преуспеяния во христианской жизни и деле спасения выражает Апостол ниже (в

стихах 9–11); а здесь все об одном идет речь — известном общении в благовестии.

День Иисус Христов есть второе Его пришествие, которое всякий христианин должен, по слову Самого Господа, ожидать с часу на час, и готовиться к сретению Его умножением добрых дел, которые кому сручнее и привычнее. Как филиппийцы — начали уже пособствовать благовестию, по особому внушению Божию; то Апостол, судя по такому источнику их благого дела, выражает уверенность, что оно продолжится до дня Господня, что Бог даст им силу пребыть в нем постоянными и «как жертву чистую принести его Господу в пришествие Его» (святой Дамаскин). Что он ограничивается здесь этим одним, ничего нет неуместного; ибо из суммы богоугодных дел не все всё совершать могут и должны, а к чему кто способнее, тот тем и благоугождай Богу. Это имеет силу в приложении и к каждому лицу, и к целым обществам. Филиппийцы оказались наиболее пригожими к делу пособствования благовестию, — на него и воодушевил их Бог; а Апостол выражает благожелательную уверенность, что Он не престанет воодушевлять их на то и до конца. В этом их спасение.

Но какая связь сего текста с предыдущим? Та, что в нем выражается причина, почему особенно радуется Апостол в молитвах о филиппийцах

и так усердно благодарит Бога за их память. Если б однажды и дважды сделали они свое благое дело — и перестали, то оно исчезло бы в сумме других дел и было бы забыто даже ими самими, не оставив по себе следа. Нечего бы и поминать о нем и так высоко его ставить. Но оно стало особенно ценно в глазах Апостола по той уверенности, что, при Божием внушении и содействии, они не престанут упражняться в нем до конца и с ним сретят Господа. Оно будет для них, следовательно, мостом в рай. Вот что радовало Апостола и вызывало его благодарение Богу.

Святой Златоуст увидел в словах Апостола тонкое указание на соотношение благодати и свободы и выразил это так: «смотри, как он учит их смирению. Поелику он приписал им великую похвалу, то, чтобы не овладела ими какая-нибудь страсть, свойственная человеку, тотчас наставляет их относить ко Христу и прошедшее, и будущее. Каким образом? Не сказал: будучи уверен в том, что как начали вы, так и совершите; но — что? *Начный дело благо в вас, совершит е.* Впрочем, не отнимает и у них добродетелей. Ибо это немалая похвала, что Бог действует в ком-либо. Если Он не лицеприятен, каков и действительно, — а помогает нам в добрых делах по расположению нашему; значит, причина того, что он преклоняется к нам, заключается в нас. Следо-

вательно, и таким образом Апостол не отнимает у них похвалы. Поелику если бы Бог действовал безусловно,— если бы Он двигал нас, как дерево и камни, и не требовал нашего участия, то ничто не препятствовало бы Ему действовать и в язычниках, и во всех людях. Посему в словах: *Бог совершит* — опять для них похвала; потому что они привлекли к себе благодать Божию, которая помогла им возвыситься над природою человеческою. А с другой стороны, и то похвала, что вы имеете такие добродетели, которые не суть дело человеческое, но требуют Божественного содействия. Если же Бог совершит, то с нашей стороны не много нужно будет труда, а должно надеяться, что при Его помощи мы все легко совершим».

б)

Стих 7. ***Якоже праведно есть мне сие мудрствовати о всех вас, за еже имети ми в сердце вас, во узах моих и во ответе и извещении благовестия, сообщников мне благодати всех вас сущих.***

Прославил Апостол доброе отношение к себе филиппийцев; теперь выставляет и свое к ним отношение. Вы помнили о мне, говорит как бы, и я не забывал вас; но в сердце моем носил вас всегда,— и в узах, и при ответе, и при защищении и утверждении Евангелия. Оборот же сему заявлению дает такой, что оно служит у него подтверждением высказанной пред сим уверенности,

что *Начный* в них благое дело и совершит его. Праведно, говорит, мне так думать о вас, потому что я имею вас в сердце. Но из этого одного вышло бы не то, что праведно мне так думать о вас, а только что желательно так думать. Почему и прибавил, какими он носит их в сердце своем, — носит, яко сообщников благодати своей. В этом несокрушимое основание означенной уверенности. Поелику вы сообщники благодати моей; то, сколько я в отношении к себе уверен, что Бог не оставит меня, столько же уверен, что Он не оставит и вас и совершит начатое в вас дело благое.

Такое течение мыслей здесь у Апостола. Главная же цель у него все та, чтобы сказать, что и он помнит их, по сильной любви к ним. Так святой Златоуст: «в сих словах Апостол выражает великую любовь к филиппийцам; поелику он имел их в сердце, даже в самой темнице, в оковах помнил о них. И не только это, но, говорит, даже и в то время, когда я вводим был в судилище для ответа, вы не выходили из моей мысли. Так любовь духовная сильна, что не побеждается никакими обстоятельствами, но всегда обдержит душу любящего и никакой скорби, никакой болезни не допускает преодолеть оную. Как в пещи Вавилонской, при столь сильном пламени, для блаженных отроков оных была роса: так и любовь, объявшая душу любящего и угождающе-

го Богу, погашает всякий пламень и производит чудесную росу».

Словом: *в узах* — указал Апостол только на место своего пребывания, а словами: *во ответе и извещении* Евангелия — означил свои занятия и труды. Ответ, ἀπολογία, — защищение, — может относиться и к тому, как Апостол защищал себя пред судом, и к тому, как защищал Евангелие пред неверовавшими и, может быть, оспаривавшими его иудеями и язычниками.

Извещение, βεβαίωσις, — подтверждение, убедительное доказание, — доказывает не только то, что, защищая Евангелие, он вместе и утверждал его; но и то, что он изыскивал все способы к тому, чтобы Евангелие стало известно большему числу лиц и лица сии удостоверились в истине его и утвердились в вере в него.

При всех таких трудах и занятиях, я, говорит, имею вас в сердце. Какими имел? Сущими сообщниками, яко сообщников благодати. Сообщество благодати понимается из предыдущего общения в благовестии. Сообщники они Апостолу, потому что облегчали труды его в благовестии. Участвуя чрез это в трудах Апостола, они участвуют в той благодати, которая составляла несомненное достояние Апостола. Слово: *благодать* — можно понимать как все, чем облагодатить определил Бог Апостола за труды его. Все, что Бог дал мне и даст, во всем том и вы имеете

часть. Что именно означает здесь *благодать*, можно и не допытываться; потому что не в этом сила, а в том, что, чрез свое пособие Апостолу вещественное, они стали общниками его духовного, благодатного богатства. Послушаем лучше, что выводит отсюда святой Златоуст: «итак, поелику можно участвовать в благодати (благодатных): то постараемся и мы быть участниками оной. Сколь многие из стоящих здесь или, лучше, все вы хотели бы быть соучастниками Павлу в уготованных благах? И сие возможно, если захотите содействовать и помогать тем, кои приняли его служение, кои терпят ради Христа какое-либо несчастие. Ты видишь брата в искушении? Простри руку помощи. Видишь учителя в борьбе? Помоги ему. — Филиппийцы тем ли заслужили похвалу, что содействовали Павлу? Нет, но тем, что содействовали принявшему на себя проповедь. Павел потому достоин был чести, что он столько претерпел за Христа. — Помогай таковым (терпящим за Христа в проповеди Евангелия), и ты будешь соучастник Павлов».

Стих 8. *Свидетель бо ми есть Бог, яко люблю всех вас по милости (утробою) Иисус Христове (Христовою).*

Люблю, ἐπιποθῶ, — имею всех вас превожделенными лицами. *По милости*, σπλάγχνοις, — утробою Иисус-Христовою, сердцем Иисус-Христовым. — Поелику выразил он такую сильную прсд

сим любовь к ним; то, чтобы кто не подумал, что в этом есть что-либо плотское и корыстное, он Бога во свидетели призывает, что хотя точно сильно любит их до превожделенности, но эта любовь такова же, какою всех нас любит Иисус Христос, чистая, самоотверженная, более вам, чем себе, благ желающая. «Святой Павел призывает Бога во свидетели не потому, будто не имели к нему доверия, но делает сие по великому расположению к филиппийцам. Поелику сказал, что они были соучастниками ему (чрез милостыню); то, дабы не подумали, что он за сие любит их, а не просто для них, посему прибавил: *по милости Христове* (сердцем Христовым). Что это значит? То же, что по Христе: за то, что вы верны, за то, что вы любите Христа, за любовь по Христе. Даже не сказал: любовию, но гораздо сильнее: сердцем Христовым, как бы так говоря: люблю вас, как отец ваш, по родству во Христе. Ибо оно дает нам сердце горячее, пламенное. Таковое сердце дается только истинным рабам Его. — Таким-то сердцем, говорит (я люблю вас); как бы так сказал: люблю вас сердцем не простым, но пламеннейшим, Христовым. Люблю, говорит, всех вас, а сколь сильно люблю, нельзя и выразить. Ибо словами не могу выразить любви моей. Посему предоставляю видеть ее Богу, проникающему сердца» (святой Златоуст).

в)

Стих 9. *И о сем молюся, да любовь ваша еще паче и паче избыточествует в разуме и во всяком чувствии.*

Довольно уже любви к филиппийцам засвидетельствовал святой Павел тем, что с такою радостию и благодарением Бога вспоминал об их к себе расположении, и тем, что сам помнил об них всегда. Теперь тоже свидетельствует молитвенным благожеланием филиппийцам преуспеяния в христианском совершенстве, определяя его и в его составных частях (см. стих 9), и в его проявлении в деятельной жизни (см. стих 10), и в его конце, или завершении и венце (см. стих 11).

Молюсь. И в начале сказал уже он, что с радостию молится о них во всякой молитве своей. Но там не указал, чего именно молитвенно испрашивает он им от Бога. Это делает он теперь. Испрашивает им Апостол в молитве, чтобы *любовь* их избыточествовала *в разуме и во всяком чувствии. Любовь*, деятельная сила жизни христианской, объемлющая и небо, и землю. Она изливается в сердца христиан вместе с принятием благодати Святаго Духа и тотчас начинает подвигать их на соответственные дела. Чем дальше, тем больше дел; но, чем больше дел, тем горячее становится любовь. – Мера любви есть бесконечность (см.: святой Златоуст). Так она

естественным ходом христианской жизни избыточествует в христианах.

Святой Павел желает, чтобы любовь, избыточествуя сама, избыточествовала и *в разуме*, ἐν ἐπιγνώσει, — в познании. Так выразился он; мысль же его такая: молюсь, чтобы вы избыточествовали не в одной любви, но и в познании. Любовь имеет нужду в свете ведения, чтоб была «с рассуждением и размышлением: есть такие, кои любят безрассудно» (святой Златоуст). Познание здесь обнимает все христианское ведение, предмет которого не одни заповеди, но и все догматы и все другие соприкосновенные с христианством предметы. Только знание всего освещает как должно все пути жизни и обезопашивает деятельную силу любви от неправых уклонений. Символ веры дает уже очертание всей области христианского ведения. Жизнь с размышлением и самоуглублением, при слове Божием и всепросвещающей благодати, каждый пункт его развивает в целую систему. Наконец и весь он воображается в уме отчетно, с должными подробностями. Обними все, и увидишь, что тут неистощимый источник света. Когда достигнется это, тогда разум станет не только светел, но и светоносен. — И этого-то желает святой Павел филиппийцам — в желании избыточествования в разуме.

И этого мало. Необходимо еще избыточествовать в чувствии, ἐν αἰσθήσει. И внешние чувства этим же словом называются; но святой Павел очевидно разумеет духовное чувство. Внешние чувства испытывают вещи и дают знать об их качествах. Также и духовное чувство в своем кругу испытывает духовные вещи и определяет их качества. Как там, так и здесь отличительное свойство чувства есть осязание и вкушение. Размножение испытаний внешними чувствами дает опытность внешнюю; размножение осязаний и вкушений духовных вещей дает опытность духовную. И вот в ней-то избыточества желает святой Павел филиппийцам, когда молится об избыточествии их в чувствии. В другом месте это совершенство выразил он имением чувств, обученных в рассуждении добра и зла.

Вот все стороны христианского совершенства! Любовь — движущая сила; знание — освещение пути; чувствие — умение, как где ступать по пути. Больше этого нечего пожелать.

Стих 10. *Во еже искушати вам лучшая, да будете чисти и непреткновенни в день Христов.*

Проявление в деятельной жизни сказанных совершенств одно, — что ими христианин всегда верно может определять лучшее, совершать его наилучшим образом и вкусить плод от того. Все это заключается в: *искушати лучшая. Искушати* — значит ведением указать лучшее, любовию

исполнить его и чувством вкусить плод того. Пусть вся жизнь пройдет по этой норме, какой из того итог? Она будет чиста, непреткновенна (и еще исполнена плодов правды).

Чиста: *да будете чисти*, εἰλικρινεῖς, — искренни, все делая по чистой совести, без всякого лукавства и криводушия. Как сознается что должным и Богоугодным, так то и делать: ибо жизнь таких течет пред лицем Бога; но тут и совесть — блюстительница воли Божией, которая не допустит никакой фальши. Чистота тут всесторонняя, — и по предмету, и по побуждениям, и по обстоятельствам.

Непреткновенна: *да будете непреткновенни*, ἀπρόσκοποι, — бессоблазненны, чтоб и самим не соблазняться, и других никого не соблазнять. Сами не соблазнятся такие; ибо хорошо понимают все пути жизни и точно знают, что откуда исходит; других не соблазнят; ибо *чувствия обучена* сообщают имеющим их особый такт, по которому все дела их и слова всегда бывают в свое время и в своем месте и, всех назидая, никого не возмущают, напротив, от всех заслуживают одобрение. Даже обличаемые и укоряемые ими в сладость их послушают.

Стих 11. *Исполнены плодов правды Иисус Христом, в славу и похвалу Божию.*

Исполнены плодов правды, как *древо, насажденное при исходищах вод, еже плод свой даст*

во время свое (ср.: Пс. 1, 3). В ком есть означенные совершенства, в том не бывает неправых дел, ни слов, ни мыслей. Стоя сознанием пред Богом, всякий шаг свой делают они так, чтоб он благоугоден был Богу. На это у них есть свое духовное рассуждение, которое то же, что *чувствия обучена*. Оно сказывает верно, что должно делать. Трезвенная, бодренная, неленостная, чуждая всякого небрежения ревность любви тотчас берет то указание себе в закон – и исполняет его. Так ежеминутно, – с того момента, как откроется сознание по пробуждении от сна, до того, как закроется в заснутии. И самый сон у них обращается в дело правды. Так до гроба. Как не быть им исполненными плодов правды?!

Иисус Христом. От Него все плоды правды. Ибо Он Сам сказал: *якоже розга не может плода творити о себе, аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете. Яко без Мене не можете творити ничесоже* (ср.: Ин. 15, 4–5). Крестившиеся во Христа облекаются. Причащаясь же Святых Христовых Таин, имеют Его в себе живущим. Так прилепляющийся Господу становится един дух с Господом. Как же его плоды правды не будут плодами Иисус-Христовыми?! *Бог есть действуяй в нас и еже хотети и еже деяти о благоволении* (ср.: 2, 13). Это очень глубоко и искренно сознают совершенные христиане.

В славу и похвалу Божию. Тут последняя цель и частных деяний, и всей жизни. Даже ястие и питие так вести надлежит, чтобы и они обращались в славу Божию. Никто так не умеет этого устроить, как те, коих живот сокровен есть со Христом в Боге. У них все идет от Бога и все к Богу возвращается. Сами же они исчезают. Сознание Бога всевидящего не позволяет что-либо из дел восхитить себе и не в славу Божию обращать. И как к себе что-либо присвоит тот, кто сознает, что действует не он, а благодать, которая с ним, и что если он чувствует себя мощным, то потому, что *вся* может о укрепляющем его Господе? Сознавая это, все Ему и отдает. Похищение славы Божией возможно, пока не станет кто сознанием пред Бога. С этого же момента оно прекращается.

Целая жизнь христианина совершенного проходит так, что он бывает чист, непреткновенен и плодом правды исполняется Иисус-Христом, во славу Божию. Но сам он этого не сознает. Благодать Божия не дает ему этого сознать, чтобы сам себя с глаз не съел. Напротив, она часто поставляет его в такое состояние, что он чувствует себя исполненным всех непотребств. Память об этих состояниях не дает ему признать в себе что-либо доброе и ценное пред очами Божиими. Бог и знает, но не открывает. — Нескрытная проба всех есть *день Христов*. — К нему и относит увенчание святой Апостол — и свое молитвенное

благожелание им оканчивает. Только бы в день Христов явиться вам чистыми и непреткновенными, исполненными плодов правды. А что после того будет, о том я не забочусь. Если на нем окажетесь исправными, то после него будет вам то, чего и описать нельзя. Посему-то и у всех ревнителей о духовной жизни поставлено законом — не идти далее мысли о суде Божием. Стань на суде и жди, что о тебе скажет Господь: прииди... или отойди! Но кто это скажет?! Вот и плачь. — Иные целую жизнь так и не переставали плакать. — Вот к чему приводит желание Апостола, да явимся чисты в день Христов.

А) ИЗВЕЩЕНИЕ О СЕБЕ
(1, 12—2, 18)

На первом месте ставит святой Павел: 1) извещение об успехах благовестия и своих в отношении к нему расположениях и надеждах (1, 12 — 26) — с присовокуплением: 2) наставления филиппийцам о достойном благовестия жительствовании (1, 27 — 2, 18).

1) Об успехах благовестия и своих в отношении к нему расположениях и надеждах
(1, 12—26)

Святой Павел пишет, во-первых, о себе, извещая, как идет проповедь Евангелия и в каком сам настроении духа. Верно, филиппийцы, посылая

Епафродита, изъявляли желание знать и об этом. И Апостол отвечает им. Естественно было родиться у них вопросу. Апостол, Богом посланный, в узах: что же дело его, дело проповеди? Апостол: а) и пишет им: узы не помешали делу проповеди и, напротив, послужили пособием к ней (1, 12—20). Но, сказавши это, он по расположению своему к филиппийцам: б) открыл им и то, что всегда у него на душе было и что составляло цель жизни его, — то есть что его ничто не привязывает к жизни и на земле одно занимает его, чтобы проповедию Евангелия способствовать спасению людей (1, 21—26).

а)

Глава 1, стих 12. ***Разумети же хощу вам, братие, яко, яже о мне, паче во успех благовествования приидоша.***

Разумети же хощу вам — хочу, чтоб вы знали. Может быть, и сам по себе, без вопроса со стороны филиппийцев, святой Павел восхотел сказать им о себе. Этим он свидетельствовал свое к ним расположение. Любящие друг друга не скрывают ничего между собою и этою взаимною откровенностию питают свою любовь.

«Это свойство любящего — объяснить свои обстоятельства, когда любимые беспокоятся из-за них. Вероятно, Апостол предполагал, что филиппийцы, услышав, что Апостол в узах, скорбели и думали, что проповедь прекратилась. Что же он

делает? Тотчас уничтожает это предположение» (святой Златоуст).

Яже о мне — мои обстоятельства, или мое положение, *паче во успех благовествования приидоша*. Это *паче* — значит: думали стеснить или пресечь благовествование, заключив меня в узы, а вышло иначе, — не стеснили узы проповеди Евангелия, а *паче* послужили ко успеху и распространению его. Он говорит: *яже о мне... приидоша*. Будто сами собою текли-текли дела и вот к чему притекли. Но мысль у него та: так Бог устроил. Хотя он не говорит этого прямо, но слово его прямо на это наводит. Евангелие свыше — и свыше покровительствуется. Его не свяжешь и не удержишь узами. Оно идет своею дорогою, наперекор всем усилиям людей. «Что ты говоришь? Во узах ты, тебе препятствуют, как же преуспевает Евангелие?» (святой Златоуст).

Стих 13. *Яко узы мои явленны о Христе быша во всем судищи и в прочих всех.*

«Бог так устроил, говорит Апостол, что узы мои во Христе и для Христа не остались неизвестными во *всем судищи*. Так называли прежде царские палаты. И не только в судищи, но и во всем городе» (святой Златоуст). Апостол не молчал, находясь в узах, но, как свидетельствует святой Лука, *принимал всех, приходящих к нему, проповедуя Царствие Божие, и уча яже о Господе нашем Иисусе Христе, со всяким дерзновением*

невозбранно (ср.: Деян. 28, 30–31). Слово Евангельское распространялось и от него лично, и от сотрудников его; и слышавшие один другому передавали слышанное. Дальше и дальше идя, оно дошло и до кесарева дома. И там узнали, как и по всему городу, что есть некто в узах – необыкновенный человек, который попал в узы не за преступления какие, а за то, что всем проповедует Богом учрежденный путь спасения. Этим не только отвращен был соблазн уз; но они получили некоторое небесное освещение, привлекавшее, а не отталкивавшее.

Слова: *узы явлены о Христе быша* – дают не одну мысль. Прямее всего та, что Христос привел их въявь, с некоторым оттенком славы, или славности. Об узниках кому нужно знать? Но Христос сделал то, что об моих узах узнали все и все стали говорить, конечно, с пояснением и того, какого рода суть узы сии. Отчего они сами по себе сделались проповедию о Христе Господе. Это и подобные мнения приводит Экумений. Вот его слова: «*узы явлены о Христе быша* – значит или то, что они были во Христе и за Христа: то есть благословением и устроением Христовым, так как святой Павел, страдал ли или успевал в чем, все относил ко Христу; или тех узы во Христе явными бывают, которые ничего не делают напоказ, но так все делают, чтобы

видящие их получили пользу и прославляли Бога, Иже есть на Небесах».

В судищи, ἐν πραιτορίῳ. Говорят иные, что в самом Риме царские палаты так не назывались, а вне Рима, по провинциям, иногда их так называли. Но что святой Павел разумеет здесь царский дом, это видно из приветствия его и от лица тех, кои суть от кесарева дома (см.: 4, 22).

И в прочих всех — местах, или частях города, просто во всем городе, как сказал святой Златоуст.

Стих 14. *И множайшии братия о Господе, надеявшиися о узах моих, паче дерзают без страха слово Божие глаголати.*

«Узы мои не только не заградили уст другим и не сделали их боязливыми, но, напротив, сделали их еще более дерзновенными. И прежде они поступали смело и говорили с дерзновением; а теперь гораздо более» (святой Златоуст). *Множайшии* — значит, проповедников было очень много; их и прежде было много, но, после того как узы Павловы получили такую известность, их стало гораздо более. В этом можно видеть удостоверение самого Апостола, что город точно оглашен был Евангелием весь.

О Господе — или братия о Господе, то есть верующие, преданнейшие из них Господу, полнее разумевшие истину о Господе, или о *Господе надеявшиися*. Воодушевились братия упованием на

Господа по тому случаю, что узы Апостола приняли таковой оборот. Или Господь их воодушевил упованием чрез узы Павла. «Поелику много значило сказать, что мои узы произвели в них дерзновение; то наперед сказал: *о Господе*. Видишь ли, как Апостол и при необходимости похвалиться не оставляет скромности?» (святой Златоуст). «*О Господе*, то есть чрез Господа» (Экумений).

Надеявшиися, πεποιθότας, — воодушевившись узами моими, то есть или тем, что они получили такую славность, или тем, что святой Павел нес их благодушно. В первом отношении мысль такая: видя, что проповедь Апостола, несмотря на то, что он в узах, не только не привлекла никакой беды, а напротив, сделала его известным даже между знатнейшими лицами, — что все знают о том и никто ничего против него не предпринимает, хотя он в их руках, — видя это, отложили всякий страх и с дерзновением стали возвещать слово Божие. Во втором — такая: «во многих из братий, вследствие уз моих, родилась смелость; ибо, видя, что я с удовольствием переношу злострадание, небоязненно проповедуют Божественное Евангелие» (блаженный Феодорит). «Если бы связанный (Апостол) носил узы с прискорбием и молчал, то естественно было бы и им находиться в таком же состоянии; а как связанный действовал еще смелее, то придавал им смелости

более, нежели не бывши связан» (святой Златоуст).

Паче дерзают. «Они и прежде поступали смело и говорили с дерзновением; а теперь гораздо более» (святой Златоуст). «Дерзновение обуяло их; ибо узы Павла воспламенили их веру. Если б не Божественна была проповедь эта, говорили, то Павел не согласился бы терпеть за нее такие узы. Узы святого Павла послужили в подкрепление проповеди» (Экумений).

Глаголати слово Божие. Шла проповедь не человеческая, учение было распространяемо не Павлово, а чрез Павла от Самого Бога всем объявлялся самый верный путь спасения. В этом сила Евангелия! Уста были человеческие, а то, что они произносили, было Божеское, по силе, действовавшей в том.

Стих 15. *Нецыи убо по зависти и ревности, друзии же и за благоволение Христа проповедают.*

Где Божии сеятели сеяли, туда подоспел и враг со своими плевелами. Между добрыми и благонамеренными проповедниками вмешались и неблагонамеренные. Кто такие были? Это не были какие-либо неправомыслящие, иудействующие например. Ибо тогда Апостол никак не сказал бы: как бы ни был проповедуем Христос, радуюсь. Как мог бы он радоваться о распространении неправого учения? И особенно об иудействующих святой Павел не мог никогда

равнодушно говорить. Принять их учение, по нему,— значит отпасть от Христа. Какая тут ему радость? И в описании их он не намекает на их заблуждение в учении, а только изображает их недобрые чувства, говоря, что они проповедуют по зависти, по ревности, из желания печаль нанести узам, вообще нечисто, с нечистыми намерениями и побуждениями. И противоположных им проповедников изображает он не с той стороны, что они истину проповедуют, а с той, что проповедуют с добрым сердцем, по благоволению, из любви.

Как могли образоваться такие личности среди верующих? Где добродетель, там и грех сбоку. Среди веровавших иудеев, может быть, были знатные и ученые, которым естественно было позавидовать святому Павлу, и особенно если предположить, что они приняли христианство не столько по сердечному убеждению, сколько потому, что от иудейства отстали и прежде, язычеством гнушались по роду его, без веры же оставаться не могли. Явилось христианство, с которым иудейский разум легко мог помириться. Они и приняли его как систему, оставаясь с тем же ветхим сердцем. Пока успехи проповеди святого Павла были незначительны, они шли наряду с другими; а когда проповедь сия получила славность и раздражила проповедников истинных, тогда поднялись и они и, как не имели

очищенного сердца, вели проповедь с нечистыми расположениями; может быть, и без ведома Апостола, и наперекор ему. Хоть и Христа они проповедывали, но не славы ради Христовой, а своей; не приходило ли им на мысль и то, чтобы затмить Апостола? Святой Павел говорит, что они проповедывали по зависти и ревности, ἐριθείας, — по ревнивости, по желанию перегнать Апостола. «Завидуя моей славе и хорошему началу, или для того, чтобы и самим быть в чести, думая уменьшить сколько-нибудь мою славу» (святой Златоуст). Апостол говорит о них спокойно, в полной, конечно, уверенности, что от них вреда святой вере последовать не могло.

Этим недобрым противополагает он добросердечных проповедников, которые проповедывали Христа *за благоволение*, то есть с благою волею, из любви к Господу, к святой вере и к самому Апостолу. За благоволение, то есть без лицемерия, со всем усердием (см.: святой Златоуст); «из горячего расположения к благочестию» (блаженный Феодорит); «по вере, по любви, по убеждению, по благой воле» (Экумений). «Без притворства, с правым расположением сердца» (блаженный Феофилакт).

Стих 16. *Ови убо от рвения Христа возвещают нечисте, мняще печаль нанести узам моим.*

Первые возвещают Христа *от рвения*, ἐριθείας, — из ревнивости, желая опередить меня,

оставить меня позади, или действуя наперекор мне, моим распоряжениям и планам. Потому возвещают *нечисто*, чем означается не то, что учение их было с примесью лжи, а то, что они действовали не с добрым сердцем, нравственно нечисто, οὐχ ἁγνῶς, — не непорочно, чем отрицается чистота сердца.

Мняще печаль нанести узам моим, — то есть надеясь опечалить меня, в узах находящегося. Чем они могли надеяться опечалить святого Павла? Если они ложь проповедывали, было бы очевидно, чем могли опечалить его. Но как они в учении не погрешали, а только в побуждениях и образе действования; то можно догадываться — тем, что действовали против воли святого Павла, без его ведома, не по его указанию и даже наперекор ему. И это могло опечалить Апостола, который ревновал, чтобы в Церкви, в кругу верующих, все шло благообразно и по чину. Святой Златоуст говорит: «думая таким образом ввергнуть меня в большую беду, они скорбь прилагают к скорби. О, жестокость, о, дьявольское действование! Видели, что он в узах заключен в темнице, и еще не доброжелательствовали ему; хотели увеличить его несчастия. Хорошо сказал Апостол: *мняще*; ибо случилось не так. Они думали чрез сие опечалить меня; а я радовался успеху проповеди. — Так-то возможно и доброе дело делать не с добрым намерением; за что не

только не будет награды, но еще наказание (будет). Ибо как проповедывали Христа с тою целию, чтобы проповедника Христова ввергнуть в большие беды; то не только не получат награды, но будут подлежать наказанию и мучению».

Стих 17. *Ови же от любве, ведяще, яко во ответе благовествования лежу.*

Вторые же возвещают Христа *из любви* — и к Господу, и ко мне (Экумений, блаженный Феофилакт); можно прибавить: к святой вере и благовестию о ней. Хотя из следующего видно, что любовь у них была более к Апостолу, но ей нельзя было быть одной, без любви к Господу и к делу спасения, Им совершенному. — *Ведяще, яко во ответе благовествования лежу.* Ответ за благовествование можно понимать — и пред Богом, и пред кесарем. Если последнее, будет мысль: зная, что на мне лежит ответ пред правительством, они действуют в проповедании осторожно, по моему указанию и руководству, чтобы неразумным действованием не раздражать власти и тем не поднять против меня бури. Все знают, что проповедь идет от меня. Случись что по поводу ее, тотчас власть за меня возьмется, что не может кончиться добром. Зная это, они, из любви ко мне, действуют в проповеди по моему наставлению. Доразумевается: а те — первые — действуют без разбора. Для них не дорого, если мне придется из-за того пострадать или даже смерти

подвергнуться. Если первое, мысль будет: «они облегчают мою ответственность пред Богом и некоторым образом помогают мне в ответе. Как бы так говорит Апостол: мне заповедано проповедывать; и я должен буду дать отчет и отвечать за дело, которое мне заповедано. Посему они мне помогают так, что отвечать мне стало легче. Ибо если найдется много наученных и уверовавших, то отвечать будет мне легко» (святой Златоуст и все наши).

Стих 18. *Что убо? Обаче всяцем образом, аще виною, аще истиною, Христос проповедаемъ естъ: и о сем радуюся, но и возрадуюся.*

Что убо, τί γάρ? Что ж? Пусть проповедуют. «Что мне до того, так или иначе (проповедуют)» (святой Златоуст). Намерений их и побуждений одобрить нельзя. Но, смотря на самое дело проповеди Евангелия, отвлеченно от расположений, с какими это делается, нельзя этому не радоваться. Каким бы образом, с каким бы сердцем ни был проповедуем Христос, *виною* ли, προφάσει, — под предлогом, под видом любви к Господу и к истине, лицемерно, — или *истиною*, — с расположением духа, с каким и следует совершать сие дело святое, я этому радуюсь, и не только теперь радуюсь, но буду и после всегда радоваться, и еще большею, чем теперь, радостию; или — буду радоваться, «если б больше и больше так делали» (святой Златоуст). Ибо те, нечисто проповедующие, —

губят свое дело доброе: и об этом надо жалеть; но слушающие их, и верующие чрез них Господу, получают спасение и прославляют Господа: об этом как не радоваться? Слава Господня распространяется; и мое дело спеется. «Они против воли содействуют мне, хотя за труды свои потерпят наказание; а я, нисколько им не помогая, получу награду. Есть ли кто злее диавола, который выдумал самую проповедь обратить в причину наказания для тех, кои согласились содействовать ему? Видишь ли, в какую беду ввергает он своих? За проповедь и труды умышляет им наказание и мучение. И какой бы другой неприятель и враг спасения их все так устроил?» (святой Златоуст).

Из этого места очевидно, что лица, о коих говорит здесь святой Павел, не были еретики. «Они проповедывали здраво, только цель и намерение, с которыми так поступали, были извращены, а самая проповедь не изменялась» (святой Златоуст). «Он обвинил их не за то, что учат худому, но что доброму учат худо, имея целию не благочестие, а крайнюю неприязненность» (блаженный Феодорит). Не подумал бы кто, что святой Павел одобряет недобрые побуждения, лишь бы дело было хорошо. «Надобно принять во внимание, что у святого Павла выражено сие не в виде повеления, но повествовательно; не сказал он: да будет проповедуем, но *проповедаемь*

есть» (блаженный Феодорит). «Он высказал то, что было» (святой Златоуст) – и обсуждает дело совершившееся, а не заповедь дает. Отрекшись от всех соприкосновенностей дела, даже и с той стороны, какою оно чувствительно касалось его самого, он говорит: делу такому нельзя не радоваться. Святой Златоуст по поводу сих слов дивится более возвышенному характеру святого Павла, говоря: «никакая скорбь, из случающихся в настоящей жизни, ни вражды, ни порицания, ни клеветы, ни беды, ни казни не могут возмутить великую и любомудрую душу: ибо она как бы убежала на вершину некоторой высокой горы, где стала безопасна от всех стрел, пускаемых снизу, с земли. Такова душа святого Павла, нашедшая себе высшее всякой вершины место – место любомудрия духовного, истинного любомудрия. – Причиняли ему различные огорчения, и, однако ж, что он говорит? не только не скорблю о сем и не унываю, но даже радуюсь и возрадуюсь; не теперь только, то есть, но всегда буду о сем радоваться?»

Таким образом святой Павел ни догмата не приносит в жертву нравственности, ни нравственности — в жертву догмата.

Стих 19. *Вем бо, яко сие сбудется ми во спасение вашею молитвою и подаянием Духа Иисус Христова.*

Вем бо — указывает причину, почему говорит, что всегда будет радоваться. Ибо несомненно, говорит, знаю, что и этот способ проповеди послужит мне во спасение. Под: *сие* — хоть можно разуметь оба способа проповеди, — то есть *аще виною, аще истиною*; но как от благонамеренной, под руководством самого святого Павла совершаемой проповеди, он не опасался ничего худого, а только говорит, что та неразумная, неруководимая, неблагонамеренная проповедь может печаль нанести его узам; то видно, что здесь более разумеется сия последняя. Уверен, говорит, что и сия последняя послужит мне во спасение. «*Сие* — или то, что те так проповедуют Христа, или даже и то, что наветуют святому Павлу» (Экумений). «Если произойдут от сего какие опасности, то и самые опасности послужат мне во спасение» (блаженный Феодорит).

Слово: *во спасение* — разно понимают. Это ни временное, ни вечное спасение, а стоит вместо обычного выражения: *во благо*. Что бы ни вышло из их неразумного действования, — да вместе и с разумным, — все то послужит мне во благо. На чем утверждается такая уверенность? На вере в силу молитв святых и в промыслительное о нем Божие попечение: *молитвою вашею и подаянием Духа Иисус Христова*.

Молитвою вашею. Поелику писал к филиппийцам, то помянул об их молитве. Пиша к другим, то

же сказал бы и об их молитве. Апостол был уверен, что молитва филиппийцев, равно как и всех им обращенных, и даже всех верующих, непрестанно восходит о нем к Богу и испрашивает ему все благопотребное; Бог же слушает святых Своих. Потому не сомневался, что все, имеющее случиться, послужит ему во благо. Сказанное им не одни слова, а выражение того, что было у него на сердце. Таков дух жизни о Христе Иисусе, что в нем никто одиноким себя не чувствует. Это и Апостол выразил в слове: *сбудется мне во спасение вашею молитвою.* «Заметь смиренномудрие сего блаженного. Он подвизался на трудном поприще; совершил бесчисленное множество дел; находился уже у самого венца. Однако ж тот, который бесчисленными добродетелями стяжал спасение, пишет филиппийцам, что могу спастись вашею молитвою» (святой Златоуст). Так глубоко входит в сознание убеждение в силе и необходимости общей молитвы, что и Апостольское сердце не увольняется от него.— Или, правда, в нем-то и быть ему надлежало в совершенстве. Ибо они образец наш во всем.

Подаянием Духа Иисус Христова.— Не о том говорит, что Дух Иисус-Христов будет ему подан; ибо кто был более исполнен сим Духом? Но,— что Дух Иисус-Христов подаст ему, вместе с молитвою верных, что все сбудется ему во спасение. Разумеется Дух, блюститель, руководитель

и просветитель Апостолов всех, и, следовательно, Павла, Который ниспослан на них Господом Иисусом Христом от Бога Отца и неотлучно пребывал в них, осенял их и охранял. Водительству Его Апостолы были вполне преданы и были уверены, что все пути их и все случайности с ними обращаются и будут обращаемы всегда во благо им, яко Апостолам, во благо их Апостольского служения. Эту уверенность и выражает здесь Апостол. Она неотходно пребывала в их сердцах, и воодушевляла их, и надеждою преисполняла.

Стих 20. *По чаянию и упованию моему, яко ни о единем же постыжуся, но во всяком дерзновении, якоже всегда, и ныне возвеличится Христос в теле моем, аще ли животом, аще ли смертию.*

Молитва верных и вседейственность Духа Иисус-Христова всё, говорит, обратят мне во благо; но не сами собою. Они – вне. Я привлекаю их к себе и силу их себе усвояю моим чаянием и упованием. Это сделают они для меня по чаянию и упованию моему. *По чаянию*, κατ' ἀποκαραδοκίαν. – Слово это означает твердую, непоколебимую и непреложную надежду, которую обнаруживают положением головы, κάρα, – и уверенным взором, например: *и аз воззрю на враги моя* (Пс. 117, 7). Вот какую сильную надежду и какое крепкое упование носил в душе своей Апостол! Имея же их, он с уверенностию

говорит, что не постыдится. Ибо упование не посрамляет (см.: Рим. 5, 5), как сам же он учит. Да и *кто упова на Господа и постыдеся?* (ср.: Сир. 2, 10). — *Яко ни о едином же постыжуся.* «Такова надежда Павлова; надеюсь, что никогда не буду посрамлен. Видишь ли, каково надеяться на Бога? Что бы ни случилось, говорит, не постыжуся» (святой Златоуст).

Но во всяком дерзновении. Под дерзновением здесь надо разуметь то, о котором говорил он выше (стих 14), что братия, обнадежены будучи узами святого Павла, стали с дерзновением возвещать слово Божие. Одни из них дерзали благонамеренно, а другие не с добрым сердцем. Апостол говорит, что *во всяком* таком *дерзновении*, — и благонамеренном, и не благонамеренном, — *якоже всегда, ныне возвеличится Христос в теле моем.* Цель жизни Апостола — Христос Господь. Я, говорил он в Послании к Галатам, умер. А что живу, это живет во мне Христос, Ему я весь предан и славе имени Его посвящаю все дни жизни моей и все заботы и труды мои. Если посрамление есть, когда кто избирает себе какую цель и не достигает ее; то моим посрамлением было бы, когда бы кто успел что-либо во мне или вокруг меня обратить не к возвеличению Господа, а к умалению Его. Но этого никому не удастся сделать. Ибо действующий во мне есть Сам Господь, Который не даст

напрасно затмить славу Свою; а я все, что ни делаю, для Него делаю. Потому, что бы ни вышло из текущих дел, всем возвеличится Господь. А в этом цель жизни моей. Следовательно, я ничем не постыжусь. — Буду жив? жизнию возвеличится Господь; умру? смертию возвеличится. «Часто я находился в таких бедах, в которых не только все отчаявались о нас, но и мы сами о себе: *сами бо в себе осуждение смерти имехом* (ср.: 2 Кор. 1, 9); но Господь избавил нас от всего: так *и ныне возвеличится* Он *в теле моем*. А дабы кто не подумал и не сказал: если же ты умрешь, то неужели возвеличится? Точно, говорит, так, я уверен. Потому-то я и не сказал, что жизнию только возвеличится, но (прибавил) и смертию: жизнию, поелику Он спас меня, — смертию, поелику смерть не принудила меня отречься от Него, поелику Он даровал мне столько ревности и сделал меня сильнее смерти; в первом случае потому, что Он избавил меня от бед, а в последнем потому, что не допустил меня убояться насильственной смерти. Вот как Господь возвеличится жизнию и смертию».

«Сказал: *возвеличится*, — то есть явным соделается величие силы Его. Говорит же Апостол: избегну ли опасности смертной или подвергнусь смерти, одинаково будет явлено могущество Владыки моего Христа. Ибо, если преодолею опасности, все удивятся Исхитившему меня из таких

многих сетей; а если буду предан смерти, изумит всех сила проповеди, заставляющая проповедников презирать смерть» (блаженный Феодорит).

В теле моем, — то есть во мне или в жизни моей, — будет ли она продолжаться или пресечется. Выражает это Апостол по поводу тех неразумных дерзателей возвещать слово Божие. Действуя не по воле Апостола и даже наперекор ему, они могли преступить меру благоразумия, возбудить движение, обратить на происходящее взоры власти; и Апостолу предлежало подвергаться за то ответу. Апостол мог с часу на час ждать себе грозы. Слабую душу это могло тревожить: Апостол же покоен был успокоением в Господе. Он как бы говорит: жить ли мне должно или умереть, то и другое приму благодушно (см.: святой Златоуст). Я уже безвозвратно отдал жизнь мою в руки Господа. Что Ему угодно, то и сотворит. Но что бы ни благоволил Он сотворить, всем тем возвеличится имя Его.

б)

Последние слова послужили для Апостола переходом к тому, чтоб открыть филиппийцам, как смотрит он на свою жизнь и что поставляет последнею для ней целию. Этим он свидетельствовал особую к ним близость и дружественность.

Глава 1, стих 21. *Мне бо еже жити — Христос, и еже умрети приобретение есть.*

Уповаю, говорит, что вашими молитвами и Божиим устроением все будет мне во благо, — жив ли буду или умерщвлен. Ибо *жизнь для меня — Христос*: Ему все посвящаю, а это есть великое благо; и *смерть приобретение*: не лишение какое-либо, а тоже благо, потому что умереть за Христа преславно и потому что по смерти тотчас лицом к лицу увижу Христа Господа, в чем все наше блаженство. В сем последнем отношении я могу сказать, что умереть для меня было бы даже лучше. Живя здесь, я только работаю Христу, тружусь для Него, а там — тотчас начну наслаждаться общением с Ним. Что жизнь для него — Христос, в этом заключается и та мысль, что духовную жизнь он имеет от Христа и во Христе, и та, что первый предмет забот и стремлений его есть угождать Христу и заповеди Его исполнять (см.: святой Златоуст, Экумений, блаженный Феофилакт, блаженный Феодорит). Но в настоящем месте этим Апостол хотел то преимущественно выразить, что жизнь его вся предана на дело проповеди Евангелия, с стремлением всех научить, что спасение наше есть только в Господе Иисусе Христе, и всех настроить в Нем искать и обретать свое спасение (см.: святой Дамаскин). Это не исключает первых двух, напротив, совмещает их в себе.

Смерть — приобретение и для всех, потому что избавляет от тяготы настоящей многоскорбной

жизни и вводит в лучшую. Но в этом смысле смерть есть приобретение не сама по себе, но потому, что Господу угодно было сочетать с нею. Сама же по себе она не есть ни потеря, ни приобретение и случается по Божию порядку. Если, потому, святой Павел называет приобретением собственно смерть, то разумеет под ней не обычную смерть, а смерть мученическую, смерть за Христа и Евангелие. Такая смерть точно есть приобретение, ибо сама по себе венчает страдальца преславным венцом. Такой смерти и ожидал Апостол.

Стих 22. *Аще же, еже жити ми телом, сие мне плод дела: и что изволяю, не вем.*

Лучше бы мне умереть, — и по цене мученической смерти, и по тому, что за нею естественно последует. Но вот в противовес сей выгоде в моем положении стоит другая выгода: *плод дела* моего, — Апостольского, если останусь жив, — распространение света Евангельского и спасение стольких душ. Когда, говорит, поставлю эти две выгоды одну против другой, то не знаю, что изволяю, чего больше восхотеть, что предпочесть?

«Какое любомудрие! Он и отринул любовь к настоящей жизни, и не оклеветал ее! Ибо словами: *еже умрети приобретение есть* — он отринул любовь к сей жизни; а словами: *еже жити ми телом, сие мне плод дела* — показал, что и настоящая жизнь нужна. Каким образом? Ежели

пользуемся ею как должно, ежели приносим плод. Если же она бесплодна, то уже не жизнь. Деревья, не приносящие плода, равно и сухие, мы бросаем и предаем огню. Жить есть нечто среднее и безразличное; а жить хорошо или худо — в нашей воле. Посему не должно ненавидеть жизни. Ибо можно жить и хорошо. Если же будем злоупотреблять жизнию, и в таком случае не должно обвинять ее. Почему? Потому что не жизнь тому причиною, но воля злоупотребляющих ею. Бог дал тебе жизнь, дабы ты жил для Него; а ты, по наклонности ко злу живя греховно, сам себя подвергаешь всякой вине» (святой Златоуст).

Когда Апостол говорит: *что изволяю? не вем* — дает мысль, что выбор жизни или смерти состоял в его власти. Но жизнь и смерть в руках Божиих. В каком же смысле так сказал Апостол? Может быть, он разумел при сем сердечный выбор. Перебирая случайности, какие делало возможными настоящее его положение, он не мог не предположить возможности, что его и смерти предадут. На это сердце могло отозваться желанием, ради светлости мученического венца и ради скорейшего личного общения с Господом. Но в то же время совесть могла представить ему, что он Апостол и, пока силы есть, должен желать жить, чтобы распространять Евангелие Христово. Преданный долгу Апостольскому, не мог он не возжелать, чтоб с ним было по этому благому

внушению. И вот о сей борьбе добрых желаний он говорит, что, стоя среди них, не знает, что изволить.

Но можно и прямо разуметь, что тут выбор не желания, не предпочтения, — а самого события жизни или смерти, в силу того, что он помолился бы о том, и Бог сделал бы по его молитве. Езекия помолился, и Бог прибавил ему жизни. И в житиях святых было много опытов, что иные умирали, а иным продолжаема была жизнь по молитве. В этом смысле и Апостол мог сказать: не знаю, что избрать, о чем помолиться, чтобы Бог мне то сделал. Святой Златоуст так разумеет сии слова: «здесь Апостол открывает великую тайну, что в его власти было умереть. Ибо когда есть избрание, то, значит, мы властны. *Что изволяю*, говорит, *не вем*. Значит, это в твоей власти? Подлинно, говорит, если захочу испросить у Бога сию благодать».

Стих 23. *Обдержимь же есмь от обою, желание имый разрешитися, и со Христом быти, много паче лучше.*

Обдержимь есмь от обою — и туда и сюда тянет меня; не мысль с мыслию в борьбе у меня, а желание с желанием, сочувствие с сочувствием, влечение с влечением. Имею желание *разрешиться от тела*, посредством смерти, какую угодно будет Богу послать мне. И это *было бы гораздо лучше*, потому что чрез это я тотчас

стал бы *со Христом быть* и в Нем блаженствовать. Такова прямая надежда и всех христиан, пребывших верными вере, а тем паче Апостолов. Где и быть по смерти тем, кои с первого приступления ко Христу облеклись во Христа и все время жизни жили так, что не они жили, но жил в них Христос, — где и быть таковым, как не со Христом? Святой Златоуст наводит отсюда: «смерть есть вещь безразличная. Поелику смерть не есть зло, но зло — по смерти мучиться; равно смерть не есть и добро, но добро — по смерти быть со Христом. Что бывает по смерти, то добро или зло. Итак, мы должны скорбеть не о всех умирающих и радоваться не о всех живущих. Как же? Мы должны плакать о грешниках, не умирающих только, но и живущих, и радоваться о праведниках, не только живущих, но и скончавшихся. Ибо те и при жизни умерли, а сии и по смерти живут. Те и в сей жизни жалки для всех, поелику оскорбляют Бога; а сии, и туда переселясь, блаженны, поелику отошли ко Христу. Грешники, где бы ни были, далеки от Царя, посему достойны слез; а праведники, здесь или там, вместе с Царем, и там они еще гораздо ближе к Нему не созерцанием, не верою, но, как сказано, *лицем к лицу* (1 Кор. 13, 12)».

Стих 24. *А еже пребывати во плоти, нужнейше есть вас ради.*

Другой противовес желания — *нужнейше есть вас ради*. Сознание долга Апостольского заставляет желать еще пожить во плоти, чтоб веровавших укреплять, неверовавших обращать,— всех весть ко Христу. Между пребыванием со Христом в другой жизни и здешнею жизнию и сравнения не могло образоваться. Не эта последняя и выступает у Апостола в противовес с первым, а то, что он может еще сделать в сей жизни. Цель настоящей жизни в будущей. Светла будущая; но если в настоящей представляется возможность еще многое сделать, из-за чего будущая будет наиболее светлою; то нельзя не желать продления ее, не ее самой ради, а ради того, что ею можно достигнуть. Когда узрелось Апостолом, что пребывание во плоти *нужнейше есть* и что он в силах еще совершить сие нужнейшее, тогда у него стали в борьбе лучшее будущее с наилучшим будущим, средством к которому служит продление настоящей жизни: тогда решение спора состоялось само собою: *буду и спребуду*. Как ни трудна настоящая жизнь, но я должен желать продления и желаю.

Святой Златоуст изумляется и этому колебанию желаний во святом Павле, и этому решению: «что ты говоришь? Ты преставишься отселе на небо и будешь со Христом, а не знаешь, что избрать? Нет! это несвойственно душе Павловой. Ибо кто не избрал бы сего (то есть быть со

Христом), если бы кто-нибудь сказал ему об этом и твердо в том его уверил? Конечно никто. Но не в нашей власти ни то, чтобы разрешиться и со Христом быти, ни то, чтобы оставаться еще здесь, когда придет тому время. Для Павла же и души его было возможно и то и другое. Что же ты говоришь? Знаешь и уверен, что будешь со Христом, а недоумеваешь, говоря: *не вем, что изволяю*? Мало того, ты даже решаешься остаться здесь, то есть пребыть во плоти. Почему бы это? не горькую ли проводишь ты жизнь? Не в бедах ли, не в алчбе ли, жажде и наготе? И еще желаешь сей преходящей жизни? Да если бы и ничего такого с тобою не случилось, но все дела ты совершал безопасно и с удовольствием; и тогда не надлежало ли тебе, убоявшись неизвестности будущего, спешить к безопасному пристанищу? Даже если бы настоящая жизнь исполнена была бесчисленных благ, и в таком случае надлежало бы желать отрешения от них для Христа, возлюбленного тобою. Нет, говорит он, и сие (то есть пребыть во плоти) для Христа, дабы тех, которых я сделал рабами Его, еще более утвердить в добром расположении, дабы ниву, мною насажденную, сделать плодоносною. Разве ты не слышал, что я желал бы отлученным быть от Христа, только бы многие обратились к Нему? Если я на сие решался, то не с большим ли удовольствием решусь пожертвовать своим замедлением и

пребыванием здесь, только бы это сколько-нибудь послужило к их спасению? Вот почему: *еже пребыти во плоти нужнейше есть вас ради.* — Павел мог отойти ко Христу и не хотел ко Христу, — ко Христу, Которого он столько любил, что для Него готов был даже в геенну, а остался еще подвизаться здесь для людей. Чем же мы будем оправдываться?»

Стих 25. *И сие известне вем, яко буду и спребуду вам всем, в ваш успех и радость веры.*

«Удивления достойно в Божественном Апостоле, что ради спасения людей он предпочел эту жизнь с ее трудами и опасностями. Знаю, говорит, что избегну предстоящей опасности, чтобы снова доставить вам обильную пользу и радость, как достигшим желаемого» (блаженный Феодорит).

Нелегкая борьба происходила в душе Апостола. В ней можно видеть малое подобие борьбы Христа Спасителя в Гефсиманском саду. Сначала выступило, пред лицом близкой опасности смерти, чувство к жизни, естественное, столь у всех живое. Оно было принесено в жертву готовностию умереть за Господа Иисуса Христа. Жертва сия услаждена уверенностию в близости общения с Господом и не только не имела ничего болезненного, напротив, стала вожделенною. Но это успокоение было опять нарушено сознанием долга Апостольского и, в свою очередь, было

принесено в жертву готовностию и желанием жить еще, среди лишений, скорбей, бед и непрестанных смертей без смерти, чтобы прославить более имя Христа распространением на земле света Евангельского. Убеждение в необходимости сего последнего родило уверенность в продлении жизни в душе Апостола, преданной в волю Божию, коей сокровенных решений не неведал Дух Божий, обитавший в нем. Вот откуда изошло: *и сие известне вем.* «Таинник неизреченных и пренебесных (таин) видел, что жизнь его не в опасности и что он еще поживет; почему и сказал так» (Фотий у Экумения).

Буду и спребуду. «Если это нужно, то я подлинно пребуду, и не просто пребуду, но с вами. Ибо таково значение слова: *спребуду*, — то есть останусь, увижусь с вами. Для чего? *В ваш успех и радость веры.* — Что же? Для одних ли филиппийцев он остался? Нет, не для них только, а говорит это к ним для того, чтобы утешить их. Как же это служило к успеху их в вере? Так, чтобы они укрепились подобно птенцам, имеющим нужду в матери, доколе они не оперятся. Это доказательство великой любви. Подобным образом и мы возбуждаем иных, когда говорим: я остался для тебя, чтобы тебе сделать добро. Сими словами он возбуждает их быть внимательными к себе, как бы так говорит: если я для вас остался, то смотрите, не посрамите моего

пребывания. Имея возможность зреть Христа, я решился остаться здесь для вашего успеха. Поелику мое присутствие споспешествует и вере, и радости вашей, то я и решился остаться» (святой Златоуст).

Успех веры есть большее и большее разумение догматов веры и большее и большее совершенствование в жизни по духу веры. А *радость веры* есть и радость, какую принесет им это преуспеяние, и радость, какую доставит им свидание с Апостолом, который, пришедши к ним, и познанием веры их обогатит, и настроит на совершеннейшую жизнь. Эта радость ожидает как филиппийцев, так и самого апостола Павла, как и, к римлянам пиша, говорил он, что желает быть у них, чтобы в них *соутешитися* общею верою, — и своею и ихнею (см.: Рим. 1, 12).

Стих 26. ***Яко да похвала ваша избыточествует о Христе Иисусе во мне, моим пришествием паки к вам.***

Следствие нового спребывания с ними Апостола — успех и радость веры; а следствие того и другого — возвеличение похвалы филиппийцев о Христе Иисусе. Они уже хвалимы были и за твердость в вере, и за усердие к делам по вере; но когда Апостол придет к ним и, преподавши им новые наставления в том и другом, подвинет их веру и нравственность, то чрез это возвысится и похвала их. *Похвала о Христе Иисусе*, — то есть

в духе Его, или такая похвала, какою и Сам Господь похвалит их. Но слово: *во мне* — наводит и на ту мысль, что похвала сия от них перейдет и на Апостола. И ему, как учителю, больше будет похвалы по причине похвальности учеников. Или что похвала их и в его устах будет велеречивее, — и ему будет чем похвалиться относительно них (см.: святой Златоуст).

Все это ожидается от пришествия Апостола паки к ним. «Что же? пришел ли он к ним? Сами судите, пришел ли?» (святой Златоуст). «Предречение сие исполнилось» (блаженный Феодорит). В этих словах заключается решительное удостоверение, что святой Павел из первых уз получил свободу и посетил прежде основанные им Церкви, в числе их и Филиппийскую. Он говорил в неложном духе пророческом.

2) Наставление филиппийцам о достойном благовестия жительствовании (1, 27—2, 18)

В изложении этих наставлений святой Павел сначала указывает совместно пункты, которых намерен коснуться; затем по частям объясняет, чего бы он хотел от них, яко христиан, по каждому пункту: а) он говорит им вообще: живите достойно благовествования Христова, — единодушно подвизаясь, — против врагов наших (1, 27); б) эти три пункта пространнее объясняет он

потом (1, 28–2, 18), идя в обратном порядке: аа) *сначала* воодушевляет к борьбе с сопротивными (1, 28–30); бб) *потом* учит, как блюсти взаимное единодушие (2, 1–11); вв) *наконец*, указывает, как жить достойно христианства, со страхом и трепетом содевая свое спасение и являясь яко светила среди рода строптивого и развращенного (2, 12–18).

а) Общее указание сторон христианской жизни, каких намерен коснуться Апостол
(1, 27)

Глава 1, стих 27. *Точию достойне благовествованию Христову жительствуйте, да аще пришед и видев вас, аще и не сый у вас, услышу, яже о вас, яко (истиною) стоите во едином дусе, и единодушне сподвизающеся по вере благовествования (волею).*

«Посему умоляю вас возлюбить жизнь, сообразную с Евангелием, чтобы мне, приду ли к вам или буду жить где в другом месте, увеселяться восписуемыми вам похвалами; доставят же мне это веселие ваше согласие, ваше единомыслие в Божественном, общий вам подвиг в деле истины и то, что нимало не приводят вас в смятение противники!» (блаженный Феодорит).

Точию. Все то сбудется, что он обещал, и радость будет, и похвала будет, только исполните условие, которое вам предложу; а если не исполните, будет все противное. «Что значит — точию? Значит, что это есть только достожелаемое мною, а не другое что-либо. — Видишь ли, как все

прежде он говорил им для того, чтобы побудить их к преуспеянию в добродетели» (святой Златоуст).

Достойне благовествованию Христову жительствуйте. Жительствуйте, πολιτεύεσθε,— гражданствуйте,— живите так, как следует жить гражданам Царства Христова. А это как? Смотрите в Евангелии. Как требует Евангелие Христово, так и живите. «Евангелие же требует: *иже хощет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и последует Мне* (ср.: Мк. 8, 34)» (блаженный Феофилакт). В этом дух жизни о Христе Иисусе. *Иже Христови суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (ср.: Гал. 5, 24). Строгая подвижническая жизнь — печать Евангельской жизни. Истинные Евангелики суть только строгие подвижники.

Да аще пришед и видев вас, аще и не сый у вас, услышу, яже о вас. Приводится обстоятельство это в видах раздражения ревности, по сердечной связи их с Апостолом; к существу же наставления это ничего не прибавляет. Как отец детям, как любимый наставник любимым ученикам, говорит им: смотрите, не сделайтесь причиной огорчения для меня; мне крайне дорого ваше преуспеяние; и ничто мне так не желательно, как и видеть, и слышать, что вы во всем совершенны. *Аще пришед... аще и не сый* — «говорит не потому, будто бы переменил намерение и не хотел

уже прийти к ним, но, если бы случилось, прибавляет: то *и не сый у вас* могу радоваться: *аще услышу, яко...*» (святой Златоуст). *Аще* — вместо: когда. Когда приду и увижу, — или пока еще не приду, а буду собираться или в дороге буду, услышу о вас, чтобы мне и видеть, и слышать о вас одно доброе.

Указывая, что такое доброе он желает и видеть, и слышать, возвращается святой Апостол к наставлению: *яко (истиною) стоите в едином дусе и единодушне. Истиною* — нет в греческом подлиннике. Если принять сие слово, то значение его, здесь уместное, будет: не вид только стоящих имеете, но истинно стоите, искренно, каковыми кажетесь, таковы пребывайте и в сердце. *Стоите* — указывает на твердость веры и жизни по вере. Как столп какой, глубоко вкопанный, твердо стоит — не пошатнешь: так они тверды в жительствовании, достойном Евангелия. *В едином дусе и единодушне.* «Сказавши им — жительствовать достойно Евангелия, указывает и образ такого жительствования. А это есть — искренность в вере: ибо иначе нельзя быть в едином духе, как так. Потом заповедует им иметь и одну душу, в чем доказательство превеликой — (взаимной) любви» (святой Дамаскин). В одном духе и одною душою — можно и не различать, разумея под сими совершенное во всем согласие и любовное единение. И можно под духом разуметь одинаковое

их отношение к Богу, а под душою — прочие проявления внутренней жизни. *В едином дусе* — будет: одинаково все, по вере в Господа, пред лицем Его в сердце предстоя и одинаковою ревностию ревнуя благоугодными Ему во всем явиться. *Единодушне* — будет: содержа одинаковый образец мыслей, одинаковые питая добрые расположения, намерения и предприятия, одинаковые имея вкусы во всем. То и другое и составит крепкий между ними союз любви, непреодолимый для врагов и внешних и внутренних.

Святой Златоуст говорит: «сие-то особенно соединяет верных и поддерживает любовь. Посему Христос сказал: *да будут едино* (Ин. 17, 11). *Ибо царство раздельшееся на ся не станет* (ср.: Мф. 12, 25). Посему Павел повсюду сильно убеждает к согласию. Посему же и Христос говорит: *о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 35). Что значит: *во едином дусе*? значит: в одном и том же даровании единомыслия и ревности. Равным образом и: *стоять единодушне* — означает единомыслие. В сем-то смысле многие души называются *единою*. Так было древле. *Всем бе*, сказано, *сердце и душа едина* (ср.: Деян. 4, 32)».

Сподвизающеся по вере благовествования. «Это значит: вспомоществуйте друг другу в подвиге за веру Евангельскую» (святой Златоуст). Слова: *волею* — нет в греческом подлиннике. Если принять его, оно будет значить: доброхотно,

с крепкою решимостию не уступать, с желанием устоять, чего бы это ни стоило.

Вера благовествования – вера Евангельская нигде не водворялась без борьбы. Всюду встречала она сопротивления: ибо являлась среди мира, духу которого была совершенно противоположна, – изгоняла его из своего круга. За это мир ее ненавидел, противился ей и гнал ее. От этого всякому обществу верующих неизбежно было находиться в подвиге самозащищения. Для успеха в этом подвиге Апостол заповедует – стоять в едином духе и единодушно, – чтоб все были как одна душа. Таких кто одолеет? Непреодолимость не то есть, чтобы ничего не претерпевать, а чтобы не отставать от веры, хотя бы и умереть пришлось. Сколько мужества вдыхает душа, когда все ее подкрепляют? Она сильна тогда одна, сколько все души в совокупности. Так в вере, – как показали мученики. Так и в жизни, как доказывают братские общества, соединяющиеся для преуспеяния в христианском совершенстве. Пример, совет, молитва – тотчас обращают в бегство всякого врага.

б) Более пространное объяснение показанных пунктов (1, 28–2, 18)

аа) Воодушевление на борьбу с сопротивными (1, 28–30)

Воодушевляет их на это Апостол спасительностию страданий (стих 28), превосходством веры

со страданием пред простою верою (стих 29) и своим примером (стих 30).

Глава 1, стих 28. *И не колеблющеся ни о едином же от сопротивных: еже тем убо есть явление погибели, вам же спасения. И сие от Бога.*

Стойте *неколеблющеся*, μὴ πτυρόμενοι, — не боясь, не колеблясь страхом, — мужественно. Это то же, что говорил и Спаситель: *не убойтеся от убивающих тело* (Мф. 10, 28). Держите то убеждение, что враги ваши никогда вам существенно зла сделать не могут, и никак не допускайте мысли, что они находятся в выгоднейшем против вас положении; напротив, из того самого, что они вооружаются против вас, выводите верное заключение, что они идут путем погибельным, а вы — спасительным. Так Бог устроил, что истина и добро терпят притеснения в мире: от чего Господь всем, держащимся Его, не рай на земле обетовал, а что? *В мире скорбни будете* (Ин. 16, 33). Убедитесь вы в спасительности страдания и не только не будете бояться врагов, но будете желать их нападений, чтобы причаститься спасительности страдания за Господа и веру Его.

Сопротивные здесь не иномыслящие какие, а вообще — неверующие, какими они были окружены, иудеи ли то, или язычники. Неприязненность со стороны их не предполагается только Апостолом, но указывается как действительная. Об этом мог известить его Епафродит. Говоря: *ни о*

единном же — ни в чем, — дает знать, что неверующие теснили верующих не с одной стороны и выступали против них не с одним орудием. Что бы они ни делали и что бы ни замышляли, не бойтесь ничего; они вам не повредят, напротив, действуя так, они себе заготовляют погибель, а вам углаждают путь спасения. — *Спасение* здесь значит, что конец вашего мужества будет спасителен для вас, а их восстание против вас будет для них пагубно. И не только будет, но уже и есть так. Вы спасение содеваете, а они гибнут. Святой Златоуст говорит: «хорошо сказано: *не колеблющеся* — не страшась; ибо действия врагов таковы, что они только устрашают. Говорит: *ни о единном же*; что бы ни случилось, опасности ли, казни ли. Ибо таково свойство людей мужественных. Враги ничего не могут сделать им».

Стих 29. ***Яко вам даровася, еже о Христе, не токмо еже в Него веровати, но и еже по Нем страдати.***

Второй источник воодушевления — стоять мужественно против врагов — указывает Апостол в том, что страдания от них за веру есть особый дар Божий. И вера — дар, но вера с страданием за нее есть высший дар. — Спасение наше совершено крестною смертию Господа нашего Иисуса Христа. Каждому в частности присвояется сие спасение чрез сострадание Христу. Это сострадание у всех истинных христиан устрояется и

произвольно, когда они плоть свою распинают со страстьми и похотьми. Но когда кто по особому Божию мановению вводится в сие спострадание, тогда это выше того произвольного, и потому, что бывает против воли, и потому, что оно чувствительнее, не части требуя в жертву, а всего. Каковы — лишение имений, изгнание, мучение. Святые мученики всё призвание к венцу мученическому считали особым даром Божиим. Без указания свыше не решались на него; но, получая указания, с радостию вступали в сей подвиг. — В этом смысле и филиппийцам говорит Апостол, — что им даровал Бог не веровать только в Господа, но и пострадать за веру. Он как бы внушает им: «итак, не стыдитесь сего дарования; оно гораздо чудеснее дара воскрешать мертвых и творить чудеса. Не только не должны вы сего стыдиться, а напротив, радоваться» (святой Златоуст).

Стих 30. *Той же подвиг имуще, яков же во мне видесте, и ныне слышите о мне.*

И еще источник воодушевления. «Вы имеете и пример» (святой Златоуст). Для учеников очень воодушевительно — идти по следам учителя. Они видели подвиг Апостола у себя в Филиппах, где он потерпел побои и темничное заключение за благовестие, — и слышали, что он в Риме в узах за то же. Поминая об этом, он говорит как бы им: ваш верен путь; вы идете по моим следам и

тем же подвигом подвизаетесь, как и я. Отчасти видно, что «он здесь и хвалит их» (святой Златоуст), говоря как бы: хорошо, хорошо! так и следует. Ибо они уже терпели, и их не призывать к терпению предлежало, а поощрять. — Как мастер, обучая ученика мастерству, сначала сам работает пред глазами ученика какую-нибудь вещь, потом его заставляет то же делать. Затем, увидевши, что он верно действует по тому образцу, какой был ему показан, хвалит его и тем поощряет на большее усердие подражать ему. Так делает и святой Павел. Подав им пример мужественного и благодушного терпения за веру и затем видя, что им пришлось вступить по следам его в тот же подвиг и что они держат его исправно, он говорит им слово одобрения, в поощрение на продолжение мужественного стояния и небоязненного встречания неприязненных лиц и их, против них, ухищрений.

бб) Руководство к любовному единодушию

(2, 1—11)

В этом руководстве: α) сначала святой Павел склоняет и влечет филиппийцев к единодушию (2, 1—2); β) потом устраняет препятствия к смиренной взаимной любви и содружеству (2, 3—4); γ) наконец, представляет образец всех располагающих к тому добродетелей в смирившем Себя ради нас Христе Спасителе (2, 5—11).

α)

Глава 2, стихи 1—2. *Аще убо кое утешение о Христе Иисусе, или аще кая утеха любве, аще кое общение духа, аще кое милосердие и щедроты, исполните мою радость, да тожде мудрствуете, ту же любовь имуще, единодушни, единомудренни.*

Святой Апостол не собирает отвлеченных побуждений к единодушию и единомудрию,— а берет филиппийцев прямо за сердце и ведет к тому. Оборот речи, употребленный Апостолом при этом такой же, какой и обычно употребляют, когда говорят, например: если ты меня любишь или если помнишь мое благодеяние, то сделай для меня то и то. У Апостола только все необычно: необычно то, что он ставит под этим *если*, необычно и то, чего желает: ибо берет их нежные к себе отношения и ими убеждает их к тому, что для них же самих столь спасительно.

Предметы, чрез которые святой Павел проходит до сердца филиппийцев, не случайно набраны. Но не все одинаково объясняют их смысл и уместность здесь. Кажется, святой Павел берет отношения, связующие христиан, и, применяя их к филиппийцам и себе, обязывает их послушаться его и исполнить то, чего он от них желает. Он начинает издали. Христиане все соединены между собою в Господе, и хотя не бывают лично знакомы друг с другом, но только скажи, что такой-то христианин имеет нужду в утешении, то всякий

христианин готов бывает, чувствует понуждение — помочь ему чем может. Апостол говорит как бы: положим, что я и вы не знаем друг друга, а только соединены в Господе и я человек нуждающийся, а вы могущие пособить мне. Обращаюсь к вам как к христианам; я имею нужду в утешении, утешьте меня ради Господа. Если сознаете вы обязательство утешить христианина, имеющего в том нужду, если есть такого рода утешение и вы принадлежите к кругу лиц, среди коих оно бывает в действии, — достаньте его мне.

Если христиане, кроме общения в Господе, успели войти и во взаимные сношения и поделиться деятельною друг с другом любовию; тогда они естественно находят отраду и во взаимообщении, и во взаимопомогании. Апостол берет во-вторых этот случай и говорит: если вы вкушали отраду деятельной любви христианской и знаете, как она много доставляет блаженства обеим сторонам, сею самою отрадою умоляю вас, доставьте мне ее.

Общение любви может касаться только внешних сторон жизни. Но есть общение в духе — духовное, высшее и глубочайшее. Таково, например, общение между учеником и учителем и, еще паче, общение между благовестником Евангелия и верующими. Дух благовестника сообщается всем и всех объединяет в себе. Тут происходит сродство духовное — неразрешимое. Это общение

берет святой Павел в-третьих и говорит как бы: ведомо вам общение духовное? Знаете, как тесно связывает оно вступающих в него? Сим общением прошу вас, доставьте мне радость.

Последний образ общения — *милосердие и щедроты*. Здесь святой Павел, оставя ту лествицу общения между христианами, обращается к естественному чувству сострадания, говоря как бы: если есть у вас сердце. Или он восходит далее по той же лествице и именно имеет в виду те щедрости и милостивости, какие филиппийцы оказывали ему доселе. Этим показали они, что всем готовы делиться с Апостолом. Он и говорит как бы им: этим вашим благоутробием, σπλάγχνα, οἰκτιρμοί, — этою вашею готовностию все для меня сделать, прошу обрадовать меня. Последнее уместнее.

Как это место трудновато, то приведем перифразы его из святых Отцов, для большего его уяснения. Святой Златоуст говорит: «посмотри, как блаженный Апостол умоляет филиппийцев о полезном для них. Смотри, как красноречиво, как убедительно, с каким сильным чувством говорит он: *аще убо кое утешение о Христе*, — то есть если вы имеете какое-либо утешение во Христе. Как бы так сказал: если ты сколько-нибудь внимателен ко мне, если ты любишь меня, если ты когда-либо получил какое-нибудь благодеяние от меня; то сделай то-то. — Такой образ речи мы

употребляем больше с напоминанием о плотских нравах. Например, отец сказал бы сыну: если имеешь какое-либо уважение к отцу, то сделай то и то. А Павел говорит иначе. Он не упоминает ни о чем плотском, но все о духовном. Смысл его слов таков: если хотите доставить мне какую-либо отраду в искушениях и ободрение во Христе, какое-либо общение в духе, если имеете какое-либо милосердие и сострадательность в сердце; то исполните мою радость. Или так еще: если мне, говорит, можно получить какую отраду от вашей любви, если можно иметь общение с вами в духе и общение с вами в Господе, если можно надеяться от вас милосердия и сострадания, то воздайте за все это любовию. Все это получил я, если вы любите друг друга».

Святой Дамаскин пишет: «желая склонить их к единодушию, как бы клятвою какою связывает их, говоря: заклинаю вас тем утешением, каким утешил нас Христос, заклинаю любовию и общением Духа, милосердием и щедротами Божиими,— исполните мою радость, то есть будьте единодушны».

Вот слова Экумения: «если хотите доставить мне утешение в искушениях, или какую отраду, движимые любовию; если имеете со мною общение в Духе Святом и если есть у вас сколько-нибудь милосердия и щедрости,— исполните мою радость — любите друг друга; как бы так сказал:

если вы должны воздать мне за труды мои ради вас, то воздайте вот чем — будьте единодушны и единомудренны».

Как бы ни понимать термины, здесь употребленные, видно, что святой Апостол выставляет предметы, дорогие для самых филиппийцев, и представляет, что они оскорбят их, если не сделают того, что он им заповедует. Вместе видно, что, если то, на что он указывает, они сделают для него, если исполнят увещание его, — доставят ему и утешение в Господе, и отраду любви и общение духовное изъявят с милосердием и щедротами. — Речь Апостола отечески трогательна.

Исполните мою радость. Смотри: дабы не показалось, что он убеждает их, как не исполняющих своего долга; то не говорит: сделайте для меня, но: *исполните* (дополните): то есть вы начали уже утешать меня (вашими успехами в вере), уже успокоили меня, но я желаю достигнуть конца. Чего же ты желаешь, скажи мне? Того ли, чтоб избавили тебя от опасностей, чтобы снабдили тебя чем-нибудь? Ничего такого (не нужно), говорит он, но *да тожде мудрствуете, ту же любовь имуще, единодушни, единомудренни.* О, как часто повторяет он одно и то же от великого расположения! *Да тожде мудрствуете*, говорит, да одно и то же мыслите. Ибо это он и объясняет далее словом: *единомудренни*, — которое сильнее слова: *да тожде мудрствуете.* —

Ту же любовь имуще, — то есть будьте объединены не в вере только, но и во всем прочем. Ибо можно мудрствовать одно и то же и не иметь любви. *Ту же любовь* — разумеет, какою другие их любят: любите столько же, сколько вас любят. Когда пользуешься от других любовию великою, то и сам оказывай другим не меньшую, чтобы и в сем не быть тебе своекорыстным. Пусть некоторые допускают сие, а ты не допускай. *Единодушни*, говорит (σύμψυχοι, — содушны), то есть пусть во всех телах будет одна душа не существом, ибо это невозможно, но желанием и мыслию. Пусть все происходит как бы от одной души. А: *единомудренни* — значит: да будет у всех одна мысль, как у одной души (см.: святой Златоуст).

Святой Павел желает им совершенного взаимного единения — единомыслия, единодушия, одинакового союза любви. Поелику он предпослал сему такой трогательный и убедительный оборот речи; то надо полагать, что в таком внушении настояла нужда. Верно, в каком-либо отношении вкралось между ними разномыслие и были лица, нарушавшие закон мира и любви. Так полагает блаженный Феодорит. В чем именно состояло то и другое, того Апостол не касается; но спешит устранить причины, производящие обычно разъединение среди людей, и тем

положить прочную основу братскому между ними союзу любви.

β)

Что производит разлад? Злая ретивость, когда кто рвется из всех сил, чтоб опередить других и стать спереди, на виду всех; когда смотрят на других свысока и, следовательно, без должного к ним внимания и уважения; когда о себе только заботятся, а до других будто и дела им нет. Эти, разъедающие любовное взаимообщение, нравственные причины и изгоняет Апостол из христианского общества филиппийского, а чрез них — и из всякого.

Глава 2, стих 3. *Ничтоже по рвению или тщеславию, но смиренномудрием друг друга честию больша себе творяще.*

«Потребовал Апостол единодушия; теперь говорит, как достигнуть его» (святой Златоуст).

Ничтоже по рвению или тщеславию. — Рвение, когда кто рвется из всех сил, чтоб опередить других; разжигает же его к этому тщеславие. «*Рвение*, ἐριθεία, — вот что есть. — Когда кто говорит: понатужусь, чтоб не превзошел меня тот-то и тот-то. Материю такой ретивости выставляет Апостол тщеславие. Кто ищет славы человеческой, чего-чего не делает он для достижения ее» (блаженный Феофилакт).

Тщеславие разжигает больше и больше отличаться тем, чем думает кто славу людскую

заслужить. Как это только имеется в виду, то взглянуть на сторонних людей и некогда, отчего нередко задевают их за живое: вот и оскорбление и разлад. «Я всегда говорю, — говорит святой Златоуст, — что это причиною всех зол. Отсюда брани и ссоры, отсюда клеветы и любопрения, отсюда охлаждение любви, когда любим славу человеческую, когда бываем рабами чести, воздаваемой народом. Ибо раб славы не может быть рабом Божиим. — Как же можем мы избегнуть тщеславия? Слушай следующее: *но смиренномудрием друг друга честию больша себе творяще*. Какое исполненное всякого любомудрия правило и какое руководство для нашего спасения предложил он! Если ты представляешь, говорит, что другой лучше тебя, и уверишь себя в том; а еще более, если не говоришь только это, но и совершенно убежден в том и честь ему воздаешь: то не будешь чувствовать неудовольствие, видя, что другой почитает его. Итак, почитай другого не просто лучшим себя, но и высшим (что означает великое превосходство), и для тебя не будет ни странно, ни больно видеть другого почитаемым; даже если он и обидит тебя, ты перенесешь великодушно, потому что ты признал его лучшим себя. Бранить ли он тебя станет, снесешь; зло ли какое причинит, стерпишь молча. Ибо когда ты однажды в душе своей совершенно убедился, что он лучше тебя; то не будешь

гневаться, какое бы зло ни сделал он тебе, не будешь и завидовать ему. Ибо тем, которые гораздо выше, никто не завидует; поелику каждый думает, что высшим все принадлежит. – Так будет, если ты смиренно расположен в отношении к другому. Когда же и другой, получивший от тебя такую честь, будет в подобном же расположении к тебе; то представь, что из сего составится сугубый оплот для взаимного снисхождения. Пока ты считаешь другого достойным почтения и он – тебя в равной мере; то не произойдет никогда ничего неприятного. Ибо если такое поведение со стороны одного сильно истребит всякую раздражительность, то, при взаимном таком расположении, кто разрушит такую твердыню? Ни сам диавол. Потому что составится тройное укрепление, четверное и больше. Ибо смиренномудрие есть причина всего доброго».

Стих 4. *Не своих си кийждо, но и дружних кийждо смотряйте.*

Тут главный источник разладов пресекается и изглаждается эгоизм. Самость себя ставит себе целию, а других всех считает средством; так и обращается с ними. Любовь христианская, рождающаяся из самоотвержения, других поставляет целию, а себя считает средством; так и действует. Из первой выходит совершенное разъединение; из второй – живой союз. Как в организме живом ни один орган не занят собою, а делает лишь

то, что нужно для других, так и в обществе, когда всякий будет заботиться о благе других, будет органическое живое всех сочетание, где каждый о всех и все о каждом. Следовательно, святой Павел указывает здесь самое мощное средство к единодушию. «Когда каждый, оставляя свое, печется о благе другого, так что у них выходит: я о твоем, а ты о моем; то отсюда исходит не человеческая, но ангельская жизнь» (Экумений). «Когда так бывает где, то там нет уже места ни тщеславию, ни ретивости задорной и никакому вообще злу: там водворяется Божественная жизнь» (блаженный Феофилакт).

γ)

Стих 5. *Сие бо да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе.*

«Господь наш Иисус Христос, побуждая учеников Своих к великим подвигам, представляет в пример то Себя Самого, то Отца Своего, то Пророков. Так, в одном месте Он говорит: *тако бо изгнаша пророки, иже беша прежде вас* (ср.: Мф. 5, 12); в другом: *аще Мене изгнаша, и вас изженут* (Ин. 15, 20); и: *научитеся от Мене, яко кроток есмь* (Мф. 11, 29); в третьем: *будите милосерди, якоже Отец ваш Небесный* (ср.: Лк. 6, 36). То же делает и блаженный Павел. Ибо, побуждая филиппийцев к смиренномудрию, представляет в пример Христа. И не здесь только, но и когда беседует о нищелюбии. Так он

говорит: *весте бо благодать Господа нашего Иисуса Христа, яко вас ради обнища богат сый* (2 Кор. 8, 9). Ибо великую и любомудрую душу ничто столько не поощряет к добрым делам, как познание, что она чрез сие уподобляется Богу. Что может быть равносильно этому для побуждения? Ничто. Зная сие, Павел, при убеждении филиппийцев к смиренномудрию, сперва просил их и умолял, потом убеждал, наконец, присовокупил: *сие бо да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе»* (святой Златоуст).

Пример сей, чрез: *бо* — ибо, прямо соединяется с непосредственно предыдущим, — что *не своих си, но и дружних смотрять надлежит*. Из него и видно, что, коль скоро благо ближнего требует какого деятельного пособия, никак не должно отступать пред ним, как бы оно уничижительно ни казалось. Апостол говорит как бы: вы должны, неотложный долг ваш есть — подражать Господу нашему Иисусу Христу. Господь же, будучи Бог по естеству, благоволил умалить Себя до приятия зрака рабия, когда это было необходимо для спасения человека. И не только это, но Он смирил Себя *даже до смерти крестныя*, — до последнего предела самоуничижения, ниже которого уже и сходить нельзя. Войдите в побудительную силу этого примера, и никогда не будете своих только *смотрять*, а не и дружних, никогда не будете выситься над другими, а

напротив, станете смиренномудрием честию друг друга больша себе творить и особенно исполнитесь любовию друг к другу самоотверженною, ни в чем не отделяющеюся от братий, но со всеми живущею в одну душу и в один ум. Таким образом в этом примере светят все указанные пред сим добродетели. И осуждаются все сказанные недобродетели. Но особенно светит благодеющее смиренномудрие.

Указать на сей пример достаточно было и кратким словом: *сие да мудрствуется в вас.* — Но святой Павел, ум которого всегда погружен был в созерцание великого и неисследимого домостроительства нашего спасения, не мог коснуться сего таинства, чтобы речь его не потекла неудержимым потоком. Почему он не упустил и здесь случая — сжато, но всеобъятно и всесторонне, очертить все дело Господа во спасение наше. Он сводит Сына Божия с превыше небес, облекает в человека Иисуса, низводит до крестной смерти и опять возводит превыше всего на поклонение всякому колену небесных, земных и преисподних. Догмат о воплощении и искуплении и о лице Иисуса Христа, яко Богочеловека, изображен здесь с такою определенностию, что одно это место поражает всех еретиков, погрешавших в сем отношении.

Святой Златоуст, приступая к беседе о сем месте, приходит в движение и говорит своим

слушателям: «внемлите, прошу вас, и воспряните. Как острый, о двух лезвиях, меч, куда бы ни был направлен, хотя бы на бесчисленное множество войска, легко посекает и истребляет его, потому что отовсюду остр и ничто не может устоять против острия его: точно таковы и эти изречения Святаго Духа. Ибо сими изречениями Он низложил последователей Ария Александрийского, и Павла Самосатского, и Маркелла Галатийского, и Савеллия Ливийского, и Маркиона Понтийского, Валента, и Манеса, и Аполлинария Лаодикийского, и Фотина, и Софрония*, и вообще все ереси. Итак, желая видеть такое зрелище и столько полчищ падающими от одного удара, воспряните, дабы вам не лишиться удовольствия от сего зрелища, — удовольствия, когда мы, при благодати Божией, опровергнем вдруг и одним разом все еретические мнения и диавольские сооружения с их управителями?»

Стих 6. *Иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу.*

Кто Господь наш Иисус Христос? Естеством Бог, умаливший Себя до принятия естества человеческого, так что на вид Он был как всякий другой человек. В настоящем тексте говорится о Божестве Его, в следующем — о вочеловечении.

* Здесь перечислены основатели и известные приверженцы различных еретических языческих и псевдохристианских сект. — *Ред.*

Иже во образе Божии сый. Образ (μορφή, не εἰκών) Божий здесь не в том смысле, как в человеке есть образ Божий – черты подобия Богу; а в том, что само естество Его есть Божеское. Для всякого рода существ есть своя норма бытия, по которой тотчас определяем мы: а! это вот кто! Всем известна норма человека, норма животного, норма дерева; так что, взглянувши только, мы тотчас говорим: это человек, это дерево, это животное. Применительно к этому есть, рассуждая по-человечески, своя норма бытия и в Боге. Кто имеет сию норму Божеского бытия, тот Бог, как, кто имеет норму человеческого бытия, тот человек. О Господе Спасителе Апостол говорит здесь, что Он по норме бытия – Бог, – бытие Его, существо и естество есть Божеское.

Святой Златоуст поясняет это сличением выражения: *во образе Божии сый* – с выражением: *зрак раба приим.* Здесь образ Божий – μορφή, там зрак раба тоже – μορφή. Но зрак раба там означает естество человеческое, следовательно, и образ Божий здесь означает естество Божеское. – Против Ария он направляет речь свою так: «Арий говорит, что Сын имеет другую сущность. – Но скажи мне, что значат слова: *зрак раба приим*? То, говорит, что Он сделался человеком. Следовательно: *и во образе Божии сый* – значит: был Бог. Ибо и там и здесь стоит одно и то же слово: *образ* (μορφή). Если истинно

первое, то и последнее. Быть во образе раба — значит быть человеком по естеству, и быть *во образе Божии* — значит быть Богом по естеству». Довольно ниже опять возвращается к тому же и говорит: «я сказал, что образ раба есть истинный, и ничем не меньше: так и образ Бога есть совершенный, и ничем не меньше. Посему Апостол не сказал: *во образе Божии* бывший, но: *сый.* Сие выражение равносильно словам: *Аз есмь сый* (ср.: Исх. 3, 14). Образ, как образ (норма), показывает совершенное сходство. И быть не может, чтобы кто-нибудь имел сущность одного существа, а образ (норму) другого. Например, ни один человек не имеет образа (нормы) Ангела; никакое бессловесное не имеет образа (нормы) человека. — Так и Сын. — Только поелику мы сложны, то образ (норма) в нас относится к телу (наиболее), в простом же и совершенно несложном он относится к сущности (умной, духовной)».

Не восхищением непщева быти равен Богу — не почитал хищением быть равным Богу, — не по чуждоприсвоению было то, что Он имел Себя равным Богу, ἴσα ϑεῷ, — ровно, на одной линии с Богом: но потому, что собственное Его естество и существо было Божеское. Святой Златоуст говорит: «достоинство быть равным Богу у Него было не похищенное, но естественное. Почему Апостол не сказал: не восхитил, но: *не восхищением*

непщева; то есть имел власть не похищенную, но естественную, не данную, но постоянно и неотъемлемо Ему принадлежащую». Еретики, замечает еще святой Златоуст, извратили сие место и смысл его передают превратно. Они видят здесь ту мысль, будто, по Апостолу, Господь, будучи меньше Бога, не решался ставить Себя наравне с Богом. «Они говорят: будучи меньшим Богом, Он не восхотел того, чтобы равняться Богу великому, высочайшему.– Так вы вводите в церковные догматы языческое учение? У язычников есть великий и малый Бог. У нас есть ли, не знаю. Но в Писании нигде не найдешь сего. Великого найдешь везде, а малого нигде. Ибо если Он малый, то что Он за Бог? Кто мал, тот не Бог. В Писании Бог истинный везде и называется Великий: *Велий Господь и хвален зело* (ср.: Пс. 47, 2) и подобное.– Но говорят: это сказано об Отце, а Сын малый (Бог). Так говоришь ты, но Писание – напротив: оно говорит и о Сыне так же, как об Отце. Слушай, что говорит Павел: *ждуще блаженнаго упования и явления славы Великаго Бога* (ср.: Тит. 2, 13). Об Отце ли сказано сие? Никак. Сего не допускают прибавленные тотчас Апостолом слова: *Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*. Вот и Сын велик.– Почему же ты говоришь о малом и великом? Знай, что и Пророк называет Его *Ангелом великого совета*. Ангел великого совета ужели

не велик? *Бог крепкий* (ср.: Иер. 32, 18) ужели не велик, а мал? Как же после сего говорят бесстыдные и дерзкие, что Он – малый Бог? Я часто повторяю слова их; дабы вы более удалялись их».

Стих 7. *Но Себе умалил (истощил), зрак раба прием, в подобии человечестем быв, и образом обретеся якоже человек.*

Но себе умалил, ἐκένωσεν, – истощил. Слово это употреблено по противоположности: *не восхищением непщева*. Сознавая Себя равным Богу, Он не восхитил чуждого: но, пребывая таким нечуждовосхитителем, Сам Себя добровольно обхитил, ἐκένωσεν, – опустошил, Свое с Себя сложил, совлекшись видимой славы и величия, свойственных Божеству и Ему, яко Богу, принадлежащих. В сем отношении некоторые *умалил* разумеют: сокрыл славу Своего Божества. «Бог по естеству, имея равенство со Отцом, сокрыв достоинство, избрал крайнее смирение» (блаженный Феодорит).

Следующие слова объясняют, как Он Себя умалил. – *Зрак раба прием*, – то есть приняв на Себя естество тварное. Какое же именно? Человеческое: *в подобии человечестем быв*. Не получило ли от сего естество человеческое какого-либо отличия? Нет. Как все люди, таков и Он был: *образом обретеся якоже человек*.

Зрак раба принял. Кто? Тот, Кто есть во образе Божии сый, – Бог по естеству. Если Он

принял, яко Бог, то и по принятии пребыл Бог, приявший зрак раба. *Зрак раба* – не признак, а норму раба. Слово: *раба* — употреблено в противоположность Божеству в словах: *во образе Божии сый*. Там образ Бога означает норму Божеского естества, Творческое Божество; здесь зрак раба означает норму раба – естества, работного Богу, тварного. *Зрак раба приим* — приняв тварное естество, которое, на какой бы степени ни стояло, всегда есть работно Богу. Из сего что следовало? То, что безначальный – начинается; вездесущий – определяется местом, вечный — проживает дни, месяцы и годы; всесовершенный – возрастает возрастом и разумом; всесодержащий и всеоживляющий – питается и содержится другими; всеведущий — не ведает; всемогущий – связывается; источающий жизнь — умирает. И все сие проходит Он, естеством Бог сый, принятым Им на Себя естеством тварным.

Какое тварное естество принял Бог? Человеческое. Не от Ангел приемлет; но от семене Авраамова. Стал в зраке раба, *в подобии человечестем быв*. Святой Златоуст говорит: «маркиониты*, привязываясь к словам, говорят: Он не был человек, а только в подобии человеческом. – Как же можно быть в подобии человеческом? Облекшись тению? Но это призрак, а не подобие

* *Маркиониты* — приверженцы псевдохристианской секты, основанной ересиархом Маркионом (80—155). – *Ред.*

человека. Сходное с сим выражение есть у святого Павла и еще. Он говорит: *в подобии плоти греха* (Рим. 8, 3) (то есть плоть у Него такая же, как у всякого, только та плоть грешная, а у Него безгрешная. Она во всем подобна плоти грешной, кроме греха). Что же значат слова: *в подобии человечестем быв*? То, что Он имел много нашего, а иного не имел. Например, — Он родился не естественным образом рождения, греха не сотворил. Вот, что имел Он, чего из людей никто не имеет. Он был не тем только, чем являлся, но и Богом. Он являлся человеком, но во многом не был подобен (нам), хотя по плоти и был подобен. Следовательно, Он не был простым человеком. Поэтому и сказано: *в подобии человечестем*. Мы — душа и тело: Он же — Бог, душа и тело. Поэтому и сказано: *в подобии*. И дабы ты, услышавши, что Он Себе умалил, не представил изменения, превращения и какого-либо уничтожения, то Писание говорит, что Он, пребывая тем, чем был, принял то, чем не был, и, сделавшись плотию, пребыл истинным Богом Словом».

Словами: *в подобии человечестем быв* — определяется, что Он принял человеческое естество; а словами: *и образом обретеся якоже человек* — означается, что Он подчинился и всему быту человеческому, являлся живущим, как все люди; так что по этой видимости, σχήματι, — Он во всем был как человек. Святой Златоуст говорит:

«так как в сем отношении Он подобен человеку, то Апостол и говорит: *и образом*, — чем выражает не то, будто природа изменилась или произошло какое смешение, но что Он по *образу* стал человеком. — Хорошо сказал Апостол: *якоже человек*. Ибо Он не был один из многих, но как бы один из многих. Поелику Бог Слово не превратился в человека и существо Его не изменилось, но Он явился как человек, не призрак нам представляя, но поучая смирению. — Замечай: говоря о Божестве, Апостол выражается: *во образе Божии сый, — не восхищением непщева быти равен Богу*, — не употребляет слов: стал, принял. Но, говоря о человечестве, употребляет слова: принял, стал: *зрак раба прием, образом обретеся*. — Сим стал, сие принял, тем был. Итак, не будем ни смешивать, ни разделять (Божества и человечества). Един Бог, Един Христос — Сын Божий. А когда я говорю: один, то выражаю соединение, а не смешение; так как одно естество не превратилось в другое, но только соединилось с ним».

Стих 8. *Смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя.*

Воплощение — первая степень самоуничижения в лице Бога, благоволившего скрыть славу Божества под покровом человечества. Но пребывание в нем могло быть славно. И этого не восхотел Господь. Он избрал самый невидный род

жизни: родился в яслях, возрос в бедности и трудах работных, жил среди лишений, не имея, где главу преклонить. Так *смирил Себе*. Этим *смирил Себе* означается добровольное избрание такой жизни, — определяется характер всей жизни. Словом же: *послушлив был* — обнимается самое течение жизни, со всеми ее случайностями. Святой Евангелист говорит о Нем, что Он трости сокрушенны не преломил. Ничему из текущего не поперечил, но подчинялся всему, как оно текло. Яко Бог, Он всем правил; и жизни Своей течение мог направлять Сам, но Он отрекся от Своей власти и смиренно принимал все случавшееся и подчинялся тому. Только однажды словом: *Аз есмь* — и еще два раза тем, что делался невидимым, когда хотели побить Его, становился Он будто поперек подступавшей злобе; но это на одну минуту, и то для того, чтобы показать, что предается в руки ей добровольно. Так суждено в тайне Пресвятой Троицы. Сам Господь именовал это покорностию воле Отца Своего Небесного.

Послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя. И тому даже не противился, когда подошла смерть, и притом такая уничиженная. И простой смерти подлежать — было бы уничиженно; но подчиниться такой смерти — было последним пределом уничижения. Смерть подходила обычным сплетением замыслов и волей человеческих. Он это видел — издали и во всех подробностях, —

но ничему не воспротивился и добровольно принял смерть, какую придумала зависть и неправда. Послушлив же во всем этом был Он не злобе людской, а определениям Бога в Троице покло-няемого, выражаемым волею Отца Небесного. Там в тайне Божества суждено, чтобы Господь подчинился такому течению жизни и такому концу ее. Самое же течение шло по общим законам Божественного промысла, то определяющего, то соизволяющего и попущающего.

Святой Златоуст говорит на это место: «вот, говорят, был послушен; значит – не равен Тому, Кому послушен. О несмысленные и неразумные! Это нисколько не делает Его меньше. И мы часто слушаемся своих друзей, но это нисколько не делает нас меньшими. Он, как Сын, покорясь Отцу добровольно, не ниспал в состояние раба, но сим самым великим почтением к Отцу особенно сохранил честь (ϑαῦμα) сродства с Ним. Сын почтил Отца не для того, чтобы ты Его бесчестил, но – чтобы более почтил и из сего познал, что Он есть истинный Сын; поелику более всех почтил Отца. Никто таким образом не чтил Бога. Сколь высок Он был, столь же глубоко смирил Себя. Так как Он больше всех и никто Ему не равен, то и почтением к Отцу превзошел всех, не по принуждению и не по неволе. И это есть дело Его доблести, или не знаю, как это сказать. Ах, и рабом стать есть дело великое и

весьма неизреченное; а подвергнуться смерти — гораздо больше! Но есть и другое нечто еще большее и удивительнейшее сего. Что же такое? То, что не всякая смерть была подобна Его смерти. Поелику такая смерть почиталась поноснейшею из всех и проклятою. *Проклят бо*, сказано, *всяк висяй на древе* (ср.: Втор. 21, 23). Для того-то иудеи и постарались умертвить Его такою смертию и чрез то сделать презрительным, дабы такой род смерти отвратил всякого от Него, если бы (просто) смерть не отвратила никого. Для того-то и два разбойника были распяты с Ним, дабы Он разделял с ними их бесчестие и дабы исполнилось сказанное: *и со беззаконными вменися* (Ис. 53, 12). Но истина тем, чем более просиявает, тем блистательнейшею становится. Ибо когда столько было злоумышлений против Его славы, а между тем она сияет, то гораздо больше является честь. Не простым умерщвлением, но умерщвлением именно такого рода они думали сделать Его отвратительным и представить отвратительнее всех; но нимало не успели. — Сие нисколько не повредило Его славе».

Стих 9. ***Темже и Бог Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене.***

Темже — за то, что так Он Себя смирил — даже до крестной смерти. И: *Бог* — Бог Отец, или Бог в Троице поклоняемый, Божество. *Превознесе*, ὑπερύψωσεν, — так превознес, что выше того и

возносить невозможно. Кого? Того же, Кто во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себя умалил и смирил Себя до крестной смерти. Ибо лицо одно — лицо Бога воплощенна. Превознесен Он же, но не яко Бог, а яко человек. Превознесение сие означает, что и человечество Его введено в славу и силу Божества. Ему же оно приписывается; ибо человечество в Нем не есть отдельное лицо, а есть Его человечество. Человечество в Нем невозможно отдельно превознесть так, чтоб превознесение сие не относилось к Нему, как и предшествовавшее умаление и смирение хотя по человечеству было, но было Его собственное. Оттого оно и силу бесконечную возымело. Бог превознесе человечество в Нем, но как сие человечество Его собственное, то, превознося то, превознес Его. Святой Златоуст говорит: «если сие говорится не о воплотившемся, если о Боге Слове (помимо воплощения), то как *превознесе Его*? Ужели — давши что-либо большее? В таком случае Он был бы не совершен и чрез нас сделался бы совершенным. Ибо если б Он не благодетельствовал нам, то не получил бы чести. (Так рассуждать нельзя.)». Вот о сем слова и блаженного Феодорита: «и для самых малосмысленных явно, что естество Божие ни в чем не имеет нужды и что в Вочеловечившемся не оно превознесено, как бы смиренное, хотя оно, быв превознесено по естеству,

смирило Само Себя (в вочеловечении). Не яко Сын Божий приял Он то, чего прежде (будто) не имел; но как человек приял Он то, что имел как Бог. Смирив Себя, Он не только не утратил того, что имел как Бог, но восприял сие и как человек».

И дарова Ему имя, еже паче всякаго имене. Сын Божий имел имя, которое не отошло от Него чрез воплощение: но и теперь оно приемлется Им, как дар, яко человеком. До сего момента, яко Бог, имел Он сие имя, но не яко человек. Теперь даруется оно Ему и яко человеку. *Даруется*; ибо человечество, даже и быв воспринято Божеством, не может заслужить такое имя, не может дойти до того, чтоб оно принадлежало Ему по закону правды. *Имя паче всякаго имене.* Какое это имя выше всякого имени? Вот имена, кои суть выше всех имен! Бог, Троица, Отец, Сын, Дух Святый. Вот они выше всех имен и все равно — честны. Какое же из них даровано Сущему во образе Божии и умалившемуся до крестной смерти? Бог, Сын (см.: Экумений, блаженный Феофилакт), или Бог Сын, Сын Божий. — Так именовался Он, прежде мир не бысть; теперь то же имя переносится и на человечество. В Послании к Евреям пишется, что Он наследовал имя *преславнее паче* Ангелов. И Апостол тотчас объяснил, что это за имя, говоря: *кому бо рече когда от Ангел: Сын Мой еси Ты,*

Аз днесь родих Тя? и паки: Аз буду Ему во Отца и Той будет Мне в Сына (ср.: Евр. 1, 5–6) (см.: блаженный Феодорит).

Превознесение и дарование имени, паче всякого имени, есть то же, что в других местах выражается посаждением одесную Отца. Как это есть принятие участия в силе и власти Божеской, так и то. Иначе это можно назвать обожением человечества в лице Господа Иисуса Христа — Искупителя и Спасителя нашего. Оно введено в сей чин с минуты воплощения; но самым делом стало таковым после крестной смерти, воскресения и вознесения — в момент седения одесную Отца.

Стих 10. *Да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних.*

Как только совершилось превознесение в показанном смысле и запечатлено особым соответствующим именем: следствием сего должно было быть Божеское поклонение всех тварей — небесных, земных и преисподних. В Послании к Евреям говорится, что когда Бог ввел паки первородного во вселенную (*паки* в Богочеловечестве), то повелел: *да поклонятся Ему вси Ангели Божии* (Евр. 1, 6). Не это ли повеление исполняя, Ангелы, в Апокалипсисе, с сущими с ними, тысящами тысящ гласов взывали: *достоин есть Агнец закланный прияти силу и богатство, и премудрость, и крепость, честь и славу и благословение.*

И всяко создание, еже есть на небеси, и на земли, и под землею, и на мори, яже суть, и сущая в них, вся слышах глаголющия: седящему на престоле, и Агнцу благословение, и честь, и слава и держава во веки веков (ср.: Апок. 5, 12—13).

Да поклонится всякое колено — Божеским поклонением ради ипостасного соединения человечества с Божеством в лице Господа Иисуса Христа. Словами: *небесных, земных и преисподних* — выражается — вся тварь: небесная — Ангелы, земная — люди живущие, преисподняя — люди умершие (см.: блаженный Феодорит). Святой же Златоуст говорит: «то есть весь мир, и Ангелы, и люди, и демоны, и праведники, и грешники».

Все сие само собою следовало: ибо воплотившийся есть Бог Сын.

Стих 11. ***И всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца.***

Всяк язык — опять всякая тварь, имеющая смысл и слово. *Да исповесть* — и да признает, и да возгласит и воспрославит. *Яко Господь Иисус Христос*, — что Иисус Христос есть Господь и Бог (см.: блаженный Феофилакт). *В славу Бога Отца*. «Дабы все так говорили (то есть что Он есть Господь Бог). А в этом слава Отца» (святой Златоуст). Или: «чтобы Он славим был так же, как и Отец, яко Ему равный и подобный» (святой Дамаскин). То есть да *исповесть всяк язык*,

что поелику Иисус Христос воссиявает и познается яко Господь и Бог, то это подвигает всех на непрестанное славословие Бога Отца, или что Иисус Христос есть Господь в равной славе с Богом Отцом, в меру славы Бога Отца.

Святой Златоуст заключает толкование сих последних стихов следующим наведением: «итак, будем веровать во славу Его и жить во славу Его. Ибо одно без другого бесполезно. Так что когда славим хорошо, а живем нехорошо, то весьма оскорбляем Его: поелику, признавая Его Господом и учителем, презираем Его и не боимся страшного суда Его. Нечистая жизнь еллинов нимало не удивительна и не заслуживает великого осуждения; но подобная нечистая жизнь христиан, участвующих в таковых таинствах и наслаждающихся такою славою (призванных к такой славе), всего хуже и несноснее».

вв) Указание, как жить по-христиански

(2, 12—18)

Не то указывается, какими заповедями определяется истинная жизнь христианская, а то, как в сих заповедях пребыть, как жить достойно христианства. Определяет сие Апостол такими словами: *со страхом и трепетом, — все творя без роптания и размышления, — слово животно придержаще.* Слово Божие сказывает, что должно делать; узнавши то, делай с усердием и ревностию, без роптания и размышления, оживляя сию

ревность страхом Божиим; в виду же имея то, чтобы во всем быть чадами Божиими непорочными и имя Божие прославлять собою, сияя в мире подобно светилам.

Глава 2, стих 12. *Темже, возлюбленнии мои, якоже всегда послушасте мене, не яко в пришествии моем точию, но ныне много паче во отшествии моем, со страхом и трепетом свое спасение содевайте.*

Цель речи — внушить, чтобы со страхом и трепетом содевали спасение. Но святой Павел обставляет ее трогательным напоминанием о своих отношениях к филиппийцам, чтобы, согревши этим сердце, проложить удобнейший туда вход своему внушению. Почему говорит: *возлюбленные мои*, — показывая, как они дороги его сердцу и как потому для него желательно, чтоб они были во всем совершенны. К этому прилагает еще: *вы всегда меня слушали*. Как всегда слушали, так послушайте и теперь или, надеюсь, послушаете и теперь. «Указывает на их собственную ревность и говорит как бы: прошу вас подражать не другим, а себе самим» (святой Златоуст). Но еще и ближайшее, понудительное к исправности, обстоятельство выставляет Апостол, когда говорит: при мне вы всегда были ревностны; по этому самому без меня вам надлежит еще более быть ревностными. Иначе выйдет, что вы не для Бога, а для меня были таковы; потому, когда

меня не стало налицо, и вы стали таковы. Это человекоугодливый образ действования, а не богоугодливый, в страхе Божием совершаемый. — Святой Златоуст говорит: «почему *много паче во отшествии моем*? Тогда могло бы показаться, что вы все делаете из почтения ко мне и из стыда; а теперь нет. Посему если окажется, что вы теперь ревностны, то явно, что и тогда вы были таковы не для меня, а для Бога».

Обставив так урок свой, он наконец предлагает его: *со страхом и трепетом свое спасение содевайте.* — И это главное не для них только, но и для всех. Кто возымел страх Божий, тот несомненно уже будет во всем исправен, не внешно только, но и внутренно, — не по уважению только к внешним соприкосновенностям, но по сердечному побуждению. «Чего же ты хочешь, святой Павле, скажи? — вопрошает святой Златоуст — и отвечает его словом: — Того, чтобы вы не слушали только меня, но и со страхом и трепетом соделывали свое спасение. Поелику, живя без страха, нельзя совершить ничего благородного и удивительного. И не просто сказал: *со страхом,* — но присовокупил: *и с трепетом,* — который есть высший степень страха, желая сделать филиппийцев более внимательными. Такой страх имел Павел. Посему и говорит: боюся, *да не како иным проповедуя, сам неключимъ буду* (ср.: 1 Кор. 9, 27). Ибо если житейских дел нельзя

совершать без страха, то не тем ли более духовных? Скажи мне: кто выучился грамоте без страха? Кто сделался опытным в искусстве без страха? Если же там, где не подстерегает диавол, а только леность тяготит, нужен нам такой страх, дабы отвратить естественное только нерадение, то при такой борьбе, при таких препятствиях, как можно спастись когда-либо без страха? Как же может родиться сей страх? Если мы будем помышлять, что Бог везде присутствует, все слышит, все видит, не только слова и дела, но и все происходящее в сердце и во глубине души. *Судителен бо есть помышлением и мыслем сердечным* (ср.: Евр. 4, 12). Если так настроим себя, то и не сделаем, и не скажем, и не помыслим ничего худого. Ибо скажи мне: если бы ты всегда стоял близ твоего начальника, то не со страхом ли бы стоял? Как же, предстоя пред Богом, смеешься, прислоняешься к стене, не боишься и не трепещешь? Не пренебрегай Его долготерпением; Он долготерпит для того, чтобы привесть тебя к покаянию: посему, чтобы ты ни делал, делай с мыслию о вездеприсутствии Божием. Ибо Он действительно везде присутствует. Итак, принимаешь ли пищу, располагаешься ли спать или другое что делаешь; помысли о присутствии Божием и никогда не предашься смеху, никогда не воспламенишься гневом. Если такую мысль будешь иметь постоянно, то постоянно будешь в страхе и

трепете, как бы стоял близ самого Царя. Зодчий, хотя и опытен, хотя и очень искусен, впрочем, стоит со страхом и трепетом, боясь упасть со здания. И ты уверовал, совершил много доброго, взошел на высоту: держи себя крепко, стой со страхом и смотри бодренно, дабы не упасть оттуда. Ибо много духов злобы, хотящих низвергнуть тебя. *Работайте Господеви со страхом и радуйтеся Ему с трепетом* (ср.: Пс. 2, 11). — Заметь еще, что Апостол не сказал: делайте спасение, но: *содевайте*, — то есть с великим старанием».

Стих 13. ***Бог бо есть действуяй в вас, и еже хотети и еже деяти о благоволении.***

Побуждением к страху Божию поставляет Апостол то, что Сам Бог действует в них, и в желаниях их добрых, и в добрых делах. Это еще сильнее того, что говорит святой Златоуст: помни, что Бог везде, следовательно, с тобою и при тебе. Здесь говорится, что Он не при нас только, но и в нас; и не яко покоящаяся сила, но яко сила, во всем действующая. Кто делает неугодное Богу пред Богом вездесущим, тот походит на того, кто поперечит царю в глаза и прямо ему в лицо противится его повелениям; но, кто делает неугодное Богу, действующему в желаниях и делах, тот похож на того, кто рвется из рук царя, когда тот, взявши его за руку, ведет к какому делу, и не только рвется, но и бьет его по рукам. И первому

небезопасно так поступать; второму же угрожает явная опасность. И всякий грешник есть богоборец; но, кто идет против воли Божией в сердце и совести, понудительно влекущей к должному, того богоборство — высшей несравненно степени виновности. А таковые все христиане. Они сочетаваются с Господом и имеют Его в себе действующим. Их благоговеинству и страху меры не должно быть.

Можно и в ином отношении поставить сии слова с предыдущими. Поставляя силу мысли в предыдущем стихе не в: *со страхом и трепетом*, — а в: *содевайте*, — можно принять, что в настоящем стихе Апостол воодушевляет их, говоря как бы: содевайте свое спасение, ибо вы не одни; Бог в вас действует Сам. Если с таким в вас действователем не соделаете вы спасения своего, то уже не будет меры вашему неразумию, невниманию к себе и беспечности, а следовательно, и меры наказанию за несоделание спасения. Святой Златоуст говорит: «не бойся, что я сказал: *со страхом и трепетом*. Я сказал не для того, чтобы остановить, чтобы недоступным чем-то почитал добродетель; но чтобы ты внимателен был, чтобы не рассеявался. Если сие будет (внимание и усердие), то Бог все сделает. Дерзай: *Бог бо есть действуяй в вас*. Посему если Он Сам действует, то мы (с своей стороны) должны показывать намерение (благоугождать Ему)

постоянно твердое, сосредоточенное, неразвлеченное.— Когда ты захочешь, тогда и Он будет действовать, *еже хотети* (возведет хотение до решимости). Не бойся и не изнемогай. Он даст нам и усердие, и самую деятельность (когда начнем действовать, Он даст силу довесть дело до конца). Ибо когда мы захотим, то Он еще усиливает наше хотение. И когда хотим сделать что доброе, Он совершает сие доброе.— Этим не отнимается изволение, а оставляется в нас. Ибо смотри: подал ты милостыню? Более расположил себя к деланию. А не подал? Меньше стал расположен к деланию. Провел воздержно день? Имеешь побуждение и на другой. Поленился ли? Усилил леность.— От сего иной, *пришедши во глубину зол нерадит* (ср.: Притч. 18, 3). Но как пришедший во глубину зол нерадит сам, так пришедший во глубину благ тщится сам. «Бог действует не потому, что принуждает и приневоливает, но потому, что, находя в нас усердие, усиливает оное благодатию» (блаженный Феодорит).

О благоволении. Бог так действует в нас потому, что так Ему угодно действовать,— потому, что все Его благоволение к нам к тому клонится, чтобы мы жили и действовали по Его воле, и как мы сами бессильны к тому, то Он приходит к нам с помощию. Святой Златоуст говорит: «*о благоволении*, то есть по любви к Богу, для

угождения Ему, дабы совершалось приятное Ему и по воле Его. Здесь Апостол показывает и уверяет, что, точно, Бог действует. Поелику Он желает, чтобы мы жили по Его воле. А если хочет сего и при том Сам действует, то, конечно, и сие сделает, потому что Он хочет, дабы мы жили праведно». «*Благоволением* назвал Апостол благую Божию волю. Бог же *хощет всем человеком спастися и в разум истины приити* (ср.: 1 Тим. 2, 4)» (блаженный Феодорит). Или *о благоволении* — значит: когда, как и в какой мере Ему угодно, — соразмеряя, конечно, сию благоугодность и с направлениями нашего произволения.

Стих 14. *Вся творите без роптания и размышления.*

Здесь речь не о терпении находящих неприятностей без ропота, а о делании безропотном. Это приводит на мысль ленивого раба, который поставлен в неизбежную необходимость делать, что ему приказывают, а охоты делать то никакой не имеет, почему, что ни заставят его делать, делает, но всегда с ропотом, или, как у нас говорится, с ворчанием: ворчит и на других людей, и на хозяина, и на дело, и на свою участь, хоть дело все-таки делает переваливаясь с ноги на ногу. Вот такого рода делание и запрещает Апостол филиппийцам. *Вся творите* — обнимает весь круг обязательных для христианина дел и расположений. Апостол говорит: сознавая эту обязательность,

все исполняйте без роптаний и ворчаний (греческое стоит во множественном числе), скрывающих недовольство и неприятность, по тому случаю, что надо так делать; если взять противное сему, будет: все делайте с охотою, с удовольствием, радостно, живо. У нас, например когда придет пост, сколько ворчаний бывает? И не это только, но и в церковь если позовут так, что надо несколько минут отнять у сна, и то не обходится без ворчания. Иной и милостыню дает, а сам в себе ворчит: шатается тут, покоя нет и подобное. Судя по этому, можно понять, что разумеет Апостол, когда заповедует все творить без роптаний. Блаженный Феодорит пишет: «с готовностию переносите и труд ради добродетели, и опасности ради Евангелия, не огорчаясь встречающимися скорбями, не водясь различными помыслами, потому что самим себе собираете богатство; никто же, приобретая великие корысти, не сетует и не ропщет». Святой Златоуст пространнее об этом говорит: «видишь ли, что Апостол научает не роптать? Так как ропот есть дело рабов непризнательных и бесчувственных. Ибо, скажи мне, какой сын ропщет, трудясь в делах отца и трудясь для себя самого? Подумай, говорит он, что ты трудишься для самого себя, что собираешь себе самому. Роптать свойственно рабам; поелику они трудятся для других, поелику работают на других; а тому, кто собирает для себя самого,

отчего роптать? Лучше ничего не делать, нежели делать с ропотом. Ибо и самое дело теряет цену. Ропот близок к хуле. Ропот есть неблагодарность. Ропщущий неблагодарен Богу; а неблагодарный Богу подлинно есть хульник».

Без размышлений, διαλογισμῶν, – раздумываний. Там обличалась неохотность и неприятность от дел, – дурное состояние воли и сердца, а здесь обличается дурное состояние ума. Дело всякое надо делать с рассуждением и обдумыванием, но без раздумываний. Ропщущий делает, но с неудовольствием; а раздумывающий еще не начинал делать, а стоит в начале его и думает, не оставить ли дело. Что заповедь есть, это он сознает, но раздумывает, нужно ли ему ее исполнять, в такой ли мере, в таком ли виде, может быть, иначе как сделать лучше и подобное. Это раздумывание обличает шаткость решимости воли делать в угодность Богу всякое сознанное добро. У кого решимость эта тверда, тот с жаром берется за всякое дело, как только сознает, что оно хорошо и ему предлежит его делать: он ревнует ревностию жаркою. А раздумывающий ни тепл, ни хладен – и все посматривает, нельзя ли как уволить себя от дел. – Не раздумывай, – иди смелее! «Хотя бы труд предлежал, хотя бы скорбь, хотя бы другое что, не рассуждайте» (святой Златоуст). «Сказав: *без размышлений*, – Апостол запретил колебание мыслей и сомнение, при

исполнении заповедей; чтоб, когда предлежит исполнить какую заповедь, никто не говорил: да будет ли мне награда, если это сделаю? да хорошо ли это? Ибо такого рода сомнительных помышлений допускать не должно, но делать с уверенностию» (блаженный Феофилакт).

Стих 15. *Да будете неповинни и цели, чада Божия непорочна посреде рода строптива и развращена, в нихже являетеся, яко светила в мире.*

Да будете, — чтоб таким образом вам быть, или соделаться *неповинными и целыми.* Вы обязаны быть неповинными и целыми; но до сего достигнуть иначе не можете, как поступая по указанному пред сим, то есть содевая свое спасение со страхом и трепетом, в уповании на вседействующую в вас благодать, и все творя с охотою и удовольствием, без ропота и колебаний, в полной уверенности, что делаете право. Если будете так поступать, то будете *неповинни и цели* или, что то же, — будете ходить достойно благовествования Христова. *Неповинни,* ἄμεμπτοι, — безукорны, тогда не за что будет вас покорить, — *и чисти,* ἀκέραιοι, — беспримесны, — как золото, например, когда в нем не остается ничего чуждого, совершенно бывает чисто, так явитесь и вы чистыми, без всякой примеси чуждых вам нехристианских элементов, в мыслях, словах, делах, чувствах и расположениях, — вы будете чисты, как чист луч солнца. — И что всего выше, —

будете *чадами Божиими непорочными*, ἄμωμα, — не запятнанными ничем. Возродившись в купели крещения, вы стали по сему новому от Бога рождению чадами Богу, и вы обязаны делом, в жизни, явиться таковыми. И явитесь таковыми, если будете действовать по указанному мною способу. Сколько для вас дорого быть таковыми, столь же усердно вы должны поступать, как я вам сказал. *Посреде рода строптива и развращена.* Как благовоспитанные дети благородных родителей, хотя бы вмешались в толпу других детей низшего класса, тотчас видны по словам, по манерам, по обхождению и делам: так, говорит, вы, хотя живете среди других людей, от Адама происшедших, но по духовному рождению вы совсем другой род; и как другой род, то другими вы должны являться и в жизни, чтобы все, смотря на вас, говорили: и наши будто, и не наши; все у них похоже на наше, но образ мыслей, но правила жизни, но чистота нрава, но цели и надежды их не наши. Иной дух жизни веет в них и указывает на иное их рождение. — Такими будете вы, если станете поступать, как я сказал.

В нихже являетеся, яко светила в мире. В нихже — то есть среди лиц *рода строптива и развращена*. — *Являетеся* — или утверждает, что они действительно таковы и, следовательно, похваляет их, в видах ободрения на большее; или указывает на их значение в мире, а в лице их и

всех христиан, в видах возбуждения чувства обязательства к тому, как бы так: среди которых вы и обязаны являться как светилами в мире. Ночь неведения и развращения покрывает мир. Вы, яко христиане, Богом восставлены среди него быть светилами ведения и святости. Таково назначение ваше, да просветится свет ваш пред человеки. «Звезды блистают ночью, и во тьме видимы, и нисколько не теряют своей красоты, но даже являются блистательнее; а при свете не так видимы: так и ты сияешь более, когда остаешься правым среди развратных. Удивительное дело быть непорочным!» (святой Златоуст). «Таковы те, кои могут сказать: *знаменася на нас свет лица Твоего, Господи* (Пс. 4, 7)» (святой Дамаскин). «Старайтесь же и вы сиять правотою и непорочностию среди развращенных, как сияют светила во тьме. *Являетеся*, – кажется, сказано повелительно (то есть являйтеся)» (блаженный Феофилакт).

Стих 16. ***Слово животно придержаще в похвалу мне в день Христов, яко не вотще текох, ни вотще трудихся.***

«*Слово животно* – слово Евангельское» (святой Дамаскин). «*Слово животно придержаще* (ἐπέχοντες) – значит: внимая слову жизни; ибо так сказал Апостол в Послании к Тимофею: *внимай* (ἔπεχε) *себе и учению* (1 Тим. 4, 16), то есть будь внимателен к себе и к учению. А словом

животным назвал проповедь, потому что она ведет к жизни» (блаженный Феодорит). Объясняет святой Павел, как являются они светилами в мире. Держат слово жизни и являются светилами. Держать слово — не только принять его слухом уха или в мыслях его хранить и помнить, но сделать так, чтобы по нему сформировалось все внутреннее и внешнее человека: так, чтоб что написано в слове, то было в них в деле и чтоб на них смотреть было то же, что слушать или читать слово жизни. Об одних, верно исполнявших Апостольское слово, Апостол говорил: вы мое писание, не чернилами писанное (см.: 2 Кор. 3, 2). — В подобном же значении он Апостолов назвал — благоуханием Христовым (см.: 2 Кор. 2, 15). Как по запаху розы догадываются, что где-нибудь тут есть роза: так по Апостолам и всем верным христианам узнают, что есть Христос и что Он есть. Все это и подобное и наводит на мысль святой Павел, сказавши: *слово животно придержаще*. — Он как бы сказал: и будете точно светилами, если осуществите в себе слово жизни Евангельское, если достойно благовествования жить будете. Святой Златоуст и выразил это так: «имея в себе семя жизни, содержа залог жизни, содержа самую жизнь. Вот что называем словом жизни».

В похвалу мне в день Христов. — Говоря это, Апостол выражает надежду, что они до конца

будут содержать принятое слово и по нему вести жизнь свою. В чем похвала? Что образовал таких учеников и так твердо их поставил, что они пребыли твердыми до конца. Не о похвале своей заботился Апостол, а о том, чтобы в них возбудить ревность к постоянству в добре и верности христианскому призванию. Он под сими словами проводит внушение им: смотрите же, стойте в слове до конца.

Яко не вотще текох, ни вотще трудихся. — Течением своим называет труды свои Апостольские. Если вы, говорит, пребудете всегда в слове, то труды мои на обращение вас и поддержание в вере не будут напрасны. В день Христов на вас могу указать в похвалу себе, что не напрасно трудился над вами, или не напрасно носил Апостольское звание. Цель Апостольства та, чтобы приводить людей ко Христу и делать их спасенными: если вы окажетесь таковыми, то одни искупите все мое течение. Если других и не окажется, а будете вы одни, и то я не лишен буду одобрения. Ибо тогда, — что других нет, будет значить, что не от меня зависел неуспех, а от слушавших слово. Вы собою докажете, что я умел учить; ибо если бы не умел, то и вас не сделал бы истинными последователями Христовыми.

Апостол вставляет слово о себе, по причине любви к нему филиппийцев, зная, что по любви

к нему они все готовы сделать. Станут жить, как должно по этому побуждению, дойдут и до других оснований, что жить надо так, а не иначе.

Но можно после: *в похвалу мне в день Христов* – ставить точку, как в нашем славянском переводе; и: *яко* – переводить не: *что*, – а: *потому что* – или *ибо*. Ибо я не вотще тек и не вотще трудился. Мысль будет та же, что и в Послании к Коринфянам: *аз убо тако теку, не яко безвестно: тако подвизаюся, не яко воздух бияй* (ср.: 1 Кор. 9, 26). То есть теку в полной, ясной и непоколебимой уверенности, что получу неистленный венец (см.: 1 Кор. 9, 25). То же и здесь: святой Павел выражает уверенность, что филиппийцы, исполняя все прописанное и слова животного придержащеся, будут ему в похвалу в день Христов, ибо, говорит, я доселе тек в Апостольском звании не безвестно, не без определенной цели и надежды, и трудился в проповеди не на ветер. Определенную волю Божию исполняю и верно знаю, что угодное Ему творю и дело служения моего будет иметь блаженный конец. Выставляя сие в отношении к себе, он и их воодушевляет теми же блаженными надеждами: ибо если его труд в проповеди будет увенчан, то и их последование сей проповеди тоже будет увенчано.

К такому пониманию ближе подходят и следующие два текста.

Стих 17. *Но аще и жрен бываю о жертве и службе веры вашея, радуюся и сорадуюся всем вам.*

Стих 18. *Такожде и вы радуйтеся и сорадуйтеся мне.*

Имея, говорит, такую уверенность, питая такие определенные и несомненные надежды, я, хотя и приходится мне страдать за обращение вас к вере, радуюсь сам в себе и сорадуюсь всем вам, что успел ввесть вас на правый путь спасения к получению блаженства вечного. Но как я так радуюсь в себе и сорадуюсь вам: так радуйтесь и вы в себе, что идете правым путем к блаженству вечному, и сорадуйтеся мне, что вами усугубляется достояние мое в Царстве Христовом. Апостол хочет сказать сим: путь наш верен; мы идем по Богу; нечего смущаться неприятностями; будем радоваться и сорадоваться взаимно, взирая на надлежащее нам достояние. Блаженный Феодорит пишет: «Апостол сказал: *веры вашея* — вместо: веры всех, при помощи его, уверовавших. Веселюсь я и услаждаюсь, как жертва, приносимая Богу за вашу веру. Надлежит и вам приобщиться моего веселия». Святой Златоуст заключает свое слово о сем так: «и так вовсе перестанем печалиться, вовсе перестанем плакать, будем благодарить Бога за все; будем делать все без ропота, — будем радоваться, благоугождать Ему во всем, дабы получить будущие блага».

Словами: *жрен бываю* — означает Апостол не то только, что теперь терпел, но что и прежде терпел и что впереди потерпит. Мысль та: если и приходится мне терпеть при проповеди и подвергаться смерти, я этому рад, с радостию то переношу — и буду переносить. *О жертве и службе веры* — за то, что из вас делаю, чрез веру, жертву Богу, службу Богу совершаю. «Жертвою называет приведение их (к вере). Подлинно, принести в жертву душу гораздо лучше, нежели волов» (святой Златоуст). — «Говоря: *радуйтесь и сорадуйтесь и вы*, — и их воодушевляет на терпение страданий. Я рад, говорит, и тому, что потерпел уже, и тому, что терплю и что предлежит мне терпеть; готов с радостию на все смерти, по причине несомненности надежды нашей. Тем же духом воодушевитесь и вы и будьте с радостию готовы на все» (Фотий у Экумения).

Б) ИЗВЕЩЕНИЕ О НАМЕРЕНИИ СВОЕМ
(2, 19—30)

Во-вторых Апостол ведет речь: 1) о своем намерении вскоре послать к филиппийцам святого Тимофея (2, 19—24) и: 2) об отослании к ним обратно Епафродита (2, 25—30).

1) Послать к филиппийцам святого Тимофея
(2, 19—24)

Глава 2, стих 19. *Уповаю же о Господе Иисусе, Тимофеа вскоре послати к вам, да и аз благодушествую, уведев, яже о вас.*

Уповаю вскоре послати. — Значит, предшествовавшее слово: *аще и жрен бываю* — сказал Апостол, не разумея под ним настоящего заключения или угрожавшей ему опасности, а вообще означая тем сопровождавшие проповедь его тесноты, неприятности и гонения. И о намерении послать к ним святого Тимофея говорит теперь не затем, чтоб отвратить скорбь, какую могли причинить слова те о жрении, подав мысль, что Апостолу угрожает опасность смерти; а затем, что так следовало по течению Послания.

Уповаю о Господе Иисусе. «Смотри, как все относит ко Христу, даже отправление Тимофея. Этим сказал он: я уверен, что Бог мне поможет» (святой Златоуст). И внутреннее чувство могло удостоверительно говорить ему об этом: ибо Апостолы были водимы ближайшим образом Духом Божиим, Который нужное прямо влагал в их сердце. Вложено было и это упование. И Апостол выражает его не колеблясь: ибо умел различать свои догадки от указаний Духа.

Цель послания: *да и аз благодушествую, уведев, яже о вас.* Благодушествовать — быть покойну насчет кого-либо. Вам скажет о мне Епафродит; а мне об вас кто скажет? Епафродит хоть сказывал; но он тут проболел довольно времени, да, пока до вас доберется и пока-то вы сами соберетесь дать знать о себе, — времени много пройдет. Не могу так долго оставаться без вести

о вас. Безвестность эта будет меня беспокоить. Потому пошлю к вам Тимофея: он вам принесет весть о скорой моей свободе или уже о получении ее, а мне от вас принесет верные сведения о том, что у вас, чтобы мне быть спокойну насчет вас. – «О, сколь нежную любовь имел он к Македонии! Это знак величайшего попечения, когда, не имея возможности сам скоро прийти, посылает ученика, не терпя даже и на короткое время оставаться в неведении о происходившем у них» (святой Златоуст).

Сказавши: *да благодушествую, уведев, яже о вас*, – Апостол выражает уверенность, что святой Тимофей принесет ему утешительные вести. Зная, что Апостола радовало не столько внешнее благосостояние, сколько внутреннее благоустройство и преуспеяние в христианстве, филиппийцы должны были из этих слов взять себе побуждение «быть более внимательными к себе и более рачительными» (святой Златоуст); чтоб, вместо благодушия, вести о них не принесли крайнего беспокойства любимому Апостолу. – В том и мудрость учителя, чтобы держать в постоянном напряжении внимание и усердие учимых.

Стих 20. *Ни единаго бо имам равнодушна, иже приснее о вас попечется.*

Объясняет, почему посылает Тимофея. Потому, что никто не может так верно действовать в духе Апостола, как он, и потому, что он ближе

к филиппийцам, искренно к ним расположен и радеет об их благе. *Равнодушна* — никто так не усвоил духа Апостолова, как он; и в отношении к филиппийцам расположен он не меньше Апостола. «*Равнодушна*, — то есть подобно мне заботливого и пекущегося о вас. Иной не так легко, говорит, решился бы по сей причине совершить столь долгий путь. А Тимофей любит вас, как я. Можно бы послать и других, но такого ни одного нет: *иже приснее о вас попечется*, — то есть отечески» (святой Златоуст).

Стих 21. *Вси бо своих си ищут, а не яже Христа Иисуса.*

Вси — не вообще все верующие, а все те, которых он мог бы послать. Вероятно, сопровождавших его спутников при нем никого не было, кроме Тимофея, а из местных верующих, хоть и были такие, которые особенно прилепились к Апостолу; но они были еще маловозрастны в духовной жизни. *Своих си ищут*, — то есть не взошли еще до совершенного самоотвержения, — так, чтобы делу Евангелия готовы были жертвовать всем, и покоем, и достоянием, и жизнию. Святой Златоуст определяет их ищущими «своего покоя и безопасности». *А не яже Христа Иисуса*. Благоугодное Господу обнимает широкую область, — всю жизнь во всех ее проявлениях. Те, которые были при Апостоле, конечно, делали усердно все, что могли делать в своем

месте; но решиться на такое послушание не имели сил по саможалению. Это и выставляет на вид Апостол, в похвалу Тимофею и в урок всем нам, что, если настоящим образом решаемся искать *яже Христова*, то «должны быть готовы на всякий труд, на все тягостное» (святой Златоуст).

Стих 22. ***Искусство же его знаете, зане якоже отцу чадо, со мною поработал в благовестии.***

Искусство, δοκιμή, — и опытность, и испытанность. Внушает Апостол, что на него во всем можно положиться. Что ни будет говорить, принимайте то, как бы я сам говорил; и, что вы ни будете ему передавать, передавайте смело; это будет то же, как бы вы мне передавали. *Знаете*, — говорит; счел, однако ж, нужным помянуть о том, чтоб дать знать, что он все таков же и в таких же к нему стоит отношениях. Они знали, как служил он святому Павлу до последнего посещения их Апостолом пред самыми узами; но, что было потом, не знали. Апостол говорит им: он все тот же; как тогда работал он со мною в благовестии, как сын отцу, так и теперь продолжает действовать. Не дивно, что здесь разумеет святой Павел особые труды святого Тимофея по благовестию в самом Риме.

Восставив в таком светлом виде святого Тимофея во внимании филиппийцев, апостол Павел говорит им далее:

Стих 23. *Сего же убо уповаю послати абие, повнегда увем, яже о мне.*

Его-то (τοῦτον μὲν) и надеюсь послать. И любовь свою крайнюю свидетельствует филиппийцам, и честь им делает, посылая Тимофея (см.: святой Златоуст). *Повнегда увем, яже о мне,*— «то есть когда увижу, в каком состоянии буду и какой конец будут иметь дела мои» (святой Златоуст). «Видно, что он не совершенно еще избежал первой опасности» (блаженный Феодорит). «Жду, говорит, какое решение обо мне произнесено будет в суде» (святой Дамаскин). Но видимо, что ожидал он благоприятного исхода дела. Почему прибавил:

Стих 24. *Надеюся же о Господе, яко и сам скоро прииду к вам.*

«Не потому посылаю Тимофея, будто сам не приду, но дабы мне ободриться, узнав о ваших обстоятельствах, и дабы в этот промежуток времени не быть в неведении. Сам же прийти — все надеюсь» (святой Златоуст). «*Надеюся о Господе.* Знал чрез Духа Святаго, что первые узы его кончатся благополучно и что он получит скоро свободу» (святой Дамаскин). В уверенности Апостола не видно никакого колебания.— Был он уверен, что освободится от уз и направит путь свой так, чтобы быть и у филиппийцев. Говорит же о сем, чтобы держать их постоянно в напряженном к себе внимании. Теперь они ждут

Епафродита; когда он придет, будут ждать Тимофея и готовиться встретить его так, чтобы он по совести мог дать добрые о них вести святому Апостолу; по отправлении обратно святого Тимофея будут ждать самого святого Павла: тут еще большее напряжение внимания потребуется. В том мудрость руководителя, чтобы поддержать руководимых в строгом к себе внимании.

2) И об отправлении к ним Епафродита
(2, 25—30)

Стих 25. *Потребнее же возмнех Епафродита брата и спослешника и своинника моего, вашего же посланника, и служителя потребе моей, послати к вам.*

Потребнее же — более нужным счел. По-гречески буквально хотя не выходит так; ибо там стоит: ἀναγκαῖον — необходимым почел: но по ходу речи скорее ожидается славянский оборот. Пока-то сбудется посольство Тимофея и мой к вам приход, в настоящее время потребнее послать к вам Епафродита. Почему потребнее, объясняется ниже; здесь только поминается о том.

Об Епафродите только и известно, что пишется в сем Послании. Епафрас, о коем говорится в Послании к Колоссаем и к Филимону, — совсем другое лицо, и смешивать их нет никакого повода. Один колоссянин, другой филиппиец. —

Посылая его обратно к своим, святой Павел восхваляет его не меньше Тимофея (см.: святой Златоуст). Пять доброхвальных черт выставляет он в нем: *брат*, — как христианин, а может быть, и как лицо, более других сблизившееся с Апостолом, при неоднократных встречах: *споспешник*, — как сотрудник в проповеди Евангелия и распространении веры: верно, он содействовал святому Павлу в утверждении веры и основании Церкви в Филиппах; ему, может быть, поручено было продолжать начатое Апостолом по удалении его оттуда; и он же способствовал к тому, что Церковь Филиппийская оказалась такою преданною святому Павлу и вере; *своинник*, — уже потому, что споспешник; ибо распространение Евангелия есть истинная борьба со тьмою нечестия и худонравия, но прямее это означает то, что он вместе с Апостолом страдал за Евангелие, — своинник, как соучастник с Апостолом в бедах и теснотах (см.: святой Златоуст). Где и когда, не видно. Может быть, под сим разумел Апостол то, что он по делам веры и Церкви подвергался опасности смерти здесь, в Риме; а может быть, он немало терпел и у себя в Филиппах. Если о всех филиппийцах сказано, что им дадеся не только веровать, но и страдать; то при этом выдающимся лицам, каков Епафродит, доставалось, конечно, гораздо более. *Посланник*, ἀπόστολος. — Прямо по течению речи это дает ту

мысль, что он послан от филиппийцев к Апостолу. Он ваш посланник, — то есть посланец. Так Экумений. Но он может быть назван их Апостолом и в том смысле, что учил их, продолжая среди них дело Апостольства Павлова. Так святой Златоуст и Феофилакт. — Или потому, что ему было вверено попечение о них. Так Феодорит. — *Служитель потребе моей*, — как принесший от филиппийцев потребное святому Павлу. Слово, каким он назван здесь, λειτουργός, — наводит на мысль, что такого рода служение святой Павел считал священнодействием; как и прилично — по той причине, что оно способствовало успехам благовествования, которое в другом месте у святого Павла названо священнодействием (см.: Рим. 15, 16).

Стих 26. *Понеже желанием желаше видети всех вас, и тужаше, зане слышасте, яко боле.*

Вот почему счел святой Павел более нужным поскорее послать Епафродита! чтоб успокоить и его, и филиппийцев. У них было сильное беспокойство из-за него, а у него из-за них. Они, видя, что долго его нет, дознавали отчего и, когда дознали, что от болезни, конечно, скорбели, что, их желание исполняя, он подвергся такой опасности. А он, с своей стороны, скорбел и оттого, что долго не видел их, и оттого, что они скорбели о нем по причине его болезни. В этом обнаруживается сильная их взаимная любовь. Апостол и выражает

это со стороны Епафродита, говоря, что он желанием желал их видеть, ἐπιποθῶν, — вожделевал их, неудержимо стремился к ним и, *тужаше*, — что они слышали о его болезни, ἀδημονῶν (тоже ἦν), — горько скорбел, болезновал душою до изнеможения. В основе того и другого должно предполагать самый искренний и глубокий союз.

Стих 27. *Ибо боле близ смерти: но Бог помилова его, не его же токмо, но и мене, да не скорбь на скорбь приму.*

Болезнь была сильная и угрожала опасностию пресечь дни Епафродита. *Но Бог*, говорит, *помиловал его*. Как Бог помиловал? Поелику все от Бога, то благоприятный исход болезни, шедшей и естественным путем, есть милость Божия. Но надо полагать, что в этом случае милость была особенная. Можно положить, что апостол Павел не равнодушно смотрел на сию болезнь и прибег к Богу с испрашиванием исцеления; у Епафродита же, конечно, доставало столько веры, чтоб быть достойным приемником высшей милости. Почему можно не сомневаться, что Бог помиловал его посредством чуда чрез апостола Павла. В Ефесе убрусцы и главотяжи, пропитанные потом Апостола, исцеляли недуги и изгоняли бесов (см.: Деян. 19, 12). Что-нибудь было подобное и здесь. Святой же Павел выражает это общим словом: *Бог помиловал его*: ибо говорил о себе. — Но видимо с полною благодарностию

вспоминает о сем, называя исцеление Епафродита и к себе великою милостию. — Как к сердцу принимал болезнь, так сердечно радовался и выздоровлению. Если б, говорит, умер он, это была бы скорбь на скорбь. — Он уже имел скорбь, находясь в узах. Смерть Епафродита была бы скорбь на скорбь. Скорбел бы он тогда и о том, что лишился такого споспешника, и о том, что смерть его огорчила бы любимых филиппийцев, и о том, что была она по поводу служения потребе его. Вот и рад. И возвращение здоровья Епафродиту искренно считал великою милостию Божиею и к себе самому.

Стих 28. *Скорее убо послах его, да видевше его паки возрадуетеся, и аз безпечален пребуду.*

«Что значит: *скорее*? То есть без отлагательства, без замедления, с большою поспешностию, приказавши все оставить и идти к вам, дабы освободить вас от печали. Ибо мы радуемся не столько тогда, когда слышим, что любимые наши здоровы, сколько в то время, когда видим их таковыми, и особенно если случится это сверх чаяния, как случилось тогда с Епафродитом» (святой Златоуст). Итак, Апостол спешил обрадовать филиппийцев, в уверенности, что прибытие к ним Епафродита разгонит печаль, какую имели по случаю его болезни, и исполнит их радостию. *И аз безпечален пребуду*. Этим сказал Апостол, что их печаль есть его печаль и что,

когда они избавятся от печали, избавится и он. Но не сказал: совсем беспечален буду, а буду беспечальнее, ἀλυπότερος. То есть эта печаль отпадет, а другие останутся. «Душа его никогда не была без печали. Ибо когда был без печали говорящий: *кто изнемогает, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжизаюся?* (2 Кор. 11, 29)» (святой Златоуст).

Стих 29. *Приимите убо его о Господе со всякою радостию, и таковыя честны имейте.*

Приимите его о Господе, — то есть в духе веры в Господа, «духовно» (святой Златоуст), или как Господом для вас сохраненного и к вам посылаемого, или «примите богоугодно, по Богу» (блаженный Феофилакт). «Примите со всякою радостию, как следует принимать святых» (святой Златоуст). Все это естественно было бы и само собою. Напоминая о том, Апостол благословляет их на то и этим благословением освящает простое по виду действие.

И таковыя честны имейте в себе. А это уже заповедь — с особенным почтением относиться к потрудившимся в деле Божием. «Имейте таких честными, как следует чествовать святых» (святой Златоуст), «не для них, а для вас самих, приемлющих их с честию: ибо это увеличит мздовоздаяние, готовое вам» (Экумений). Говорит: всех таковых имейте в чести, а не одного Епафродита: о чем он и не сомневался. «Увещевает

чтить всех вообще, показывающих такую добродетель, чтоб не показалось, будто благоприятствует одному Епафродиту» (блаженный Феофилакт).

Стих 30. *Зане за дело Христово даже до смерти приближися, понудив себе вседушно, да исполнит ваше лишение службы, яже ко мне.*

Вот за что должны были филиппийцы и встретить с радостию, и иметь всегда в почете Епафродита и подобных ему! За то, что он потрудился в деле Христовом до положения живота. — Дело Христово разумеется здесь дело способствования распространению Евангелия Христова чрез вспомоществование благовестнику его — Апостолу. Или дело Христово есть дело церковное. Епафродит отправился к Апостолу от всех верующих с пособием ему; и это уже дело Церкви. Но если он имел при этом в виду разъяснение каких-нибудь вопросов относительно веры и нравственности христианской, как заставляет отчасти предполагать содержание Послания, то это еще прямее и глубже есть дело Христово. Таким образом здесь имеем урок — иметь в почете всех, трудящихся по делам веры и Церкви.

Но у Епафродита была в сем отношении особенность, которую не всякий трудящийся в деле Христовом иметь может, — именно что он за это дело *до смерти приближися.* Здесь можно разуметь

и опасности пути, и тот особенно случай, что, исполняя возложенное на него Церковию поручение, заболел, — и *боле близ смерти.* Но это еще не так велико, сколько велико то, что он, и прежде еще сей случайности, предал себя вседушно за дело Христово, так что, если б он потерпел и несравненно более неприятностей и скорбей и даже самую смерть, это не было бы для него неожиданностию, а только делом исполнения того, что у него было положено на душе, — за дело Христово и живот свой положить. От этой самоотверженной решимости получали особенную цену и труды, в пути понесенные, и то, что *боле близ смерти.* Ибо вследствие ее он принял все то с охотою и радостию, свободно, а не по неволе, хоть все случалось не по его воле. Слова: *понудив себе вседушно* — по-гречески читаются так: παραβολευσάμενος τῇ ψυχῇ. Слово в слово трудно это перевесть. У нас, в славянском, подстрочно прибавлено: презрев душу свою; по-русски переведено: подвергая опасности жизнь. Мысль та, что Епафродит предал себя на дело Христово не щадя живота, с готовностию умереть за него. За это особенно и восхваляет его святой Златоуст: «неустрашимый Епафродит презрел всякую опасность, — только бы прийти и послужить Павлу и сделать все, что нужно было. Апостол не сказал: для меня, но говорит: *за дело Божие.* Ибо не для меня, но для Бога он был

близ смерти. Что же? хотя он и не умер, по Божию устроению, впрочем, подвергался опасности и предавал себя самого так, что не отрекся бы от служения мне, что бы ни случилось потерпеть. Если же он для служения Павлу предавал себя на смерть, то тем более сделал бы сие для проповеди: или, лучше,— умереть для Павла было то же, что и для проповеди. Ибо не только за непринесение жертв (идолам) можно получить венец мученический,— но и такие случаи делают мучеником; и если должно что-либо назвать удивительным, то последние случаи более, нежели первые. Ибо, кто за меньшее дело решается на смерть, тот тем более решится за большее. Посему и мы, когда видим святых в бедах, то не будем щадить себя. Ибо нерешительный никогда не может сделать ничего благородного; кто заботится о безопасности здесь, тот необходимо лишается ее в будущем».

Да исполнит ваше лишение службы, яже ко мне. Здесь святой Павел то же служение Епафродитово обращает в заслугу самим филиппийцам. Он говорит как бы: то, что вы должны были лично сделать мне (но не могли: *лишение ваше*), он сделал за вас. «Город не был со мною, но оказал мне всякую услугу (обязательную для него) чрез него, прислав его. Следовательно, недостаток вашего (личного) служения он восполнил. И потому он имеет право получить великую честь, так как он один сделал за вас то, что сле-

довало сделать всем. — Видишь ли высокое чувство Апостола? Оно происходит не от гордости, но от великой заботливости об них. Дело их он называет служением и лишением (иначе — обязанностию, неисполнение которой есть в них недостаток), дабы они не возносились, но были скромны; дабы не думали, что сделали нечто великое, но смирялись» (святой Златоуст).

В) ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ С ПРИМЕНИТЕЛЬНЫМИ УРОКАМИ

(3, 1—4, 1)

В-третьих Апостол дает филиппийцам: 1) предостережение от иудействующих, отклоняя от увлечения их учением собственным своим примером. Он перечисляет преимущества, какие обычно выставляют иудеи, соблазняя последовать им. Потом говорит: все их я имел паче других, но вменил ни во что пред неизреченно высокими обетованиями и надеждами христианскими (3, 1—9). Это подало ему повод присовокупить: 2) к ним-то всеусердно и стремлюсь я теперь. Стремитесь и вы вслед за мною, не привязываясь ни к чему земному и чувственному: ибо наше жительство на небесах (3, 10—4, 1).

1) Предостережение от иудействующих

(3, 1—9)

Глава 3, стих 1. *Прочее же, братие моя, радуйтеся о Господе: таяжде бо писати вам, мне убо не леностно, вам же твердо.*

«Печали и заботы, когда чрезмерно угнетают душу, отнимают у нее силу. Посему-то Павел и ободряет филиппийцев, которые находились в великой печали. А печалились они потому, что не знали, каковы обстоятельства Павловы; печалились потому, что почитали его умершим, печалились о проповеди, об Епафродите. Итак, сообщая им обо всем этом удовлетворительное известие, он и присовокупляет: *прочее, братие моя, радуйтеся*. Теперь, говорит он, вы не имеете причины печалиться: Епафродит, о котором скорбели, с вами, с вами же (скоро будет) и Тимофей, — и я иду, — и Евангелие преуспевает. — Чего еще недостает вам? *Радуйтесь. Радуйтесь о Господе*. Хорошо сказал: *о Господе*, — а не мирскою радостию; ибо это не значит радоваться. Самые скорби за Христа, говорит он, заключают в себе радость» (святой Златоуст).

Таяжде бо писати вам. «Другого Послания не писал к ним, но в этом одном предложил многие наставления» (блаженный Феодорит).

Таяжде (бо, γάρ, — нет в подлиннике). Если относить это к: *радуйтеся*, — то будет: твердить вам непрестанно: *радуйтеся*: ибо Апостол писал уже это им: *радуйтеся и сорадуйтеся мне* (2, 18); и еще повторил: *радуйтеся всегда о Господе, и паки реку радуйтеся* (ср.: 4, 4). Иные слову: *таяжде* — дают значение: *таковое* — и относят ко всему, доселе написанному. Все такое писать

вам мне не леностно, а вам это послужит к утверждению в вере и жизни по вере. Он как бы говорит: мне ведь не леностно писать вам таковое, или все о вере и жизни по вере: ибо это служит к утверждению вашему в том и другом. Доразуметь здесь останется для полноты речи: прибавлю вам еще и вот о чем!

Стих 2. *Блюдитеся от псов, блюдитеся от злых делателей, блюдитеся от сечения.*

«Кого Апостол называет здесь псами? Это те, на коих он намекает во всех своих Посланиях, иудеи мерзкие*, гнусные, корыстолюбивые и властолюбивые, кои, желая отторгнуть многих из верующих, проповедывали и христианство, и иудейство, искажая Евангелие; и поелику трудно было распознать их, то Апостол и говорит: *блюдитеся от псов*. Иудеи уже не чада. Некогда назывались псами язычники, а теперь они; почему? Потому что как язычники были отчуждены от Бога и Христа, так ныне отчуждены они. И сим показывает их бесстыдство, и наглость, и великое удаление от чад. А что язычники некогда назывались псами, то слушай, что говорит хананеянка: *ей, Господи! Ибо и пси ядят от крупиц, падающих от трапезы господей*

* Святой Златоуст пишет, что они были в Филиппах. Может быть, в самом деле уже они подошли к ним; только не видно, смутили ли кого. Или даже и это можно предположить в Еводии и Синтихии (см.: 4, 2).

своих (ср.: Мф. 15, 27). Поелику же псы бывают при столе, то дабы (иудеи оные) лишены были и сего, (Апостол) присовокупляет причину, по которой и отчуждает их, говоря: *блюдитеся от злых делателей*. Достойны удивления слова: *блюдитеся от злых делателей*; ибо они не только действуют (ревнуют, трудятся, подвергаются опасностям и лишениям пути, — все по ревности), но и действуют назло, и действование их гораздо хуже самого бездействия. — Они расстраивают благоустроенное» (святой Златоуст).

Блюдитеся от сечения. Сечением, κατατομή, — назвал Апостол обрезание, — названием несколько унизительным, ироническим, всячески не библейским, чтоб показать, что иудеи теперь хотя и обрезываются, но это обрезание не имеет уже того значения и силы, какие оно имело прежде; тогда оно было печатию избранного народа, а теперь это простое отсечение плоти, без всякого значения (см.: святой Златоуст). *Блюдитеся*, говорит, *сечения*, — то есть обрезания; но, если обрезания блюстись обязывает, тем паче всего прочего, в законе содержащегося. Этим одним словом он заповедует удаляться от всего иудейского. «Обрезание иудейское важно было, поелику ему уступал и закон, — и суббота была ниже его; ибо для совершения обрезания нарушалась и суббота, а для соблюдения субботы никогда не нарушался закон обрезания. — Обрати внимание на домо-

строительство Божие. Обрезание ставится выше субботы. Оно не оставлялось ни в какое время. Итак, когда обрезание отменено, то тем более суббота» (святой Златоуст); и тем более весь закон, все иудейство. — Три раза повторил Апостол: *блюдитеся*, — чтоб показать, сколь это необходимо, и возбудить ревность — чуждаться его всячески.

Стих 3. ***Мы бо есмы обрезание, иже духом Богу служим, и хвалимся о Христе Иисусе, а не в плоти надеемся.***

Мы — обрезание. Того обрезания, которого держатся иудеи, даже обрезанием, περιτομή, — не назвал Апостол, а назвал сечением, κατατομή. В законе сени* оно было важно; но как весь закон был тению грядущих благ, то и оно было прообразом. Оно прообразовало *обрезание сердца духом* (Рим. 2, 29). Когда сие обрезание пришло, то прежнее уже потеряло силу. «Совершающие оное теперь не что иное делают, как только отсекают плоть. Ибо когда это действие перестало быть законным, то оно есть не что иное, как сечение плоти. Если должно искать истинного обрезания, то найдете оное у нас: *иже духом Богу служим*, — то есть кои служим Богу духовно» (святой Златоуст). «Служим душою и умом. Обрезанный в душе и ею служащий Богу, вот кто имеет истинное обрезание — высшее и благород-

* *Сень* — скиния (священный шатер у иудеев). — *Ред.*

нейшее, насколько душа лучше тела» (блаженный Феодорит).

Это обрезание духовное состоит в отрезании от сердца страстей и в даровании человеку силы противостоять им и всегда наперекор им оставаться верным заповедям Божиим. Благодатию Святаго Духа установившись в сердце пред лицем Господа, христианин ничего не дозволяет себе делать по самоугодию и похотям, а все и внутреннее свое, и внешнее направляет по воле Божией, во славу Его. В этом и обрезание, и служение Богу духом. Они неразлучны, или составляют одно и то же состояние духовное.

Служим так Богу, говорит, и *хвалимся о Христе Иисусе*. Ибо откуда у нас эта благодать?! От Христа Иисуса Господа. Он пришел, принес Себя в жертву и рукописание грехов наших разодрал; вознесшись же на небо, Духа Святаго ниспослал, Коему открыл путь к нам удовлетворением бесконечной правде Божией. Дух благодати производит в нас и обрезание сердца, и духовное Богу служение. Вот почему мы и хвалимся лишь о Христе Иисусе. Ибо от Него имеем все. — Иудей говорит: я Авраамов, я обрезан: то и другое плотское. А мы говорим: веруем в Господа Иисуса Христа и ради веры сей чрез таинства получаем благодать, дающую нам новую и духовную жизнь и делающую нас чадами Божиими и наследниками Царства Небесного.

Вот наши надежды! Ни на чем плотском они не утверждаются. И чадство Аврааму и обрезание имели значение в свое время: теперь они уже ничто и должны быть оставлены. Святой Павел доказывает это своим примером.

Стих 4. *Ибо и аз имею надеяние такожде во плоти; аще кто ин мнит надеятися во плоти, аз паче.*

И я бы мог, говорит, похвалиться плотскими преимуществами иудейскими, не меньше всякого другого, и на них почить своими надеждами, как я это и делал: но теперь уже не делаю, узнавши ничтожество этих опор. «Кстати присовокупил это Апостол. Ибо если бы он, будучи из язычников, охуждал обрезание, и не обрезание только, но и тех, кои уже не вовремя принимают оное: то показалось бы, что он нападает на оное потому, что лишен благородного происхождения иудейского, не знал великих его преимуществ и не имел в нем участия; но когда он, имея участие, охуждает, то, значит, охуждает потому, что познал (ничтожность всего того), не по неведению это делает, но вследствие совершенного знания» (святой Златоуст).

Аще ин кто мнит надеятися во плоти, аз паче. Этим оборотом речи он придает очень большое значение тому, что после бросил все это. Я, говорит, не из ряда обыкновенных иудеев. Есть у иудеев общие преимущества, на которых

они основывают свои надежды; но у святого Павла было их больше. Что же такое? Из исчисленных им ниже преимуществ только одна его особенность видна, — это гонение Церкви Божией. Оно поставляло его в ряд деятелей в защиту закона. Почему он справедливо мог сказать: если всякий иудей мнит надеятися во плоти, аз паче. Ибо таковые справедливо имеют особую цену и пред Церковию, и пред Богом. Имел бы и он за свои подвиги, если бы то, за что он ратовал, было истинно.

Стихи 5—6. ***Обрезан осмодневно, от рода Израилева, колена Вениаминова, Евреин от Еврей, по закону фарисей, по ревности гоних Церковь Божию, по правде законней быв непорочен.***

«В подробности перечисляет все, что уважалось у иудеев» (блаженный Феодорит). *Обрезан осмодневно.* «Сперва выставляет то, чем особенно хвалились они, — обрезание» (святой Златоуст). Этим показал, что он не пришлец и не прозелит, которые были обрезываемы в возрасте, а и родился от обрезанного, и обрезан в осмой день. Но мог иной подумать: ну родители твои пришельцы. Нет, и родители не пришельцы. Род наш идет от Израиля. Я *от рода Израилева.* Но может быть, ты от какого-нибудь из десяти колен, которые разбились и не знать как перемешались с другими. Нет, я от *колена Вениаминова*, которое пребыло верным союзником колена Иудова

и вместе с ним надежду Израилеву блюло,— храм, все чины его и все обетования. Словом сказать,— я *Еврей от Евреев*, «чистого еврейского происхождения» (святой Златоуст).

«Далее переходит к тому, что было делом его произволения. Все вышесказанное было не произвольное. Ибо не от него зависело быть обрезанным, быть от рода Израилева и от колена Вениаминова. Впрочем, и в этом отношении он имел больше преимуществ, хотя в них участвовали многие. В чем же *паче*? Конечно, и в том, что он не пришлец, что он из почетнейшего колена, издревле от таких предков, каких немногие имели. Но поелику все сие было не произвольное, то он переходит к делам произволения, в чем видно это *паче: по закону фарисей, по ревности гоних Церковь Божию*. Это говорит он потому, что одни вышесказанные слова недостаточно объясняют слово: *паче*. Ибо можно быть и фарисеем, однако же не великим ревнителем по правде; можно отваживаться на опасности и делать это по властолюбию, а не по ревности о законе, как делали первосвященники; но он был не таков, *по правде законней быв непорочен*. Итак, если я, говорит, превосходил всех и благородным происхождением, и ревностию, и нравом, и жизнию; то для чего я оставил сии высокие преимущества, как не для того, чтобы приобресть Христовы большие, и гораздо большие?» (святой Златоуст).

Фарисеи были ревнители закона. По этой ревности он гнал Церковь Божию. Но, гоня Церковь или стоя за исповедание, он не забывал никаких законных чинов, строго соблюдал субботы, новомесячия, приносил жертвы и прочее все; так что в отношении к этой законной правде ни в чем его укорить нельзя.

Стих 7. *Но яже ми бяху приобретения, сия вмених Христа ради тщету.*

Приобретения, κέρδη, – выгода, прибыль; *тщету*, ζημίαν, – урон, убыток. Когда закон был в силе, все означенные преимущества, какие имел святой Павел по праву подзаконности, составляли для него прибыль; но, когда положен конец закону пришествием Христовым и святой Павел узнал это и уверовал, тогда держаться закона было бы для него не прибыль, а убыток. Почему, говорит, я решился лучше изубыточиться законом и всеми его преимуществами, чтобы быть со Христом, Христа ради. Он выражает этим: познав Христа, я бросил эти преимущества. Другие, смотря на это, могли ему говорить: какую потерю, какой убыток ты понес. Да, эту потерю я добровольно избрал Христа ради. – Или он противополагает пользу и вред. Полезен был закон до Христа Спасителя, но по пришествии Его он стал вреден. Я, говорит, и счел его таковым Христа ради.

Но при этом не должно выпускать из мыслей, что закон в свое время был единственным путем

спасения и к Богу приближения. И это по Божию изволению. Только пригодность его была временная, — тоже по Божию определению. И те, которые следовали закону в свое время, Богу угождали; и те, которые оставляли его, когда кончилось его время, угодное Богу творили. Потому закону должно отдавать должную справедливость: он свое дело делал и сделал. Святой Златоуст говорит: «подумай, чего стоило людей, сделавшихся зверями, преобразить в людей! (Это делал закон, укрощая нравы иудеев.) Если бы не было закона, не была бы дана и благодать; почему? Потому что он был к ней как бы мостом. Ибо когда нельзя с весьма низкого места взойти на возвышенное, то ставится лестница; а кто взошел, тот хотя более не имеет нужды в лестнице, однако же поэтому не пренебрегает ее, но остается еще благодарным к ней. Ибо она поставила его в такое состояние, что он более не имеет нужды в ней; и за сие-то самое, что не имеет нужды в ней, почитает справедливым изъявить ей благодарность, потому что без нее не взошел бы он. То же должно сказать и о законе. Он возвел нас на высоту, посему был приобретением (на пользу); но теперь мы почитаем его тщетою (что он в убыток); почему? Не потому, что он тщета (убыток сам по себе), но потому, что благодать гораздо больше его. Голодный бедняк, доколе имеет серебро, на серебро кормится; а когда

найдет золото, пользоваться же тем и другим вместе не может, то обладание первым почитает тщетою (убытком) и, бросив оное, берет золото; бросает серебро не потому, что оно тщета (вредно, убыточно), но потому, что ему нельзя взять и то и другое вместе, а необходимо одно оставить. Так и здесь.– Следовательно, тщета не закон, а отступление от Христа по привязанности к закону; посему, когда он отводит нас от Христа, тогда бывает тщетою (во вред и убыток), а когда приводит к Нему, то не тщета. Вот почему Апостол называет закон тщетою, то есть *Христа ради*. Если же *Христа ради*, то он не по природе тщета». Святой Златоуст говорит это против еретиков, которые учили, что закон Моисеев не от Бога, и слова Апостола, что закон тщета и уметы, обращали в подтверждение своего учения. Подобные мысли выражает и блаженный Феодорит: «по сравнении с высшим Апостол именовал тщетою низшее; потому что излишен светильник, когда воссияло солнце, излишен пестун для приявших совершенную мудрость; бесполезно молоко кормилицы для вкушающих совершенную пищу».

Стих 8. *Но убо вменяю вся тщету быти за превосходящее разумение Христа Иисуса Господа моего, Егоже ради всех отщетихся, и вменяю вся уметы быти, да Христа приобрящу.*

Но убо вменяю вся тщету быти. – В подлинникe пред: *вменяю* – стоит: *и.* – *Но убо и*

вменяю. Мысль будет или такая: но и доселе вменяю все в тщету, как с первого раза просвещения моего благодатию вменил, так и продолжаю вменять. Или такая: но и все вменяю в тщету, — не закон только, но и все земное. Последняя мысль у святого Златоуста, который говорит: «что я отношу это к закону только, говорит Апостол? Мир разве не благо? Настоящая жизнь разве не благо? Но я и их почитаю тщетою, чтоб они не удалили меня от Христа. — Называет ли Апостол и здесь еще уметами закон, не видно, а вероятно, что он называет так предметы мира». Но потом святой Златоуст прибавляет, что если хочешь относить и эти слова всё к одному закону, то можешь это делать. Течение речи точно — и впереди и после — всё о законе. Потому естественнее и здесь его только иметь в мысли. Но та мысль: и продолжаю вменять, скудна. Нечего было ее и выставлять. — Скорее надо положить, что Апостол имел в намерении выразить такую мысль: да ведь я и не даром вменяю все то в уметы, а *за превосходящее разумение Христа Иисуса*, чем объясняется предыдущее слово: *Христа ради.*

За превосходящее разумение Христа Иисуса. — За превосходящее, τὸ ὑπερέχον, — превосходство разумения.

«По причине высшего ведения, тщетою называю низшее и пренебрегаю малым ради большего.

Не потому бегу, что это худо, но потому, что предпочитаю важнейшее и, получив зерно, почитаю мякину излишнею; ибо *уметами* называется самая грубая и жесткая часть соломы. На этом держится пшеничное зерно, но по сборе пшеницы кидается это. Так закон указывает на Христа; но, когда Христос пришел, закон стал излишен» (блаженный Феодорит).

Под разумением можно разуметь и систему вероучения христианского, которая вся сосредоточивается во Христе Иисусе, но, от Него исходя, обнимает все — и прошедшее, и настоящее, и будущее — и все объясняет самым удовлетворительным, назидательным и утешительным образом. Свет ведения о Христе Иисусе пленял обширный ум Апостола. Рамка же ведения, даваемая законом, узка. Сравнив одно с другим, я закон бросил, а ко Христу прилепился. При свете Его, там мне виделась уже одна тьма.

Или под разумением Христа Иисуса он разумеет то, что давалось о Христе Иисусе, — опытное вкушение благ духовных от веры в Него. Обрезание, субботы, жертвы, омовение и очищение и все прочее — тело очищали, а душа оставалась без всякой пользы, ничего в нее не перепадало. Во Христе же Иисусе благодать нисходит в душу, которая страсти отгоняет, силу на всякое добро подает, утешениями исполняет душу и не дает чувствовать горечи лишений и скорбей, все

пути жизни освещает и надеждою непоколебимою крепит сердце. Это все я знаю, как бы говорит он, опытом и вижу, как это превосходнее того, что дает закон. Почему не могу оставаться с законом, а охотно оставляю его, и все преимущества его, ради превосходства того, что узнаю и испытываю во Христе Иисусе.

Прибавление к словам: *Христа Иисуса* — слов: *Господа моего* — дышит любовию, теплою, сладостною. Своим считает Его; ибо носит Его в сердце своем. В сердце же носит, потому что чувствует, как много получил от Него и получает, как обращен Им лично, и потом постоянно Им был храним, руководим, утешаем, просвещаем, и доселе блюдется Им, несмотря на окружавшую и окружающую его неприязненность.

Егоже ради всех отщетихся, ἐζημιώθην, — всем изубыточился, — все бросил, от всего отказался, — и от законных оправданий и жертв, и от ревности фарисейской, и от рода своего; и все это и подобное *вменяю уметы*, считаю за сор, за ничто, — *да Христа приобрящу*. Сделал это, чтобы Христа приобресть, для приобретения Христа. Приобретение же сие не в будущем чается, а в настоящем имеется. То все оставил; а взамен того приобрел Христа Иисуса Господа моего. Если сравнишь, то увидишь, что это не потеря, а приобретение. Я изубыточился тем, что убыточно, а приобрел то, в чем источник неистощимых

приобретений. Ибо приобресть Христа – значит возыметь все.

Стих 9. *И обрящуся в Нем, не имый моея правды, яже от закона, но яже верою Иисус Христовою, сущую от Бога правду в вере.*

И обрящуся в Нем. Христа приобретающий будто себе Его присвояет; а между тем в Нем обретается, Им объемлется, будто Его частию становится. Христос Господь всем верующим дает Себя и всякого Собою облекает; но ни одним верующим не объемлется, не восхищается исключительно, с лишением Его других, напротив всем давая Себя вкушать, всех обнимает и в Себе совмещает. Отчего все, – сколько их ни было, ни есть и не будет, – все в Нем единое целое составляют.

Хочешь Христа приобрести? Обретись сам во Христе. Как? Совлекись своей праведности, подражая Апостолу, который говорит: *и обрящуся в Нем, не имый моея правды, яже от закона.* Правда от закона: совершил жертву – и прав; сделал омовение – и чист; принес десятину, отпраздновал субботу, исполнил и все прочее подобное – и Богу угодил; происходишь от Авраама – и чадо Божие, наследник Царства. Эту законную праведность, внешнюю, вещественную, оставил Апостол, вместо же нее восприял во Христе Иисусе иную, духовную; внутреннюю, которая созидается в духе, по вере во Иисуса

Христа. Вера во Иисуса Христа дает отпущение всех грехов и, низводя благодать Святаго Духа чрез таинства в сердце, освящает его и чистым соделывает пред очами Самого всевидящего Бога. Это и есть существенная праведность. Ее возымел Апостол. Ее надлежит и всякому возыметь. — Не полагайся на свои дела, видимо совершаемые, взыщи этой внутренней благодатию в духе созидаемой святости: ибо в ней все; без нее все ничто. Под законною праведностию можно разуметь вообще внешнюю исправность поведения, а под правдою, яже верою Иисус-Христовою, внутреннюю чистоту чувств и мыслей пред лицем Бога. Когда Апостол противополагает законной правде веру, — то не отрицает обязательства к праведной жизни; а только заповедует не останавливаться на одной внешней доброкачественности жизни, а взыскать внутреннего благодатного освящения, подаемого по вере во Иисуса Христа. Это и разумеет он, когда говорит: *и обрящуся в Нем, не имый моея правды, яже от закона, но (имый правду) яже верою Иисус Христовою, сущую от Бога правду в вере*. Не сказал: и обрящуся в Нем вместо законной правды с верою, — а: с правдою же, только такою, какую подает вера Иисус-Христова, которая от Бога исходит на веру или под условием веры. А эта правда известно как приходит: кающемуся и к Господу приступающему прощаются грехи и,

как помилованному, дается благодать Святаго Духа, которая и научает его, как всегда во всем ходить свято пред Богом, и силу на то дает. — Добрые качества и добрые начала в естестве нашем положены; и, ими руководясь и побуждаясь, человек может совершать много доброго и являться добродетельным; но все сие пред Богом не имеет цены, пока не освятится верою и пока благодать, пришедши, не переделает всего по своему духу. Святой Златоуст говорит, что здесь у Апостола разумеется именно «та правда, которая бывает от веры Божией, которая, то есть, дана от Бога: вот правда Божия, она всецело дар Божий; но дар Божий гораздо превосходнее маловажных добрых дел, совершаемых нашим тщанием».

Этим, можем положить, предостережение против иудействующих кончено. Апостол не напрягается подробно изъяснять нелепость их учения, — но изобличает его кратко, но сильно; а своим примером решительно предотвращает всякую возможность уклонения к ним в филиппийцах, столько его любящих и им любимых. Уверенность в этом и сократила его слово: он знал, что филиппийцы всегда будут там, где он. — Сделав это, далее Апостол более нужным и полезным счел распространиться о том, в чем существо правды о Христе: как быть в Нем, что в виду иметь и какие питать надежды.

2) Урок — стремиться, по его примеру, к почести вышнего звания, с отрешением от всего (3, 10—4, 1)

Стихи 10—11. *Яко разумети Его, и силу воскресения Его, и сообщение страстей Его, сообразуяся смерти Его, аще како достигну в воскресение мертвых.*

Все наши восточные толкователи видят в этом месте изложение существа правды о Христе Иисусе, существа веры христианской. Святой Златоуст, протолковав первые слова, говорит: «вот что составляет правду (нашу, то есть христианскую)!» Святой Дамаскин и начинает свое изъяснение так: «учит Апостол, что есть правда, яже от Бога». — То же и Феодорит: «сия правда состоит в том, чтобы верою уразуметь» — и прочее.

В чем же состоит существо спасительной веры нашей, или правды о Христе Иисусе? В том, чтобы, познавши верою Господа Иисуса Христа, войти в общение страданий Его и чрез то сделаться достойными того, чтобы улучить славное воскресение о Нем. Сила мысли в сострадании Христу Господу. Крестная смерть Господа заменила все жертвы ветхозаветные и все оправдательные чины. Она одна заменяет все жертвы. Кто войдет в сострадание Господу, тот усвоит себе силу Его крестной смерти и этим актом одним совершает то, что дают все в совокупности

жертвы, то есть усвояет себе полное оправдание пред лицом Божественной правды.

Разумети Его, — то есть Господа Иисуса Христа. — Верою познаем, что «Он есть Бог и Творец всего и восприял наше естество, соделовая наше спасение». — Здесь разумеется познание Лица Иисус-Христова — Его Богочеловечества, со всеми соприкосновенностями, с предвечным определением спасения нашего в Нем, с устроением мира по идее сего определения, с обетованиями о Нем по падении, с приготовлением рода человеческого к принятию Его, с Его явлением во плоти и совершением нашего спасения, крестною смертию, воскресением и вознесением. Все сие знаем мы из Символа веры с первых дней, познать же сие полно и существенно сил и жизни нашей не достанет. Это неистощимый предмет познавания на всю вечность.

И силу воскресения Его. Из всех предметов познания о Господе выделяет особо святой Апостол — постижение силы воскресения Его и общения в страданиях Его. Сила воскресения Христова еще не явлена. Акт воскресения мы знаем; но значение его в системе бытия сокрыто от нас. Если воскресший есть Бог и человеческое естество, воскрешенное в Нем, есть центр всего тварного; то сила воскресения Христова, падая ближайшим образом на человечество, чрез Него должна нисходить и во все области бытия. Как

все сие есть, сокрыто: ибо и человечество еще чает воскресения, а не причастилось его. Когда совершится сие воскресение, тогда во всем величии явится значение воскресения Христова и во всей твари; а дотоле и она чает и воздыхает о свободе от тления. — Нравственную силу воскресения Христова ближе знаем: оно есть первая глава в убеждениях христианских, и свет его облиставает всю область христианского ведения; оно указывает последнюю цель надежд христианских, и славность его есть возбудитель энергии во всех проявлениях христианской деятельности. Созерцатель воскресения, постигающий, в своей мере, силу его, в такой же мере пламенеет верою и ревностию к жизни по вере.

И сообщение страстей Его. Христу Господу подобало пострадать, чтоб внити в славу Свою, выразившуюся в воскресении, за которым, как неотделимое следствие, последовало и вознесение с седением одесную Отца. Там восседит воскресший Господь. Туда окрест Его собираются все верные слуги Его, — по слову Его, в предначинательное сопричастие в славе Его. Но как Господь чрез страдание и крест вошел в славу Свою, так и все, восходящие к Нему, не иначе входят в сопричастие славы, как прошедши подобный ему <!> путь страданий. Эти страдания делают их сообщниками Его страданий и открывают им путь туда, куда путем креста вошел Господь. Как они,

так и все. Путь этот истолковал и указал святой Павел в себе и собою. — Таким образом первая существенная черта в деятельном христианстве, — или, что то же, в деле спасения, — или, еще, в оправдании верою, о коем у Апостола речь, — есть сопричастие страстям Христовым. Проще это сказать так: Господь стяжал для тебя спасение страданиями; если хочешь получить от Него свое спасение и себе присвоить, спостражди Господу. Произвольно или не произвольно страдать; но без страданий нет спасения. Как же это сделать?

Сообразуяся смерти Его. Святой Златоуст говорит на сии слова: «сообразуясь, говорит, смерти Его, то есть участвуя в ней; ибо как Он пострадал от людей, так и я. Вот почему Апостол сказал: *сообразуяся*; в другом месте: *исполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей* (Кол. 1, 24), — то есть гонения и страдания мои составляют этот образ Его смерти; ибо Апостол не своей пользы искал, но пользы многих. Посему и гонения, и скорби, и тесные обстоятельства не только не должны смущать вас, но еще радовать: поелику чрез них мы сообразуемся смерти Иисуса Христа и, как бы так сказать, изображаем Его в себе, как и говорит Апостол в другом месте: *мертвость Господа Иисуса в теле носяще* (2 Кор. 4, 10). — И это происходит от веры. Веруем, что Христос воскрес и по воскресении имеет великую

силу: почему идем тем же путем, которым Он шел, то есть делаемся братиями Ему и по этому и, как бы так сказать, делаемся христами и по этому. О, сколь велико достоинство страданий!»

Это один род сострадания, – чрез внешние скорби и лишения, ради веры в Господа. Другой род сострадания дает борьба со страстьми и похотьми, о коей Апостол говорит в другом месте: *иже Христови суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). И еще: *умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како неключимь буду* (ср.: 1 Кор. 9, 27). Под этим разумеются все действия самоумерщвления, произвольные лишения, внешние, и безжалостное к себе самопринуждение на все доброе и самопротивление при всех позывах недобрых. Во всем этом не менее болезненности, как и при страданиях внешних непроизвольных. Потому и тут в полном смысле есть сострадание Господу, сообразное смерти Его.

Святое крещение, в коем спогребаемся Господу в смерть, делает нас причастниками смерти Христа Господа (см.: Рим. 6). Это совершается таинственно; но чего ради? Того ради, что крещаемый, приступая к Господу, дает обет быть верным Ему до положения живота. Это решение есть обречение себя на смерть ради Господа и, следовательно, прямое сочетание со смертию Его. На это решение нисходит и благодать возрожда-

ющая. Затем, — то, что здесь полагается в решении воли, осуществляется потом целою жизнию. Внешние страдания не всегда приходят; а внутренняя болезненная борьба со страстьми ради заповедей Господа всегда есть. Этим путем однажды навсегда умерший в крещении, ради Господа, умирает потом за Него, за волю Его и святые заповеди Его — целую жизнь. Жизнь христианина истинного есть крестный путь. И вот как он сообразуется смерти Господа. Святой Златоуст говорит и о сем способе сораспятия Господу, но слово его темновато записано.

Аще како достигну в воскресение мертвых. Воскресение из мертвых не есть дело произвола; потому не может быть предметом нравственной цели. Все воскреснут, хотят или не хотят, чаяли или не чаяли воскресения, но одни воскреснут к славе, а другие — к мукам. Того, чтобы по воскресении войти в славу, можно искать. Это и разумел Апостол, говоря о своем желании достигнуть воскресения. Он говорит здесь о воскресении, которое ведет прямо ко Христу. У него подразумевается здесь такая мысль: если не умрешь, — как указано выше, то не постигнешь такого воскресения (всё доселе — мысли святого Златоуста).

Славного воскресения достигнуть можно не иначе как чрез сострадание Господу, сообразуясь смерти Его, или путем внешних невольных страданий, или путем распятия плоти со страстьми

и похотьми. Как относится сие средство к означенной цели? Припомним нередко встречающееся у святых Отцов выражение: воскреснуть душою прежде оного славного всеобщего воскресения. Душа мертва грехом, действующим в страстях. Семя оживления ее полагается в крещении на основании нравственного решения христианина противостоять греху до положения живота. Вся последующая по крещении жизнь есть не что иное, как развитие того семени. Но оно очевидно состоит в поборении страстей и водворении вместо них добродетелей. Вместе с тем, как это совершается, проводится оживление во все части души. Чем больше преодолено страстей, тем большая часть души оживает. Когда все страсти изгонятся, на месте их водворятся добрые расположения, душа вся оживает, как бы из мертвых воскресает. Это и есть воскресение прежде всеобщего воскресения. И очевидно, что кто воскреснет так здесь, тот тогда несомненно сподобится славного воскресения; или по воскресении пойдет прямо ко Христу. Следовательно, чего желает Апостол, когда выражает желание достигнуть такого воскресения? Желает того, чтобы в жизни сей достигнуть воскресения душою, чрез преодоление страстей и водворение добродетелей, путем произвольных или не произвольных страданий и лишений в борьбе со страстьми и похотьми? Чрез что вовсе вводится он в

сообразность с смертию Господа и в участие в страданиях Его. — И вот прямое значение слов святого Златоуста: «если так не умрешь и не оживешь, то славного воскресения не достигнешь».

Но зачем говорит он: *аще како достигну*, — будто не уверенный, что идет прямым путем? Он уверен был, что идет прямым путем; но не мог на себя положиться, всегда ли будет идти сим путем, дойдет ли до конца пути, не воротится ли назад, не своротит ли с дороги. — «Я, как бы так говорит он, уверовал во Христа и в силу воскресения Его, участвую в страданиях и сообразуюсь смерти Его; но за всем тем я еще не совершенно уверен, — что говорит и в другом месте: *мняйся стояти да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12). И еще: *боюся, да не како иным проповедуя сам неключимь буду* (ср.: 1 Кор. 9, 27)» (святой Златоуст).

Если такой Апостол не мог положиться на себя, кто дерзнет? Потому ко всем идет: *со страхом и трепетом свое спасение* содевать. Зорко смотри, напряженно внимай; ибо много сетей. С другой стороны, — то несомненно, что путь наш верен и прямо ведет к воскресению во славе: но кто может сказать, что точно исполнял и исполняет все к тому условия? Вот почему у всех святых великих подвижников проводится закон: трудись, потей до истощания сил — в надежде, но

без присвоения. Заранее не присвояй себе славы по воскресении, а ищи ее, трудись для стяжания ее; с полною надеждою, — но не присвояй как дело решенное. Если присвоишь, вступишь в состояние самопрельщения, расслабляющего и высящего, — в коем погружено все сборище самоуверенных.

Стих 12. *Не зане уже достигох, или уже совершихся: гоню же, аще и постигну, о немже и постижен бых от Христа Иисуса.*

Не могу сказать, что уже достиг, говорит. Чего? того состояния, коему, как верная награда, присвояется славное воскресение. Приложив сюда вышесказанное, получаем: не могу сказать, что достиг уже состояния полного бесстрастия. Это похоже на то, что прежде писал он к римлянам: *вижду ин закон во удех моих противовоюющь закону ума моего (то есть духа), и пленяющь мя законом греховным, сущим во удех моих* (ср.: Рим. 7, 23). Таким образом слова: *не зане уже достигох* — очевидно объясняются чрез: (не зане уже) *совершихся*. Не совершен еще я, не во всем еще преуспел, в чем должно. Но не сплю, не предаюсь нечаянию, а все гоню и гоню, *аще и постигну*. — *Аще и постигну* — не сомнение означает, а цель указывает, в смысле: чтоб достигнуть. Или так: мера совершенства нашего крайне велика; жизнь же наша коротка; почему всеусильно стремлюсь, не достигну ли в

этот короткий промежуток времени последних пределов предназначенного нам совершенства.

О немже и постижен бых от Христа Иисуса. — *О немже*, ἐφ' ᾧ, — на чем, на каком условии, с каким предложением, в каких надеждах и видах. Господь Иисус Христос постиг его на пути в Дамаск с целию сделать его Апостолом языков. Но Апостол не это имеет в мысли, говоря: *о немже и постижен бых*; а разумеет общехристианскую цель, к которой должен стремиться всякий христианин. Он говорит как бы: гоню, чтоб достигнуть того, к чему я призван Господом, яко христианин, наряду со всеми христианами. — Святой Павел стоит вниманием своим на своей духовно-нравственной стороне, а не на звании Апостольском, стоит там же, где стоял, когда говорил: *да не како, иным проповедуя, сам неключимь буду*. Поелику он прямо не сказывает, чего достигнуть стремится; то можно слова его перифразировать так: стремлюсь достигнуть идеала духовно-нравственного совершенства христианского. Этому конца нет: ибо Господь говорит: *будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть* (ср.: Мф. 5, 48). Ближе к нам: кто, будучи постигнут Господом, хочет идти вслед Его, *да отвержется себе и возмет крест свой и последует Ему* (ср.: Мк. 8, 34). Сим только путем доходят туда, где Господь — одесную Бога седя. Под: *гоню* — у Апостола не

другое что и разуметь должно, как усугубление подвигов самоотвержения, в видах полнейшего очищения и усовершения естества своего, чтоб чрез то достойным оказаться славного воскресения, как видно по ходу речи.

Святой Златоуст говорит об этом: «что значат слова: *аще постигну*? не достигну ли я Его воскресения, если бы, то есть, я мог столько же пострадать, если бы я мог уподобиться Ему, если б я мог сделаться сообразным Ему. Так, Христос много пострадал, был оплеван, заушаем, бичеван, наконец умер. И вот поприще; чрез это-то всё должны достигать Его воскресения и все подвижники Его. Апостол говорит как бы: если я совершу все подвиги, то и воскресения Его достигну, и востану со славою. Теперь, говорит, я еще не достоин сего: *гоню же, аще и постигну*. Жизнь моя еще в подвигах, я еще далек от цели, еще не близок к наградам, еще бегу, еще гоню. Не сказал: бегу, но: *гоню*, — и справедливо. Ибо знаете, с каким усилием стремится гонящий (на ристалищах): он не смотрит ни на кого, с великим напряжением отталкивает всех препятствующих и ум, и взоры, и силу, и душу, и тело устремляет к одному, ничего другого не имея в виду, кроме последней меты. Если же Павел, так гонящий, столько пострадавший, говорит еще: *аще и постигну*, — то что скажем мы, лежащие на боку? Далее, желая показать, что это составляет

обязанность, Апостол говорит: *о немже и постижен бых от Христа Иисуса* (на то и призван, чтобы так подвизаться, стремясь к совершенству. Остановись вниманием на слове: *постижен бых*). Апостол выразил им и ревность Бога, хотящего постигнуть нас, и наше великое отвращение от Него, заблуждение, и то, что мы удалились от Него. Он говорит как бы: я был из числа погибающих, утопал, был близок к погибели; но Бог спас меня: ибо Он преследует нас, убегающих от Него с великою стремительностию». Подобное сему пишет и Феодорит: «Он сперва меня постигнул, уловил в сети. Бежал я от Него, крайне отвращался, но постиг Он меня бегущего. Посему гонюсь вслед за Ним, желая настигнуть Его, чтобы не лишиться спасения».

Стихи 13—14. ***Братие, аз себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню, к почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе.***

Аз себе не у помышляю достигша. «Сие говорит Апостол высоко думающим о своих сделанных уже успехах, смиряя их высокое о себе мнение» (блаженный Феодорит). «Ничто так не делает тщетными наших добродетелей и не надмевает нас, как памятование о соделанном нами добре. Оно производит двоякое зло: делает нас беспечнейшими и гордыми. Посему-то Павел, знавший, что природа наша очень наклонна к

беспечности, и много похваливший филиппийцев, смотри, как удерживает их от гордости; сверх многих других, предложенных выше, особенно настоящими словами. Ибо что говорит Он? *Братие, аз себе не у помышляю достигша*; но если и Павел еще не достиг и не совершенную имеет уверенность в своем (славном) воскресении, то едва ли возможно сие для тех, кои не совершили и малейшей части его добродетелей. Апостол говорит здесь: я еще не почитаю себя достигшим полного совершенства; я еще не все совершил. Правда, в другом месте говорит он: *подвигом добрым подвизахся* и прочее (см.: 2 Тим. 4, 7), а здесь: *не у помышляю достигша*; но, кто прочитает сии два места, тот поймет причину тех и других слов: эти слова сказаны гораздо прежде, а те пред кончиною. *Не у помышляю*, говорит, *достигша*, но об одном только думаю, о том, чтобы простираться вперед; ибо это значат его слова: *задняя забывая, в предняя же простирающася, гоню к цели*. Смотри, как он ясно показал сими словами, что побуждало его простираться вперед. Так, кто думает о себе, что он уже совершен и что нет у него никакого недостатка для полноты добродетели, тот и перестает стремиться, как достигший всего; напротив, кто думает, что он еще далек от цели, тот никогда не перестанет стремиться к ней. Сие и мы всегда должны помышлять, хотя бы мы совершили и весьма много

доброго; ибо если Павел, после бесчисленных смертей, после тольких бед, так помышлял о себе, то тем более мы. Я не упал духом, говорит Апостол, и не пришел в отчаяние оттого, что, совершивши такое поприще, не достиг, но еще стремлюсь, еще подвизаюсь. Я имею в виду только то, как бы успеть действительно. Так надобно поступать и нам, забывать добрые дела и оставлять оные позади себя. Скороход думает не о том, сколько он поприща пробежал, но о том, сколько ему остается еще. И мы будем помышлять не о том, сколько совершили добрых дел, но о том, сколько еще остается нам совершить. Ибо: что пользы от того, что мы сделали, когда еще остается что-либо недоделанным? И Апостол не сказал: не помышляю, не помню, но: *забывая*, — дабы сделать нас внимательнее. Поелику мы тогда делаемся ревностнейшими, тогда все усердие прилагаем к тому, что еще не сделано, когда сделанное предаем забвению. Когда простираемся, значит, стараемся взять что-либо прежде, нежели достигли. Ибо кто простирается, тот старается упредить свои ноги, еще бегущие, остальными частями тела протягиваясь вперед и простирая свои руки. Но это происходит от великого усердия и от усиленного желания. Так-то надлежит стремиться. — На небе пребывает Тот, Кто дает награду; на небе уготована награда. Смотри, какое пространство: его-то нужно пробежать;

смотри, какая высота: туда надо возлететь на крыльях духа; ибо иначе нельзя пролететь сквозь эту высоту. — Приучи ноги твои ступать твердо: ибо много мест скользких, и если ты упадешь, то много потеряешь; впрочем, если и упадешь, вставай, поелику и в таком случае можно победить. Никогда не ступай на предметы скользкие, и — ты не упадешь; беги по местам твердым, к небу голову, к небу и глаза. — Вверх взирай, где находится награда: самый вид награды усиливает решимость. Страх мучений не дает чувствовать усталости, и долгий путь представляется коротким. Какая же это награда? Не финиковая ветвь, но что? Царство Небесное, вечный покой, слава со Христом и бесчисленные блага, каких невозможно выразить словом» (святой Златоуст).

К этой воодушевленной речи святого Златоуста нечего прибавить к должному пониманию сих текстов. Одно замечание — о переводе: *со усердием*; по-гречески стоит: κατὰ σκοπὸν. — Σκοπός, — мета, до которой должны были бежать взявшиеся перегонять друг друга, и в которую они впиваются глазами, и все силы к ней напрягают, чтобы скорее других достигнуть. Гоню κατὰ σκοπὸν к этой мете, или по этой мете; по ее указанию, по тому направлению, где она стоит. *К почести* — по-гречески стоит: ἐπὶ βραβεῖον. — Βραβεῖον — то же, что у нас теперь на бегах приз. Ἐπὶ — означает: из-за чего. Апостол, применяясь

к обычаям ристалищным, говорит: гоню к мете из-за такой-то награды, βραβεῖον. Какая же награда? Βραβεῖον τῆς ἄνω κλήσεως, — *вышнее звание Божие о Христе Иисусе.* А это что? Царство Небесное. — Стремится Апостол не к Царству, а к некоей мете, до коей если достигнет, то получит Царство Небесное, или, по ходу речи, сподобится славного воскресения. Мета же какая? Совершенство христианское духовное, которое состоит в очищении естества нашего от греха и страстей подвигами самоумерщвления и перенесением невольных скорбей, делающих подвижника и борца причастником целительных страстей Христовых. Кто достигнет этой меты, тому принадлежит Царство Небесное. Ибо туда не войдет ничто нечистое. К этому направлена вся экономия нашего спасения, — чтобы, то есть, снабдить нас всем нужным к достижению ее. Ради приобщения страстям Христовым, — благодать Святаго Духа осеняет приобщившегося. И становится он весь проникнут и объят огнем Его, как разгоревшийся металл. Это образ чистого или бесстрастного. Ему и славное воскресение с Царством Небесным.

Стих 15. *Елицы убо совершенни, сие да мудрствуим: и еже аще ино что мыслите, и сие Бог вам открыет.*

Прежде говорит Апостол, что еще не достиг, не совершился, — а здесь говорит: *елицы*

совершенни — и себя к ним причисляет: *сие да мудрствуим.* — Какая у него мысль? Или такая: которые из вас думают, что совершенны уже. Узнал Апостол, что есть между филиппийцами такие много о себе думающие, и возводит их к смиренномудрию. И прежде он вразумлял уже их примером Господа, Себя ради нас смирившего, а теперь вразумляет своим примером, — показанием, как он, при всем том, что есть богоизбранный Апостол, именно о себе думает. Он говорит как бы: итак, которые из вас совершенными уже себя считают, — переменим свое о себе мнение, станем думать, как я изложил. Себя же в число наставляемых вставил, чтобы смягчить обличение и исправительное внушение.

Или слово: *совершенни* — берется у него не вполне, а относительно: которые посовершеннее других. В обществе лиц все на одной линии никогда не бывают, и всегда одни получше, другие похуже, иные же — очень хороши, — выдаются из-за других. Этим-то Апостол и говорит: которые получше других, не допускайте мысли, что вы уже дошли до конца, а думайте, как я, — что еще не достигли, еще не совершились, и, задняя забывая, стремитесь всё вперед и вперед.

Или совершенными называет стремящихся к совершенству и ревнующих достигнуть его; как бы так: вы, стремящиеся к совершенству, если хотите достигнуть его, никогда не думайте, что достигли

его, а всё — гоните и гоните вслед его — и достигнете. То и признак, что стремится кто к совершенству и достиг его в известной мере, что он считает себя несовершенным. При первых шагах на пути к совершенству иной может еще подумать, что совершен, но, прошедши немного, непременно увидит, что путь далек, и чем больше и быстрее идет, тем последний предел видится дальше и дальше. Апостол выражает как бы: сколько бы ни были мы совершенны, — так да мудрствуем. Нечего и прилагать к себе совершенства, когда таков закон, что совершающиеся видят себя все больше и больше менее совершенными. Святой Златоуст говорит, что «то и совершенство, чтобы не почитать себя совершенным. Что такое: *сие*? То, что заднее должно забывать; почему свойство совершенного — не почитать себя совершенным. Это составляет совершенство».

И еже аще ино что мыслите, и сие Бог вам открыет. Темновато. Прямее будто такая мысль: если вы иначе как об этом рассуждаете, то, я уверен, Бог вам откроет, что вы неправо судите, и наведет вас на изложенный мною образ мыслей, — *и сие открыет*. Можно дополнить: молюсь, да откроет, или: молитесь, и откроет Бог, или просто: открой вам, Господи, и сие. Апостолу предлежало сказать: если вы иначе судите, то вразумляйтесь; но он дал такой оборот речи, что и у них возбуждает желание вразумления.

Святой Златоуст говорит: «*аще ино что мыслите*, — то есть если кто думает, что он совершил все добродетели. Апостол предостерегает филиппийцев, — но сказал не так, а что? *и сие Бог вам открыет*. Смотри, как он скромно сказал это. Бог вас научит: ибо хотя учит Павел, но вразумлял Бог. Впрочем, Апостол не сказал: и вразумит; но: *открыет*, — дабы показать, что такое мнение происходит преимущественно от неведения. Сие сказано не о догматах, но о совершенстве жизни и о том, чтоб не считали себя совершенными; ибо кто думает о себе, что он уже достиг всего, тот не имеет ничего».

Стих 16. *Обаче в неже достигохом, — тоже да мудрствуем, и темже правилом жительствуем.*

И это место темновато. Наш русский перевод: «впрочем, до чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу жить» — дает такую мысль: будем, по крайней мере, стоять в том, до чего достигли, на той степени, до которой дошли, в том образе мыслей, в каком установились, и в тех правилах жизни, в каких утвердились. Как будто снисходительная уступка: если для вас этого слишком много, чтобы всё вперед и вперед, — и конца не видно, не подавайтесь, по крайней мере, назад, — пребудьте таковы, какими сформировались, не уклоняясь ни на десно ни на шуе, будьте верны себе. — Или такая в этом мысль: мы должны в образе мыслей и правилах жизни

сообразоваться с тем, как что постигли и поняли, как в чем убедились. Это похоже на то правило, что совести во всем должно следовать и, как она что признает истинным или обязательным, с тем и должно согласовать свои дела и жизнь. Апостол говорит как бы им: хоть я и сказал вам, что если иначе что разумеете, то Бог вразумит вас; но и без этого — ведь вам, конечно, известно правило, что должно следовать тому, что сознано истинным и добрым; а я вам внятно разъяснил, что не должно считать себя совершенными, а все стремиться лишь вперед, как не достигшим еще должного. Следовательно, нечего вам дожидаться и особенных вразумлений от Господа; примите на совесть, что я вам ясно преподал и внушил, и сообразно с тем действуйте. — Или и так: будем жить и мудрствовать, как постигли, как дело христианства раскрылось в нашем сознании, ни в чем не оскорбляя своей совести, которая всегда стоит за познанное добро. — Что из этого следует, Апостол умалчивает. Но из этого будет следовать то же, что он внушил: жизнь, верная познанному добру, все более и более будет раскрывать пред сознанием область добра и тем расширять деятельность и стремления, и, следовательно, всё мы будем гнать вперед и вперед.

На эти же мысли можно поворотить и славянский наш перевод: чего достигли, *тоже* — то самое, — что постигли, — *да мудрствуем, и*

темже — тем самым, — как постигли, — *правилом да жительствуем.*

Так Экумений: «пока Бог откроет, будем стоять в той мере, какой достигли, чтоб не потерять достигнутого уже». Он же приводит Фотия: «пока Бог откроет вам истину сию, да не погубим того, что постигли. Губится же это как? Если ослабеем в прежней ревности или уклонимся с пути правого. Но надобно по одному и тому же правилу жить, то есть тем же подвигом подвизаться, тот же показывать нрав, то же мудрствовать и о жизни, и о догматах. Ибо как тот, кто что-либо изменяет в догматах, разрушает все свое прежнее правоверие; так и тот, кто изменяется в правилах жизни и не хранит той же верности заповедям, отнимает цену у всего предшествовавшего».

Стих 17. *Подобни ми бывайте, братие, и смотряйте тако ходящия, якоже имате образ нас.*

«Чтоб не показалось, что он заповедует нечто неисполнимое и трудное, уча всю жизнь подвизаться в добродетелях и благочестии, говорит: *подобни ми бывайте, и смотряйте тако ходящия, якоже имате образ нас*. Ходить здесь значит — жить. Пред вами, говорит, много родов жизни. Чтоб вам различить, кто право ходит и кто нет, смотрите, какие ходят тем образом, каким ходили мы, тем и последуйте» (Фотий у Экумения).

Подобни, συμμιμηταί,— сподражатели им будьте.— «Хотя я и не с вами, но вы знаете образ моего хождения» (святой Златоуст). Смотрите там и у себя, которые мне подражают, и вместе с ними сподражатели мне будьте. Не одних вас гоню все вперед и вперед, не на одних вас возлагаю бремя строгой жизни. Смотрите на меня, смотрите на других, которые тем же путем идут. Все одинаково текут: другого пути и образа шествия нет. Воодушевляйтесь и вы к тому же.

«Итак, Апостолы были образцом, сохраняя в себе некоторое первообразное изображение. Подумайте, как строга была жизнь их, когда они поставлены первообразом и примером и одушевленными законами! Ибо что говорило Писание, то самое они показывали всеми своими делами. Вот наилучший способ учения! Но если кто говорит и рассуждает хорошо, а делает худо, то он еще не учитель; ибо рассуждать на словах легко может и ученик; но потребно наставление, потребно руководство и делами. Это и учителя делает почтенным, и ученика располагает к послушанию. Каким образом? Когда ученик заметит, что учитель только рассуждает на словах, то скажет, что он требует невозможного; а что требует невозможного, то сие учитель сам первый доказывает своим неисполнением; но если ученик увидит, что добродетель совершается на деле, то не может этого сказать» (святой Златоуст).

Стихи 18 – 19. *Мнози бо ходят, ихже многажды глаголах вам, ныне же и плача глаголю, враги креста Христова, имже кончина погибель, имже бог чрево, и слава в студе их, иже земная мудрствуют.*

Все, доселе сказанное, и свой пример, и пример других подражателей своих приводит святой Павел, чтобы внушить, сколь необходимо жить в строгом самоотвержении и самоумерщвлении, чтобы, приобщившись чрез то страстей Христовых, сделаться достойными и славного воскресения. Но как в картинах тени делают выдающимися светлые части предметов, так святой Павел, чтобы очевиднее было, как возвышает христиан крестная о Господе жизнь, выставляет позорность жизни утешной и плотоугодливой.

Живите, говорил святой Павел, как я и многие другие мне подобные; но никак не увлекайтесь примером тех, кои живут только в свое удовольствие. Пример обаятелен: избирайте лучшее, вам подходящее по духу вашей веры. Будучи у вас, я не раз вам говорил, что многие живут так, что их надлежит называть врагами креста Христова. И ныне то же повторяю с плачем, потому что зло не умаляется, а растет и многие из христиан увлекаются такого рода жизнию. Они враги креста Христова, потому что не только не несут никаких подвигов самоотвержения и самоумерщвления, но и слышать о том не могут, и поносят

тех, кои строго, среди лишений и притрудностей, живут под сим крестом Христовым. Кончина их погибель; ибо утешникам нет части со Христом Господом, страдавшим и распятым и всем ученикам Своим заповедавшим идти тесным путем; вне Христа Господа — пагуба. Широк путь их, но *последняя* его зрят во дно адово. Центр такой плотоугодливой жизни — чрево. Ему все приносится в жертву; и оно у них как бог какой; только и заботы, что о том, как бы его удовлетворить. И они такой низкой жизни не только не стыдятся, но еще в славу себе ее вменяют. Или слава в студе их, потому что таковые если славны бывают, то лишь студными делами. Ибо чрево, пространно питаемое, разжигает подчревные части; и отсюда срамные дела, о которых не леть* есть и глаголати. *Иже земная мудрствуют.* Заключительная черта, что их все цели и надежды ограничиваются землею. Блага выше земли им неведомы. Как без рая нельзя обойтись человеку, то они чают устроить свой — на земле.

Вот что говорит святой Златоуст о таком роде жизни? «Всего неприличнее и не свойственнее христианину искать праздности и покоя (разгульной и многоутешной жизни): ничто столько не противно призванию нашему, как сильная привязанность к настоящей жизни. Твой Господь был распят, а ты ищешь покоя? Твой Владыка был пригвожден, а ты предаешься удовольствиям?

* *Не леть* — нельзя, стыдно. — *Ред.*

Это ли дело благодарного воина (Христа Царя)? Потому и Павел говорит: *мнози ходят, ихже многажды глаголах вам, ныне же плача глаголю, враги креста Христова*. Так как были люди, которые лицемерно держались христианства, а жили в праздности и неге, что противно кресту; посему Апостол и говорит таким образом. Крест составляет принадлежность души, ставшей в борьбу, готовой на смерть и вовсе не ищущей покоя, а они живут совсем напротив. Итак, хоть они называют себя Христовыми, впрочем, они враги креста: иначе если б они любили крест, то старались бы проводить и жизнь, свойственную Распятому. Не распят ли был твой Господь? Если ты не можешь так же распяться, как Господь, можешь другим образом подражать Ему. Распинай себя, хотя бы и никто не распинал тебя: распинай, говорю, себя; впрочем, не для того и не так, чтобы умертвить себя: ибо это беззаконно; но распинай себя по слову Павла: *мне мир распяся и аз миру* (ср.: Гал. 6, 14). Если ты любишь твоего Владыку, умри Его смертию. Познай, сколь велика сила креста, сколь благотворные производил он и производит действия. — Христос крестом обыкновенно называет страдания, когда говорит: *иже не приимет креста своего, и в след Мене грядет* (ср.: Мф. 10, 38), то есть если кто не готов на смерть. А люди чувственные, любящие жизнь и плоть, суть враги креста; да и

всякий, преданный удовольствиям и земному спокойствию, есть враг креста, которым Павел хвалится, который объемлет и с которым он старается тесно соединиться, как это видно из слов его: *мне мир распяся и аз миру.* — *Ныне же*, говорит, *и плача глаголю.* Почему? Потому что зло усилилось, потому что таковые люди достойны слез. В самом деле достойны слез те, которые проводят жизнь в удовольствиях, которые одежду своей души, то есть тело, утучняют и вовсе не помышляют о наказаниях в будущей жизни. Вот ты живешь в удовольствии, вот упиваешься сегодня, и завтра, и 10, и 20, и 30, и 50, и 100 лет, что, впрочем, невозможно; однако допустим и это, если угодно. Какой же конец? Какая польза? Никакой. А посему не достойна ли слез и плача такая жизнь? Бог поставил нас на сие поприще, чтобы увенчать нас, а мы сходим с него, не сделавши ничего доблестного. Итак, Павел плачет о том, чему другие смеются, чем другие услаждаются. — *Имже бог чрево.* Посему бог у них: *да ямы и пием* (1 Кор. 15, 32). Видишь ли, как худо удовольствие? У одних бог — деньги, а у других — чрево. Таковые не идолопоклонники ли, даже не хуже ли их? *И слава в студе их.* Некоторые говорят, что сими словами указывается на обрезание; а я говорю совсем другое, именно вот что: они величаются тем, чего бы надлежало им стыдиться. То же говорит Апостол в

другом месте: *кий убо тогда имеете плод, о нихже ныне стыдитеся* (ср.: Рим. 6, 21)? Делать постыдное тяжкий грех; впрочем, грех вполовину уменьшается, если делающий стыдится: а когда кто еще хвалится постыдным, — то это верх бесчувствия. — Но об них ли одних сказано сие? Не подлежит ли кто и из нас сему обвинению? Или никто из нас не заслуживает этого? Не почитает чрева богом? Не поставляет славы своей в студе? Желаю, сильно желаю, дабы подобного ничего нельзя было приложить к нам, желал бы даже не знать такого, кому бы сказанное можно было поставить в упрек: но боюсь, не к нам ли более, нежели к своим современникам, говорит Павел. Ибо если кто всю жизнь иждивает в питии и ядении и нищим уделяет мало, а больше издерживает на чрево, то не прилично ли и к нему отнести сказанное? Ничто не может более возбудить стыд и быть поразительнее сего изречения: *имже бог чрево, и слава в студе их*. Кто это такие? Те, *иже земная мудрствуют*, которые говорят: мы построим домы. Где? На земле. Купим поля, — опять на земле; получим власть, — на земле, достигнем славы, — на земле; разбогатеем, — всё на земле. — Вот те, *имже бог чрево*! Ибо те, которые не думают о духовном, которых все заботы и помышления ограничиваются землею, поистине чрево имеют богом, говоря: *да ямы и пием, утре бо умрем* (1 Кор. 15, 32). —

Ты смеешься и забавляешься, а душу удовольствиями низводишь до праха. Какое прощение получишь ты, повергнув себя в такую бесчувственность, тогда как и самое тело должно сделать духовным? Ибо это возможно, если бы ты пожелал. Тебе дано чрево для того, чтобы питать, а не расширять его; чтобы управлять им, а не подчиняться ему; чтобы оно тебе служило для питания прочих частей, а не ты ему служил; не для того, чтобы ты выходил из границ. Не столько зол причиняет выступившее из берегов море, сколько чрево вредит телу и вместе душе. Море потопляет всю землю, а чрево все тело. Положи ему пределом довольство, как Бог оградил море песком. И если оно волнуется, если свирепеет, запрети ему властью, тебе данною. Смотри, как Бог почтил тебя разумом, дабы ты подражал Ему, а ты не хочешь! Но, видя чрево переполненным, и расстраивающим всю твою природу, и обращающимся в болото, — не смеешь воздержать его и сделать умеренным».

Стихи 20—21. *Наше бо житие на небесех есть, отонудуже и Спасителя ждем, Господа нашего Иисуса Христа, Иже преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его, по действу еже возмогати Ему и покорити Себе всяческая.*

Мне, говорит, подражайте в шествии тесным крестным путем, а этим чувственным утешникам,

которым бог — чрево и которые только и думают, что о земном, не подражайте. Нам жить так, как они живут, не пристало. *Наше бо житие на небесех есть.* «Не будем же искать покоя здесь, на земле; пожелаем сделаться славными там, где и житие наше» (святой Златоуст).

Житие, πολίτευμα, — гражданство, отечество, наш город вышний Иерусалим. Туда стремиться надо, туда готовиться, к тамошним законам и нравам привыкать, а не о земном мудрствовать. Πολίτευμα — значит еще и образ жизни и занятий, как говорят: его вся жизнь в том-то или том-то, чтоб означить, что он тем только и занят. Небом надо нам быть занятым, там сердцем быть, там мыслями; там да будет сокровище наше, там и все надежды наши. Мы стоим в совершенной противоположности с теми, кои не поднимаются выше земли.

Отонудуже и Спасителя ждем. Сводит к концу начатую в начале сего отделения речь, что желает достигнуть славного воскресения, чрез общение со страстьми Христовыми. Всесторонне он объяснял необходимость этого общения и возбуждал к тому ревность. Теперь хочет всех поставить в напряженное и непрерывное пребывание в сем общении чрез шествие крестным, самоотверженным путем, тем, что, возведши наш взор на небо, где наше жительство, располагает ждать Спасителя оттуда. Когда он говорит, что

мы ждем; то этим всех возводит в состояние ждущих и, следовательно, готовящихся сретить. Тут та же мысль, что в притче о приставнике.

Ждем Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа. Мы ждем Судию живых и мертвых. Но Апостол, по цели речи своей, именует ожидаемого только Спасителем и Господом и целию Его пришествия поставляет лишь воскресение. После воскресения суд. Говоря так, Апостол хочет, чтоб так хорошо всегда себя держали, чтоб, когда придет Господь, суд Его не коснулся нас, а только одна слава воскресения облистала нас.

Иже преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его. В этом цель всей речи. — Тело Христово прославлено; но оно предварительно страдало. Войдем в сострадание ему произвольными подвигами и лишениями и непроизвольными скорбями. И Господь, пришедши, преобразит тело наше, уподоблявшееся на земле телу Его в страданиях, в тело славное, как славно Его прославленное тело. *Преобразит* — не новый ему даст образ, а новыми свойствами облечет, из тленного сделает нетленным, из немощного крепким, из грубого и мрачного тонким и светоносным. Оно станет таково, каково тело воскресшего Господа. Ах, сие тело будет сообразно тому телу, которое седит одесную Отца; которому поклоняются Ангелы, которому предстоят бесплотные силы, которое

превыше всякого начальства, власти и силы, сему будет сообразно! Но что ты говоришь, Павле? Тому ли сообразно будет?! Да, говорит, тому. Итак, если вселенная будет слезно оплакивать потерявших сию надежду; оплачет ли она достойно то, что и при данном нам обещании: *быти сему сообразну телу* Христову – тело наше отходит вместе с демонами?! (см.: святой Златоуст).

По действу еже возмогати Ему и покорити Себе всяческая. По той власти, о которой Господь Сам сказал по воскресении: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мф. 28, 18) – и в силу которой *подобает Ему царствовати, дондеже положит вся враги под ноги Своя* (ср.: 1 Кор. 15, 25). Апостол поминает о сем не затем, чтобы доказывать, что Господь, яко Богочеловек, облеченный всемогуществом Божеским, может сие сделать, а чтобы напомянуть, что это будет тогда же, как все враги креста Христова испразднятся. Ибо мысль о кресте и необходимости крестоношения спасаемым и чающим славного воскресения проходит у него сквозь все сие отделение.

«Итак, хотя вы видите миролюбцев в радости, хотя видите в славе; стойте, не соблазняйтесь их примером и не страшитесь. Надежда на славное воскресение сильна возбудить самого ленивого и сонливого. – Текущие, стремящиеся и сообразующиеся смерти Господа, как сказал Павел, могут сподобиться его, а спящие отнюдь не могут.

Спящие вовсе не могут совершать и мирских дел, тем паче духовных; спящие никогда ничего не могут получить от друзей, тем паче от Бога. Спящих и отцы не почитают, тем паче Бог. Потрудимся немного, дабы всегда наслаждаться покоем. Скорбеть совершенно необходимо; и если не поскорбим здесь, то будем скорбеть там. Почто не решаемся скорбеть здесь, дабы там успокоиться?» (святой Златоуст).

Глава 4, стих 1. *Темже, братие моя возлюбленная и вожделенная, радосте и венче мой, тако стойте о Господе, возлюбленнии.*

Темже, ὥστε, – заключительная и выводная частица. Заключает Апостол сказанное пред сим о преуспеянии в христианской жизни, которая должна состоять в том, чтобы, взявши крест Господень, идти вслед Его, в надежде чрез приобщение страстям Его улучить и славное воскресение во второе Его пришествие.

Тако стойте о Господе. Так стойте, как я вам изъяснил, будьте тверды в вере и жизни по вере, какими знал вас доселе. Стойте так *о Господе*, в надежде на Господа, в угодность Господу, в деле Господнем, Господа моля о том.

Какими нежными именами обставляет Апостол это увещание! Не: *братие* – только, но: *братие возлюбленная*, – и не: *возлюбленная* – только, но и: *вожделенная*, – то есть такая, к которой влечется душа неудержимо, с которою всегда

хотел бы быть вместе и жить неразлучно в обыманиях любви. *Радосте,* — потому что радовали его искренностию веры и чистотою нравов; *венче,* — потому что они украшали его Апостольское служение своим совершенством в христианстве. Эти два титла представляют великую похвалу филиппийцам. В конце опять: *возлюбленные,* — как будто душа его ненасытна в выражениях теплой и сладостной любви. Ни в одном Послании не делаются так часто такие изъявления сердечного союза с теми, к кому пишет.

г) КРАТКОЕ ВНУШЕНИЕ НЕКОТОРЫМ ЛИЦАМ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ОБЩЕГО ВСЕМ НАСТАВЛЕНИЯ (4, 2—9)

В-четвертых святой Павел пишет: 1) краткое внушение некоторым лицам (4, 2—3), — с присовокуплением: 2) общего и всем филиппийцам наставления являть в своей жизни характеристические черты жизни христианской (4, 4—9).

1) Краткое внушение некоторым (4, 2—3)

Глава 4, стих 2. *Еводию молю, и Синтихию молю тожде мудрствовати о Господе.*

Еводия и Синтихия, как видно, были очень важные особы в Церкви Филиппийской (см.: святой Златоуст), и по внешнему состоянию, и по влиянию на веру. Но что-то было в них такое, почему к ним надлежало обратиться с словом:

молю тожде мудрствовати о Господе. Убеждение к единомудрию о Господе не на житейский разлад указывает, а на какое-нибудь разногласие в вере, не их двоих между собою, а их обоих со всеми, с началами веры, Апостолом проповеданными. Не на то ли это указывает, что Еводия и Синтихия подпали влиянию иудействующих, в Филиппах ли или где-либо вне; и если не склонились на их ложное учение, то подумали, и не подумали только, но и пред другими выразили мысль: да не в самом ли деле так? Дальше, может быть, дело и не шло; почему святой Павел счел нужным намекнуть только о том, много же об этом не распространялся. Потом выяснив, на чем должны основываться надежды христианские, в заключении предлагает убеждение краткое только сим женам, выделяя их из всей массы. Не распространяется и здесь, а довольствуется одним словом: *молю тожде мудрствовати о Господе*; потому что у них мысль та не далеко зашла, а только проскользнула будто на конце языка. Помянул, однако ж: ибо ложь заразительна; и не им только напомянул, но и еще кого-то просил помочь им, если б дело пошло у них дальше. — Всем этим выражается, впрочем, крайняя заботливость святого Павла, а не особенная опасность для веры тех жен или для веры филиппийцев.

Слова: *тожде мудрствовати о Господе* — значат: одинаково со всеми понимать дело спасения в Господе Иисусе Христе; то же мудрствовать, что все, — или чему он повсюду учил; ибо и все если мудрствуют так, то мудрствуют потому, что научены святым Павлом.

Стих 3. ***Ей молю и тебе, супружниче присный, споспешествуй им, яже во благовествовании сподвизашася со мною, и с Климентом, и с прочими споспешники моими, ихже имена в книгах животных.***

Увещание к единомудрию в Господе, которое жены те должны были выслушать пред целою Церковию: ибо Послание было ко всем и всеми вместе должно было быть читано, — такое увещание и само по себе было уже очень сильно и убедительно. Но святой Павел любит доводить дело всякое до конца, чтоб иметь удостоверение, что он сделал все нужное и что сомневаться в успехе уже нет основания; потому что не оставлено никакого прохода для лжи и заблуждения. Почему молит еще кого-то споспешествовать им. Споспешествуй, συλλαμβάνου, — возьми, как бы за руки, и ту и другую и приведи их к единомудрию, если б это потребовалось, если бы оказалось нужным, к моему слову приложить и твое содействие, — войди в их положение религиозное и помоги им.

Кто такой, к кому обращается святой Павел? *Супружник присный.* — *Супружник* — одно ярмо

влекущий. Иго Апостола было — проповедь Евангелия и устроение Церквей. В каждом месте, где он основывал Церкви, первые верующие, как первенцы, были его содейстователями в дальнейшем распространении Евангелия. Им он поручал юные Церкви, когда выходил из их мест. Кто-нибудь из таковых был и этот искренний супружник, к которому обращается теперь святой Павел. Не именует его; потому что и ему, и всем было понятно, к кому идет речь. Может быть, это был темничный сторож (см.: блаженный Феофилакт). Святой Златоуст говорит о нем: «мне кажется, что оные жены были важны в Церкви Филиппийской, — и Апостол препоручает их мужу, конечно, — достойному удивления, которого и называет сотрудником; которому, быть может, он обыкновенно поручал, как споспешнику, соучастнику и брату (тамошнюю Церковь)». — О других же мнениях о сем святой Златоуст говорит: «нет нужды со всею точностию изыскивать, кто он таков». Довольно знать: «искренний брат, истинный муж».

Приведем, однако ж, одно мнение, опровергаемое Феодоритом и другими, и самим святым Златоустом. «Под словом: *супружниче* — иные несмысленно разумели жену Апостола, не обратив внимания на написанное в Послании к Коринфянам, а именно что Апостол сопричисляет себя к безбрачным; ибо говорит: *глаголю же*

безбрачным и вдовицам, добро им есть, аще пребудут, якоже аз (ср.: 1 Кор. 7, 8). И явно, — что был ли он безбрачен или вдов, но жены не имел, и вернее то, что был безбрачен; потому что призван, когда был еще юношею. Посему супружником называет Апостол того, кто влечет с ним одно и то же иго благочестия, и просит его сделаться споспешником доблестных жен и устроить в них единомудрие».

Самых же жен Апостол превозносит великими похвалами, показывая как бы, что стоит потрудиться ради них и что достойно сожаления, если такие лица останутся с таким пятном или подвергнут недоумению даже записание их в книге животной.

Яже сподвизашася во благовествовании со мною. «Что ты говоришь? Жены подвизались вместе с тобою? Да, говорит; немало и они помогали. Хотя у него и много было сотрудников, но в числе многих содействовали и жены. — То, что такою честию пользовались славные, и мужи, и жены, производило много добра. Во-первых, потому, что и прочие возбуждались к равной ревности; во-вторых, чрез почтение они (почитавшие) получали пользу; в-третьих, и сами они (хвалимые сотрудники) делались ревностнее и усерднее. Посему ты видишь, что святой Павел везде старается поставлять таковых на вид».

Где и как они сподвизались с Апостолом, не видно. Может быть, в самых Филиппах, или около, и в первое там пребывание Апостола, и в неоднократное посещение им сего города. — Но сопоставление их с Климентом и другими сотрудниками наводит на догадку, — что они или были в Риме временно и оттуда воротились теперь в Филиппы, или сами были римлянки, теперь только переселившиеся в этот город. Бывши в Риме, они содействовали Апостолу вместе с Климентом и другими лицами в распространении веры по Риму. Ибо Апостол, находясь в узах, у себя мог принимать приходящих, а сам выходить не мог. Его заменяли в этом рассылаемые им помощники — Климент и другие. В числе их потрудились и эти жены. «Так ли, или иначе», — самая высокая похвала для сих жен та, что Апостол называет их соучастницами в перенесении опасностей ради Евангелия (см.: блаженный Феодорит). Если принять высказанное предположение, то под Климентом разуметь святого Климента Римского* не будет представлять никакого затруднения.

Ихже имена в книгах животных. Не записываю, говорит, здесь их имен: они записаны в лучшей книге, откуда не изгладятся их славные имена в вечные веки, — имена не Климента толь-

---

* *Священномученик Климент, папа Римский († 101)* — Отец Церкви. — *Ред.*

ко и других сотрудников, но и самых жен. Потому-то особенно и жалко, если они подвергнутся опасности потерять это превысокое преимущество. Потеря будет ничем не вознаградимая. Слушали это жены,— и что могло сильнее покорить их единомудрию о Господе, если б еще оставался у них какой след неединомудрия?! «Видишь ли, как он свидетельствует об их добродетели? Что Христос сказал Апостолам: *не радуйтеся, яко дуси вам повинуются, но яко имена ваша написана суть на небесех* (ср.: Лк. 10, 20); то же свидетельство дает и святой Павел означенным лицам, словами: *ихже имена в книгах животных»* (святой Златоуст).— То есть они все отселе еще сопричислены к несомненным наследникам Царства Небесного. Так высоко пред лицем Господа содействие распространению святой веры христианской.

2) Общее всем наставление

(4, 4—9)

Высказав это, будто случайно вспавшее на ум, а между тем имеющее, вероятно, и свое особое значение, внушение частным лицам, святой Павел обращается ко всем филиппийцам, научая их следовать таким правилам, в каких выражаются характеристические черты жизни христианской (4, 4—9).

Глава 4, стих 4. ***Радуйтеся всегда о Господе, и паки реку, радуйтеся.***

Чему радоваться? Тому, что вы христиане, что грехи ваши прощены, что имеете благодать Святаго Духа, что живете свято силою Его, что входите в спострадание с Господом и несомненную ради того имеете надежду сподобиться и славного воскресения. Вот о чем радоваться! Избавлены от зла, и всяким благом исполнены, и еще питают надежду верную, что получат такие блага, которых и вообразить нельзя. Как не радоваться? Радость в духе — всегдашняя спутница христиан, и среди лишений произвольных, и среди страданий невольных. Почему Апостол не удовольствовался однажды сказать: *радуйтеся*, — но: *и паки*, приложил, *радуйтеся*. — Как обличительно для вас отсутствие радости духовной! Ибо это несомненный знак: что наше христианство очень недостаточно, много в нем недостает. Больше всего радость сию подсекают земные надежды, и земные вкусы, — и то, что нет усердия на делание всякого встречающего добра: вяла жизнь, живем кое-как, переваливаемся с ноги на ногу.

Святой Златоуст говорит на сие место: «Господь говорит: *блажени плачущии* — и: *горе смеющимся* (Мф. 5, 4; ср.: Лк. 6, 25)! Почему же Павел говорит: *радуйтеся всегда о Господе*? Апостол не противоречит Христу; нимало. Ибо *горе смеющимся*, — сказал Господь, разумея смех мира сего, бывающий в отношении к делам насто-

ящим; и назвал блаженными плачущих не тех, которые оплакивают только потерю собственности, но тех, которые скорбят и плачут о своих неправдах, размышляя о грехах своих или чужих. Этому плачу не только не противна та радость, но даже от сего плача и происходит она. Ибо оплакивающий и исповедующий свои грехи и неправды – радуется. Иначе сказать, можно плакать о грехах своих, а радоваться о Господе».

Радуйтеся о Господе. «Слова сии вот что значат: живите так, чтобы радоваться. Посему радуйтеся, когда дела для Бога совершаются у вас беспрепятственно. *И паки реку, радуйтеся.* Так говорить свойственно крепко уверенному и показывающему, что человек, пребывающий в Боге, всегда радуется. Скорбит ли такой, терпит ли что, всегда радуется. Ибо слушай, что повествует Лука об Апостолах: *идяху радующеся от лица собора, яко за имя Его сподобишася безчестие прияти* (ср.: Деян. 5, 41). Если бичи и узы, которые по видимому всего тягостнее, производят радость, то что другое может причинить нам печаль?» (святой Златоуст).

Стих 5. *Кротость ваша разумна да будет всем человеком. Господь близ.*

Кротость – добродетель, противоположная раздражительности и гневливости. Кто стяжал ее, тот изгнал целую половину страстей. Кротость с чистотою – ограда бесстрастия полного и совер-

шенного. Почему и ублажил ее Господь (см.: Мф. 5, 5). Святой Лествичник* определяет ее так: «кротость есть недвижимое устроение души, когда она в бесчестиях и похвалах пребывает одинаковою» (святой Иоанн Лествичник. Лествица, слово 8, 3). «Признак кротости состоит в том, чтобы к раздражающему, и в присутствии его, сохранить залог любви в тихом сердце» (там же, слово 8, 13) — и «чисто о нем молиться» (там же, слово 24, 3). «В кротких сердцах почивает Господь» (там же, слово 24, 7); «кроткая душа — престол простоты» (там же, слово 24, 9).

Святой Златоуст наставление сие поставляет в связи с сказанным прежде об их страданиях Господа ради. Он полагает, что из опасения, как бы филиппийцы не стали неприязненно относиться к причиняющим им скорби, «Апостол увещевает их, чтоб они общего с такими ничего не имели и ненавистию их не преследовали, но с великою кротостию обходились бы, не только с братиями, но даже с врагами и неприятелями». То же пишет и Феодорит: «нападения сопротивников переносите мужественно, не воздавайте злом за зло». — Экумений же и Феофилакт поводом к сему уроку считают сильно выраженный Апостолом укор плотоугодникам, тоже из опасения, не стали бы неповинные сему греху во

---

* *Преподобный Иоанн Лествичник (†649)* — учитель Церкви. — *Ред.*

враждебное к ним отношение. – «Но можно и другим образом поставить в связь настоящий урок с тем укором. Тем укором отвратил Апостол филиппийцев от похоти, которая есть первый источник страстей; а сим уроком отвращает их от раздражительности и гневливости – второго источника страстей. Тем и другим ведет их к бесстрастию». Враг обычно борет нас то гневом, то похотию, – чем когда удобнее. Но кого не тревожат ни гнев, ни похоть, кто стяжал против первого кротость и против второй чистоту; к тому для врага доступа нет.

Разумна да будет кротость всем человекам – не с тем, чтобы являть ее напоказ только людям, но в том смысле так говорится, чтобы все люди испытывали вашу кротость в отношении к себе. Это то же, что сказать: будьте кротки ко всем человекам, и своим и чужим, и большим и малым.

Господь близ. Изречение сие можно относить и к предыдущему, и к последующему. Оно подает две мысли, – и что Господь присущ и близ есть всем призывающим Его, – и ту, что второе Господне пришествие близко. – Уверенность в том и другом одинаково способствует к прогнанию гнева и водворению кротости, если поставлять сие изречение в ближайшей связи с предыдущим уроком. Одинаково же та и другая мысль способствует и к исполнению того, что заповедует

Апостол вслед за сим, то есть чтоб ни о чем не пещись.

Как мысль о вездеприсутствии Божием укрощает гнев, о сем Василий Великий* пишет: «каким образом можно не приходить в гнев? Если всегда будешь в той мысли, что ты пред очами зрителя Бога и близ тебя сущего Господа. Ибо какой подданный в глазах государя отважится на что-нибудь ему неугодное?» (святитель Василий Великий. Краткие правила, 29). В другом еще месте пишет он: «если взор человека, по природе с нами равночестного, по превосходству его сана удерживает от страсти (гнева); то не тем ли паче удержится тот, кто несомненно уверен, что Бога имеем зрителем собственных своих движений; потому что Бог, испытующий сердца и утробы, гораздо больше видит душевные движения, нежели человек – изменения в лице» (там же, 127).

Как мысль о близости второго пришествия и суда укрощает гнев и мстительность, это оправдывает повсюдный опыт. Ибо что обыкновенно говорит обижаемый в утешение себя? Есть Бог Судия; Он воздаст. Если приложить к сему убеждение, что Судия Сей – вот явится: то лучшего средства к успокоению встревоженного сердца и быть не может.

---

* *Святитель Василий Великий († 379)* – Отец Церкви. – *Ред.*

Стих 6. *Ни о чемже пецытеся, но во всем молитвою и молением, со благодарением прошения ваша да сказуются Богу.*

Ни о чемже пецытеся. Святой Златоуст, соединяя сие наставление с предыдущим: *Господь близ,* — при мысли о скорбях, претерпеваемых верующими в Филиппах, такое выводит из слов Апостола им утешение: «*Господь близ. Ни о чемже пецытеся.* Ибо скажите мне, отчего вы унываете? От того ли, что восстают против вас? *Ни о чемже пецытеся.* Уже настал суд: скоро они дадут ответ в делах своих. Пусть вы в скорби: это скоро кончится. Пусть те коварствуют и угрожают: но и сие недолго будет им попущено; уже близок суд, уже настало время воздаяния, когда все будет напротив. *Ни о чемже пецытеся*».

Но можно видеть в сих словах урок, — не при скорбях только, но и во всех обстоятельствах жизни своей, — всю печаль свою возвергнуть на Господа, яко Той печется о нас. Апостол внушает — совершенную преданность в волю Божию и отсекает пагубную многозаботливость, которая обычно так томит душу и отнимает всякий покой у сердца. Он предлагает здесь то же, что и Господь, когда говорил: *не пецытеся душею и телом... не пецытеся на утрей* (ср.: Мф. 6, 25, 34). Ибо есть Отец Небесный, как здесь у Апостола: *Господь близ.*

Этим не бездействие поощряется, а отсекается злая забота, которая ничего не прибавляет к делам и успеху в них, а только душу томит и сердце точит. Спаситель эту именно страсть и обличал, когда говорил, что как возраста себе не прибавишь заботою, так и в делах — благопоспешения. Трудиться — трудись; а что будет из труда, то Господу предай определить и прими то, что подаст. Ибо хоть трудишься, но плод труда Господь подает. На Него и возверзи всю печаль. — И опять потому, что Он близ.

Принявши эту мысль, будем иметь в словах Апостола полное руководство, как достигнуть мирного устроения сердца и обезопасить успех в духовной жизни. Уже отсек он, как видели, похоть укором плотоугодникам, гнев — заповедию о кротости, — теперь отсекает заботу злую, одушевляемую любоиманием. Кто отсек сии три вещи, тот отсек все узы и вступил в область духовной свободы. А в ком еще имеют они определяющую силу, тот, в какой бы малой степени они ни обладали им, еще не знает, что есть свобода в Господе (см.: святой Исаак Сирин*. Слова подвижнические, слово 90).

Предавшись во всем в волю Господа, Который близ есть, возымей бодренную и внимательную к Господу мысль. Господь близ. Войди сознанием

---

* *Преподобный Исаак Сирин († VI)* — учитель Церкви. — *Ред.*

в сию истину. Когда же войдешь, то, помышляя о величии сущего близ, можешь ли не благоговеинствовать? А, помышляя о том, что Он есть Отец щедрот, можешь ли не молиться? В молитву и вводит нас теперь Апостол. *Но во всем молитвою и молением, со благодарением прошения ваша да сказуются Богу*. Господь близ; оставь свои заботы — и Ему сказывай, в чем имеешь нужду. Вот и условия успеха в молитве!

Первое — молись *во всем*, то есть во всяком случае, при всякой потребности, нужде, и внешней и внутренней, и духовной, и житейской. Не думай, — в одном сам успеть, а другое у Господа испросить. Это двоедушие, — неустроенность духа отличающее. Всё от Господа, и большое и малое. Во всем к Нему и прибегай; все и принимай как от руки Его, хоть бы и сам трудился. В этом существо преданности Богу, — в этом же и первое условие успеха в молитве.

Второе — молись *молитвою и молением*, то есть из глубины души, а не концом языка произноси молитвенное слово. О чем ни молишься, надо иметь чувство нужды в том и сознание, что только от Господа получить то можешь. Если все от Господа, то относительно всего и должно так себя настроивать. Молитва всегда и будет с чувством из глубины души. В основе здесь лежит вера и упование.

Третье — молись *со благодарением*. Святитель Василий Великий советует всякую молитву начинать благодарением. Возблагодари за полученное; потом проси нового. Святой Златоуст говорит: «Апостол желает, чтобы в молитвах не только просили, но и благодарили за то, что имеем. Ибо, как станет просить о будущем тот, кто не умеет благодарить за прошедшее? Так должно благодарить за все, даже и за то, что кажется прискорбным. Ибо это свойство истинно благородного (человека). Первого (благодарения за все, что имеем) требует самое существо вещей; а последнее (благодарение и за прискорбное) происходит от души благоустроенной и совершенно преданной Богу».

Четвертое — молись, *сказывая* сам свои *прошения*. Чувствуешь нужду, веруешь и уповаешь, что получить то можешь только от Господа, — скажи Ему это, как знаешь и как умеешь. Не требуются многие и красные слова. Говори как чувствуешь, говори своим словом. Говорение молитвы и доказывает веру твою в то, что Господь близ и внемлет. Да сказуются, γνωριζέσθω, — да доводится до сведения Божия. Давай Богу знать о своих нуждах.

Пятое — молись, — *пред Богом* сказывая прошения свои. Если сознаешь, что есть Бог, то, молясь пред Богом, не посмеешь произнести прошения о том, о чем знаешь, что оно Богу неугодно.

Молись о предметах, Бога достойных. «Такие молитвы приятны Богу, а другим Он не внемлет. Посему молитесь о том, что Ему угодно» (святой Златоуст). Или *пред Богом* означает: нерассеянною мыслию, благоговейно, — сознавая, что ты пред Богом и Богу в уши передаешь свои прошения.

Стих 7. *И мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе.*

Мир Божий — или мир с Богом, который Бог устроил с человеками, не пощадив Единородного Сына Своего, дабы примириться с нами, или мир Божеский, Божественный, тот, которым мирствует Бог в Себе и который ниспосылает Он в души искренно верующих и верно живущих по вере, как сказал и Спаситель: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). (То и другое святой Златоуст и другие наши.) Они — оба — одно и то же, или в одном сходятся. Мир в сердцах верующих созидается чрез посредство примирения с Богом в Господе Иисусе Христе. В лице Господа примирение совершено для всех и навсегда; но каждый усвояет его себе под особыми условиями. Когда исполнит он сии условия, мир Божий чрез Господа Иисуса Христа осеняет его и преисполняет все его внутреннее. Есть путь к сему миру, который надо пройти, чтобы вкусить его. — Как не всякий верующий проходит его или не

прошел еще весь, то не всякий и вкушает сей мир. Потому Апостол и желает, чтобы все вкусили его, чтоб он всех осенил, — чтобы все сподобились сего неизъяснимого блага, исполнив все для сего потребное.

Да соблюдет, φρουρήσει, — соблюдет, охранит, будет стражем. Это подает и ту мысль, что у Апостола здесь выражается не благожелание, а следствие предыдущего, как бы так: сделайте все прописанное, и мир Божий оградит вас и будет стражем вашим. — Если мир — следствие; то предыдущее все средство к нему. Что же? Когда вы, преодолев всякое самоугодие, вступите в крестный путь самоотвержения безжалостного, когда погасите в себе всякую раздражительность и облечетесь в кротость, когда, отбросив злую многозаботливость, предадите души свои и телеса, и всю участь свою временную и вечную предадите в руки Господу, близ вас и в вас сущему, и во всем, — и во всякое время, во всяком месте, во всяком случае, — будете к Богу возноситься в теплой, благоговейной и неразвлеченной молитве: тогда Божий мир осенит вас и будет блюсти сердца ваши и разумения ваши. Другими словами это так: изгони самоугодие, раздражительность и злую заботу, — и изгонишь все смущающее; предайся Господу и предстой Ему в молитве, — и будешь воспринимать все успокоивающее и умиротворяющее. — Следствие очевидно:

и мир Божий будет охранять тебя. Пока страсти не преодолены, пока душа не успокоилась в Боге; мира Божия не жди. По временам разве он будет заходить, — чтобы сладостию своею мануть тебя всё — вперед и вперед на добром пути твоем.

Мир Божий, пришедши, будет блюсти *сердца* и *разумения*. *Разумения*, νοήματα, — понятия, мысли, помышления. *Сердца* — чувства и расположения. В обычном нашем состоянии мысли толкутся, как порошинки инея, и сердце беспрерывно волнуется то под влиянием мыслей, то от требований самоугодия, раздражительности и заботы. Чем больше укрощаются сии враги наши, тем спокойнее становится сердце и тем меньше бурлят мысли. Когда совсем они прогнаны будут, тогда сердце совсем успокоивается и помыслы улегаются. — Но это не иначе бывает, как так, чтобы, от одного отставая, приставать к другому. Ни мысли без действия, ни сердце без чувств быть не могут. Отучая их от одного, в то же время надо приучать их к другому, противоположному. Сие приучение производит то отучение. — Чему именно приучать, — изъясняет Апостол в следующем стихе. Здесь скажем: ко всему Божескому. Божеское, и в непрестанном действии находясь, — пребывает в мире.

Мир сей — превосходит всякий ум, и, потому что неизъясним, нельзя его ввесть в обычные

понятия и изобразить его другому так, чтобы он понял. Его только вкушать можно; и вкушающий понимает его, но сравнить его ни с чем не может, чтоб изъяснить. И потому еще он превосходит всякий ум, что находит помимо ума; ум не умеет достигнуть его; он дается, а как и почему, это непостижимо.

Дается *о Христе Иисусе.* — Только истинные христиане иметь его могут. Путь к нему единственный — истинная христианская вера. Кто осуществляет ее в себе, с Господом Иисусом Христом во един дух бывает; а чрез Него едино с Божеством. Вкушение мира Божия есть то же, что вкушение богообщения. Когда Бог сообщается с духом человека, тогда и миром осеняется он. Бог есть Бог мира. — Общение же с Богом бывает только в Господе Иисусе Христе; путем, который содержит одна православная вера.

Стих 8. *Прочее же, братие моя, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель, и аще кая похвала, сия помышляйте.*

Прочее же — значит или: не стану более перечислять в подробности, каких правил вам должно держаться; вообще скажу вам, о чем помышляйте и вот что делайте! Или: впрочем, услышав о мире, не подумайте, что это значит — пребывать в бездействии. Нет, этот мир требует деятельности

усиленной, только в другом роде. Вот о чем помышляйте, и не помышляйте только, но и делайте то. Если будете так поступать, мир Божий не отступит от вас; ибо тогда неотступно будет с вами Бог мира.

Елика истинна. Истинно все, что Богу угодно было открыть нам. Изучайте сии истины и исполняйте ими ум свой так, чтобы он, как только станет умствовать, не иначе умствовал, как по сим истинам. Тогда если и говорить о чем станете, всё будете говорить сообразно с ними же. «Прошу вас украшать слова истиною» (блаженный Феодорит). — В деятельном отношении: все, что в мире, призрачно; манит, но не дает, следовательно, обманывает, ложь есть. Христианство и обещает истинное благо, и дает; оно истинно. Иначе это сказать: в грехе и страстях ложь и обман, а в христианской жизни и добродетели — истина. Так святой Златоуст: «совершенно истинное то же, что добродетель, а ложь то же, что порок; поелику и удовольствие порока ложь, и слава оного ложь, и все, что в мире, ложь есть».

Честна, праведна, пречиста — честность, справедливость, чистота сердца. Тут градация деятельности: честность и праведность обнимают внешнее поведение, чистота — внутренние расположения и намерения. «Честным означается внешнее, а пречистым душевное достоинство» (святой Златоуст). «Жизнь осиявайте честностию и

справедливостию» (блаженный Феодорит). Честность и справедливость хотя во внешнем поведении обнаруживаются; но в христианине они исходят из внутренних требований, а не по внешним уважениям наблюдаются. Поелику совесть у него очищается и просвещается заповедями и благодатию, то у него не дела только честны и справедливы, но честен и справедлив самый нрав. Эти качества не образованию и происхождению принадлежат, а христианскому роду. Христианин, как бы низко ни стоял в обществе по внешнему быту, всегда честен и справедлив: сии добродетели на челе его светятся; и ничем вы не собьете его, чтоб он поступил бесчестно и несправедливо, пока он истинно христианин.

Таков он в делах; но не инаков в намерениях и чувствах: ибо пред Богом ходит, то есть не отступает от Бога сознанием, почему не в делах только, но и внутренних движениях не допускает ничего Богу неугодного. «*Елика пречиста* — сказано в противоположность выражению: *иже земная мудрствуют*» (святой Златоуст). Этим внушает Апостол «делать то, что благоугодно Богу» (блаженный Феодорит). Главное здесь намерения и цели: ничего для себя, все для Бога; ничего пред людьми только, но все как пред очами Божиими. Ничего для себя, или в свое удовольствие, или для выгоды какой, или для славы и чести. Ничего пред людьми только, — не из

тщеславия и человекоугодия. В ком все так идет, в том качествуют самоотвержение и любовь к Богу и ближним: две существеннейшие стихии, из коих слагается чистота, или две основы, на которых она стоит.

Елика прелюбезна, елика доброхвальна – будто, что нравится людям и что у них заслуживает похвалу, следовательно, человекоугодие и тщеславие. Но как от Апостола нельзя ожидать снисхождения к таким побуждениям, то надо полагать, что можно помышлять и делать прелюбезное без человекоугодия и прехвальное – без тщеславия. Святой Апостол о себе говорил, что он нигде не позволял себе жить на чужой счет, а сам своими трудами себя содержал, – никак не допускал, чтоб сия слава его и похвала или сия доброхвальность была упразднена. Но чего ради он так делал? Чтоб не положить препятствия Евангелию, чтоб не хулилась проповедь. Подражает ему тот, кто делает прехвальное не для похвалы себе, а для того, чтобы никто не посмел похулить христианства, – да хвалится христианство, или род христианский, яко род Христов. Сколько силы и вместе самоотвержения в том, кто на все готов, да хвалится имя христианское! Такой один не живет, а живет в целом теле Церкви и, все имея от нее, ей всем жертвует. И в Господе он живет: ибо слава Церкви, Его слава, и слава рода христианского есть Христова слава.

Равно и: *елика прелюбезна* — ничего человекоугодливого не допускает: напротив, идет и наперекор другим и правду всем режет, но все это любезно принимается. Прелюбезность означает нежность христианской любви, по которой она, не делая никакого снисхождения порокам и страстям других, не отталкивает, однако ж, никого, умея под негорькою формою пройти до сердца их и положить там исправительные позывы. Она имеет в виду не себя, а истинное благо других и болезнует о них; но по глубокому сочувствию с ними не позволяет себе, образом действия своего на них, произвесть в сердце их что-либо болезненное, а так действует, как пластырь, который хотя и щиплет иногда немного, но в то же время дает ощущать и приятность целительности. Образец прелюбезности — действия матери, нежно любящей детей. — Тут указывается только та сторона прелюбезности, когда она действует на исправление других. В обыкновенном же порядке описать нельзя, как прелюбезно лицо, исполненное истинного духа христианского. Одно появление его водворяет сладкий мир и всех к нему привлекает. Определить правила для прелюбезности нельзя. Она сама собою исходит из духа и жизни о Христе Иисусе, как запах розы из цветка розового.

Аще кая добродетель, и аще кая похвала. Опять вообще сказать, — или, — и еще короче

сказать: только добродетельное и похвальное да будет предметом ваших помышлений, начинаний и трудов. Похвальное, как выше сказано, значит — не позволять себе ничего, чем может умаляться слава имени христианского. Добродетель означает всякое доброе дело и всякое доброе расположение, требуемое заповедями Божиими. Одно слово сие все обнимает: стань пред Господом в сердце и во славу Его, в угодность Ему, твори всякое добро, к которому тебя обязывают, как сознаешь, сочетания окружающих тебя случайностей, без всякого саможаления и себящадения. Этим определяются будто частности, но они исходят из одного всеобъемлющего духа ревности о безупречном богоугождении.

Сия помышляйте. «Видишь ли, что он хочет изгнать из душ наших всякое злое помышление? Ибо от злых помыслов происходят злые дела» (святой Златоуст). Благоустроение мыслей — важное дело в нравственной жизни. Ум наш быстродвижен и без дела быть не может; почему непрестанно плодит помыслы. Материал для того доставляют ему все части нашего естества и весь круг деятельности. Потому, каков весь человек, таковы и мысли его; и, наоборот, каковы мысли, таков и человек. Когда обращается человек от греха и страстей к добродетели и чистоте; тогда намерение его хотя и решительно, но не все в нем вдруг тому повинуется. То, чем прежде он

питал в себе страсти и грех, долго еще возбуждает в нем сочувствие к себе и вызывает желания. Хоть, положив не работать греху, он и не склоняется на то, но беспокойства, тревоги и опасений из-за того не может не иметь. И в этом-то помыслы первые его враги. Ибо от них все начинается. Предметы греха и страстей уже удалены, но воспоминание об них все толпится в сознании. Память с воображением целые истории составляют на соблазн; к ним подседает враг; и от этого устрояется целое полчище, противоборствующее добрым целям исправляющего и преуспеть ревнующего. — Первое, ему по сей причине, дело — разогнать это вражеское полчище, возобладать помыслами и сделать их не врагами, а споспешниками себе. Средство к тому — занимать ум добрыми помышлениями. Ибо как от худых мыслей рождаются худые желания, так от добрых добрые. И вот это-то советует теперь Апостол. Среди добрых помышлений будут составляться добрые начинания, за начинаниями последуют дела. И жизнь богоугодная будет преуспевать и совершенствоваться.

Но: *помышляйте*, λογίζεσθε, — может иметь и другое значение, именно: берите в счет, считайте ценным, достойным внимания и попечения. Святой Златоуст и такой дает сему слову смысл, говоря: «Апостол желает, чтобы непрестанно в сих пребывали, о сих старались, такие дела

загадывали». — Хотя и это значит тоже помышлять; но помышлять с тем, чтоб тотчас и творить; помышление тут обдумывание, как лучше сделать. Впрочем, то и другое значение недалеко одно от другого; и можно не напрягаться на то, чтобы строго различать их и проводить между ними черту разделения, или бы сказать, что это значение идет в настоящем месте, а то нейдет: оба идут; ибо оба сходятся в одном ревнителе добра.

Стих 9. *Имже и научистеся, и приясте, и слышасте, и видесте во мне, сия творите: и Бог мира будет с вами.*

Не так, что о том, что пред сим сказал, помышляйте, а на что теперь указывает, то творите. Но и там *помышляйте* и здесь *творите*, — все одно и то же, о чем там сказал. Здесь прибавляет только: этому-то я вас учил словом и делом, — это-то вы и приняли. Ну — и творите то: и Бог мира будет с вами.

Апостол всячески заботится облегчить их голову, чтоб не ломали ее, обдумывая, что же такое делать, — что такое истинное, честное, чистое, что всякая добродетель. Делайте так, как слышали от меня и как видели во мне. Я не новое что говорю, а то же, чему вы уже научились и что приняли; если слов моих не припомните, на дела смотрите, которые труднее забываются. «И словами сему вас учил я, и в делах это же вам

показывал» (блаженный Феодорит). «Вот прекрасное наставление! При всех увещаниях Апостол представляет в образец самого себя. Как и выше говорит: *яко имате образ нас* (ср.: 3, 17),— так говорит и здесь: *и слышасте, и видесте во мне*,— и из слов, и из действий, и образа жизни научились вы.— Поелику невозможно было подробно говорить о всем, потому кратко и вообще он сказал: *слышасте, и видесте во мне*,— то есть когда я бывал у вас; как бы так сказал: я руководствовал вас и словами, и делами. Так и делайте» (святой Златоуст).

И Бог мира будет с вами. Бог всюду есть; не не со всеми и не во всех есть; потому что не все с Ним бывают. Самоугодие и страсти отдаляют нас от Бога,— до того, что мы совсем забываем Его. Но коль скоро вместо самоугодия избираем богоугождение и вместо страстей — добродетели, тогда мы начинаем быть с Богом. А Бог давно уже с нами. Грехи только разлучали. Коль скоро устранены грехи, Он тут и есть. Чрез покаяние и обещание угождать Богу мы примиряемся с Ним. Он принимает нас, обращающихся к Нему, благоволительно покрывает нас Своею любовию и исполняет всякою силою. «Когда мы имеем мир с Богом, то тем паче Он пребудет с нами. Если Он щадил нас,— отдалявшихся от Него, то не гораздо ли паче покажет к нам любовь Свою, увидев нас обращающихся к Нему?» (святой Златоуст).

Д) АПОСТОЛ БЛАГОДАРНО ВОСПОМИНАЕТ О ПРИСЛАННОМ (4, 10—20)

В-пятых, наконец, святой Павел благодарно воспоминает о присланном пособии, указывая особенно на то, в каком духе оно принято (4, 10—20).

Прежде поминал уже он об этом, называя то служением потребе своей и делом Божиим (2, 25—30). Теперь снова возвращается к тому же предмету, подробнее изъясняя значение их даяния и своего приятия.

Глава 4, стих 10. *Возрадовахся же о Господе весьма, яко уже когда воспомянуте пещися о мне: понеже и печастеся, но непогодным временем обдержастеся.*

Приступая к беседе о сем месте, святой Златоуст говорит: «часто я говорил, что милостыня введена не для принимающих, а для подающих. Ибо сии-то последние и приобретают весьма великую пользу. Это самое и здесь показывает Павел. Каким образом? Филиппийцы, спустя много времени (после прежних посылок), послали ему (и в Рим) нечто, поручив то Епафродиту. Посему Апостол, намереваясь отправить его обратно с сим Посланием, смотри, как хвалит их и показывает, что присланное принесло пользу не ему, принявшему, а им — давшим. — Сие же делает для того, чтобы благодетельствующие не надмевались и были ревностны к благотворению, так как

чрез это они приносят более пользы себе самим, а принимающие благодеяния не без страха бы спешили принимать, чтобы не подвергнуться осуждению. Ибо сказано: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. 20, 35). Итак, что показывает он словами: *возрадовахся же о Господе вельми (весьма)*? Я возрадовался, говорит, не тому, чему радуются в мире и в настоящей жизни, но *о Господе*; не тому, что я успокоился, но тому, что вы преуспели: ибо в этом состоит мое спокойствие. Посему-то и сказал: *вельми*; ибо и не о покое своем радовался он, а об их преуспеянии».

Слова: *яко уже когда воспомянусте пещися о мне* — в нашем славянском переводе отзываются упреком; но в подлиннике этого не видно. *Воспомянусте* — там: ἀνεθάλετε, — что значит: опять распустились, опять дали побег, отпрыск. Святой Апостол добродетель или благотворительность филиппийцев представляет деревом, которое, после зимы, в весеннее время, под благоприятным веянием солнца и согретого воздуха, опять одевается листьями, дает отпрыски и новые побеги. Филиппийцы помогали ему; потом обстоятельства мешали им это делать. Как только открылась возможность, они снова послали ему пособие. Апостол и говорит им: рад я очень, что после зимы, неблагоприятных обстоятельств, вы опять дали отпрыск заботы о мне.

Понеже и нечастеся. Чтоб не показалось им, что он укоряет их в том, что был забыт, Апостол устраняет это, говоря: я не в том смысле говорю; ибо знаю, что хоть помогать мне не могли, но думать обо мне думали, ἐφρονεῖτε. Вы и помышляли о мне, не просто думали, но придумывали, как бы помочь; но: ἠκαιρεῖσϑε, — безвременствовали, что у нас переведено: *непогодным временем обдержастеся.* Безвременье можно понимать и как указание на оскудение средств: нечем было поделиться. Так святой Златоуст: «что значит — ἠκαιρεῖσϑε? Это зависело, говорит, не от вашего нерадения, но от необходимости. Вы не имели в руках, сами были небогаты. Вот что значит: безвременствовали, — безвременьем обдержались. Это заимствовано от общего обыкновения; ибо так говорит большая часть людей, когда житейские потребы текут к ним не обильно, а скудно». Но здесь прямее будет видеть указание на неудобство времени. Так блаженный Феодорит: «давно хотели вы позаботиться об услужении мне, но не имели удобного времени».

Стих 11. *Не яко по скудости глаголю: аз бо навыкох, в нихже есмь, доволен быти.*

Что *глаголю*? Изъявляю такую радость. Не потому так радуюсь, что недостатки меня сокрушали, а вы их устранили. К этому я уже привык, уже научился довольствоваться тем, что есть, что случится иметь. Не говорит, что скудости не

было, — но изъявляет, что она не тяготила его, что он не чувствовал ее, не была она для него горе сокрушающее. *Навыкох*, ἔμαθον, — научился опытами жизни и разумным пониманием течения ее, в преданности Богу, устрояющему пути наши. *В нихже есмь*, — в каких ни бываю обстоятельствах, скудно ли у меня все или всего вдоволь, все то принимаю как от руки Господа и всем тем доволен бываю. Все — слава Богу.

Стих 12. *Вем и смиритися, вем и избыточествовати: во всем и во всех навыкох, и насыщатися и алкати, и избыточествовати и лишатися.*

Смиритися — сказал вместо: *лишатися*. Ибо нужда смиряет. — «Я умею, говорит, и малым пользоваться, сносить голод и бедность и избыточествовать. — Он не веселился и не радовался о своем избытке, но был одинаков и в скудости, и в изобилии, — и первою не стеснялся, и последним не надмевался. *И насыщатися вем и алкати*. Многие не умеют быть в сытости, как израильтяне, потому что они *ядоша... и отвергошася* (ср.: Втор. 32, 15). Но я, говорит Апостол, всегда в том же расположении духа. Сим показывает, что он и теперь не веселился, и прежде не печалился. *Во всем*, говорит, *и во всех навыкох*, — то есть в течение столь долгого времени я испытал все и во всем усовершился» (святой Златоуст). — Это значит: он совсем забыл о телесной жизни, и никакая забота о ней не вспадала ему

на сердце. Об одном заботился он — о деле проповеди, об успехе Евангелия: все другое — будь не будь, все равно. — Благодатное настроение духа! Посему и прибавляет Апостол:

Стих 13. *Вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе.*

«Это, говорит, не мое совершенство, но Давшего крепость» (святой Златоуст). Благодать Божия делала то, что я и не евши не голодал; и ничего не имея был, как богач. Моисей, и 40 дней пробывши без пищи, не изнемогал. Не тот же ли и Апостолов Господь, который был и Моисеев?! Где сила Божия, там исчезают немощи. Мучеников огонь часто не жег, и вода не топила, и строгание не уязвляло. Велико ли содержать всегда утоленным голод Апостола, чтоб давать ему свободу все попечение обращать на Евангелие? Немощи естества и у них те же были, как и у нас, но сила духа не та.

Стих 14. *Обаче добре сотвористе, сприобщившеся печали моей.*

Могло показаться, судя по предыдущим словам, что святой Павел не дорожит, пренебрегает пособием. Нет, говорит, я говорил так не в этом смысле, а хотел только утешить вас, чтоб вы не горевали, воображая, будто все время, как вам не удавалось помогать мне, я был подавлен горем. Нет, — я благодушествовал, будучи укрепляем Господом моим. — Вот, что я хотел высказать

вам. А то, что вы прислали теперь пособие, хорошо сделали, потому что чрез это приобщились вы печали моей. *Как приемлющий пророка во имя пророка мзду пророчу приимет* (ср.: Мф. 10, 41): так и они, имея в намерении облегчить печаль Апостола, хотя ее не было, получат мзду облегчивших печаль. Апостол имеет дело с душою их, с тем, что было у них на сердце. Они полагали, что Апостол печалится, и послали помощь. Это печалование дает цену их пособию. Апостол говорит как бы: вы получите мзду такую же, какая следует мне за терпение нужды по поводу проповеди Евангелия (см.: святой Златоуст). Дело ваше для вас очень полезно и спасительно.

Стих 15. ***Весте же и вы, Филипписиане, яко в начале благовествования, егда изыдох от Македонии, ни едина ми церковь общевася в слово даяния и приятия, точию вы едини.***

«О, какая похвала! Ибо и коринфяне, и римляне затрагиваются тем, что слышат теперь от Апостола. Филиппийцы, тогда как ни одна Церковь не начиналась (в Европе, в самом начале благовествования здесь Евангелия), показали столько усердия к сему святому, что, не имея вовсе примера, сами первые начали такое плодоношение. И нельзя сказать, будто они так делали потому, что Павел (долго) пребывал у них,

или потому, что получили от него какое-нибудь благодеяние» (святой Златоуст).

Они делали это по особой доброте своей, потому что видели, что Апостол в нужде. Потому и готовы были всем делиться с ним, чем Бог послал.

Выражение: *общевася в слово даяния и приятия* – взято из торговых оборотов или сделок. Там торговец и покупатель оба взаимно дают и принимают. Один дает товар и получает деньги, а другой дает деньги и получает товар. Это есть общение между ними в торговле в смысле даяния и приятия. Апостол прилагает это к себе с филиппийцами и говорит, что они с самого начала вступили с ним в общение в смысле торга, *в слово даяния и приятия*, выражая тем, что они не давали только, но и принимали. Подавали телесное, а получали духовное, как бы между ними происходил торг, в коем посредством телесного покупалось духовное, посредством земного небесное. «Видишь ли, как они имели общение? Подаянием телесного, а приятием духовного. Ибо как продающие и покупающие взаимно сообщаются, друг от друга получая и друг другу отдавая, – вот общение: так точно и здесь. И нет ничего полезнее сей купли и сего торга; он производится на земле, а прекращается на небе. Купующие находятся на земле, а покупают и заключают условия о небесном, полагая цену земную. – Впрочем,

ты не осуждай меня: не за деньги продаются блага небесные: не деньгами покупают их, а произволением раздающего деньги, любомудрием, возвышением над вещами житейскими, человеколюбием и милостынею. Ибо если бы на сребро покупались оные блага, то жена, положившая две лепты, не много получила бы: но поелику не серебро, а произволение имело силу, то она, показавши всю готовность, получила все» (святой Златоуст).

Стих 16. *Яко и в Солунь и единою и дващи в требование мое посласте ми.*

Объясняет, что точно в самом начале благовествования — там, в их странах, — они вступили с Апостолом в общение даяния и приятия. Ибо от них перешел он к солунянам, и, лишь перешел, они послали ему на нужды, — а потом и в другой раз послали. Они видели, что у него ничего нет и он пошел от них ни с чем. Их сердоболие не стерпело, чтобы оставить его в таком беспомощном положении: ибо не знали еще, примут ли его солуняне, как они. — И послали. — В этом великая похвала их добросердечию. — *В требование мое*, εἰς τὴν χρείαν, — на нужды. Не Апостол требовал, а они сами, предполагая его в нужде, послали. *Мое* — нет в подлиннике. Святой апостол Павел и здесь выдерживает прежде сказанное, что он и в нужде не чувствовал нужды, а имел себя довольным. Почему и не говорит: на

мои нужды; а что они сами, представляя его нуждающимся, поспешили избавить его от сей тяготы (см.: святой Златоуст).

Стих 17. *Не яко ищу даяния, но ищу плода, множащагося в слово ваше.*

Я это говорю не потому, чтоб искал от обращенных мною подач себе и чтобы восхищался, когда они дают что: но потому, что этим означается их плодоношение. Из этого видно, что семя слова моего пало на добрую землю, возросло уже в дерево и стало приносить плоды. Такого плода, говорит, я ищу и радуюсь, когда вижу его; но он не для меня, а для вас. Любя вас, радуюсь, что вы доброплодны. «Видишь ли, что плод произрастает для них? Не для себя, говорит, я сказываю это, но для вас, для вашего спасения. Ибо, принимая от вас, я ничего не приобретаю: благодать принадлежит дающим; ибо дающим сохраняется там награда, а принимающим расточается здесь даемое. Этим Апостол выражает свое участие в их внутреннем состоянии» (святой Златоуст).

Стих 18. *Приях же вся, и избыточествую: исполнихся, приемь от Епафродита посланная от вас, воню благоухания, жертву приятну, благоугодну Богови.*

Приях же вся — не как удостоверение, что Епафродит ничего не утаил, но выражает, что он принял то с открытым, радостным сердцем. Это затем сказал, чтобы, услышав: *не ищу даяния,* —

они не подумали, что навязываются к нему с даянием и тяготят его. Потому же говорит: *исполнихся, избыточествую*. И в этих словах всё их же он имеет в виду. «Вы не только восполнили то, что было опущено в прошедшее время, но еще сделали больше» (святой Златоуст). Слава Богу! Всего теперь вдоволь. Но радует это меня не потому, что мне отраду доставляет, а потому, что посланное вами есть жертва, Богу угодная, и принята Им, как воня благоухания. Какие тонкие переливы чувств Апостольских? Как он учит на все смотреть, как оно есть пред Богом, и вместе всякое дело к Нему относить?! «Ах, как он превознес дар их! Не я, говорит, приял, не я, но чрез меня Бог. Посему, хотя я не терплю нужды, впрочем, вы на это не смотрите; поелику и Бог не имел нужды, однако же принял, так что Божественное Писание не отреклось сказать: *обоня Бог воню благоухания* (ср.: Быт. 8, 21), – это значит, что Ему приятно было. – Не запах и не дым были приятны, но произволение приносившего» (святой Златоуст). То же и здесь выражает Апостол. Бог видит вашу душу, ваше доброе расположение и готовность подать, и благоволительно принимает то, как благовонную Ему жертву. – Таково и всякое благотворение, когда оно делается с настоящим расположением сердца, не из тщеславия, а по Богу.

Стих 19. *Бог же мой да исполнит всякое требование ваше по богатству Своему в славе, о Христе Иисусе.*

Бог мой, — Которому служу, к Которому отношу все, что бывает со мною, от Которого всегда получаю просимое. Бог, меня содержащий в деснице Своей, сей *Бог мой да исполнит всякое требование ваше.* Требование, χρεία, — нужды, житейская потребность. «Поелику прежде он сказал: *непогодным временем обдержастеся* (были в безвременье — сами в скудости); то здесь присовокупляет то же, что и в Послании к Коринфянам, говоря: *даяй семя сеющему, и хлеб в снедь да подаст, и умножит семя ваше* (ср.: 2 Кор. 9, 10). Ибо молится о них, дабы они были в изобилии и имели, что сеять. И молится не просто о том, чтоб они имели изобилие, но *по богатству* Божию. И это сделал он применительно к их состоянию. Ибо если бы они были подобны Павлу, столько же любомудры и столько же распяты миру, то он не сделал бы сего. Но так как они были ремесленные, бедные, имели жен, воспитывали детей, управляли домами, и из малого давали ему, и притом имели еще некоторую привязанность и к вещам настоящим; посему он молится так, снисходя к их состоянию. Ибо нет ничего неуместного молиться о том, чтобы люди, так пользовавшиеся достоянием своим, имели довольство и обилие. Итак, смотри же, о чем он

молится; не сказал, — Бог да соделает вас богатыми и пребогатыми, но что? *Да исполнит всякое требование ваше*, — так, чтобы вам не быть в нужде, но иметь все потребное. Ибо просить об этом заповедал и Христос в данной от Него молитве, научая нас говорить: *хлеб наш насущный даждь нам днесь* (Мф. 6, 11)» (святой Златоуст).

По богатству Своему — означает: или богато, обильно, так, чтобы у вас было всего вдоволь и вы все жили в довольстве, как было в Церкви Иерусалимской, где не было ни одного нищего (см.: Деян. 4, 34). Или, «по щедродательности, поколику, то есть, для Него все удобно и возможно сделать, и притом в скором времени» (то и другое святого Златоуста). — *В славе* — или славно, то есть богатно или в славу имени Своего, потому что слава имени Его требовала, чтобы Он ущедрил довольством таких, каковы они, умеющие в славу имени Его обращать достояние свое, или *в славу*, чтобы вы, обогатившись щедротами Его, еще более прославили Его делами своими, по слову Господа: *тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрыя дела ваша и прославят Отца вашего, Иже есть на Небесех* (ср.: Мф. 5, 16).

О Христе Иисусе — ради Иисуса Христа, ради того, что они верили Христу Господу, к Нему прилепились и в заповедях Его ходят. Ибо у

упорных неверов и благотворения ничего не стоят пред Богом.

Из всего этого вот какой урок выводит святой Златоуст: «если Павел молится о дающих, то тем более мы, принимая (благодеяния), не должны стыдиться поступать таким образом. Мы не должны принимать, как будто сами имеем нужду, должны и радоваться не о себе, но о дающих. Таким образом нам будет награда и тогда, когда принимаем, если мы радуемся о них. Равным образом не будем негодовать, когда и не дают, но лучше будем скорбеть о них. Таким образом сделаем и их усерднее, вразумив, что мы делаем это не для себя (то есть принимаем, если скорбим не получив)».

Стих 20. *Богу же и Отцу нашему слава во веки веков. Аминь.*

Это заключение не предыдущей только мысли, но и всего Послания. – *Богу же* нашему, – не великому только, и неисследованному, и неприступному, но и *Отцу нашему* благоприступному, к нам приблизившемуся в Сыне Своем воплощенном и нас к Себе приблизившему в том же Сыне, в качестве благодатных сынов, Духом Святым порождаемых, таковому Богу и Отцу *слава* за все и от всех, *во веки веков*, не теперь только, но и во всю вечность. *Аминь* – да будет так, да сознают все щедроты Его и да славят Его устами и сердцем и в этой жизни, и за гробом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(4, 21—23)

Заканчивает святой Павел Послание свое приветствиями в общих чертах (4, 21—22) и обычным своим подписанием (4, 23).

Глава 4, стих 21. *Целуйте всякаго свята о Христе Иисусе. Целуют вы сущая со мною братия.*

Целуйте — приветствуйте, мой поклон, мои благожелания передайте. *Всякаго свята* — всякого верующего, освященного в водах крещальных, давшего обет жить свято и ради того благодать Святаго Духа получившего, чтобы мочь исполнить добросовестно сей обет, во всю жизнь свою не допуская не только дел, но и слов и мыслей, неугодных Богу и святости Его и нашей противных.

О Христе Иисусе. Никому и нельзя быть святу иначе, как во Христе Иисусе. Ради веры в Него отпущение грехов подается; чрез крещение в смерть Его новая жизнь зарождается; и благодать Святаго Духа Им подается, и вся жизнь, за тем святая, есть плод Его в нас действования, когда предаемся Ему всецело, ничего от себя самих, без Его содействия и вседействия, не ожидая и на себя ни в чем не полагаясь.

Общее выражает им благожелание; но «немаловажно и это; ибо и таким образом приветствовать их есть знак великой любви» (святой Златоуст).

Целуют вы сущая со мною братия. Кто такие, не именует, вероятно потому, что они не были известны филиппийцам. Из прежнего отзыва видно, что известнейших спутников при нем не было, кроме святого Тимофея; какие же были из вновь обращенных, те еще далеко не совершенны в деле самоотвержения. Это, однако ж, не мешало быть им братиями всех христиан, и братиями искренними, расположенными ко всем христианам и готовыми быть с ними в общении. Освоившись с Епафродитом, они освоились и с соотечественниками его. Потому могли нелестно желать засвидетельствовать свои благожелания филиппийцам: что святой Апостол и делает. Ибо не от себя пишет, как бы только для формы, а по их желанию и прошению.

Стих 22. ***Целуют вы святии вси, паче же иже от кесарева дому.***

Там сказал привет от тех, которые при нем всегда находились, а здесь посылает привет от всех верующих, по всему городу. Тогда общение верующих было самое искреннее. Сходясь к святому Павлу на молитву, для святого причащения: ибо оно всегда было первым делом, и все старались причащаться каждый день, если была возможность, — и для слушания поучений от Апостола Господня, они познакомились все с Епафродитом, а чрез него также и со всеми филиппийцами, и изъявили Апостолу желание, чтобы он

приветствовал их от их лица, когда услышали, что Епафродит возвращается. И не только все верующие привет им посылали, но и те, которые были из дома кесарева. И эти последние еще *паче*. Почему паче? Потому что, верно, больше других полюбили филиппийцев за их доброхотство святому Павлу, или потому, что больше, чем другие, слышали от Апостола похвал филиппийцам, или еще почему. Видно, они настойчивее выразили свое желание приветствовать филиппийцев и теплейшее изъявили к ним свое благорасположение. Апостол и прибавил: *паче*. Кто были от кесарева дома? Может быть, кто из родных кесаревых, может быть, кто из живущих только в его доме. Но видно, они были таковы, что о них стоило помянуть особо.

Святой Златоуст говорит на это: «ободрил и одушевил филиппийцев Апостол, показав, что учение дошло и до царского дома. Ибо если находившиеся в царском дворце всё презрели для небесного, то гораздо более надлежало сие сделать им. И то было доказательством любви Павловой, что он повествует и говорит о них многое и важное, чем и в царедворцах возбудил желание приветствовать тех, которых они никогда не видали. Поелику и верующие тогда были в угнетении, то между ними была великая любовь. Каким образом? Так, что находившиеся в отдалении друг от друга были взаимно соединены; и

бывшие в отдаленности, как близко жившие, приветствовали друг друга; каждый был расположен к другим, как к членам своим. Бедный был расположен к богатому, так же как и богатый к бедному; и никакого не было преимущества, потому что все равно были ненавидимы и гонимы, и за то же. Ибо как вышедшие из различных городов какие-либо пленники, собравшись в один город, тесно между собою сдружаются, потому что общее бедствие соединяет их: так точно и верующие в то время, когда их соединяли общие бедствия и скорби, имели великую друг к другу любовь».

Стих 23. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.*

«В конце Апостол присовокупил обычное благословение. Да улучим оное и мы предстательством написавшего сие и содействием Владыки Христа.

С Ним слава Отцу со Святым Духом, ныне и всегда и во веки веков» (блаженный Феодорит).

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЛКОВАНИЕ ПОСЛАНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА К ФИЛИППИЙЦАМ

Святитель Феофан Затворник

ТОЛКОВАНИЯ ПОСЛАНИЙ АПОСТОЛА ПАВЛА К КОЛОССЯНАМ И ФИЛИППИЙЦАМ

Редактор *Михаил Тимохин*
Художник *Димитрий Епифанов*
Компьютерная графика художественного редактора
Натальи Тихомировой
Компьютерная верстка технического редактора
Марины Терентьевой
Корректоры *Татьяна Савинская,*
Михаил Тимохин, Лина Егорова
Набор *Ирины Музыченко*

Подписано в печать 14.12.04. Офсетная печать.
Шрифт Петербург. Формат 70×100 1/32.
Объем 19 печ. л. Тираж 4500 экз. Заказ 2708

Саввино-Сторожевский монастырь
143096, Московская обл., г. Звенигород

ИД 00161 от 22.09.99. Издательство «Правило веры»
109309, Москва, ул. Артюхиной, 8/10, стр. 1

Об оптовой продаже и доставке книг
обращаться по телефонам: 113-94-63, 451-31-94

ГУП Московская типография №2 Федерального Агентства
по печати и массовым коммуникациям
Тел.: 282-24-91.
129085, Москва, пр. Мира, 105

ISBN 5-94759-029-8